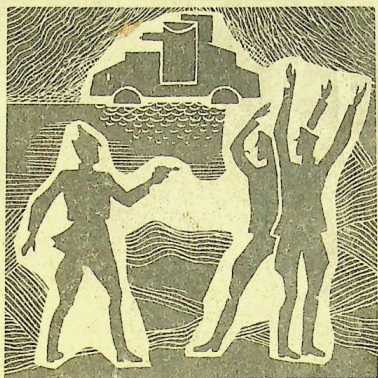

P2
B-22

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ
ГЕРОИКА

ВИХРЬ *А. Вахов*
НА РАССВЕТЕ

Книга
по:

Коли

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ

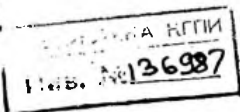
ГЕРОИКА

А. Вахов

ВИХРЬ НА РАССВЕТЕ

роман

Хабаровское книжное
издательство
1969

АНАТОЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ВАХОВ

Анатолий Алексеевич Вахов, известный дальневосточный писатель, родился в 1918 году в г. Владивостоке. Работая журналистом, много ездил по стране, накапливая впечатления и материал для будущих книг. В годы Великой Отечественной войны, находился в блокированном Ленинграде в качестве корреспондента «Комсомольской правды».

В 1944 году в Ленинграде вышла его первая книга «Девять бесстрашных» — очерки о героях-партизанах.

В качестве корреспондента побывал в Финляндии, Польше, Корее, Маньчжурии, на Кубе. Плавал рядовым матросом на судах — рыболовных и дальнего плавания.

А. Вахов — автор повестей для юношества «Двое в тайге», «Пленники моря», сборников рассказов и повестей «Сокровища Дерсу Узала», «Маяк продолжает гореть», «Хоаким — гроза акул», трилогии «Китобой», в которую входят романы «Трагедия капитана Лигова», «Шторм не утихает», «Фонтаны на горизонте».

Особое место в творчестве писателя занимает тема гражданской войны на Дальнем Востоке. Ей посвящена трилогия о Чукотском ревкоме и борьбе за Советскую власть: романы «Пламя над тундрой», «Пурга в ночи», «Утренний бриз». Роман «Адъютант» — это повествование о бесстрашном комсомольце Михаиле Попове, адъютанте вождя дальневосточных партизан Сергея Лазо.

Человек огромной внутренней энергии, А. Вахов был полон новых творческих замыслов. В 1964 году он заканчивает работу над рукописью третьей книги о становлении власти Советов на Чукотке — романом «Утренний бриз» и сразу же берется за новое художественное полотно — «Вихрь на рассвете». Вторая часть этой книги, «Тучи закрывают солнце», является продолжением романа «Адъютант».

Преждевременная смерть талантливого писателя А. А. Вахова оборвала его творческую работу.

Вторая часть романа «Вихрь на рассвете» автором полностью не закончена.

АДЪЮТАНТ

*книга
первая*

ВСТРЕЧА В ХАБАРОВСКЕ

— Последние новости! Последние новости! — горланя во всю силу мальчишеских легких, ворвались утром на перрон хабаровского вокзала газетчики.

— Воззвание генерала Грэвса... Воззвание генерала Грэвса!.. Читайте «Приамурскую жизнь»!

— «Эхо»! Покупайте «Эхо»!

— Адмирал Колчак подходит к Казани. Читайте американскую газету «Дейли ньюс»!.. «Дейли ньюс»!..

Люди, толпившиеся на перроне в ожидании иркутского пассажирского поезда, окружили газетчиков. Шелестели бумажные листы в руках.

Добротно одетые мужчины громко обсуждали последние новости:

— Давно бы американцам следовало взять железную дорогу в свои руки!

— Ею будут управлять союзные державы!

— У семи нянек дитя без глаз...

— Ну, не скажите! Теперь уж большевики к железной дороге не посмеют сунуться!

— Держу пари, господа: нынешний, девятнадцатый год будет годом полной победы над большевиками!..

Апрельское серое утро было холодным. Еще по-зимнему дышал освободившийся ото льда Амур. Поезд запаздывал, но это никого не удивляло. За годы войны люди успели привыкнуть к плохой работе транспорта.

Чуть в стороне от шумной толпы стояла чернобровая девушка, одетая в легкое коричневое пальто с отделкой из беличьего меха. Маленькая шапочка едва прикрывала густые пышные волосы, переходившие в тяжелую длинную косу. Купив газету, девушка стала читать воззвание генерала Грэвса.

«Согласно соглашению между союзными державами,

охрана железнодорожных участков Верхнеудинск — Байкал, Спасск — Уссури, Владивосток — Никольск, Угольная — Сучанские копи (за исключением станций Спасск и Никольск) поручены войскам Соединенных Штатов Америки».

— Поручены! — с возмущением прошептала она и торопливо оглянулась.

Толпа разноголоса гудела. Ветер бил в лицо. Над станцией висело серое небо. Девушка опять углубилась в газету, но тут же ее внимание отвлек гудок паровоза. Шумно выбрасывая крутые клубы дыма, к перрону медленно подходил состав зеленых потрепанных вагонов. Звякнули буфера, поезд остановился. Толпа ринулась к вагонам.

Мимо девушки проходили люди, ее толкали, а она все стояла на месте, казалось безучастная ко всему. Взор ее был прикован к станционному колоколу. Каждый раз, когда кто-нибудь подходил к нему, она насто-раживалась. Но возле колокола долго никто не задерживался. Вдруг из шумной толпы выбрался юноша в студенческой тужурке и фуражке с темно-зеленым околышем. Он твердым шагом прошелся по перрону и, остановившись у самого колокола, поставил небольшой баул, закурил и закашлялся. На его больших, чуть продолговатых карих глазах в иссиня-черных ресницах появились слезы. Он с такой злостью посмотрел на папироску, что девушка не удержалась от улыбки. Она уже не сомневалась, что это был тот самый человек, которого она дожидалась, и направилась к нему.

Порыв ветра разорвал тучи. Брызнуло солнце. Колокол засиял огнем. Юноша отвернулся и увидел девушку.

— Дядя вас не смог встретить, — сказала она.

— Плохо со здоровьем?

— Нет, здоровье у него хорошее. Очень занят.

Юноша швырнул папироску в урну и, подхватив баул, зашагал рядом с девушкой.

— Второй день мерзну на перроне, — сказала она.

— За Читой сутки простояли. Как вас зовут?

— Оля.

— А меня Михаилом. Миша Попов.

Они вышли на людную привокзальную площадь. Проносились извозчишки пролетки, громыхали телеги,

сердито рывками военные грузовые автомобили. Перейдя площадь, они свернули в переулок. Оля незаметно вручила спутнику документы и сказала:

— Теперь вы Михаил Соколов, учащийся Владивостокского коммерческого училища, член Христианского союза молодых людей; были в Хабаровске по поручению Союза, сейчас возвращаетесь во Владивосток со своей сестрой. Сестра — это я. Запомните.

— Рад иметь такую сестру...

Она прервала его:

— Не будем терять времени. Билеты куплены. Поезд уходит через полчаса. Мне надо получить в камере хранения корзинку.

Они повернули в сторону вокзала. Миша осторожно придержал ее за руку:

— Вы не видели Сергея Георгиевича?.. Как он?..

— Никого я не видела и не знаю, — сухо сказала она. — О делах ни слова...

На перроне стало меньше людей. Разыскивая свой вагон, Оля и Миша увидели, как японские солдаты провели плохо одетых рабочих и красногвардейцев. Лица — в кровоподтеках. Арестант с черной бородой хромотал, его поддерживали товарищи. Старичок в пальто с енотовым воротником, размахивая тростью, крикнул тонким хриплым голосом:

— Красных повели! Чего их возить на поездах? За вокзал — и к стенке!

— Да! Да! Конечно, — подхватила дама с маленькой собачкой на руках.

На собачке был стеганый жилет.

Лицо Миши потемнело. Хромающий арестант чем-то напомнил ему отца. Худой, в серой грубой одежде каторжанина, с черной бородой и усами на неестественно белом, почти прозрачном лице и большими глазами — вот каким запомнился отец на всю жизнь. Миша тогда был мал и очень пугался, когда на ногах отца злое ще гремели кандалы. Потом отца не стало. Как его хоронили — Миша не помнил. Не помнил он и своей матери. Его воспитывали политические каторжане — вольнокомандцы Кутомарской тюрьмы. Они научили Мишу любить свободу, любить жизнь. Эта любовь и привела семнадцатилетнего юношу в ряды забайкальских подпольщиков-революционеров...

Оля заметила перемену в Мише:

— Пошли в вагон.

— Что? — с трудом оторвался от своих дум Миша.

— Пойдем, говорю, зайдем места.

В их купе оказался один пассажир, толстяк в серой тройке, с круглым оплывшим лицом и совершенно лысой головой. На его коротких пальцах было множество колец и перстней. При виде Миши и Ольги он замигал маленькими бесцветными глазками и невнятно забормотал, точно хрюкнул:

— Прошу... милости... попутчики-с...

Поезд неожиданно тронулся. На перроне заматались люди. Ольга улыбнулась:

— Вовремя сели.

Миша снял тужурку и оказался в синей косоворотке с белыми пуговками. Под тонким сатином обрисовывались сильные плечи, широкая грудь. Ольга поймала себя на том, что с любопытством смотрит на своего попутчика. «Хороша сестренка», — усмехнулась она и сняла пальто. Коричневое платье с белым воротником плотно обтягивало ее стройную фигуру.

Вокзал давно остался позади. Поезд, набирая скорость, мчался к Владивостоку. Ольга достала из корзинки спицы, моток зеленой шерсти и принялась вязать. Миша краем глаза следил, как она ловко и быстро перебирала пальцами спицы. Следил за вязаньем и толстяк. Он сидел, сложив руки на коленях.

Грохот с силой отодвинувшейся двери заставил всех вздрогнуть и обернуться. На пороге стоял молодой колчаковский подпоручик. Он звонко и быстро проговорил:

— Здравствуйте, господа! Я тоже в это купе. Надеюсь, вместе до Владивостока?

Толстяк неразборчиво хрюкнул. Ольга приветливо ответила:

— Да, мы до Владивостока. Проходите!

— Я очень рад, — офицер явно был доволен, что в купе оказалась попутчица. Повесив на крючок шашку и шинель, швырнув на верхнюю сетку фуражку, он поправил перед зеркалом рыжеватые волосы и представился: — Сергей Анатольевич Емельянов. Прошу любить и жаловать.

На подпоручике была новенькая форма. Погоны и пуговицы блестели, упруго скрипели ремни... Емельянов

был одних лет с Ольгой и Мишей, но держался бывалым человеком.

— Сколько ни приходилось мне кочевать, а такого безобразия еще не встречал. Не успел денщик привезти на вокзал чемодан, а поезд тронулся. Пришлось на ходу прыгать... Вот и еду, как прогоревший артист...

— Налегке удобнее, — откликнулась Ольга, не прерывая вязанья.

— Даже мыла нет.

— Придется мне позаботиться о вас, — весело сказала она.

Емельянов щелкнул каблуками и потянулся к руке Ольги:

— Благодарствую.

Она шутливо пригрозила:

— Будете мешать, пожалуюсь брату. Он у меня строгий.

Офицер повернулся к Мише:

— Такую сестру и я, очевидно, охранял бы как зеницу ока, особенно в наше беспокойное время. Но ничего, господа, — подпоручик закатил синеватые глаза под лоб. — Бог услышал наши молитвы. Наступают решающие дни.

— Что вы имеете в виду? — Попову не нравился этот болтливый подпоручик.

— Как?! — воскликнул офицер. — Вы не слышали, что союзники взяли под свой контроль наш железнодорожный транспорт? Особенно радует, что наконец-то начинают по-настоящему действовать американцы. С их помощью мы скоро освободим Россию от большевизма. Эх, и кутнем же, господа! Как это поют в кафешантанах:

Я на бочке сижу,
А под бочкой мышка,
Скоро белые придут,
Красным будет крышка.

Емельянов достал из кармана портсигар. На серебряной крышке была накладка из золота в виде головы лошади и подковы, усыпанной сверкающими камнями.

— Красивая лошадка, — сказала Ольга.

Толстяк, хрюкнув, вытянул палец с двумя кольцами и, осторожно коснувшись портсигара, спросил:

— Сколько стоит?

— Э-э, — покачал головой Емельянов. — Не продается. Семейная ценность, так сказать. Пойдемте, выкурим по папироске, — предложил он Попову.

Ольга сказала:

— Что хорошего в табаке?

— Что вы! Табак прочищает мозги — так говорит мой дядя. А толк в табаке он знает, — засмеялся Емельянов.

— Ну что ж, идите, отравляйте легкие.

В коридоре было малоллюдно. Миша прикурил от зажигалки подпоручика. Ему очень не хотелось предстать перед этим лощеным хлыстом в смешном виде. А Емельянов, стоя на широко расставленных ногах и заложив одну руку в карман, безостановочно говорил:

— Значит, вы владивостокские. Мне повезло. Расскажите об этом городе. Я в нем еще не бывал. Говорят, что это маленький Марсель или Сан-Франциско.

Миша только кивал. Что мог он рассказать о городе, в который едет впервые?

— О городе вам лучше расскажет моя сестра. Она влюблена во Владивосток. А для меня он — город, как и все города.

— Не говорите. Я в Иркутске служил... Скажу вам, это такая грязная дыра!..

Мише еще не приходилось вот так встречаться с вражеским офицером. «Как бы ты, говорун, выглядел в бою? — подумал он. — Наверное, и клинок-то в руках не умеешь держать, хлюпик».

— В Иркутске я окончил офицерскую школу. Повогны получил, — Емельянов дотронулся до своего плеча пальцами. — Потом фронт, бои. Между прочим, участвовал в поимке Лазо. Не слыхали о таком? Офицер русской армии, перешел к большевикам...

«Вот так здорово, — подумал Миша. — Какое было бы у тебя лицо, если бы ты узнал, что разговариваешь с адъютантом Лазо».

— Когда это было? — как можно спокойнее спросил Миша.

— Осенью прошлого года. Мы выбили красных из Верхнеудинска, с ходу взяли Читу, но большевики успели отступить. Лазо, очевидно, не знал об этом и при-

ехал в железнодорожные мастерские. Наш отряд пошел в облаву, но мы опоздали...

Миша смотрел в окно и вспоминал...

Маленькая станция где-то между Верхнеудинском и Читой. Бронепоезд. Отряд Лазо прикрывает отступающие части Красной Армии. Вечер. Лазо идет вдоль бронепоезда. Он, Миша, рядом. Прохладно. Сергей Георгиевич обнимает его за плечи. «Тяжело отступать, Попов?» — «Тяжело», — отвечает Миша. «Вот в такие моменты и проверяется крепость человека, его вера в дело, за которое он обнажил оружие. Борьба, Миша, без временных поражений и отступлений невозможна, но победа, наша победа, неизбежна. Она будет, она придет». Лазо говорит горячо, увлеченно и с той глубокой верой, которая всегда волновала его слушателей, передавалась им. «Постой, командующий, — раздается гнусавый полупьяный голос. — Нам хочется потолковать с тобой малость». Лазо и Миша в тесном кольце вооруженных людей. Запах винного перегара. Что-то в этих людях Мише не нравится. «Слушаю, товарищ», — спокойно отвечает Лазо. «Ну какой ты нам товарищ, — голос с издевкой. — Ты за броней в вагоне раскатываешь, а мы пехтурой шлепаем, шпалы считаем». Людской гул. Еще теснее кольцо. Миша хотел рассмотреть лицо говорившего. По голосу чувствовалось, что трезвый. Но человек прятался за толпой. Лазо спокоен. «Все на бронепоезде не поместится, — говорит он. — К тому же бронепоезд выполняет взрывные операции. Для бойцов мы подаем поезд и вывозим всех, не оставляем никого». Все тот же голос: «Нам твоего поезда не требуется. Ты распорядись золотишка нам подкинуть, и мы с тобой подобра распрощаемся, в тайгу-степь подадимся!» — «Верно! — шумят пьяные голоса. — Уйдем своей дорожкой, хватит нами командовать. Пообносились мы...» Миша видит крикуна. Сутулый, худощавый человек с густо заросшим лицом. На глаза низко надвинута фуражка. Маскируется, старается, чтобы не запомнили его лицо. «Поделись с нами, не обеднеешь». — «Чем поделиться?» — спрашивает Лазо. «Да золотишком, что поднакопил, пока мы с винтовкой в обнимку валялись в окопе да пузом землю елозили. Золотишком поделись». — «Вы провокатор, — гневно произнес Лазо. — Сейчас же прекратите эти разговоры и разойдитесь!» — Ох, какой стро-

гий, — в руках человека в фуражке появляется револьвер. — Посылай своего адъютанта за золотом или мы тебя...» — Он выразительно показывает на револьвер. Сообщники снимают с плеч винтовки. «Я прикажу вас арестовать! — говорит Лазо. — Пошли, Попов!» Пьяная толпа расступается, подавленная спокойствием и уверенностью Лазо. Миша идет за командующим. Угрожающий окрик: «Стой! Или...» Кладут винтовочные затворы. Лазо у подножки бронированного вагона: «Охрана, арестовать анархистов!» — «Ах ты!» — главарь поднимает револьвер. Миша закрывает собой Лазо. Выстрел. Земля уходит из-под ног Миши. Падая, он слышит отрывистые выстрелы...

Тяжело раненного Мишу перевезли в глухую деревушку. Так Попов расстался с Лазо. Выздоровел Миша нескоро. Только через полгода, через подпольные связи, он получил разрешение выехать к Лазо...

— Больше не буду рассказывать вам о буднях службы. Война есть война. Но это мое призвание, — по-своему истолковал Емельянов задумчивость Миши. — А у вас какое призвание? Не думаете ли в ряды нашей армии вступить?

— У меня?.. У меня другое призвание, — неопределенно ответил Миша.

— Мальчики, приглашаю к столу! — звонко сказала из купе Ольга. — Не знаю, как вы, а я очень проголодалась!

— Придется мне стать вашим нахлебником, — сказал Емельянов, — но обед в лучшем ресторане Владивостока за мной. Обед и ужин!

— Ловлю на слове! — весело согласилась Ольга. Только где мы вас во Владивостоке встретим?

— Честно говоря, — сказал Емельянов, присаживаясь к столику, — адреса у меня еще нет. Еду я к дяде — генералу Смирнову.

— Генерал Смирнов? — воскликнула Ольга и с какой-то особенной заинтересованностью посмотрела на подпоручика. — О, как же, слышала. Он...

— Он сейчас умирят партизан на каком-то Су... Су... — Емельянов наморщил лоб, стараясь вспомнить название.

Ольга подсказала:

— На Сучане!

— Совершенно верно, — подтвердил Емельянов. — Что это такое?

— Река, долина, угольные копи, — передавая офицеру вилку, объяснила Ольга. По ее лицу прошла тень грусти, и она вздохнула. — Красивые места. Знайки утверждают, что виды там не уступают швейцарским.

— А вы бывали на этом Сучане?

— Папа служил на коях, — ответила Ольга.

— Мой дядя сделает все, чтобы вы вернулись туда, — галантно сказал Емельянов, смеясь. — А что касается вас, — он взглянул на Мишу, — я знаю, какое у вас призвание. Вы будете горным инженером!

— Возможно, — коротко ответил Миша.

Ольга поспешила переменить разговор:

— Расскажите, Сергей Анатольевич, что-нибудь интересное, но только не о войне.

— Понимаю, — наклонил голову офицер. — Недавно я прочитал лорда Байрона. Пикантно пишет.

Миша, обгладывавший куриную косточку, отложил ее и неожиданно начал декламировать:

Я возглашаю: камни научу я
Громить тиранов! Пусть не говорит
Никто, что льстил я тронам. Вам кричу я,
Потомки! Мир в оковах рабской тьмы,
Таким, как был он, показали мы!

В голосе Миши звучала страсть. Глаза горели. Даже толстяк, сидевший все в той же позе, пожевал губами и что-то проговорил своим жирным голосом, а Емельянов зааплодировал:

— Bravo! Bravo! Хотя я и не помню этих строчек, но чувствую, что это лорд Байрон. Это его голос.

— Да, Байрон, — сказал Миша и снова занялся едой.

— А у тебя хорошо получается. Прочти еще что-нибудь, — попросила Ольга.

— Теперь очередь Сергея Анатольевича.

— Нет, нет. Я уступаю вам пальму первенства.

— Без боя? — насмешливо спросила Ольга.

— Увы, так.

После завтрака Миша и Емельянов снова вышли в коридор.

— Ну и в дурацкое положение вы поставили меня, Мишель. Я из Байрона знаю лишь пикантные строчки. Подпоручик прищелкнул пальцами:

Красавица моя
В крови своей почувствовала пламя,
Хотела убежать... хотела встать...
Но не могла ни слова прошептать...

Емельянов замолк, собрав лоб в морщины.

— Убей бог, не помню дальше. Мишель, как восприняла бы ваша сестра эти строки?

— Она строгая, — сказал Миша.

— Строгая, — улыбнулся Емельянов. — Я надеюсь, мы встретимся еще во Владивостоке?

— Конечно, — успокоил его Миша.

Они вернулись в купе. Миша забрался на верхнюю полку и сразу же крепко заснул.

На станции Уссури, куда поезд пришел поздно ночью, пассажиров разбудил властный голос:

— Предъявите документы!

Емельянов открыл дверь купе. У порога стояли колчаковский, японский и американский офицеры. Первым протянул свои документы толстяк. Полистав их, офицер строго посмотрел на владельца множества колец, пошлепал документами по ладони, о чем-то думая, потом сказал:

— Зачем направляетесь во Владивосток?

— Видите ли, господин офицер... — начал толстяк, с трудом произнося каждое слово.

— Выходите в коридор!

— За-за-чем? — Толстяк весь затрясся и стал трогать свои узлы, свертки.

— Без вещей!

Толстяк выполз из купе.

Офицер быстро взглянул на удостоверение Емельянова, вернул бумаги и дружески посоветовал:

— Останавливайтесь в «Золотом Роге». Отличный ресторан!

— Благодарю. — Емельянов обернулся к Ольге. — Вот мой адрес.

Офицер в дверях понимающе улыбнулся и, небрежно взглянув на документы, возвратил их девушке. Более внимательно рассматривал он документы Попова.

— Это брат нашей прекрасной попутчицы, — объяснил Емельянов.

— Зачем ездили в Хабаровск?

Миша не успел ответить. Американский офицер, увидев членский билет Христианского союза молодых людей, воскликнул:

— О-о! Май янг фрэнд! Ду ю спик инглиш?¹

— Иес, ай ду², — ответил Миша.

Колчаковец вернул документы и перешел к соседнему купе. Наконец американец, пожав руку Мише, тоже исчез. Ольга с изумлением смотрела на Попова. Для нее было неожиданностью, что он говорит по-английски. Емельянов с нотками зависти сказал:

— Хорошо знать язык друзей. Что вам говорил американец?

— Рад был познакомиться с единомышленником. Он, оказывается, тоже член этого Союза, — в голосе Миши, как показалось Ольге, звучала насмешка. — И он уверен, что наша дружба, наш союз помогут нам быстрее навести порядок в России...

В купе вернулся толстяк. Он несколько раз заглянул в бумажник. Молодежь с улыбкой переглянулась. Все поняли, что бумажник толстяка несколько поотшал.

До Владивостока Миша и Ольга доехали благополучно. Документы проверяли несколько раз. Присутствие подпоручика освобождало от множества вопросов. Ольга и Миша вышли из вагона на Первой Речке³. Когда поезд двинулся, подпоручик крикнул из тамбура:

— Завтра в семь вечера у «Золотого Рога». Завтра в семь вечера...

Ольга помахала ему рукой. Миша, поднимаясь с ней по лестнице на виадук, сказал:

— Долго же ему придется нас ждать!

— Почему? — не поняла Ольга. — Мы будем аккуратны.

— Вы в самом деле хотите встретиться с этим хлюстом? — удивился Попов.

— Ага! — Ольга весело смотрела на Попова. — И думаю, что дядя Саня только одобрит это свидание.

¹ О, мой юный друг! Ты говоришь по-английски?

² Да.

³ Железнодорожный район Владивостока.

→ Какой дядя Саня?

— Потом узнаете.

Они миновали виадук и вышли на горбатую, уходящую вверх улицу, по которой медленно полз маленьким красным жучком трамвай.

Город встретил Мишу и Ольгу ласковой теплотой тихого вечера.

Мише казалось, что он попал в новый мир. Внизу, за железнодорожными линиями, лежал потемневший Амурский залив с островком, похожим на каравай ржаного хлеба. Миша впервые увидел море и, как зачарованный, смотрел на водную гладь, по которой под парусами скользили шаланды. С залива тянуло прохладным, пахнущим йодом и солью воздухом. Юноша жадно вдыхал его, и ему казалось, что он пьет какой-то удивительный напиток, от которого прибавляются силы.

По улице текла шумная пестрая толпа. Торопливо пробегали китайцы, неся на длинных бамбуковых коромыслах плоские широкие корзины. Медленно шли усталые железнодорожники в замасленных тужурках. Прямо на тротуаре в белых шароварах и куртках сидели на корточках корейцы, покуривая длинные черные трубки с маленькими медными чашечками и белыми — из перламутра — мундштуками. По-хозяйски важно и надменно шагали японцы. Тарахтя по булыжникам, катились телеги. Их тянули низкорослые лошадки, в длинные гривы которых были вплетены красные шнурочки. Китайцы-возчики шелкали черными кнутами с красными кисточками в кнутовище. Вдоль улицы выстроились многочисленные лавки и магазины с русскими, японскими, американскими, китайскими и корейскими вывесками. На двух вывесках виднелись даже буквы греческого алфавита.

— Пошли быстрее, — поторопила Ольга. — Еще успеете насмотреться на наш «вавилон».

Они свернули на боковую улицу. Ольга несколько раз незаметно оглянулась. Нет, «хвоста» за ними не было. По Северному проспекту они дошли до магазина «Мануфактура и галантерея. Борзов и К°». Магазин стоял на углу. Они завернули за угол и очутились перед зеленой калиткой в глухом заборе. Ольга толкнула калитку и вошла во двор. Миша последовал за ней. Навстречу им, гремя цепью, бросился лохматый пес.

ЯШКА БАЙБОРОДОВ — СУЧАНСКИЙ ШАХТЕР

Яшка Байбородов, рослый парень в лихо заломленной на курчавившихся русых волосах старой солдатской фуражке с большой, неровно вырезанной из красного сукна звездой, пришитой над бледно-зеленоватым козырьком, оставив ногу в драном сапоге, вприщурку смотрел на съезжившегося под его взглядом Фильку Маслакова. Томительно тянулось время. Филька, коренастый, на голову ниже Яшки, переминался с ноги на ногу, тяжело вздыхал. Круглое его лицо с маленькими бегаящими глазками полыхало краской. В руке Фильки были зажаты шпористые лапы рыжего петуха. Птица висела вниз головой, закрыв глаза и не шевелясь. Филька облизывал пересохшие от волнения губы.

— Чего облизываешься, как нашкодивший кот? — неторопливо, без злости, даже с ленцой произнес Яшка и, подбоченясь, усмехнулся: — Курятину на губах чужь?

— Да я не.. — Филька помялся и с отчаянием закончил: — Не уважаю курятину.

— Выходит, кочета прихватил поиграться с ним?

Они стояли за огородами на задах села Унаши. Яшка, командир конной партизанской разведки, случайно натолкнулся на своего бойца, воровато кравшего с огорода в лесок. Наступал вечер. Бирюзовые сумерки ползли из тайги на село. Густела синева высокого, в легких облаках неба. Было тепло. Ранняя весна обновляла Сучанскую долину. Уже проклевывалась редкая зеленая щетинка травы. Освобождаясь от цепких объятий мерзлоты земля дышала волнующим ароматом. Из села доносились голоса людей, мычание коров, изредка лошадиное ржанье. В воздухе пахло горьковатым дымком топившихся печей. Филька тяжело вздохнул и с ненавистью покосился на петуха.

— Ты на кочета не косись, не он тебя за лапы жмет, — сказал Яшка, яростно сдвинув фуражку на брови. — Хоть ты батрачил у Юдина, а душа-то у тебя куркуля. Все до себя. Ты пролетарий, а что творишь? Красный партизан, борец за мировую революцию и сво-

буду трудового люда, а у крестьянина-бедняка кочета спер.

— Не... — покачал головой Филька, и в его голосе послышалась надежда на милость командира. — Не у бедняка. Кочет из поповского огорода на меня толкнулся. Ну, я...

— От те и штука, — сплюнул Яшка. — Красный партизан поповской курятины отведать захотел. Позор всему отряду.

— А ну его к черту! — Филька вознамерился отбросить петуха, но его остановил Яшка.

— Цыц! Стой с вещественным доказательством. — Он положил широкую ладонь на эфес клинка в потертых черных ножнах, постучал крепкими пальцами по медной, до блеска надраенной ручке. — Что же мне с тобой делать, паскуда? Доложить товарищу Глазурину? Он тебя зараз к стенке. За мародерство. Сколько было говорено — у трудового крестьянина самовольно крошки не трогать!

— Так кочет поповский, — напомнил Филька.

— Мародерство налицо, — отрезал Яшка. Он не любил, когда его перебивали. — Что мне с тобой сделать?

Яшка осмотрел бойца с головы, на которой сидела зимняя с залоснившимися проплешинами шапка из енога, до ног, обутых в ичиги. На Фильке — ватный полушубок, низко перетянутый ремнем. Несмотря на свою неуклюжесть, Филька был ловким разведчиком, и Яшка по-своему любил этого деревенского паренька без роду, без племени. А если говорить о Фильке, сколько он себя помнил, всегда у кого-нибудь батрачил. Последние три года гнул горб у богатея-баптиста Юдина. Так бы и еще безропотно работал Филька, если бы Юдин несправедливо не обвинил его в воровстве жениного колечка. Филька ушел от Юдина и пристал к партизанскому отряду сучанских шахтеров. Так он стал бойцом в команде Яшки Байбородова.

Некоторое время оба молчали. У Фильки испуг прошел. Он вопросительно смотрел на командира, чувствуя, что тот уже не сердится и даже как будто готов простить его. Из деревни донесся крик:

— Байбо-ро-о-до-о-ов! Яшка! Гла-зу-у-ри-ин зовет!

— Вас кличут, — сказал Филька, и в его маленьких темных глазах мелькнуло облегчение.

Яшка свирепо сдвинул брови, но от этого его грубоватое лицо не стало для Фильки страшнее. Он уже знал, что гроза миновала, и с нетерпением ждал, когда командир уйдет. А из деревни все неслошь:

— Бай-бо-р-о-о-о-дов! Я-а-а-шка-а-а!

— Да иду же! — с досадой буркнул Яшка и приказал Фильке, смотря в сторону: — Ты, значит, этого кочета уж все едино не пускай. Сверни ему башку, чтобы ненароком голос не подал, и с Кен Дя в лесочке сварганьте супец. Кен Дя мастак стряпать. И тихо, чтоб комар носу...

— Ага, — осклабилсЯ Филька, и, прежде чем Бай-бородов успел отойти несколько шагов, рыжий кочет лишился жизни.

Яшка, перепрыгнув поскотину, прямо через огороды направился к центру деревни. «И зачем я понадобился командиру. Может, о кочете пронюхал? — Яшка замедлил шаг, но тут же успокоил себя: — Филька глухо все обтыпал. Это я его ненароком застукал».

Байбородов вышел на звавший его голос и наткнулся на знакомого партизана.

— Чего горланишь, как кочет всполохнутый?

— Разыщешь тебя, черта. Жила, кажись, лопнула. Глазурин тебя требует.

Яшка подтянул ремень и по оживленной многолюдной улице направился к центру села, где стояла школа. Перед вечером сюда съехались командиры отрядов, созданные партизанским Временным военно-революционным штабом. Совещание, видно, закончилось. Из дверей выходили командиры и, прощаясь, расходились. Некоторые вскакивали на лошадей, застоявшихся у коновязи; звонко раздавалось в вечернем воздухе лошадиное фыркание, топот копыт. На завалинке сидел Глазурин и жадно тянул самокрутку.

Глазурин, командир небольшого отряда сучанских шахтеров, был невысоким, даже шуплым на вид человеком, но Яша знал, что эта внешность обманчива. Иван Федорович Глазурин, с которым Яша почти год работал в одном забое, считался человеком сильным и упрямым. Никто из сучанских шахтеров не мог нарубить столько угля, сколько он. Но не только за это

уважали сучанцы Ивана Федоровича. Был он ко всем справедливым, и шли к нему за советом, за решением споров.

Может быть, поэтому шахтеры сразу же выбрали Глазурина в Сучанский Совет, а когда в 1918 году, после восстания белочехов, власть перешла к колчаковцам, Глазурин вместе со многими товарищами ушел в тайгу. Ушел с ним и Яшка Байбородов. На копиях осталась семья Глазурина. Враги сбросили его жену и маленьких дочек в ствол старой шахты. Когда весть об этом дошла до Глазурина, он сразу же поседел, и Яшка в первый и последний раз увидел на его глазах слезы. Глазурин со своим отрядом одним из первых выступил против колчаковцев, поднимая на борьбу местное население.

Генерал Хорват, временный уполномоченный омского правителя адмирала Колчака, бросил против восставших карательные отряды генералов Волкова и Смирнова. Пошли они по селам, сжигая хаты, вешая и расстреливая всех, кто попадался на глаза. Уводили скот и грабили все, что оказывалось под рукой. В ожесточенных схватках партизаны выбивали карателей из сел, в братских могилах хоронили погибших товарищей и снова шли в бой.

Бежал во Владивосток генерал Волков. Притихли в Сучанской долине японские отряды. Они вместе с американцами отсиживались на Сучанской железнодорожной ветке, которая была объявлена интервентами «нейтральной». Отряд генерала Смирнова сдавал партизанам одно село за другим. К апрелю 1919 года вся Сучанская долина была освобождена партизанами от белогвардейцев. Генерал Смирнов обосновался в селе Владимиро-Александровском, создал укрепления, поставил вокруг села проволочные заграждения. «Не село, а еж железный», — говорили партизаны. А в этом «еже» сидело больше тысячи колчаковцев. Генерал ожидал, что партизаны пойдут в лобовую на штурм заграждений и будут уничтожены, но ошибся. Вот уже пошла вторая неделя, как партизаны, обложив село, тревожат колчаковцев днем и ночью внезапными вылазками на разных участках.

Упорство, с которым отсиживался генерал, стало тревожить Временный военно-революционный штаб. На что

рассчитывает Смирнов? Какие у него планы? Или он надеется на интервентов? Надо было разделаться с генералом Смирновым. Этому и было посвящено очередное совещание командиров партизанских отрядов.

«Может, решили в атаку подняться на «ежа», — подумал Яшка, подходя к своему командиру.

Глазурин с силой швырнул окурок под ноги. Разлетелись по земле рубиновые искры. Глазурин придавил окурок каблуком, поднялся. Одет он был в ватное черное полупальто. На поясе в поцарапанной деревянной кобуре висел маузер.

— Вот какое дело, дружок милый, — обратился Глазурин к Яшке. — Понюхать надо, чего там, в «еже», творится. Ты, Яша, дружок милый, ночью нынешней юркну в село, к Силину, а на обратном ходу, ежели доведется, прихвати беляка. Я с ним потолкую.

— Это можно, — самоуверенно произнес Яшка, словно задание командира было для него самым обычным.

— Только поаккуратней, без шуму, — предупредил Глазурин. — Ежели что с тобой случится, я... — Он не договорил и, вытянув из кармана кисет, начал вертеть цигарку. Потом передал кисет Яшке. — Так поаккуратнее, дружок милый. Решай — сам пойдешь или с дружками. Да не забудь в колчаковскую форму обрядиться...

Расстался с командиром Яшка уже в темноте. Свернув в переулочек, он, придерживая саблю, бегом направился в лесок; на опушке негромко прокуковал. Совсем рядом откликнулась другая кукушка. Яшка скоро нашел друзей. Над костром висел объемистый котелок. Возле него хлопотали Филька и кореец Кен Дя.

— Хорошо, черти, заховались, — похвалил Яшка. — С деревни огня не заметно. Ну, давайте поминки по поповскому кочету справим.

Кен Дя снял котелок и сдвинул деревянную крышку. Густой аромат вареной курятины ударил в нос. Филька не удержался и причмокнул:

— Вот это да-а! Как на пасху...

— Гнать тебя из партизан, — беззлобно сказал Байбородов. — Пакостник ты и в бога веруешь. Какой ты есть красный боец? Да пока мы мировую революцию будем делать, ты всех кур передушишь.

— Кушать надо, — Кен Дя подал Яшке ломоть хлеба и луковицу.

Тут же на земле стояла баночка с солью. Яшка вытянул из-за голенища ложку и зачерпнул бульон. Был он густой и паваристый, с картофелем, пшеном и приправами. Кен Дя хорошо стряпал. Сделав первый глоток, Яшка особенно остро почувствовал, как он голоден. Весна выдалась трудной, скупой. Колчаковцы поотбирали у присучанских крестьян запасы продовольствия, и партизанам частенько приходилось недоедать.

Товарищи ели молча. Когда суп был вычерпан, Кен Дя разрезал мясо на три равные доли и роздал товарищам.

В ожидании чая Яшка закурил и миролюбиво сказал:

— Есть у меня дума о тебе, Филька! Вот раздобавем в порошок беляков, вышибем интервентов и поставим свою власть. Тогда назначим тебя хозяином над всеми курами, и чтобы ты им не башки отвинчивал, а холил, растил, чтоб каждому трудовому человеку на обед курица была!

— Сколько тогда кур надо! — у Фильки расширились глаза. — Курица каждый день!

Он покрутил головой, стараясь представить себе картину будущего. Яшка сплюнул в костер:

— Рабочему человеку курицы мало. Ему еще надо... — Он замолк, не находя слов. О многом хотелось сказать Байбородову. Раздумья осаждали его, но высказать он их не мог. Яшка яростно затанулся, злясь на себя за беспомощность, и гневно произнес: — Рабочему человеку жизнь нужна человечья, а не скотская. Видел ты, как шахтер живет? Гниет в землянке, а захотел выйти из нее на солнце, так на него и колчаковцы и японцы...

— Японца плохо, — покачал головой Кен Дя. — Ой, плохо...

— И японцы и беляки — один хрен, — сказал Яшка. — Вот почему, брат ты мой, мы и партизанам, чтобы самим себе хозяевами быть, чтобы вот к ужину Филька не таскал поповских кочетов, а они положены ему были, и тебе и мне. Ну, давай чай, видишь, бурлит в котле.

Чай пили долго. В котомке Кен Дя оказалась коро-

бочка сахарину. Еда и чай разморили партизан, и они начали дремать. Яшка поежился: становилось прохладно.

— Айда в село! Еще застудитесь.

По дороге Яшка сообщил о поручении Глазурина. Филька разочарованно присвистнул:

— Прощай, ночка...

— Тебе бы курятину жрать и на печке бока жарить, — обозлился Яшка.

Кен Дя деловито осведомился:

— Сейчас ходи?

Яшка обнял Кен Дя за плечи:

— На тебя положиться можно, дружок милый. Можно. — Яшка незаметно для себя перенял от Глазурина его любимые слова и даже произносил их таким же тоном.

Филька обидчиво спросил:

— А я что — под монастырь тебя подводил?

Байбородов оставил без внимания слова Фильки и сказал:

— Седлайте коней!

Через несколько минут трое разведчиков мчались в темноте по проселочной дороге к Владимиро-Александровскому. В ночной тишине мягко стучали копыта о подмерзшую землю.

— Стой! — раздался в темноте окрик, и клацнул затвор винтовки. — Стой! Кто такие?

— Свои, — натягивая повод, отозвался Яшка.

— Свои, свои, — проворчал невидимый страж. — Тута не шибко чужих пирогами потчуют. Пароль давай!

— Совет, — сказал Яшка.

— Так сразу и говори. — Около коня Яшки выросла фигура с винтовкой и произнесла ответный пароль: — Звезда! Курево имеется?

Яшка достал кисет и отсыпал в протянутую ладонь табак. Партизан силился в темноте рассмотреть лица разведчиков. За его спиной чувствовалось присутствие молчаливых настороженных людей, готовых по первой тревоге открыть огонь.

— Благодарствую за табачок, Яшка, — партизан узнал Байбородова. — Куда путь держишь?

— В гости к теще, — засмеялся Яшка и пустил своего Белоухого вскачь.

— Тише, дурья голова! — крикнул ему вслед партизан. — Свои же подстрелят, за беляка признают.

Яшка благоразумно последовал совету. Верста за верстой они приближались к железному «ежу». Чаше становились заставы, секреты, и скоро в темноте зазолотились огоньки Владимиро-Александровского.

— Дальше ходу нет! До беляков саженой полсотни. Разведчики спешили в редкой рощице. Перед ними лежала равнина. В сумраке безлунной ночи было трудно рассмотреть заросли кустарника, овраги, бугры. Слева равнина переходила в сопки, поднимавшиеся к небу черной громадой. Из деревни доносился лай собак.

Разведчики всматривались в темноту. Яшке казалось, что стоит ему сделать шаг, — и в его грудь вонзятся острые колючки заграждений и штыки солдат.

— Тьфу! — Яшка тряхнул головой, прогоняя наваждение. Он отстегнул шашку и повесил ее на луку седла. То же самое проделали и его товарищи. Убедившись, что у них ничто не будет звенеть при движении, Яшка скомандовал негромко: — Пошли!..

— Ни пуха вам ни пера, — прошептали им партизаны заставы.

Яшка снова сплюнул и, крепче надвинув фуражку, крадущимся шагом на пружинящих ногах двинулся вперед. За ним последовали Кен Дя и Филька, у которого неожиданно прошла вся сонливость. Байбородов уверенно вел товарищей. Ему уже не раз приходилось бывать во Владимиро-Александровском до прихода туда Смирнова и дважды — уже при колчаковцах. Яшка вел товарищей по знакомой ему тропке. Разведчики двигались осторожно, прислушиваясь к каждому шороху. Где-то справа послышались два мужских голоса. Вспыхнул огонек и тут же погас. Раздался сухой кашель, какой бывает у курильщиков после первой затяжки, и потянуло табачным дымком. Яшка смело свернул влево, зная, что люди, занятые сигарками, менее внимательны. Колчаковцы остались позади, справа. Яшка, двигаясь впереди, едва не напоролся лицом на колючую проволоку. Это препятствие оказалось неожиданным. Неделю назад тут его не было. «Крепко, черти, заpiraют», — подумал он и погрозил: — В чужой хате недолго

будете хозяйевать. Выкурим». Разведчики поползли вдоль заграждения и чуть не свалились в окоп. Комья глины с шумом посыпались вниз. В испуге припали к земле. Из окопа послышался сонный голос:

— Кто тут?

— Чего шумишь? — недовольно откликнулся другой.

— Сыплется что-то сверху, — объяснил первый и заворочался. — Али мышь пробегла? А може Козулин с Федькой вернулись?

— Их к утру жди, — зевнул собеседник. — Самогон глушат.

Яшка заглянул в окоп и увидел двух колчаковцев. Винтовки прислонены к стенке окопа. Рядом — пулемет. Он стоял в специальном гнезде, отрытом на краю окопа. Белели в темноте цинковые ящики с патронами. «Богато живут», — определил с завистью Яшка и решил, что все это будет его. Один из колчаковцев стал подниматься. «Увидит — поднимет крик», — Яшка подал Кен Дя условный сигнал. Кореец сразу же оказался рядом, и они разом навалились на колчаковцев. Кен Дя ударил одного из них ножом. Тот охнул и, рванувшись, тут же обмяк. Яшка ударом револьвера оглушил второго солдата.

Вокруг было тихо. Только сверху шептал Филька:

— Кокнули, а?

— Заткнись! — шикнул на него Яшка.

Солдат все еще был без сознания. «Как только очнется — может заорать с перепугу», — подумал Яшка, но возвращаться назад он не мог. Много ли Глазурин узнает от рядового колчаковца? Яшка решил идти в село.

— Забирайте беляка и айда назад. Ждите меня у коней.

— А ты? — Филька уставился на командира.

— Я в село смотаюсь.

— И я с тобой... — начал Филька.

Байбородов оборвал его:

— Цыц! Делай, что говорю.

Колчаковец мотнул головой и тихо застонал. Партизаны забили ему в рот кляп и, надежно связав, подождали, пока он окончательно придет в себя. Колчаковец широко раскрытыми от ужаса глазами смотрел на разведчиков. Яшка сказал ему на ухо:

— Не будешь шуметь — жив останешься. Партизаны пленных не убивают. Не будешь шуметь? — Колчаковец торопливо закивал и что-то промычал. Яшка вытащил из пулемета замок, бесшумно вынул из винтовки затворы и передал их Фильке: — Чтобы ненароком они вам вслед не затыкали.

До села Яшка добрался незаметно, благополучно минуя все заставы и линии обороны колчаковцев. Сучанский паренек, сам того не подозревая, обладал искусством разведчика, но все, что он делал, казалось ему обычным. Правда, Яшка немного гордился, что у него всегда удаются разведки, но эта гордость не портит его. Уж очень ненавидел Яшка белых и интервентов.

Яшка оказался на окраине села. По улице бродили люди, в некоторых избах горел свет. Байбородов, прижавшись за плетнем огорода, присмотрелся, потом осторожно пробрался к старенькой хатке, стоявшей в глубине двора. Окна были темные. На пустынном дворе лежала телега без колес. Несколько минут он стоял неподвижно, прислушиваясь, но, кроме сонного протяжного вздоха коровы в хлеву, ничто не потревожило его слуха. Яшка подошел к окну и тихо заскулил по-собачьи. Это был условный сигнал, которым он вызывал Силина. Спит ли учитель? Слышит ли его? Яшка опять поскулил и остался доволен: у него получилось очень жалобно и почти натурально. Теперь надо было выждать несколько минут. Звяканье крючка и скрип двери заставили Яшку еще теснее прижаться к стене и сжать в руке наган. Он не видел крыльца, стоял за углом.

— Какого тут кабыздоха носит? — услышал Яшка знакомый притворно-сонный голос. Байбородов, не удержавшись, с озорством коротко твякнул. Силин тотчас же отозвался:

— Ну, я тебе!

Из-за угла показалась высокая фигура Силина.

Алексей Яковлевич Силин был учителем на Сучане, учил детей шахтеров грамоте, а когда на копиях установилась Советская власть, организовал вечернюю школу для взрослых. Стал учиться и Яшка Байбородов. Но на эти уроки его влекло не столько желание стать грамотным, сколько возможность видеться и даже перекинуться

ся несколькими словами с дочерью учителя Ольгой, которая помогала отцу, вела занятия и читала вслух книги. Последнее Яшка очень любил. Тут не требовалось ломаты в висках вспоминать буквы, цифры, не над было стараться, чтобы карандаш послушно скользил по бумаге. Можно было просто сидеть и смотреть на смуглое лицо девушки, любоваться ее черными глазами под такими же черными бровями и мечтать о том, как он с этой статной девушкой пройдет по Сучану, рассказывая ей что-то удивительно интересное. Что именно — Яшка не успел придумать, как и не успел ни разу пройтись с Ольгой. На рудники пришли белые и интервенты. Яшка Байбородов с Глазуриным и многими другими ушел в партизаны, а учитель был выслан беляками во Владимиро-Александровское, хотя жена его, больная туберкулезом, жила с его отцом в селе Майхэ. Перейти к ним Силин не успел: Владимиро-Александровское занял Смирнов, и Алексею Яковлевичу пришлось остаться здесь, преподавать в школе. И вот все это неожиданно пригодилось. Алексей Яковлевич стал партизанским оком в селе. К нему Яшка уже приходил и от него узнал, что Ольги тоже нет на Сучане. Уехала куда-то, а куда — неизвестно: Силин сослался на неведение. Однако Яшка подозревал, что Силин знает, где его дочь. Уж слишком он спокойно произнес «куда-то»...

Силин подошел к Яшке вплотную, прошептал:

— Сейчас же уходи. Пятеро солдат в хате. Спят, но могут и следом показаться, — он оглянулся на крыльцо. Яшка увидел острый профиль учителя с маленькой совиной бородкой и падавшим на лоб клоком волос. Алексей Яковлевич снова зашептал: — Я какую ночь не сплю, все тебе стерегу. Глазурина скажи, что Смирнов одмоги ждет из Владивостока. Морем. Из Сучана вчуже нарочный прискакал.

— Через нас проскочил! — воскликнул Яшка в ости.

— Тише, — Силин положил руку на губы Яшки и юпливо сунул ему записку, которую достал из-за уха. — Тут все сказано. Уходи.

Он повернулся и, ругая бездомную собаку, ушел в дом, хлопнув дверью.

Яшка отправился в обратный путь. Добравшись до

знакового окопа, он обнаружил спящего Фильку. Рас- толкал:

— Ты чего тут? Где Кен Дя?

— Тебя поджидаю. Думал, может, подмога какая тебе потребуется, — поежился Филька. — А Кен Дя с беляком у коней.

Забрав оружие, они покинули окоп. Груз был изряд- ный, и партизаны, ползком пробираясь к своим, основа- тельно вспотели. Перед самой рощей Филька, подняв- шись, оступился и свалился на землю, загромыхав ящи- ком с патронами. Беляки открыли беспорядочный огонь. Началась перестрелка. Под ее шум Яшка и Филька до- брались до рощицы и, оставив партизанам трофейное оружие, вернулись в Унаши.

Приближался рассвет. Небо на востоке бледнело. Передав Глазурину колчаковца — пожилого солдата с лицом, обросшим рыжеватой щетиной, и записку Сили- на, разведчики отправились отдыхать. Но спать им при- шлось недолго. Глазурин скоро поднял их. Кен Дя и Филька принялись чистить лошадей, а Яшка, потягива- ясь, громко зевая и с хрустом распрямляя плечи, по- шел к Глазурину.

— Твой пленный, — сказал Глазурин, — из своих, шахтер он — Карпенко. С четырнадцатого года с вни- товкой не расстается. Поговорил я с ним. Думаю, дружок милый, польза будет, если вернется он к гене- ралу да с солдатами потолкует. Ты его и отправишь обратно.

Яшка только пожал плечами:

— Командиру виднее.

Глазурин взял со стола конверт.

— Отпустишь пленного, а потом скажи до Находки и отдай это Пузырькову. Пусть начеку будет. Гости с моря могут пожаловать. Встретим их... — Глазурин за- думался о чем-то и добавил: — Побудь деньков пять на берегу. Покажутся с моря корабли колчаковские, — скажи сюда, а пока там отоспись, дружок милый, замо- тал я тебя. Да, а как Алексей Яковлевич выглядит?

— Тощий, — сказал Яшка.

— Жир нагуливать — не наша судьба, — сурово про- изнес Глазурин, точно он был недоволен ответом Яшки и ждал от него каких-то иных слов. У порога Глазурин остановил Яшку и спросил с легкой укоризной, хотя его

бледно-синие глаза смотрели добро: — Чего же не сказал, что пулемет и четыре винтовки затрофеили?

— А, мелочь, — махнул Яшка рукой, хотя был горд своей добычей.

— О каждой мелочи командиру надо знать, — усмехнулся Глазурин. — Даже о поповском кочете.

— А... о... — Яшка обомлел и не знал, что сказать.

— В следующий раз за кочета чужого взыщу, дружок милый, — строго предупредил Глазурин и подтолкнул его к двери. — Поторапливайся. А за пулемет спасибо.

На дворе Яшку уже ждал пленный солдат Карпенко. Одет он был не в шинель, а в чей-то рваный полушубок. На ногах вместо сапог были уже ичиги.

— В карманах ничего нет? — спросил Глазурин.

— Пусто, — сказал колчаковец.

— Теперь тебе поверят, что был у красных, — усмехнулся Глазурин. — Ну, бывай.

Он пожал руку Карпенко.

Яшка в точности выполнил приказ Глазурина. Спектакль с побегом Карпенко удался. Когда он бросился бежать из лесочка, Яшка и партизаны несколько выжидали, чтобы Карпенко пробежал половину пути, а потом открыли беспорядочную пальбу. Колчаковцы немедленно взяли «своего» под защиту и начали перестрелку. Карпенко благополучно достиг переднего окопа и исчез в нем, а разведчики, повернув коней, поскакали вдоль реки Сучан к морю...

...Яшка Байбородов вприщурку смотрел на гладь бухты Находка. Под ярким солнцем голубизна воды была особенно нежной. Слабый ветерок с берега едва морщил ее. Белые крикливые чайки реяли над бухтой. Они то стремительно падали на воду и выхватывали из нее сверкающую серебром чешуи рыбешку, то затевали драки, стараясь выхватить друг у друга добычу... По небу плыли редкие облачка, гляделись в голубое зеркало ухты, вправленное в скалистую раму берега. Было красиво, тихо и мирно.

Яшка не сводил глаз с моря. С ним он встречался редко, и каждый раз, когда оказывался на берегу, у крайнего, уходящего к далекому горизонту простора, охватывало какое-то волнение.

More! Кто понял его? Почему оно так трогает серд-

ца людей, зовет куда-то? Вот даже грубоватый шахтерский паренек, охваченный всяческими мечтами, жадно дышит морским воздухом, и на его резко очерченных энергичных губах играет легкая улыбка. О чем он сейчас думает? Да он и сам не знает. Просто, когда смотришь на море, — чувствуешь его силу, силу, которая породила жизнь. Очевидно, это ощущение жизни, большой, вечной и прекрасной, и волнует человека.

— Чего на воде увидел? — Филька подошел к Байбородову и жадно обежал бухту взглядом. — Голо. И чего глаза паялить?

— Кочета приглядываю. — Желваки дрогнули на скулах Байбородова. Он все еще помнил замечание Глазурина.

Филька благоразумно отошел к костру, около которого на корточках сидел Кен Дя. Кореец помешивал в котелке. Рядом на песке валялись белые плоские, похожие на блюда, створки раковин. Кен Дя варил суп.

Филька, впервые оказавшись на берегу моря, с подозрением смотрел на стряпню товарища. Собранные у берега раковины не внушали ему доверия, но запах шел аппетитный. Наскорь перекусив в Унашах перед отъездом, разведчики ощущали голод.

Яшка носком сапога сбросил в воду гладко обкатанный водой желтоватый камушек и крикнул Кен Дя:

— Скоро твоя похлебка поспеет?

— Твоя гуляй, моя тебе говори. — Кен Дя улыбнулся, причмокнул и покачал головой, показывая, что его варево будет вкусным.

Яшка пошел по берегу, смотря на партизан, расположившихся здесь по-домашнему. Под нависшими скалами, под деревьями, подступившими к самой воде, они поставили шалаши, обжились. Час назад Яшка передал Пузырькову, командиру большой партизанской заставы, письмо Глазурина, и сейчас на берегу было оживленно. Пузырьков, словно в опровержение своей фамилии, — высокий и необыкновенно худой, с впалой грудью и узким лицом, с неестественно яркими пятнами на скулах и болезненно впалыми глазами, готовил своих бойцов к встрече вражеского десанта. Яшка слышал его голос, сухой, часто прерываемый грудным тяжелым кашлем.

— Так, товарищи, выбирайте позицию, чтобы вас с бухты не было видно.

Партизаны ходили между скал, взбирались на них. Два бойца втаскивали пулемет на вершину утеса.

Яшка вмешался:

— Эй, кукушки! Торчать будете там, — срежут вас с первого залпа. — Он указал на расщелину сбоку утеса. — Сюда ставьте, и будете сидеть, как клопы. Не сразу вас выковырнут.

— Верно, — одобрил Пузырьков и зашелся кашлем. Плечи его так сильно вскидывались, что он весь трясся. Шинель на нем болталась, как на вешалке. Лоб покрылся испариной, и к нему прилипла прядка седых волос. Кое-как справившись с кашлем, Пузырьков, тяжело дыша, почему-то с виноватой улыбкой объяснил Яшке, смотревшему на него тревожно и жалостливо: — Свинцовая пыль беспокоит. Наглотался я ее в типографиях за тридцать лет, мальцом стал к наборной кассе...

Григорий Демьянович Пузырьков приехал в Сучан по заданию комитета партии, чтобы выпускать газету для шахтеров, но стал командиром партизанской роты.

Яшка отвел глаза от желто-серого лица Пузырькова, и тут раздался крик партизана с утеса:

— Пароход! Пароход!

Все бросились на берег, стали взбираться на скалы, чтобы своими глазами увидеть пароход, но их остановил окрик Пузырькова:

— Назад! Не показываться! — От напряжения у него набрякли вены на шее.

Берег опустел. Партизаны из-за укрытий следили за небольшим кораблем, входившим в бухту. Следом за ним шли еще два судна. Пузырьков, не опуская бинокля, произнес:

— Колчаковцы. На палубах полно солдат.

Яшка вспомнил Силина. Значит, верно говорил учитель, что Смирнов ждет подмоги.

Пузырьков приказывал:

— Не пустим их на берег. Готовиться к отражению десанта!

Партизаны устраивались поудобнее. Каждый знал, что дело предстоит жаркое и тяжелое. Вражеские суда, не подходя близко к берегу, бросили якоря и начали спускать шлюпки. Яшка, лежа рядом с Кен Дя за ог-

ромным песчанником, выступавшим почти у самой воды двугорбым верблюдом, старался рассмотреть, что происходит на судах, но это ему не удавалось.

— Огонь открывать по моему выстрелу! — распорядился Пузырьков. Его приказ был передан по всей длинной цепи партизан, растянувшейся по берегу.

На судах не теряли времени. В шлюпки грузились солдаты, спускались пулеметы. Колчаковцы, обманутые тишиной и безлюдьем, направились к берегу. Перегруженные шлюпки двигались медленно. У Яшки от нетерпения даже вспотели ладони. К Байбородову подошел Пузырьков. Был он спокоен, и только ярче обычного блестели глаза.

— Многовато беляков, — сказал Пузырьков, указывая на бухту, которая была усеяна шлюпками. Из них густым частоколом торчали винтовки со штыками. — Одним нам трудно будет управиться.

Шлюпки были уже близко. Колчаковцы намеревались пристать к удобному для высадки пологому берегу, не подозревая, что этот участок простреливается. В шлюпках задвигались, готовясь к высадке. Яшка уже хорошо различал лица белых, когда увидел на корме передней шлюпки американского офицера. «Заодно с беляками, значит», — зло подумал Байбородов и взял американца на мушку.

Выстрел Пузырькова, хотя его и ждали, прозвучал неожиданно. Наступила секундная, но очень напряженная тишина, тут же расколотая грохотом выстрелов.

Огонь партизан был неожиданным и губительным для белогвардейцев, и они растерялись. На шлюпках поднялся крик, некоторые в панике бросались в воду. Понесся большие потери, белые повернули назад. И, когда шлюпки скрылись за судами, Пузырьков приказал прекратить стрельбу. Над бухтой стало тихо. Вспугнутые чайки снова появились над водой. В их криках Яшке чудилось поздравление с победой. Он посмотрел на суда. Уцелевшие солдаты успели подняться на палубу. Суда продолжали стоять на якорях.

Яшка обернулся и увидел группу пленных, среди которых был американский офицер. Мокрые, без шапок и фуражек, дрожащие от холода и страха, они жались друг к другу.

— Америкашка живой?! Неужто я промазал?..

Яшка подошел к пленным и почувствовал некоторое облегчение. Американец был ранен в плечо. Мокрые волосы облепили его лоб. Это был низенький, плотный майор. С узкого лица смотрели колючие светлые глаза. Майор не казался испуганным. Он спросил по-русски:

— Кто есть офицер? — Но, очевидно вспомнив, что у партизан нет такого звания, снова спросил: — Кто есть командир?

— Ну, я, — подошел Пузырьков.

— Я есть американ, — сказал офицер. — Зачем меня стрелял?

— Извините, — сказал Пузырьков, и глаза его смотрели с насмешкой. — Не разобрали.

Партизаны захохотали дружно, весело.

— Я хотел Сучан американ войска, — пророчил требовательно майор. — Провожай меня Сучан. Я есть майор Хэлридж.

— Круговую дорожку выбрал! Да они с белыми заодно! — зашумели партизаны. — Какого черта американцам здесь надо?

— Яшка, — обратился к Байбородову Пузырьков, — даю тебе двоих бойцов, конвоируй пленных в штаб. Смотри, американца не упusti. Пусть в штабе о нем решают. Я в дипломаты не гожусь.

Он отошел от пленных.

«Неужто Глазурин и этих отпустит?» — подумал Яшка, собираясь в дорогу. Связав пленных одной веревкой за руки, Яшка с Кен Дя, сидя в седлах, повели их в Унаши. Американец потребовал себе коня, но Яшка ответил:

— Ножками, ножками...

Глава третья

МИША ПОКУПАЕТ «ЯБЛОКИ»

Миша стоял у маленького окна, выходявшего в тесный дворик, окруженный глухим забором. В одном углу громоздились ящики из-под товаров с торчащими между взломанных досок стружками. В другом стоял старый

сарай с плоской крышей. Он прижался к гладкой потемневшей кирпичной стене соседнего дома. Около сарая приткнулась зеленая собачья будка. Наполовину высушившись из нее, лежал пес, черный, лохматый, с мрачной, свирепой мордой. Это он вчера бросился на Мишу, но Ольга прикрикнула на него, и он покорно поплелся в будку.

Миша с нетерпением ждал девушку. Вчера она привела его к владельцу магазина и сразу же ушла, пообещав быть утром. А утро уже кончалось. Оно было для Миши необычно длинным. Проснулся он рано и не знал, куда себя девать. В узенькой, переделанной из кладовки комнате Миша несколько раз повторил гимнастические упражнения и из-за занавески стал рассматривать двор. Потом явился Борзов, низенький пожилой человек с внешностью приказчика, на удивление неразговорчивый. Он принес Мише завтрак и бросил на стол несколько тощих брошюр в ярко-красных обложках.

Миша не решался ни о чем его спросить, а сам тот ничего не сказал. Попов без аппетита съел жареную камбалу, выпил стакан чаю. Чтобы скоротать время, он взял одну из брошюр. На ее обложке был нарисован человек во фраке и цилиндре, с черной маской на лице и пистолетом в руке. «Ник Картер — король сыщиков. Выпуск сорок шестой». Миша поморщился, отшвырнул книжку и бросился на койку.

За стеной слышались голоса покупателей, рассыпчатый тенорок Борзова. Миша представил, как он угодливо улыбается малокровными губами, показывая покупателям товары, и ему стало почему-то неприятно, что он скрывается у купца. То и дело звонил дверной колокольчик, извещающий о новых покупателях. Миша вспомнил о Лазо. Он ведь тоже скрывается, и скрывается еще много людей, одни в городах, другие в селах и тайге, скрываются для того, чтобы собрать силы, разгромить врага и завоевать свободу. Сергею Георгиевичу, наверное, уже сообщили о нем. Лицо Попова светлело, и карие глаза стали смотреть теплее. Вспомнилась первая встреча с Лазо.

...Красногвардейские отряды отступали. Семенов, собрав значительные силы и получив оружие от японцев, пятого сентября 1918 года вышел из Маньчжурии и повел наступление вдоль железной дороги к Чите. Пали

станции: Маньчжурия, Мациевская, Шарасун, Даурия, Борзя. Красногвардейские отряды спешили уйти за Онон, и у моста образовалась пробка. Сбились люди, кони, запрудили путь. Крики, ругань, ржанье лошадей, треск ломающихся повозок, нетерпеливые свистки паровозов, — все смешалось в дикую какофонию. Вечерело. Миша Попов в составе разъезда возвращался к мосту. Вдруг из-за ближайшего холма хлестнул выстрел, за ним второй, третий. Конники пустились в галоп и остановились лишь в какой-то ложине, когда выстрелов уже не было слышно. Тяжело раненный командир разъезда медленно соскользнул с седла и, вздохнув, широко раскрыл глаза. Он был мертв. Красногвардейцы клинками вырыли могилу и, похоронив товарища, снова вскочили в седла, повернули к мосту.

— Стойте! — крикнул Попов. — Командование разъездом беру на себя. Не узнать, кто стрелял, — значит, сыграть труса и предать своих товарищей. Мы же разведчики! За мной!

Припав к гриве своего многотерпеливого скакуна, он в объезд поскакал к холму. Бойцы за ним. У холма все спешили. Попов осторожно пробрался вперед и увидел две полевые пушки, направленные в сторону моста. Около них суетились семеновцы. Миша пересчитал их. Шестнадцать человек. Батарея, очевидно, специально была заслана семеновцами к переправе и незаметно проникла мимо красногвардейских заслонов.

— Нас четверо, их шестнадцать, — только и сказал Миша. Он вскочил в седло, снял с плеча винтовку. — В атаку! За мной!

Стремительно, с криками «ура» выскочили красногвардейцы из-за холма и, дав залп по семеновцам, схватили из ножен клинки. Семеновцы успели сделать только несколько выстрелов и в панике бросились врассыпную. Пушки и ящики со снарядами разведчики доставили к мосту на трофейных лошадях. К Мише подошел Лазо. Он был в длинной потрепанной шинели и фуражке. Черная курчавившаяся борода, серьезное лицо, горячие карие глаза... Лазо выслушал рапорт Попова.

— Молодец! Благодарю! — Лазо подал руку. — Эти пушки могли бы нам много бед принести. — Он нахмурил мохнатые брови, о чем-то подумал и повторил: —

Молодец! — Потом Лазо обнял его за плечи и просто, по-товарищески пригласил: — Пойдем чайку выпьем. У меня отличный чай есть. Заварим покрепче, чтобы мысли светлее были.

Они сидели у костра, разведенного около штабного вагона. Обжигая губы о железную кружку, прихлебывая ароматный чай, Миша рассказал об отце, политическом каторжанине Мошкине, о своих воспитателях из вольнокомандцев, о своей юности в Забайкалье, о том, как он нашел друзей среди подпольщиков, как его стали выслеживать жандармы и как он, чтобы сбить их с пути, взял себе фамилию Попов, как стал красногвардейцем. Лазо, подводя итог Мишиному рассказу, сказал:

— На правильный тракт вышел.

Они допили чай, Лазо предложил Мише выпастся в его вагоне, но Попов отказался:

— А как же другие? Я с ними уж...

— Правильно! — согласился Лазо.

А через несколько дней после того как красногвардейские части перешли Онон и мост был взорван, что задержало движение белогвардейцев, Миша взял в плен семеновского есаула, одного из приближенных атамана. Лазо опять поблагодарил Попова и предложил:

— Хочешь быть у меня адъютантом?

Миша молчал. Уж очень неожиданным было предложение Лазо, да к тому же оно не нравилось Попову. Оставить коня, все время быть в штабе, в то время как товарищи будут драться с врагом? Нет, не для него штабная должность. Он хотел отказаться. Лазо видел это по его глазам и предупредил ответ Попова:

— Трудно будет.

После таких слов Попову, конечно, ничего не оставалось делать, как согласиться, но все же он спросил:

— А клинком работать придется?

Лазо весело захохотал:

— Вот что тебя беспокоит! Придется, придется.

Да, пришлось потом Мише и клинок не раз обнажать, и во главе отрядов скакать, и выполнять множество самых рискованных поручений Лазо. А когда выдавался свободный час, они читали, читали до головной боли, до покраснения глаз. Страсть Лазо к книге, хорошей, умной, передалась и Попову, и он вдруг обнару-

жил, что у него бесчисленное множество верных, добрых наставников, только выбирать их надо умело...

Лай собаки, перешедший в ласковое повизгивание, прервал мысли Попова, поднял его с кровати. Хлопнула дверь, и в коридорчике послышались чьи-то грузные шаги. Попов, прижавшись к оконному косяку, смотрел на дверь. Чья-то рука пошарила ручку, и дверь широко распахнулась. В комнату, тяжело отдуваясь, вошел полный, с круглым, тщательно выбритым лицом и седоватыми запорожскими усами человек.

— Семен Прокопьевич! — Миша бросился к тучному гостю и обнял его. — Семен Прокопьевич, вот уж...

— Тихонько, сынок, тихонько, — добродушно проговорил вошедший и в свою очередь обнял Мишу, прижал к своей широкой груди. — Сынок! Вот и свиделись...

Щелочки глаз на багровом лице смотрели ласково и растроганно. Он снял пальто и котелок, присел к столу, достал папиросы, жадно затянулся дымом. Миша не сводил глаз с Семена Прокопьевича Пилипенко. Сейчас тот походил на отдыхающего рабочего. Несмотря на свой далеко не воинственный вид, он был солдат бывалый. Семену Пилипенко на своем веку довелось много повиноваться. Сперва он — наводчик орудия на одном из фортов Порт-Артура, потом, через десять лет, — артиллерист на германском фронте, а когда грянула революция — стал красногвардейцем.

В памяти Миши встала даурская станция Могойтуй. Густая мгла майской ночи. У ярко пылающих костров, искры от которых стремительно взлетали в небо и, казалось, разгорались новыми звездами, красногвардейцы варили ужин, чистили оружие. В темноте пофыркивали лошади. Красногвардейцы, отступившие в марте под натиском превосходящих сил врага до станции Афанасьевки, со вчерашнего дня перешли в наступление. Семеновцы, упорно сопротивляясь, медленно отходили на восток. У командующего Даурским фронтом Лазо шло совещание. Две керосиновые лампы слабо освещали теплушку и ее незамысловатую обстановку: кровать, застланную солдатским одеялом, маленький столик с пишущей машинкой, винтовки в углу, пулемет с коробками лент и седло. Вокруг стола сидели командиры. Лазо делал пометки на карте. Командующий, как всегда, был одет в простую защитного цвета гимнастерку и синие галифе,

заправленные в сапоги. Сделав последнюю пометку на карте, Лазо отбросил карандаш:

— Сегодня наши части значительно продвинулись вперед. За нами Бурятская и Могойтуй. Семенов, по всей вероятности, попытается перейти в наступление у поселка Ага.

Неожиданно, грохоча сапогами, в вагон вбежал красногвардеец, доложил:

— Товарищ командующий, во втором крестьянском отряде митинг. Решают: оставаться на фронте или уходить домой.

Командиры переглянулись, заговорили. Лазо потянулся к фуражке, висевшей на гвозде, вбитом в стенку вагона, и спокойно сказал:

— Совещание прерывается. Подождите меня, я скоро вернусь.

Лазо вышел из вагона. За ним в отдалении последовал Миша Попов. К нему присоединились и командиры. Во втором отряде в основном были крестьяне, бедные казаки, ремесленники, студенты и небольшое число рабочих с Черемховских копей. Не имевшие фронтowego опыта, они после первого тяжелого боя, понеся большие потери, пали духом. Анархисты, пробравшиеся в отряд, воспользовались случаем, требовали ухода с фронта. Лазо быстро пересек перрон и повернул за станционное здание, где расположился отряд. Здесь было светло от больших костров. Красноватые языки пламени освещали солдат. Они слушали оратора, стоящего на мусорном ящике. Худощавый сутулый человек с густой неопрятной бородой, в распахнутой шинели, в забрызганных грязью обмотках, без фуражки, хрипло выкрикивал, размахивая непомерно длинными руками:

— Пойдемте, товарищи, по домам!

— Правильно-о!

— По домам! — выкрикнул кто-то из задних рядов.

— Я слышу голоса настоящих свободных людей, — обрадовался оратор. — Я сейчас...

— Нет, сейчас я скажу, — раздался спокойный голос с легким украинским акцентом, и к ящику на свет вышел боец с запорожскими усами. Он обернулся к оратору: — Ты вот до дому зовешь, Семенову спину показать хочешь, а пикнуть не успеешь, как догонит Семенов и так шашкой полоснет, что на веки вечные ляжешь

в землю отдыхать. А сверху нашу братскую могилу его бандитские кони будут топтать.

Слова Пилипенко вызвали дружное одобрение. Человек на ящике встревожился:

— Не слушайте его, он подослан к нам... Он коммунист!

— Да, я коммунист! — с гордостью сказал Пилипенко. — А вот ты кто?

— Это же Пилипенко! — воскликнул за спиной Миши командир социалистического отряда. — Рабочий железнодорожного депо из Владивостока.

Лазо вышел на свет костров и стал рядом с Пилипенко. Увидев Лазо, оратор взмахнул руками, прыгнул с ящика и юркнул в толпу. Это произошло так неожиданно, что в первых рядах послышался смех.

— Куда же вы, оратор?! — крикнул Лазо. — Продолжайте свою речь!

Сразу наступила напряженная тишина. Лазо поднялся на ящик, неторопливо осмотрел людей, освещенных неровным светом костров. Люди стояли, тяжело опираясь на винтовки, с усталыми, измученными лицами. Лазо заговорил:

— Товарищи! Вас зовут бросать фронт, идти домой. Я еще не знаю вашего решения, но уверен, что вы, красногвардейцы, предателями не будете. Трудно было нам завоевывать победу, но еще труднее ее защищать. Много пролито за нее крови, много погибло лучших сынов Родины, и еще много будет жертв, этого требует дело, за которое мы боремся. Если понадобится, мы отдадим свои жизни. Без борьбы, без крови не может быть победы. За это нас дети наши будут вспоминать с благодарностью. Если же кто из нас сейчас, в решительную минуту, уйдет с фронта, тот будет предателем. Семенов отступает. Мы окончательно разгромим его. И я думаю, что ваш отряд будет идти впереди. Вам поручается ответственнойшая позиция.

Пилипенко крикнул:

— Пойдем! Будем бить атамана! Правильно говоришь, товарищ Лазо!

Отряд молчал не двигаясь. Шли томительные, напряженные секунды. Лазо негромко сказал:

— Ну что же, решайте, я жду.

Вперед выбежал худенький человек в шинели. Обращаясь к отряду, он закричал:

— Что же мы стоим, товарищи? Нам здесь нечего делать, идемте! Не слушайте...

Пилипенко с размаху ударил человека винтовкой по лицу:

— Гадюка! А еще слово дорогое — товарищ — поганишь!

Тот завизжал и упал. Люди колыхнулись, но не сдвинулись с места. Пилипенко шагнул к Лазо, вытянулся перед ним:

— Отряд остается. Вы, товарищ командующий, идите, а мы трошки тут порядок наведем.

— Правильно! — закричали за его спиной бойцы. — Остаетесь!

Вернувшись в вагон, Лазо сказал:

— Совещание продолжается...

На рассвете крестьянский отряд под командованием Пилипенко вышел со станции Могойтуй на позицию...

... — Ну, разглядел? — усмехнулся Пилипенко. — Не дуже я лицом переменялся?

— Нет, — Миша помотал головой. — Смотрю на вас, Семен Прокопьевич...

— Зови меня дядя Саня, — перебил его Пилипенко. — Семена Прокопьевича во Владивостоке нема, — он подмигнул узким глазом и покрутил прокуренный ус. — Дядя Саня, и basta!

— Хорошо, дядя Саня, — согласился Миша, вспомнив, что о дяде Сане говорила Ольга, и вернулся к своей мысли: — Смотрю на вас и вспоминаю, как мы с вами познакомились. Помните митинг в крестьянском отряде?..

— О-о! — закивал Пилипенко. — Заводила анархистский, которого я по морде съездил прикладом, улег. А жалы!

— А помните, как мы с вами через Онон по взорванному мосту перебирались, как под Борзей рубились? — вспоминал Миша. — Как мы гнали тогда семеновцев!

— Было, Мишенька, много было, — вздохнул Пилипенко, — да вот сейчас, видишь, как дело обернулось. Вроде как сначала все приходится робить-то.

— Так плохо? — обеспокоился Миша. — А где Сергей Георгиевич? Он здесь, в городе?

— Ты такой же пряткий, — Пилипенко улыбнулся. — Георгиевич вроде и здесь, вроде и нет.

— Как так? — не понял Миша.

— В потайном месте схован, — объяснил Пилипенко. — За ним колчаковцы да япошки с американцами охотятся. Пронюхали, что он сюда прибыл, шныряют по всем щелям. Не найдут. Тебе, Миша, придется повременить со встречей.

— Что же мне делать? — Миша был расстроен.

— Скучать не дадим. — Пилипенко осторожно погасил окурок и спрятал его в коробку с папиросами. — Мне вот помощники нужны. Одни в тайгу подались, в отряды, другие в застенках томятся, третьи примелькались колчаковцам. Мало нас в городе, каждый человек на вес золота. Ты английский говор не запомнил? Ольга говорила, что в вагоне разговаривал.

Мише приятно было услышать имя девушки. Он почувствовал, что ему хочется скорее увидеть ее. Миша испытывал даже какое-то странное чувство тревоги за нее.

— А говорила она, что назначила свидание офицеру?

— Не одобряешь? — Пилипенко прикрыл один глаз. — Ревнуешь? Верно действует дивчина. Нам каждый язычок говорливый на пользу пойдет. Что это Ольга замешкалась? — Он достал дешевенькие карманные часы и, держа их в вытянутой руке, как все дальнзорные люди, посмотрел на циферблат. — Пора ей тут быть. А ты, Миша, порос и крепче на вид стал. Раны-то затянулись? Говорил нам Георгиевич, как ты его спас... Считай, год не виделись. Сколько дел за это время было! С Забайкалья наш социалистический отряд в Приморье перебросили, против Калмыкова, потом с белочехами дрались.

Пилипенко усмехнулся с горечью и снова закурил:

— Давно бы адмирала к чертям собачьим мы турнули, да куда ни сунься — япошки, американцы, французы, англичане. Какой масти только нет! А все же сила и правда на нашей стороне. На Черном море французские моряки красный флаг подняли, интервенты с Одессы и Крыма восвосяси смотались. Да и мы тут не плошаем. Сучанскую долину от беляков очистили. Вот только американцы с японцами в шахты, в дорогу, как клещи, вцепились.

— Читал в газете.

— Поделили интервенты наши дороги... — Пилипенко пыхнул дымом.

Их беседа прервалась. Как-то неожиданно появилась Ольга, раскрасневшаяся, запыхавшаяся. Она упала на стул, стянула шапочку, обмахнулась ею:

— Солнце припекает. Здравствуйте, Миша!

— Здравствуй! — Попов обрадовался девушке, с ее приходом словно светлее стало в комнатке.

Пилипенко деловито заговорил:

— Дел много, ребятки. Сегодня побываете у Кольна и все сделаете, что он скажет. Деньги у Борзова возьмете.

— Кто такой Кольн? — спросил Миша.

— Из американцев, но наш, рабочий, — объяснил Пилипенко. — Ты с ним по-ихнему поговоришь. По-русски он еще не понимает. Позови Борзова, — сказал Пилипенко девушке.

Ольга вышла. Пилипенко пояснил, что предстоит сейчас делать Мише, о чем и как говорить сегодня с Кольном.

В сопровождении Борзова вернулась Ольга. В руках Борзов держал белую, перевязанную синей ленточкой плоскую картонную коробку, в каких обычно продаются дорогие сорочки.

— Показать? — с легким полупоклоном спросил Борзов и, ловко распустив ленточку, снял крышку. — Взгляните, товар — люкс! Тысяча штук!

Они посмотрели друг на друга и весело рассмеялись. И тут Миша с изумлением увидел, как изменился Борзов. С него, точно шелуха, слетели приказничьи повадки, перед ним стоял усталый человек с немного грустным лицом. Пилипенко сказал ему:

— Ты артист, Максим. Купец первой гильдии.

— Тебя бы сунуть за прилавок, — вздохнул Борзов и заторопился, услышав, как дважды звякнул колокольчик. — Пойду. А то растащат товар, потом перед вами не отчитаетесь.

— Денег вот им дашь, если потребуется, — сказал Пилипенко.

— Ладно. — Борзов вышел.

— Хороший инструментальщик, — сказал о нем Пилипенко и убрал лист плотной бумаги из коробки. Под

ним лежали две пачки листовок на английском языке. Пилипенко взял одну, протянул Мише тонкий, почти прозрачный квадратик бумаги:

— Прочти-ка по-нашему.

— «Товарищи солдаты-американцы, братья! Зачем вас привезли через океан на чужую землю? Почему вы должны убивать ни в чем не повинных людей, сжигать их дома? Какая вам от этого польза? Никакой, кроме возможности здесь погибнуть. Мы боремся за свободу, а вы за что? Вас заставляют поддерживать Колчака, которого наш народ не признает. Вас ждут родные дома! Задумайтесь! Кто и зачем вас сюда прислал...»

Пилипенко слушал и удовлетворенно кивал после каждой фразы. Содержание листовки ему нравилось. Когда Миша замолк, он поднялся:

— Дельная штука получилась. Ее в каждое солдатское письмо Кольн всунет. Ну, мне пора! Свидимся, Миша, когда потребуется.

Пилипенко ушел.

Ольга обвязала коробку ленточкой, сделала кокетливый узелок и, полюбовавшись своей работой, сказала:

— Пора к Кольну.

Кольн, как узнал Миша, служил в цензуре на почте. Связь с ним держал один из подпольщиков, владевший английским языком. Недавно было замечено, что за ним установлена слежка, и ему пришлось немедленно уйти к партизанам.

— Кольн очень осторожен, — рассказывала Ольга. — Никаких записок не признает. Предпочитает устный разговор.

Они направились в центр города. Ольга повела Мишу по кривым пустынным улицам, вдоль которых выстроились одноэтажные домики мелкого чиновного люда и рабочей бедноты. Вышли к кладбищу, обнесенному высокой, поросшей мохом стеной, сложенной из дикого камня. Кладбище поднималось по склону сопки до узкой замощенной дороги, по другую сторону которой высились квадратные каменные столбики. Ольга сообщила Мише, что это корейское кладбище. Дорога шла все вверх. Наконец они оказались на перевале. Миша остановился и восхищенно произнес:

— О-о!

Они смотрели на бухту Золотой Рог, усеянную чер-

ными и белыми кораблями, серыми, вытянутыми, как веретено, и неуклюжими, как утюги, военными судами. Блестели на солнце в порту огромные склады из гофрированного оцинкованного железа. По узкой главной улице, Светланской, извиравшейся вдоль бухты, тек густой поток людей. Левее дымили высокие трубы судоремонтного завода.

Ольга увлекла Мишу вниз по каменистой, размытой дождевыми потоками улице. Проходя мимо высокого здания из светлого кирпича, чем-то напоминающего архитектурой готический собор, Ольга весело сказала:

— Узнаете?

Он пожал плечами. Девушка рассмеялась:

— Да это же Коммерческое училище, студентом которого вы являетесь. — И приказала: — Возьмите меня под руку!

Они продолжали идти по крутой лестнице и вышли на центральную улицу. Здесь пришлось замедлить шаг. Тротуары были запружены толпой. Слышалась речь на разных языках. Перед Мишиными глазами мелькали шинели и мундиры всевозможных расцветок и покроев. Он узнавал японские и американские, белогвардейские и французские. Заборы, стены домов пестрели яркими афишами. По мостовой, высекая искры из гранитных торцов, цокали подковами верховые лошади. Урчали моторами автомобили, звенели трамваи.

Ольга вывела Мишу к обелиску из серого гранита, увенчанного темным бронзовым земным шаром, над которым распростер крылья так же потемневший от непогоды и времени бронзовый орел. Это был памятник адмиралу Невельскому. По обе стороны обелиска вдоль улицы простирался сквер. Деревья опушились первой зеленью листьев. По аллеям прохаживались люди. На скамейках расположились няньки с детьми, гимназисты...

По маленькой лестнице Ольга и Миша спустились в аллею и неторопливо свернули в сторону обрыва. На одной из скамеек в небрежной позе сидел американский солдат. Он курил и покачивал носком ботинка. Взгляд его рассеянно скользнул по проходившей парочке. Скамейку от шумной улицы скрывали густые заросли сирени.

— Колья ждет нас, Сядем на скамейку рядом с ним.

Ольга опустилась на край скамейки. Миша сел рядом и положил коробку со стороны солдата. Американец выглядел заурядно. Ничем не примечательное светлоглазое, с большим ртом лицо было усталым. Миша, как его наставлял Пилипенко, сказал по-английски, словно обращаясь к Ольге:

— Много дней прошло, а новостей нет.

Солдат положил руку с зажатой между пальцами сигаретой на колено, тихо произнес:

— Новостями делятся со старыми друзьями.

— Из-за плохой погоды старый друг был вынужден уехать и просил меня навещать знакомых.

— Знакомые от плохой погоды не заболеют? — В голосе солдата прозвучала едва заметная тревога.

Они разговаривали, не смотря друг на друга.

— Нет, — с глубокой уверенностью ответил Миша.

Солдат быстро проговорил:

— Есть три ящика яблок. Получите сегодня в четыре часа дня у двух канадских солдат около вокзала. Ящики будут с наклейками. За ящики предложите сто долларов.

— Другие не перехватят?

— Солдаты будут ждать только вашего предложения. — Кольн сделал несколько затяжек, и Миша краем глаза увидел крепкие, с толстыми ногтями пальцы, какие обычно бывают у рабочих. Американец отшвырнул окурок и спросил: — Письма моим товарищам в коробке?

— Да, — Миша восхитился, с каким внешним безразличием ко всему вел разговор солдат.

Кольн взял коробку и, не прощаясь, ровным шагом стал удаляться. Через несколько секунд он затерялся среди прохожих. Миша вполголоса пересказал Ольге сообщение Кольна и спросил:

— Что это за яблоки такие дорогие?

— Оружие. — шепнула Ольга. — Может, гранаты, может, револьверы или патроны.

Посидев для вида еще с десятков минут, они тем же путем вернулись на Первую Речку. Не доходя до магазина, Ольга рассталась с Мишей.

— Возьмите деньги у Борзова и ждите меня в той харчевне, — показала она на маленький китайский ресторанчик. — Заодно пообедайте.

Борзов, ни о чем не спрашивая, передал Мише стопку зеленоватых хрустящих бумажек:

— Если будешь передавать на людях, вложи доллары в папиросную коробку. — Узнав, что Миша идет обещать, сказал: — Я с тобой за компанию. Тут я живу холостяком.

Максим Петрович запер магазин, и они отправились в харчевню. Сильно пахло соевым маслом, но все, что заказал Борзов, было необычайно вкусным: и салат из свежей капусты с водорослями, и большие пельмени, и зажаренный морской окунь. Попов и Борзов обедали за столом у окна, и Миша часто поглядывал на улицу, опасаясь пропустить Ольгу. Он ее увидел в извозчичьей коляске. Она подъехала к харчевне, и Миша вышел.

— Поезжайте, — сказала ему Ольга.

— А вы? — удивился Миша.

— Я не смогу, — Ольга покраснела. Ей показалось, что Миша подозревает ее в трусости, и она сердито добавила: — Извозчик наш. «Яблоки» спрячете у Борзова.

Миша сел в коляску, и извозчик тронул лошаденку. Покачиваясь на мягком сиденье, Миша оглядывался по сторонам. Они спустились в распадок, который назывался Куперовской падью, потом долго ехали мимо кладбища, поднялись, свернули на боковую улицу, и через несколько минут Миша увидел вокзал, похожий на боярский терем. На большой площади кипел людской водоворот. Попов с опасением подумал, что не найдет «торговцев яблоками», как он называл про себя канадских солдат.

Миша увидел канадцев у металлической ограды лестницы, ведущей на перрон. Возле них лежали три ящика с ярко-красными наклейками, на которых были изображены неправдоподобно аппетитные яблоки-гиганты с маленькими листочками у черенка, а вокруг желтели китайские иероглифы.

— Подожди, — сказал Миша извозчику и, сойдя с коляски, подошел к солдатам.

— Яблоки продаете?

— А сколько дадите? — вопросом ответил корявый солдат. Взгляд его был насторожен.

— Сто долларов, — тише сказал Миша.

— Кар¹ ваш? — мотнул головой в сторону извозчика корявый.

— Да, — Миша протянул папиросную коробку с деньгами.

Солдат почти незаметным движением спрятал ее в карман и сказал товарищу:

— Берись, Тим.

По тому, как солдаты с усилием перенесли ящики в коляску и как она, скрипнув, осела на рессорах, Миша понял, что «яблоки» тяжеловаты.

— Гуд бай! — распрощался корявый и вместе со своим молчаливым товарищем исчез в толпе.

Миша сел в коляску.

— Поехали!

Ему хотелось скорее оказаться подальше от вокзала. Мише чудилось, что взоры всех устремлены на него, что люди знают, что он везет в ящиках. Едва они выехали с площади на Алеутскую улицу, как Попова окликнул знакомый голос:

— Мишель, Мишель!

Миша оглянулся. Кругом он видел мундиры, шинели, погоны. Невольно положил руку в карман, в котором был револьвер, но тут же подумал, что это — слабая защита. У Миши похолодело сердце. Он увидел, как к нему от тротуара бежит подпоручик Емельянов. Первым порывом Попова было выхватить револьвер, но он нашел в себе силы улыбнуться офицеру, а себе приказал: «Спокойно, спокойно!» Емельянов вскочил в коляску и плюхнулся на сиденье рядом с Поповым.

— Фу! Кричу, кричу, а вы не слышите! Куда торопитесь? Что за ящики? А, яблоки? Люблю! — Он тараторил и дружески улыбался. — Почем купили? А где Ольга Алексеевна?

Миша не успевал отвечать. Извозчик быстро оглянулся. Его черные глаза были строги и решительны. Миша не знал, что делать. Видел или не видел офицер его с канадскими солдатами? Действительно ли он думает, что в ящиках яблоки? Как быть? Емельянов вдруг с огорчением сказал:

— Ерунда получается. Мы ведь сегодня должны были встретиться? Да, да, в шесть вечера у «Золотого Ро-

¹ Кар — повозка (англ.).

га». Я уже провел «разведку боем». Кухня великолепная, — подпоручик явно кому-то подражал в манере говорить, в жестах и мимике. — Но... Я нарушаю слово. Мой дядюшка тому причиной. Помните, я о нем вам говорил, генерал Смирнов. Старикан попал в западню. Засел с отрядом в какой-то прибрежной деревушке, а его, как медведя, обложили партизаны. Послали ему морем на выручку полторы тысячи штыков, а они с судов на берег не могут высадиться... — Миша слушал внимательно. Разговор становился интересным. Емельянов с нескрываемым огорчением продолжал: — А сегодня союзники посылают туда свои военные корабли, чтобы поддержать наш десант... — Емельянов достал папиросы, угостил Мишу и закурил сам. Попов дымил папиросой и ждал, что скажет дальше офицер. Тот, помрачнев, ушел в свои думы. Миша осторожно подтолкнул его:

— Ну, а вы тут при чем? Почему сегодня не можем встретиться?

— Да как вы не понимаете?! — воскликнул Емельянов. — Я уже назначен, оказывается, адъютантом дядюшки. Забота о племяннике! — Он фыркнул. — Родственные чувства, а я его едва помню...

Миша с острым любопытством смотрел на молодого офицера. Емельянов — адъютант белого генерала, а он, Попов, — адъютант партизанского командующего. Вот так совпадение! Мише стало смешно, и он не смог сдержать улыбки. Она была некстати, и Миша сказал:

— Я завидую вам.

— Мне? — вскричал Емельянов. — Да чему же? Что я адъютант? Представьте, в каком я дурацком положении. В штабе генерала Хорвата мне сказали, что я должен немедленно отправиться к дяде и для этого воспользоваться отходом кораблей союзников.

— Ваш долг быть около генерала, — со скрытой насмешкой проговорил Миша.

— Долг, родина, свобода, честь, — со злостью произнес офицер. — Пустые слова, дешевые колокольчики для дураков. И ради них я должен подставлять свой лоб под пули партизан. Глупо! — Вдруг Емельянов встрепенулся: — Светланку проехали! Заболтался я. Мне совсем в другую сторону. Встреча переносится. А на какой срок, я и сам не знаю. Прошу вас, Мишель, позвоните мне через недельку по телефону в штаб Хорвата — три-

ноль два. Спросите адъютанта генерала Смирнова. Запомните?

Миша повторил:

— Три-ноль два.

— Отлично! — Емельянов стал на подножку коляски, пожал руку Попову. — Замечательная у вас сестра, Мишель. Я... я...

Он соскочил с коляски и, махнув рукой, нырнул в людскую реку. Миша почувствовал облегчение.

До магазина они добрались спокойно и с трудом перетаскивали ящики во двор.

Остаток дня и вечер Миша ждал Ольгу, но она не пришла. Поздно вечером явился Пилипенко, осмотрел содержимое ящиков. В них были маузеры и патроны к ним. Выслушав рассказ Миши об Емельянове, он нахмурился:

— Об отходе кораблей интервентов мы не знали. Спасибо, Михаил. Это очень важно. С офицером ты связи не теряй. Я и Ольге еще напому. — Он помолчал, задумался. — Значит, американцы начинают играть в открытую?..

— Как так? — не понял Миша.

— До сих пор американцы говорили, что они держат нейтралитет, — объяснил Пилипенко, — теперь они посылают против партизан военные корабли. Как это понимать надо, а? Ну, ладно...

Пилипенко заторопился и ушел.

Глава четвертая

ЦЫГАНОК НАХОДИТ ДРУЗЕЙ

— Сколько колчаковских солдат прибыло на судах в бухту Находка? — задал Глазурин очередной вопрос американскому майору.

— Я не знаю, — покачал маленькой головой Хэлридж, и по его тонким злым губам скользнула насмешливая улыбка. — Я есть нейтралейшен.

— Та-ак, — глуховато произнес Глазурин и прикрыл глаза, чтобы не выдать своего гнева. Внешне шах-

тер был спокоен и говорил даже медленно, но внутри у него кипело. Глазурину хотелось схватить майора за шиворот и так тряхнуть, чтобы с его надменного лица навсегда исчезла ехидная улыбка.

Майор упорно не желал отвечать на вопросы. Он сидел за грубым крестьянским столом против Глазурина и часто передергивал плечами от озноба.

— Почему вы оказались среди белогвардейцев, если вы, как утверждаете, соблюдаете нейтралитет?

— Я есть гость, — усмехнулся Хэлридж.

— Ну, положим, мы тебя в гости не звали, — отрезал Глазурин. — Того, кто к нам в гости с добрыми мыслями едет, мы пулей не встречаем, — он взглядом указал на перевязь Хэлриджа.

— Это есть ошибка. Я ехал Сучан... я любит море...

— Может, он беляков на берег вел? — сказал Яшка. — Я его сразу приметил. Чего с ним валандаться! К стенке, и точка!

— Нет, Яша, милый дружок, — вздохнул Глазурин. В голосе шахтера звучало сожаление. — К стенке его нельзя. Уцепятся за это американцы и черт знает что начнут творить. Им только повод дай.

Глазурин вышел из-за стола и обратился к Хэлриджу:

— Отвезем вас на Сучан. Советую больше с нами не встречаться.

— Я ходить Сучан. — Хэлридж не скрывал своего облегчения.

— Отпускаешь? — протяжно спросил Яшка командира. Лицо его вытянулось. Байбородов явно расстроился.

— Да. — Глазурин весело посмотрел на Яшку. — А ты, милый дружок, доведешь его до копей, и чтобы без единой царапинки. Понял? Ну, собирайся. Отвезешь американца — скажи в Шкотово. Сейчас я тебе письмишко дам. Белану вручишь.

Яшка молча слушал и с обидой думал, что, едва начинается горячее дело, Глазурин сразу же отправляет его. Час назад в Находку на подмогу Пузырькову ушла рота партизан. Яшку и его товарищей Глазурин не отпустил, оставил при себе. И для чего? В провожатые американцу! Яшка сплюнул в сердцах и, хлопнув хлыстом по голенищу, сказал:

— Ладно, все в аккурат сделаю!

Хэлридж облегченно вздохнул. Он благополучно вырвался из партизанского плена и, несомненно, скоро окажется среди своих. Сутки назад он по-другому рисовал свой приход в Сучан. Высадившийся под его руководством десант колчаковских войск с ходу собьет мятежников, обложивших село Владимиро-Александровское, и освободит генерала Смирнова. Получилось совсем не так, как предполагали. Подвела разведка, уверявшая, что на берегу бухты никого нет.

Хэлридж ехал с замкнутым лицом, смотря прямо перед собой. Он старался не замечать своих спутников. Перейдя вброд реку, маленький отряд оказался вблизи копей. Вдали за лесом выросли темные пирамиды терриконов. Всадники объехали сопку и выбрались на широкую ленту заброшенной дороги. Дорога вела к старой шахте. Молодежь любила ходить сюда на гулянки. У студеного ручья вспыхивали костры, к небу взлетали песни. Ольга собиралась тоже побывать здесь, но не успела... Яшка мотнул головой, прогоняя мысли.

Чувствуя близость своих, Хэлридж вдруг оживился, улыбка расплылась у него на лице. Яшка встретился с ним взглядом.

— Чего вертишься, зубы скалишь?

— Я есть говорить тебе надо, — сказал Хэлридж. — Ты есть взри гуд партизан. Я дам много доллар... денег.

— Это за что же? — прищурился Яша. Он видел, как насторожились его друзья.

— Я дам много денег. Ты должен идти ко мне Сучан. Ты иди, ты иди, — майор указал на Фильку, потом на Кен Дя. — Ты иди...

— Купить, значит, нас хочешь, подлюга?! — сквозь зубы процедил Байбородов и наотмашь хлестнул плеткой майора по лицу. — Иди ты к...

— О-о-ой! — взвизгнул Хэлридж, хватаясь здоровой рукой за лицо.

— Паскуда! — презрительно бросил Яшка, сплюнул и придержал коня. — Погодьте малость, — предложил он партизанам. — Тут до копей рукой подать, как бы на секрет американский не напороться.

Всадники поехали тише, осторожнее и скоро оставались. Дорога уходила в широкий распадок, порос-

ший редкими деревьями. Там лежал шахтерский городок. Яшка жадно смотрел на родной Сучан. Вон и шахта, на которой он рубал уголек, а вон и землянка, где жил. Его взгляд задержался на самом приметном и красивом доме Сучана — деревянном, с остроконечной башенкой. Это был Народный дом. Яшка вспомнил, как возле него проходил митинг сучанцев, как на флагштоке башенки впервые взвился красный флаг. Казалось тогда, что раз и навсегда пришла та новая жизнь, о которой мечтали шахтеры. Яшка вспомнил Ольгу. Она любила повторять шахтерам, что без грамоты нельзя строить будущее.

— Грамота, Яков, — ключ к будущему. Без грамоты не откроешь в него дверь.

Тогда понял Яшка, что поднять красный флаг еще мало. Он вздохнул, с болью и негодованием посмотрел на шпиль Народного дома. На нем лениво шевелился в слабом ветерке полосатый американский флаг. Яшке казалось, что это полотнище чуть ли не хлещет его по лицу.

— Глянь, Яшка, американцы! — вывел Байбородова из задумчивости голос Фильки.

— Где? — Но тут же Яшка увидел у леса, к которому сбегала дорога, группу американских солдат. Заметил своих и Хэлридж. Он что-то неразборчиво выкрикнул и, не спрашивая разрешения у партизан, поскакал вперед. Яшка настиг его, когда до американцев было совсем близко:

— А ну, слазы! Коня вертай!

Майор неожиданно легко вывалился из седла и поплелся к своим. Яшка подхватил повод коня американца и повернул назад. Американские солдаты, увидев майора, бросились ему на помощь. Хэлридж встретил их руганью:

— Болваны! Схватите большевика!

— Далеко, не догоним. У нас нет лошадей.

— Огоны! — в ярости приказал Хэлридж и, вырвав из рук ближнего солдата карабин, одной рукой поднял его и выстрелил вслед Байбородову. Пуля взвизгнула где-то над Яшкой. Он удивленно обернулся на выстрел и, увидев Хэлриджа с карабином, цыкнул сквозь зубы слюной:

— Стервал — и огрел коня плеткой.

Американцы продолжали стрелять, но партизаны углубились в лес и были уже в безопасности. Они направились в Шкотово...

Воскресный базар в Шкотово шумел. Съехались крестьяне из окрестных сел. На их телегах зеленел тонкий, больше похожий на траву, ранний лук, стояли кадушки со сметаной, творогом, низенькие и широкие квашни с желтыми брусками масла в студеной воде. В бочках лежали прошлогодней засолки огурцы, помидоры, капуста с яблоками и арбузы. Краснело мясо, гоготала, кудахтала птица со связанными крыльями и ногами. Еще не оскудела приморская деревня, еще не успели ее разграбить интервенты. В корзинах корейцев и китайцев серебрилась рыба. Распряженные лошади хрустели свежим сеном, брошенным на землю. Пахло дегтем, колесной мазью, конским потом и морем. Палило щедрое солнце, и в его зное запахи казались сильнее и острее. Люди, сбившись в густую толпу, спорили, кричали, торговались, смеялись... На краю базара у крытых повозок расположились цыганки — гадалки.

На одной из повозок, свесив ноги, сидел молодой цыган. В мочке его правого уха маленьким серповидным месяцем покачивалась серебряная серьга. Курчавые черные волосы выбились из-под фуражки. Выпуклые темно-янтарные глаза рассеянно смотрели на базарную толчею. Смутные мысли бродили в его курчавой голове. Все чаще задумывался он над своей жизнью, вспоминал Илью, с которым судьба свела его год назад...

...Марко заболел тифом и не помнил, как расстался с табором, оказался в бараке. Долго не отпускала болезнь. Наконец он поправился и начал кочевать со станции на станцию в поисках табора. Так он оказался на безымянном разъезде в Барабинской степи — грязный, оборванный и голодный. С поезда его согнали, а на проходящие не удавалось сесть. Марко уже овладело отчаяние, когда на разъезде остановился шедший на восток эшелон, до отказа набитый беженцами, солдатами, возвращавшимися домой, пестрым непонятным людом. Цыган облюбовал буфер на первом за паровозом вагоне и привычно взобрался на него. Сверху неожиданно послышался веселый голос:

— Далеке путь держишь?

Марко почесал в затылке. Ему почему-то не хотелось врать веселому белозубому парню.

— Не знаю. Своих ишу, табор ишу. Болел я. Отстал.

Парень пристально посмотрел на Марко и показал ему на лесенку, что шла по задней стенке тендера:

— Сыпь сюда! Тут на угле все же лучше будет!

— А не сбросишь потом на рельсы?

Глаза парня сердито сверкнули:

— Дурак! Совсем людям не веришь? — И уже требовательно повторил: — Давай сюда!

Марко взобрался на тендер. Парень назвал себя:

— Илья. — Он осматрел лохмотья Марко, разбитые сапоги, задержал взгляд на исхудалом лице и, ни слова не говоря, по осыпавшемуся углю привел его в паровозную будку, где стоял вислоусый седой машинист. — Вот, кочегара привел.

— А он паровоз не сопрет и на ярмарке на лошадь не сменяет? — пошутил машинист, с сомнением разглядывая цыгана.

Илья сунул Марко ломоть хлеба:

— Ешь! Будешь у нас за кочегара.

Марко с набитым ртом не мог ответить и только кивнул. Илья показал ему, как надо подбирать уголь лопатой, как швырять в топку, чтобы он ложился ровным слоем. Это было все не так просто, и Марко старался. Илья часто заводил с цыганом разговор о жизни:

— Вот приедем во Владивосток, познакомлю я тебя со своими дружками на Первой Речке. Узел там железнодорожный, депо есть, станешь и ты нашего железнодорожного семейства член. Побудешь со мной кочегаром, а потом и на машиниста выучишься. Согласен? Ну вот и хорошо. Станешь рабочим человеком, а не перекатипеле. Понимаешь, как теперь человек в Советской России будет жить? Ого! Почище, чем короли в сказке. Знаешь, как Ленин пишет...

Слушал Марко своего нового друга и начинал верить. Не мог такой человек, как Илья, который без всякой выгоды хорошо к нему отнесся, говорить неправду, обманывать. Марко задумался о прошлом, и впервые для него проблема прелесть вольной таборной жизни. Вспомнились невзгоды, голод, холод, побои, страх. Марко согласился ехать до Владивостока и пожить там, при-

смотреться к тому, что обещает ему Илья. Но случилось так, что в Никольск-Уссурийске он встретил несколько цыганских семей — все, что осталось от большого табора, и решил побыть у них, а потом разыскать Илью. Шло время. Образ Ильи потускнел, но слова его часто вспоминались. И, может быть, поэтому не так нравилась таборная жизнь...

...Марко все так же сидел на повозке. Взгляд его остановился на старой цыганке. В ее руках, обтянутых сморщенной, как пергамент, кожей, — колода затасканных карт. Старуха болтает привычно-загадочное девушке с такими светлыми волосами, что они кажутся сплетенными из солнечных лучей. Лицо девушки грустное, а глаза большие, печальные и такие прекрасные, что Марко не может оторвать от них взора. Рядом с девушкой корзинка с ранней зеленью, рыбой, мясом. Богатая покупка. Но по старенькому платью, по стоптанным ботинкам в девушке сразу же угадывалась прислуга. Старая цыганка кончила гадать и, получив несколько монет, стала клянчить рыбу, потом бесцеремонно запустила руку в корзинку. Марко прыгнул с телеги, отодвинул корзинку в сторону, отдернул руку старухи. Цыганка сверкнула глазами. Девушка испуганно схватилась за ручку корзинки и только тогда посмотрела Марко в лицо, встретилась с его глазами. Марко хотел весело засмеяться, успокоить девушку, но неожиданно для себя сказал:

— Я помогу донести. Можно?

Девушка, все еще смотревшая в его глаза, только кивнула и пошла с базара, а он — рядом, счастливый и почему-то встревоженный. У ворот богатого дома, передавая девушке корзинку, Марко неожиданно спросил:

— Как звать тебя?

— Лиза, — тихо ответила девушка.

— Меня Марко, Марко Харсь, — так же тихо ответил юноша и, набравшись смелости, сказал: — Выходи вечером гулять. Я буду ждать.

Лиза кивнула и ушла легкой походкой, гибкая, стройная и светлая, как молодая березка.

Вечером они встретились. Встретились и на другой день, на третий... Выходили к морю, подолгу сидели на плоском камне, смотрели в воду, в которой купались луна и звезды, и беседовали. Лиза грустно рассказыва-

ла о своей невеселой доле. Отец ее, путеобходчик, погиб при железнодорожной катастрофе. Вскоре от тифа умерли мать и брат. Лиза пошла в прислуги к рыботорговцу Завадскому. Она крутилась по дому с рассвета до поздней ночи. Хлопот прибавилось, когда в доме Завадских поселился японский офицер, капитан Хосокава. Девушка все успевала сделать, хотя не раз от незаслуженной обиды и скатывалась у нее слезинка, да нет-нет и вырывался тяжелый, полный горечи вздох. Белан, стрелочник со станции, друг ее отца, встречаясь с ней, только качал головой. Лиза иногда навещала Белана. Тот говорил с ней по-отечески, объяснял, почему народ царя прогнал, почему белякам интервенты на помощь пришли, почему Завадский — не заботливый хозяин для Лизы, а притеснитель. Все понятно было Лизе, но уйти от Завадских она не могла. Куда ей, сироте, идти? К Белану? В его домике и так повернуться негде. В двух крошечных комнатках мазанки помещалось восемь душ. Да и где она работу найдет? Мирилась Лиза со своей судьбой, со своей однообразной, полной лишений жизнью. Казалось ей, что вся жизнь так и пройдет, но вот повстречался Марко. Глубоко и навсегда вошел молодой цыган в ее сердце. С того дня как он проводил ее с базара, жизнь Лизе стала казаться светлей, полной солнца и счастья. Она с волнением слушала его ласковые слова, грела свои руки в его горячих сильных руках.

Марко скупно рассказывал о себе, о своей жизни. Да и что было у него интересного? Разве любимой можно рассказать об удачных кражах, обманах, которыми так любят похвастаться цыгане друг перед другом? Марко рассказывал Лизе цыганские сказки, вполголоса напевал песни, иногда грустные, но больше веселые, задорные. Она слушала, а когда Марко замолкал, говорила тихо:

— Как ты хорошо поешь, Марко! Как хорошо! Слушаю тебя, и кажется мне, что мы с тобой одни на всем свете.

Он обнимал ее и целовал. Лиза вырывалась из его рук и, убегая в темноту, кричала:

— Приходи завтра!

— Приду-у-у!

Не знали, не думали они, что однажды этой завтрашней встречи уже не будет...

приближавшийся паровоз, точно он вез им освобождение и спасение. Смотрел на яркие огни поезда и Марко. Вот они все ближе и ближе. Дрожит земля, гудят рельсы. Еще несколько мгновений — и паровоз промчится мимо. Марко будто слышит голос Лизы: «Ну смелее, Марко! Смелее! Ты можешь еще спастись. Ну решайся же!» Марко прыгнул вперед. Отшвырнув двух японцев, он оказался между рельсами перед самым паровозом. В лицо ударил свет, пахнуло жаром, запахом масла, горячего железа, угля. А за спиной Марко в ужасе кричали люди — и цыгане и японцы. Еще короткое мгновение — и Марко исчезнет. Его подомнет нависший над ним паровоз. Но Марко предупредил это мгновение и скрылся за стеной света в темноте, а по тому месту уже пронесся паровоз, и в его грохоте слабо прозвучал запоздалый выстрел.

Марко свернул с дороги и, спотыкаясь, налетая на кусты, устремился вдоль железнодорожного пути. Он бежал, падал, поднимался и снова бежал. Дышалось с трудом. Наконец он остановился и прислушался. Погони не было. Вокруг стояла тишина. Куда идти? К кому? Кругом чудились враги. Его била мелкая нервная дрожь. Немного отдохнув, Марко поплелся по улице, вдоль небольших домиков с темными окнами. Там в тепле, в уют спят люди, а он бродит одинокий, затравленный...

Марко шел все медленнее. Он прислонился к дощатому заборчику, и колено его уперлось в край скамейки. Юноша опустил на лавочку. Закрыв глаза. Надо немного передохнуть. Усталость, переживания сморили парня. Он заснул. Открыл глаза Марко от прикосновения чьей-то руки, вскочил, рванулся с места, но сильная рука удержала его, и густой мужской голос спокойно сказал:

— Не егози. Кто таков, что ты на моей лавочке дрыхнешь?

Марко видел, что перед ним стоят двое. Один, тот, что разговаривал, — ростом с него, широкий и, судя по голосу, пожилой. Второй высокий, стройный. От них пахло табаком, угольным дымом, машинным маслом. Это напомнило Марко паровоз, японцев, от которых он бежал.

— Тебя Марко зовут?

— Марко.

— Чего же ты ночь на лавочке коротаешь?

Марко молчал. Он не знал, что сказать.

— Пошли в дом. При свете вольготнее говорить.

Все трое пересекли небольшой дворик и через темные сени вошли в дом. Хозяин зажег лампу, ровный желтоватый свет наполнил крохотную, чисто выбеленную кухоньку.

Марко смотрел на хозяина — пожилого человека с усталым лицом. Маленькие глазки прятались под нависшими бровями, а редкие усы старили его. Был он в за-масленной тужурке и сапогах.

Хозяин снял шапку, пригладил седеющие волосы, усмехнулся лукаво и сказал:

— Ну, здравствуй, гость ночной. Чего под чужими воротами спишь? Или только с Лизой распрощался?

Марко растерялся.

— Это же ухажер Лизки, — сказал хозяин, обращаясь к своему спутнику. — Знакомься, Илья.

— А мы уже знакомы, Трофим Карпович, — произнес тот весело. — Только он не хочет меня признавать.

Марко круто повернулся.

— Илья! — крикнул он. — Илья!

— Вот где встретились. — Илья с интересом смотрел на цыгана.

— Стало быть, знакомы. — Трофим Карпович хлопнул себя по лбу. — Не тот ли цыган, что на паровозе кочегарил?

— Он. — Илья сбросил тужурку, лоснящуюся от масла, стащил шапку, тряхнул каштановыми с рыжиной волосами и как-то изучающе посмотрел на Марко: — Ну, рассказывай.

Марко поднял голову, и железнодорожники увидели, как изменилось его лицо. Взгляд был тяжелый.

...После того как Марко закончил свой рассказ, железнодорожники, забыв о позднем ужине, начали обсуждать случившееся.

— Марко нельзя здесь оставлять, — заметил Илья и посмотрел на цыгана с улыбкой.

— Придется тебе, Марко, уходить из Шкотово, — сказал Белан. — Куда его определить?

— Тсс... — приложил палец к губам Илья.

Все прислушались. Кто-то ходил по двору. Белан

бесшумно поднялся на ноги, взял Марко за руку, потянул за собой:

— В чулан!

Выйти из кухни они не успели. В окно осторожно, едва слышно, постучали. Белан облегченно перевел дыхание:

— Свои.

Оставив Марко, он вышел из кухни и тут же вернулся в сопровождении Байбородова и Кен Дя.

— Гостей полна горница.

Партизаны настороженно смотрели на Илью и Марко. Яшка сказал Трофиму Карповичу:

— Мне пару слов потише сказать надо.

Они вышли в коридор, и там Яшка передал Белану письмо от Глазурипа.

— С патронами туго, на исходе, — сказал Яшка.

— Поможем, — уверенно ответил Белан. — Завтра в город сообщим комитету. Еще что?

Яшка спросил о гостях Белана. Стрелочник успокоил:

— Свои. — И тут Белан подумал о молодом цыгане. — Слушай, Байбородов, возьми с собой в отряд одного человека.

— Цыганка, что ли? — спросил Яшка.

— Его. Понимаешь, один остался. Сегодня из-под пули бежал.

Белан вкратце рассказал историю Марко.

— Ладно, возьму, — согласился Яшка. — Для полного комплекта интернационального состава. Есть у меня кореец, есть безродный Филька, давай еще и цыгана. А не сопрет он у меня конягу?

— Хватит болтать попусту, — обрезал Белан, видя, что Яшка начинает балагурить. — Пошли в кухню.

Марко согласился с предложением Белана. Правда, ему не хотелось вновь расставаться с Ильей, а главное — покидать Шкотово, где оставалась Лиза. Надо бы ей сообщить, почему он не придет на берег, как условились. Он задумался. Белан, чутко уловив состояние парня, подошел к нему и тихо сказал:

— Скажу Лизе, не беспокойся. Будет ждать. — И, обращаясь к Байбородову, добавил: — Ну, командир интернационального состава, собирайся в путь.

Трофим Карпович написал записку Глазурину и передал ее Байбородову.

— Счастливого пути и до скорой встречи.

Илья пожал руку Марко, серьезно сказал:

— На правильную дорогу выходишь, Марко. Не сворачивай.

Белан долго стоял во дворе, прислушиваясь. Было тихо. Видно, партизаны добрались до коней и скрылись в лесу. Он вернулся в избу, надел очки и стал читать письмо Глазурина. Затем он протянул письмо Илье:

— Как вернешься во Владивосток, сразу же Пилипенко вручи. Дюже важное!

Глава пятая

«БОРОТЬСЯ И ВЕРИТЬ...»

Миша прислушался к голосам за стеной. Видать, торгующая в магазине шла бойко. Беспрерывно звонил колокольчик. Вдруг со двора послышалось металлическое звяканье. «Щеколда!» — подумал Миша и бросился к окну, но тут же разочарованно вздохнул. Это отряхивался выбравшийся из будки пес. Миша постоял, подумал и, сорвав с гвоздя фуражку, вышел на улицу. Было солнечно и тепло. Мимо текла пестрая река людей. Военные. Штатские. Ползли трамваи. Миша вспомнил слова Ольги о «вавилоне». Пожалуй, удачное сравнение. Такое оживление, такое разнообразие лиц, одежды, языков редко где встретишь.

Миша остановился перед высоким трехэтажным зданием с зеркальными окнами внизу. «Иллюзион», — гласила надпись под самой крышей. Пестрели афиши: «Сонька Золотая ручка», «Черный Пит», «В долине смерти». Вдруг внимание Миши привлек маленький, неровно наклеенный поверх афиши листок с убористым текстом:

«Товарищи! Граждане! Мы поставлены перед свершившимся новым фактом вмешательства интервентов в наши внутренние дела. Сегодня ночью из бухты Золотой Рог на помощь кровавому генералу Смирнову, колчаков-

скому карателю, вышли японские и американские ко-
рабли».

— У большевистских листовок не рекомендуется дол-
го задерживаться, — шепотом сказал кто-то рядом.

Миша обернулся.

— Оля! — восторженно крикнул он.

Девушка смутилась и сказала с напускной строго-
стью:

— Ушли без разрешения?

— Скучно сидеть. Пойдемте в «Иллюзион».

— В другой раз. Сегодня вечером надо побывать на
собрании Союза.

— Какого? — спросил Миша.

— Христианского союза молодых людей. Вы же со-
стоите его членом.

Она весело засмеялась, и Миша присоединился к ней.
Ольга указала на зеленую афишу, которая сообщала,
что клуб ХСМЛ «Маяк» завтра устраивает для рабо-
чей молодежи вечер дружбы. В программе, обведенной
затейливыми узорами, указывалось, что будут показаны
синемаграфические видовые, драматические и коме-
дийные фильмы, а также будет угощение. «Вход бес-
платный для всех желающих, — зазывала афиша. — Вы
чудесно проведете вечер, отдохнете от тяжелых и беспок-
ойных мыслей наших тревожных дней, вы увидите но-
вый мир, грядущий мир, гражданами которого вы стане-
те. Приходите к нам, приглашайте своих подруг, това-
рищей, братьев, сестер». А в самом низу шла броская
надпись: «Всем будут вручены подарки».

— Щедрые обещания, — нахмурился Миша. — Де-
шево хотят купить наших ребят. Пойдем, посмотрим...

— Вы обратите внимание — вечер они проводят не
в помещении клуба, в центре города, а лезут в рабочие
кварталы.

— Надо свой, коммунистический вечер организо-
вать, — предложил Миша.

— Сил у нас маловато, — грустно сказала Ольга. —
Такая обстановка сложилась... Самые боевые ребята в
партизанах.

Они вернулись в комнату Миши.

— А в России уже есть Коммунистический Союз
Молодежи, — сказал Миша. — В октябре прошлого го-
да первый Всероссийский съезд его состоялся.

— Слышала, — кивнула Ольга. — Дядя Саня обещает, что мы скоро получим программу РКСМ и начнем сколачивать Союз... Надо бы вечер американцам испортить, но как?

— Во-первых, выпустим листовку. Текст я напишу. Напишу о сладкой программе на горчичном соусе! — воскликнул Миша. Его глаза горели. Он заходил по комнате, объясняя девушке свою мысль. — ХСМЛ предлагает фильмы, развлечения, угощения, а американские войска маршируют по нашей земле, орудия кораблей наведены на город, американцы хозяйничают на железной дороге... За картинки и угощения мы не пойдем в ловушку. Американцам не удастся обмануть нас.

— Получается, — сказала Ольга. — Хорошенький подарок мы преподнесем хэсэмэлу.

— Есть у меня еще одна задумка, — добавил Миша.

Вечер дружбы ХСМЛ устраивал в пустующем складе около мельницы. Широкие двери были настежь распахнуты. Миша и Ольга подошли к самому началу вечера, чтобы не привлекать к себе внимания. Около дверей толпилась большая группа юношей и девушек, ребяташек с городской окраины. Над дверьми портреты Вудро Вильсона¹ и адмирала Колчака в обрамлении американских и колчаковских флагов.

— Иконостас, — сказал Миша.

Ольга дернула его за руку и указала глазами на рослых американцев в хаки, которые стояли у дверей и зорко следили за порядком. Это был наряд полиции.

Из склада доносилась музыка. Миша и Ольга вошли. Во всю длину склада стояли четыре ряда столов, но стульев и скамеек около них не было. На столах — бутылки с сидром и тарелки. На каждой тарелке по бутерброду, пирожному, яблоку и по горсти конфет. С балок под крышей свисали цветные бумажные ленты. Редкие лампочки временной электрической проводки слабо освещали склад. Со стен свисали многочисленные флаги, придавая помещению праздничный вид. На дальней стене виднелся белый экран. На невысокой эстраде шестеро музыкантов играли модный марш. Сновали прилизанные

¹ Вудро Вильсон — президент США.

молодые люди. К Мише и Ольге подлетел белобрысый молодой человек:

— Радые, радые вас видеть. Прошу проходить. Сейчас начнем. Возьмите на память, прочтете на досуге.

Он почти насильно сунул им в руки по тонкой книжке в пестрой бумажной обложке. Миша спрятал книжонку в карман. Гости листали такие же брошюрки.

Ольга шепнула:

— Что-то скучновато начинается вечер «дружбы».

— Поможем развеселиться.

Постепенно склад наполнился молодежью. Оркестр смолк, и музыканты покинули эстраду. На нее легко вскочил белобрысый парень и поднял руку.

— Друзья! Христианский союз молодых людей рад видеть своих друзей! Прошу вас подойти ближе к столам! Угощайтесь! Смелее, смелее. Вы — гости и не обижайте нас, хозяев!

Собравшиеся стояли у стен и к столам не приближались. Вдруг из толпы к столу выбежал юноша и схватил бутылку:

— Я выпью за ваше и наше здоровье!

Белобрысый захлопал в ладоши:

— Bravo! Смельчаку приз!

Он сделал знак, и к юноше подбежали две симпатичные девушки. Одна преподнесла ему букет цветов, другая — широкополую скаутскую шляпу.

— Все подстроено, — сказал Миша.

В глубине зала вспыхнул экран. Застрекотал киноаппарат, и на экране появился смешной человечек, который очень быстро из кубиков сложил надпись: «Америка — страна счастья». Потом надпись исчезла, и на экране появились небоскребы, заводы, мчащиеся через бесконечные поля поезда, фермы и многотысячные стада коров, овец, которых гнали ковбои... Новая надпись гласила: «Америка — страна изобилия». С экрана поплыли нескончаемые потоки фруктов, колбас, хлеба, одежды, ботинок, велосипедов... Появлялись улыбающиеся балерины, капитаны, ковбои, рабочие, фермеры, резвящиеся дети, окруженные чудесными игрушками, девушки и юноши, летящие в автомобилях, беззаботно раскачивающиеся на качелях... Обеденные столы, где еды хватило бы на полк солдат. «Вот так живут у нас

в Америке», — гласила заключительная надпись. Экран погас. Загорелись лампочки.

Люди толпились у столов. Угощения исчезли. Парни и девушки смущенно посмеивались.

— Друзья, вы видели, как живут в Америке. Так можете жить и вы. Америка хочет вам помочь...

— И поэтому прислала сюда крейсера и войска! — крикнул насмешливо Миша. — Почему вы не показали, как ваши войска маршируют по нашей земле?

Ольга была напугана поступком Миши. На них смотрели десятки людей. Белокрысый на мгновение растерялся, но тут же быстро ответил:

— Американские войска прибыли сюда, чтобы помочь быстрее навести порядок.

— Верно! Гип, ур-р-а-а американским друзьям! — послышалось несколько голосов. Молодежь насторожилась. Слова Миши напомнили о действительности, и произведенное экраном впечатление исчезло. Кто-то громко и сердито крикнул:

— Колпачат!

По залу прокатился гул. Белокрысый торопливо закричал:

— Друзья, друзья! Нам ли, молодежи, говорить о политике. Мы молоды. Нам надо учиться, веселиться...

— Долой американцев! Долой интервентов! — раздалось в разных уголках склада.

Миша знал, что это действуют Ольгины знакомые. Белокрысый замахал руками, требуя тишины, и наконец ее добился.

— Дискуссию откроем позднее, а сейчас мы с вами посмотрим новый фильм.

Снова погас свет и застрекотал аппарат.

— Хватит сказок! — закричал Миша.

— Хватит! — подхватила Ольга.

— Читайте правду! — Миша выхватил из-за пазухи пачку листовок и бросил их вверх. Они рассыпались у крыши и стали падать на зрителей. Попадая в луч киноаппарата, листовки отражались на полотне, на экране было видно, как навстречу листовкам жадно потянулись руки. В складе стало шумно.

— Слышите? — спросила Ольга Мишу.

— Что?

— Подарок пошел в ход!

Миша прислушался и уловил хлопки. Он схватил Ольгу за руку:

— Пора выбираться!

Они стали проталкиваться к дверям. В этот момент кто-то диким испуганным голосом завопил:

— Газы! Травят! Задыхаюсь!

Сначала эти слова были встречены смехом, но через секунду они сменились паническими криками:

— Газы! Газы!

— Спасите!

По складу распространилось удушливое зловоние. Люди ринулись к дверям. Загорелся свет, но это никого не успокоило. Мишу и Ольгу поток людей вынес на свежий воздух. Здесь в беспокойстве метались полицейские. Едва Миша с Ольгой отбежали в сторону, как на крыше склада выросла маленькая фигурка и, взмахнув рукой, швырнула пачку листовок. Они, точно густая стая птиц, реяли в вечернем воздухе и неторопливо опускались на головы людей.

— О-о-о! А-а! — неслось по улице.

В толпе мелькнула растерянная крысиная мордочка белобрысого и гүт же исчезла в людском круговороте. Везде сновали мальчишки и пронзительно свистели. Кто-то голосисто заливался:

Мунир английский,
Погон наш русский,
А штык японский,
Правитель омский.

— Смелчак, — сказала Ольга.

— Действительно смелчак, — согласился Миша и взял Ольгу под руку. Она удивленно посмотрела на него. Навстречу им к складу спешили колчаковские и японские патрули.

— Облава, надо уходить быстрее, — тревожно прошептала Ольга, намереваясь свернуть в проулок, мимо которого они проходили.

Миша удержал ее:

— Нельзя...

Патрули были совсем близко. Миша и Ольга шли им навстречу неторопливым шагом, словно влюбленная пара. Их подозрительно оглядели, но не задержали. Один из колчаковских патрульных даже улыбнулся, услышав, как Миша читал Ольге стихи Байрона:

С приходом ночи ветер разыгрался,
Но был спокоен звездный небосклон...

Они дошли до магазина Борзова.

— Вот мы и пришли. До свидания. Мне пора!

Она торопливо пожала ему руку и зашагала в темноту. Миша сделал шаг в ее сторону:

— Оля! Подождите.

В ответ донесся легкий стук каблуков, но и он быстро затих...

Проходили дни. Попова никто не навещал. О нем словно забыли. Одиночество становилось тягостным. Оно изматывало. Сам того не замечая, Миша все чаще и чаще спрашивал Борзова о товарищах, стал жаловаться... Борзов, разговорчивый и предупредительный с покупателями, вначале отделялся односложными ответами вроде: «Понадобишься — вспомнят», «Нужен будешь — позовут», «Соскучатся — придут». Однажды во время обеда Миша сказал что-то резкое.

Борзов, задержав ложку, поднял лицо от тарелки. Глаза у него были обжигающие. До конца обеда он не произнес ни одного слова, но Миша видел, что Борзов сердит. В молчании они вернулись в магазин, и тут Борзов раздраженно сказал:

— Ты там в харчевне слово такое непонятное для меня произнес — «напрасно».

— Ну да. Напрасно я здесь торчу.

— Замолчи! Слушай, что я тебе скажу. — Борзов вдруг изменился. Перед Поповым предстал не тот услужливый, мало чем примечательный приказчик лавки, а суровый, сильный и очень уверенный в своей правоте человек. Таким Миша видел его впервые. — Если ты революционер, — говорил Борзов, — если ты коммунист и всем сердцем, всей своей жизнью служишь святому делу освобождения людей от рабства, то у тебя ни одного дня, ни одной минуты не может, не должно проходить напрасно. И даже не смеешь об этом думать. Вот ты несколько дней по комнате мотаешься, как жук в коробке. Понимаю, тяжело, трудно, но так надо. Вы там с Ольгой пошумели на американском вечере. Ты там голос подал, и, может, тебя заметили. Может, с тобой кое-кто хочет встретиться, присмотреться к тебе, да и нас пощупать...

Миша был обескуражен словами Борзова. А он так был доволен тем, что ему удалось сделать на вечере ХСМЛ.

— Может, ты для какого-то другого дела предназначен и еще не наступил твой черед, твое время, — продолжал Борзов. — Если судить по-твоему, то, выходит, я напрасно теряю силы и время вон там, — он указал на стенку, за которой был магазин. — Сколько я там, будь они неладны, пуговиц, крючков, резинок за день покажу, уберу, заверну, сколько раз помахаю аршином. А я все делаю и не думаю, что напрасно. Я знаю, что это надо партии, и стараюсь быть настоящим купцом.

Миша хотел сказать, что положение Борзова иное, но тот точно догадался о мыслях Попова:

— Понимаю, скучно тебе...

— Книг бы... — начал Миша.

— Книг, умных, настоящих, здесь не положено держать, — сказал Борзов. — Нагрянут с обыском из контрразведки — ничего нет. По одной книге можно понять, что за человек тут живет. А я для господ офицеров — купец и только о короле сыщиков и читаю, потому что для большой литературы нет у меня ни ума, ни интереса. — Борзов расхохотался. — Вот так.

Борзов посмотрел на задумавшегося Попова и вышел в магазин. Вернулся он оттуда с шахматами:

— Давай-ка сразимся. Соображаешь в эту игру?

Миша обрадовался шахматам. Расставив фигуры, они сделали первые ходы, и Борзов, как бы подводя итог своему разговору, сказал:

— Надо, Миша, верить. Бороться и верить, что все это не напрасно.

Уходя от повеселевшего Попова, Борзов потрепал его по плечу:

— Нелегкая у нас, Миша, жизнь, нелегкая дорога, но как это прекрасно! Ведь мы делаем такое дело, которое было не под силу никому до нас!

Позже, прислушиваясь к звукам, доносившимся из магазина, к голосу Борзова, который вновь приобрел услужливо-любезный, предупредительный тон, Миша шепотом повторял слова:

— Бороться и верить, что это не напрасно. Бороться и верить!..

На следующий день пришел Пилипенко. Был он в хорошем настроении и, посмеиваясь, сказал:

— Ну, Мишутка, можешь своего дружка повстречать.

— Какого? — удивился Миша, думая об Ольге.

— Офицерику, с которым из Хабаровска вместе ехали.

— Емельянова? — удивился Миша. — Так он же где-то на Сучане.

— Шуганули наши оттуда беляков. Сегодня во Владивостокском порту высадились, шишки да пинки подсчитывают. Знаешь, как там дело обернулось? На помощь колчаковскому десанту пришли американские и японские корабли и три дня обстреливали прибрежные деревни. Пузырьков оставил район обстрела, присоединился к Глазурину, который снял осаду Владимиро-Александровского. Оба отряда отступили к деревне Перетино и устроили засаду. Белогвардейский десант соединился с отрядом генерала Смирнова, начал наступление и попал в огневой мешок партизан. Потеряв полторы сотни убитыми, беляки отступили. А наши гнали их до самого моря.

— Крепко! — восхищенно сказал Попов.

— Ни одного беляка в Сучанской долине нет, только вот интервенты... — Семен Прокопьевич помрачнел. — Уцепились они за нашу землю. Болтают о нейтралитете, а сами, гады, знаешь, что учинили, когда наши под Перетино колчаковцев ждали? Американцы из Сучана в село Новицкое пришли. Оно от Перетино в десяти верстах, засели там в сопках с пулеметами, с пушками. Ожидали, что наши от Смирнова побегут и прямо на них. Хотели вчистую уничтожить. Не вышло! А сейчас поганую свою душу обелить норовят. В газетах пишут, что заслон выставили, видишь ли, не хотели, чтобы боевые действия на копи перешли. Да кто им поверит? Много пакостей надо ждать от интервентов. Уж очень сладкий пирожок для них наша здешняя земля. Ты, Михаил, с офицериком встретись. Может, что полезное для нас узнаешь. Только поосторожнее, а не так, как случилось у вас... — Тут Пилипенко что-то вспомнил смешное, расхохотался. — Это ты порекомендовал бутылки начинить карбидом?

Миша кивнул.

— Молодежь здорово вы выкурили из склада хэсэ-мэловцев. И за листовку хвалю. Крепко написано. Ее отпечатали и для расклейки по городу. — Тут Пилипенко согнал улыбку, пригладил усы. — Что хорошо, то хорошо, а что плохо, то плохо. — Семен Прокопьевич постучал пальцем по столу. — Но зачем листовку самому швырять, в спор с американцем вступать? Не было дано тебе такого права. Ты нужен для связи с Кольном.

Попов молчал. Он понимал, что поступил опрометчиво. Пилипенко сказал мягче:

— Я Ольге баньку задал. Это она тебя потащила.

— Я сам.

— Ладно, не защищай, — усмехнулся Пилипенко. — Она тебя, ты ее. Ишь, сдружились. — Он хитровато посмотрел на Мишу из-под нависших бровей и, заметив, что последнее замечание несколько смутило Мишу, переменял разговор, указал на шахматы: — С Борзовым сражаешься?

— Ох и играет! — сказал Миша. — Из трех партий одну только и выиграл.

— Тебе повезло, — рассмеялся Семен Прокопьевич. — Ты первый у него выиграл.

— Ну? — удивился Миша.

— Вот тебе и ну, — передразнил Пилипенко. — Максим шесть лет в одиночке сам с собой играл, научился. А теперь потолкуем о деле. Завтра ступай до Кольна, условься, что вечером, когда стемнеет, сюда приведешь. С патронами он нам должен помочь. Кольн тебя в том же месте в тот же час будет ждать, не опоздай. Один пойдешь, без Ольги.

— А где она? — вырвалось у Миши.

— Тоже, занята. — Пилипенко поднялся, протянул руку. — Бывай здоров, не кручинься. С Ольгой завтра свидишься. Понимаю, тоска тут на стены глядеть, а надо, Мишутка, падо.

После разговора с Кольном, договорившись о часе и месте встречи вечером, Миша зашел на городскую телефонную станцию и позвонил Емельянову. Его не оказалось. Попову ответили, что он будет позднее. Толь-

ко после нескольких попыток Миша наконец застал офицера.

— Адъютант генерала Смирнова слушает, — раздался в трубке голос Емельянова.

Миша отметил, что тон у офицера не особенно бодрый. Узнав Попова, подпоручик ответил:

— Мишель, вы? Рад, рад слышать вас. Как Ольга Алексеевна? Когда я ее встречу? Сегодня вечер у вас свободный? Жаль. Ну, завтра, только обязательно. Жду. Привет Ольге Алексеевне. Она не забыла о моем существовании, не вспоминала? Вспоминала? О, даже рана перестала болеть. Какая рана? Пустяки. При встрече расскажу.

После разговора с подпоручиком Миша побродил по городу и зашел в порт. У причалов было тесно от судов, трещали лебедки, плыли в воздухе стрелы с грузами. На суда с иностранными флагами в черные пропасти трюмов грузились лес, ящики с надписями «пушнина», с большого транспорта под японским флагом по широкому трапу сходили солдаты в полном снаряжении и строились в колонну. Сгружались пушки. Чужие флаги, чужая речь, чужие лица обступали Мишу, и он с тяжелым сердцем стал выбираться из портовой толчеи.

...Когда Миша привел Кольна в свою комнатку, то в ней, кроме Пилипенко, оказался незнакомый молодой светловолосый человек, по одежде явно железнодорожник. Пилипенко предложил:

— Знакомьтесь.

— Илья, — сказал железнодорожник и улыбнулся открыто, по-приятельски. — А тебя звать Михаил. Знаю, Семен Прокопьевич о тебе рассказывал. Сегодня вместе будем действовать.

Попов вопросительно посмотрел на Пилипенко. Тот сказал Илье:

— Михаил еще не знает об операции. Садитесь. Переведи, Миша, что нам Кольн расскажет. Давай, Илья, карту.

Машинист вынул из нагрудного кармана вчетверо сложенный лист плотной бумаги — эскизный чертеж путей на станции — и передал Кольну:

— Показывай.

Американец кончиком карандаша показал место, где стоит вагон с боеприпасами.

— Это один из вагонов санитарного поезда. Под красным крестом. Вчера должны были отправить Колчаку в Сибирь. Буксы испортились.

Миша был за переводчика.

— Не знали мы, что санитарный поезд набит боеприпасами, — воскликнул Пилипенко. — Чего ж ты нам не сообщил об этом?

— Командование в секрете держало, — ответил Кольн.

— Поезд от нас не уйдет, — решил Пилипенко. — Сообщим читинским товарищам. Перехватят. Ну, давай, Кольн, дальше о вагоне.

— Сегодня буксы исправили. Утром с первым поездом вагон отправят.

— Та-ак, трошки маловато времени, — вздохнул Пилипенко. — Как охраняется вагон?

— Один часовой. — Кольн посмотрел на свои ручные часы. — Меняется каждые четыре часа. Очередная смена в ноль-ноль часов.

— Будем брать, — решил Пилипенко и посмотрел на Илью. — Уведешь на Первую Речку?

Илья подвинул к себе схему железнодорожных путей и, взяв у Кольна карандаш, сделал на линии с вагоном две пометки.

— Тут стрелки. Одна перед станцией Владивосток, другая за городом. Кто мне путь откроет? Да и часовой...

— Часового на себя возьмет Михаил, — кивнул в сторону Попова Пилипенко. — А на стрелках свои люди. Вагон надо перегнать быстро.

— Понимаю. — Илья повернулся к Мише. — Значит, вместе будем действовать.

Вскоре Кольн распрощался и ушел.

Пилипенко сказал Мише:

— Ты на паровозе с Ильей подкатишь к вагону, скажешь часовому, что есть приказ перегнать вагон на другой путь. Он тебе, конечно, не поверит. Ругайся с ним по-ихнему. Можешь?

— Могу, — засмеялся Миша. — Правда, на их языке ругань не такая ядреная, но иногда действует.

— Смотри, чтоб часовой тревоги не поднял. — Пилипенко был взволнован. — Потихоньку, без шума. Ору-

жие применять в крайнем случае. Ну, сынки, с богом, как говорится!

Пилипенко ушел. Илья и Миша услышали, как звякнула за ним щеколда калитки. Прошло несколько минут. Все было тихо.

— Пошли? — предложил Илья.

— Пошли! — сказал Миша.

...Они спустились по крутому каменистому обрыву и, обойдя какие-то вагоны, оказались перед паровозом. В будке горел свет. Послышался негромкий голос:

— Ты, Илья?

— Я. Спокойно у вас?

— Тихо.

— Принимай гостя. — Илья вывел Мишу в полосу света. — Поднимайся. На паровозе бывал?

— Бывал. — Миша легко поднялся в будку и увидел черноты лица от угольной пыли человека, коренастого, одних лет с Ильей. На его глаза была низко надвинута шапка.

— Это мой помощник, — сказал Илья, затем указал на спящего на ящике человека. — А это наш кочегар.

Не успел Миша осмотреться, как к паровозу подбежал дежурный. Из темноты послышался его раздраженный голос:

— Какого черта на отшибе стали? Бегай тут за нами.

— А чего тебе? — выставился Илья в окно.

— Кати в порт, — крикнул дежурный. — Там зашились. Подгонишь состав с углем под выгрузку на самый причал, к американскому крейсеру, а оттуда пригонишь пару холодильников. Будем формировать эшелон.

Дежурный передал Илье путевку и ушел. Машинист обрадованно потряс бумажкой:

— Путь открыт. — Илья подмигнул Мише. — А кто помещает нам пристегнуть вагончик к холодильникам, а?

Он перевел реверс, и паровоз тронулся с места. Кочегар взялся за лопату. Миша стоял в сторонке, чтобы не мешать. Паровоз, постукивая на стыках, вышел на магистральный путь. Топка дышала жаром. В окна и двери дули упругие холодные струи ветра.

Илья был хорошим машинистом, это сразу было заметно. Подав состав с углем к ярко освещенному крейсера, Илья разыскал холодильники. Они были на Эгершельде, в тихом тупике. Остановив паровоз и приказав помощнику для вида что-то исправлять, если кто появится, Илья с Мишей вышли к санитарному вагону. Около него прохаживался часовой, насвистывая что-то бойкое.

Илья тронул Мишу за локоть и потащил его назад. Они вернулись к паровозу. Илья сказал:

— Будем действовать!

Через полчаса паровоз медленно стал подталкивать холодильники к вагону. Часовой вышел вперед и крикнул что-то по-английски. Илья спросил Мишу:

— Что он там орет?

— «В чем дело? Сюда нельзя! Приказываю остановиться!»

— Еще стрельбу откроет, — забеспокоился Илья.

— Попробую его успокоить. — Миша прыгнул на землю и быстро сказал шагавшему рядом с паровозом помощнику машиниста: — Держись поблизости. Может, придется часового успокоить.

— Угу, — промычал тот.

Миша, обгоняя холодильники, быстрым шагом направился к часовому.

— Стой! — крикнул тот. — Кто идет?

— Вагон приказано перегнать! — произнес Миша, продолжая подходить к часовому. Английская речь несколько успокоила американца, и он, всматриваясь в темноту, сказал:

— Мне об этом не говорили.

— Я тебе говорю. — Миша шел рядом с крайним холодильником, держась в тени. — Эшелон формируется.

Но это, очевидно, не совсем убедительно прозвучало для часового. Он сдернул с плеча карабин и крикнул:

— Стой!

«Знает службу», — подумал Миша и стремительно бросился на часового. Тот этого не ожидал, и Миша выиграл несколько секунд. Прежде чем часовой успел выстрелить, Миша рукояткой пистолета оглушил его. Американец рухнул на землю.

— Ловко ты его, — прошептал помощник машиниста.

— Прицепляй вагон. — Миша отташил американца, связал ему руки и ноги, забил в рот кляп. Теперь часовой был не опасен. Тихо звякнули буфера. Илья осторожно подошел к санитарному вагону.

Из порта выбрались благополучно. Впереди была еще стрелка у первого виадука. Как проскочить ее? Илья стоял у окна и держал руку на реверсе, готовый в любую секунду прибавить скорость. Если нельзя будет проскочить, он устроит крушение, подожжет вагон, а сам с товарищами уйдет из города. Так было условлено с Семеном Прокопьевичем.

Стрелка приближалась. Илья до боли в глазах всматривался в нее. Он всем телом чувствовал, как сокращалось расстояние. Свет фонарей скользил по рельсам, и казалось, что под паровоз бегут две струйки расплавленного серебра. Илья вдруг почувствовал облегчение: он увидел, что стрелка переведена. Его занемевшая рука повернула реверс. Паровоз резко прибавил ход и скоро загредел под виадуком...

Перед станцией Первая Речка маленький состав пошел тише и остановился в дальнем углу за разгрузочной площадкой. Миша слышал невнятные голоса. В темноте угадывалось присутствие многих людей. Кто-то подошел к тормозной площадке и окликнул:

— Михаил!

— Я! — Миша узнал Семена Прокопьевича и прыгнул на землю.

— Молодец! — встретил его Пилипенко и обнял. — Спасибо. А сейчас иди до дому.

Мише не хотелось уходить, но он знал, что говорить с Пилипенко бесполезно, и побрел в темноте домой. Немного поплутав, он выбрался на Северный проспект. Два раза Миша замечал впереди себя патруль, но счастливо избежал встречи с ним. Добравшись до своей комнаты, он сразу же уснул крепким сном...

К ресторану «Золотой Рог» Ольга и Миша пришли с запозданием: своей аккуратностью они не хотели давать Емельянову повода подумать, что они очень заинтересованы в этой встрече. Емельянов уже был на мес-

те. Миша и Ольга издали наблюдали за ним. Он прохаживался у входа в ресторан, курил, приветствовал старших офицеров.

— Мой кавалер на посту, — насмешливо блестя глазами, сказала Ольга.

— А вы и рады.

— Уж не ревнует ли мой «братик»? — лукаво спросила Ольга и, подхватив Мишу под руку, строго закончила: — Без фокусов. Пошли.

Увидев их, Емельянов расплылся в улыбке. Его левая рука эффектно покоилась на черной перевязи.

Ольга осторожно дотронулась до нее:

— Что с вами? Вы ранены?

— Ах, пустяки! — небрежно произнес Емельянов. — Шальная пуля...

— О, где? Как? — засыпала Ольга вопросами подпоручика.

— Выезжал на фронт. Потом, потом, господа. Я есть хочу, как медведь после зимней спячки.

Они вошли в ресторан и без труда нашли столик в уголке, у окна. Ольга была в новом платье. Розоватое, с белым воротником, открывающим красивую шею, оно очень шло к ней. Веселая и оживленная, она кокетничала с Емельяновым. Офицер заказал отличный обед с вином и фруктами, но от вина Миша сразу же отказался.

— А я глоток выпью, — задорно блеснула глазами Ольга и, вскинув голову, осмотрела зал.

— Я тебе запрещаю, — серьезно сказал Миша.

— Я на правах хозяина поддерживаю Ольгу Алексеевну, — вступился за Ольгу офицер.

— Он же у нас бука, — рассмеялась Ольга.

Емельянов почти забыл о Мише и все свое внимание обратил на Ольгу, сыпал комплиментами, говорил без остановки; достав папиросы, попытался прикурить одной рукой.

— Давайте я помогу. — Ольга зажгла спичку. — Так я жду рассказа о вашем ранении.

Затянувшись папироской, Емельянов откинулся на спинку стула.

— Рассказать? Что ж, можно. Я уже говорил Мише-лю, что союзники послали на помощь моему дядюшке десант. Но десант не мог высадиться. Партизаны вели

ураганный огонь. С кораблей открыли ответный огонь. Три дня ухали орудия, я чуть не оглох. Ночь превратилась в день. В селах не прекращались пожары. Знаете, это очень красиво, когда в густой темноте поднимается высокое пламя. Оно разных цветов: и желтое, и бордовое, и пурпурное, и...

— Но в селах же дети, старые люди, — взволнованно перебила Ольга.

— Что поделаешь? — пожал плечами Емельянов. — Война есть война... Так вот, партизаны ушли. Мы высадились. Освободили дядюшку. Откровенно говоря, эта встреча не доставила мне большой радости. Старик стал невозможным...

Официант начал подавать обед, и рассказ Емельянова прервался. Подняв бокал, Сергей Анатольевич чокнулся с Ольгой.

— За нашу встречу! — Он многозначительно посмотрел на Ольгу.

— За счастье! — Ольга пригубила вино.

Обед был вкусен, и Миша с аппетитом ел. Емельянов, осушив бокал, приподнято закончил свой рассказ:

— Погнали мы партизан от Владимиро-Александровского. Бой длился почти сутки. Там и царапнуло меня. Впрочем, все это ерунда.

— Ой, не говорите так! — воскликнула Ольга. — Вас же могли убить.

— Меня могли убить! Россию убили, господа! — Емельянов стукнул кулаком по столу. — Союзники наши, союзники. Черт знает, что происходит! Большевики что хотят, то и делают. Нынче ночью, — понизил голос Емельянов, — пропал вагон с боеприпасами — и никаких следов. — Емельянов засмеялся. — Вагон, как ангелочек, взмахнул крыльями и упорхнул на небо...

Миша слушал Емельянова, опустив глаза: правду он говорит или хитрит, следит за ним? Попов в упор посмотрел на Емельянова:

— Как же это может пропасть вагон?

— Фьють! — присвистнул офицер и потянулся к бокалу. — Мой дядюшка зол, как черт, от провала экспедиции против партизан. Мечтает о реванше. Союзники, кажется, готовы помочь ему. Сегодня в штабе Хорвата прошел слушок, что Грэвс готовит грандиозную операцию против партизан.

— Значит, мы опять скоро расстанемся? — спросила Ольга.

— Кто знает, — пожал плечами офицер. — Трудно бороться с большевиками, господа. У них везде свои агенты. Даже в селе Владимиро-Александровском, где стоял мой дядя, у них был свой человек. И какой это упрямый народ. На допросах — молчок.

— Его что, схватили?

— Ну конечно. Местный учитель. Оказался агентом красных. Пристрелили. Что с вами, Ольга Алексеевна?

Ольга обеими руками закрыла рот, чтобы у нее не вырвался крик. Она поднялась и, шатаясь, пошла к выходу. Пока Емельянов рассчитывался с официантом, Миша помог Ольге одеться и вывел ее из ресторана. Их догнал Емельянов.

— Извозчик! — крикнул он.

Миша с тревогой смотрел на Ольгу. Что с ней произошло? Почему так на нее подействовал рассказ Емельянова? Подъехал извозчик. Миша усадил Ольгу в коляску.

— Извините меня, — кое-как выговорила Ольга. — Не надо провожать. До свидания.

Коляска тронулась. Офицер смотрел вслед, пока она не исчезла из виду.

Ольга сидела, опустив голову, прижавшись к Мише. Ехали молча, Миша не тревожил Ольгу расспросами.

— Учитель, о котором говорил офицер, мой отец, — с трудом вымолвила наконец Ольга.

...В тот же вечер к Мише вошел Борзов в сопровождении высокого человека. Миша, занятый думами об Ольге, рассеянно взглянул на смуглое лицо, обрамленное черной выющейся бородкой, и оно показалось ему знакомым.

— Сергей Георгиевич!

Слегка картавя, Лазо сказал:

— Здравствуй, Миша. Соскучился? Я тоже, но теперь не расстанемся. Поедем в тайгу к партизанам... Только что окончилась Вторая дальневосточная краевая конференция РКП(б). Надо собирать партизанские силы в единый кулак.

«Бороться и победить», — подумал Миша.

В ТАЙГЕ И В ГОРОДЕ...

Яшка Байбородов и его друзья, выполнив все поручения Глазурина, возвращались в отряд.

Рано утром, объехав копи, разведчики выбрались на дорогу, ведущую через Новицкое и Перетино к Унашам. Не успели они проехать и двух верст, как увидели у подножия сопки колонну американских войск. Солдаты снимали с повозок пулеметы и патронные ящики. Два офицера, не сходя с коней, смотрели на сопку, которая господствовала над дорогой и расстилающейся перед ней долиной реки Сучан. Хэлридж, его Яшка сразу же узнал, отдал какое-то распоряжение, и солдаты начали вкатывать пушки на крутой склон. На дороге оставалось все меньше и меньше солдат. Скрылся на сопке и Хэлридж. Четверо конных американцев направились в сторону Перетино, и дорога опустела.

— Свило гнездышко воронье, — первым заговорил Яшка. — Вы, ребята, мозгой шевельните. Для какой надобности Хэлридж шоколадников на сопке упрятал?

Товарищи молчали. Они знали не больше своего командира.

— Марш к Глазурину, — сказал Байбородов Фильке. — Скажешь, что америкашки на сопке засели. Мы с них глаз не спустим. Ну, айда! Да не напорись на разъезд шоколадников.

Филька исчез в лесу. Партизаны устроились поудобнее, и Яшка, приказав Кен Дя и Цыганку наблюдать за сопкой, быстро уснул. С наступлением темноты Яшка сменил товарищей, но не успели они задремать, как слышался треск валежника. Кто-то пробирался к партизанам.

— Всю морду поизодрал о ветки, — сердито ворча, вышел к товарищам Филька.

— Докладуй. Чего вернулся? — приказал Яшка.

— У Перетино наши с колчаковцами быются, — волнуясь, сказал Филька. — От железного «ежа» отступились. Беяки с моря прут. Три дня деревни с пушек пароходных громили. Глазурин приказал сидеть здесь и за американцами глядеть. Ежели двинутся к Перетинно — скакать во всю мочь, предупредить. — Филька

достал из-за пазухи каравай свежего хлеба и ломоть сала. — Жрать-то хотите?

— Не спер? — миролюбиво поинтересовался Яшка и поровну разделил хлеб и сало.

— Наши не уйдут из Перетино, — закончил Филька. — Глазурин сказал, что партизанам ходу назад нет, поскольку тут шоколадники.

Ночь прошла спокойно. Утром дорога ожила. Проезжали американские патрули. Несколько всадников прискакали из Новицкого и снова уехали. С ними отбыл и Хэлридж. Скоро с сопки стали спускаться солдаты. Они вытащили на дорогу пушки, запрягли лошадей, построились в колонну.

Яшка свистнул:

— Удирают шоколадники. Видать, наши наклали колчаковцам по первое число. К морю, гады, поползли!

Вечером разведчики вернулись в отряд Глазурина.

Цыганок Харсь стал одним из немногих пехотинцев в конном партизанском отряде сучанских шахтеров. Когда товарищи уходили на боевые операции, он оставался на базе и не находил себе места. Вот тогда-то он и поклялся достать коня, да такого, что сам товарищ Глазурин позавидует...

Майор Хэлридж нервничал. Поднимаясь по широкой лестнице в приемную генерала Грэвса, он чувствовал, как с каждой новой ступенькой тяжелеют его ноги, точно их наливают свинцом, и мелко, трусовато дрожат колени.

Состояние тревоги не покидало майора с того дня, когда он безуспешно ждал в засаде на склоне сопки за селом Новицкое партизан. Они должны были отступить под натиском генерала Смирнова и напороться на удачно расставленные пулеметы и пушки американцев. Но произошло все иначе. Партизаны устояли против колчаковцев и даже нанесли им большой урон. Генерал Смирнов поспешно отступил к бухте и, погрузившись на суда, ушел во Владивосток.

Хэлридж возненавидел генерала Смирнова. Он подвел майора, не смог справиться с партизанами, хотя сил у него было вдвое больше, чем у них.

Майор наконец добрался до дверей приемной и, глу-

боко вздохнув, вошел в просторную комнату, залитую серым тусклым светом пасмурного дня. Майская погода не баловала солнечными днями. С Гнилого Угла города непрерывно ползла серая морозящая пелена тумана.

В приемной на диване сидел молодой белобрысый человек с гладко прилизанными волосами, в черном модном костюме. На его остренькой крысиной мордочке бегали маленькие, цепкие, все замечающие глазки. Человек держал руки на коленях и чем-то напоминал Хэлриджа пастора из приходского костела в Нью-Джерси. У окна стоял высокий молодой русский офицер. Левая рука у него была на черной перевязи. Дождался приема и необыкновенно худой генерал. Лицо, изборожденное морщинами, было плохо выбрито. Короткие усы, закрученные в колечки, казались лишними, чужими, как и грязновато-седые жидкие волосы. «Смирнов, — решил Хэлридж. — Старая калоша...»

Из кабинета генерала Грэвса вышел адъютант:

— Вас ждут, майор!

В кабинет командующего американским экспедиционным корпусом в Сибири Хэлридж вошел с таким ощущением, словно он прыгнул в ущелье с закрытыми глазами. Автоматически майор доложил о своем появлении и замер. Генерал с листком желтой бумаги стоял у большой карты России. На ней цветными шнурами на иголках были обозначены контуры фронтов.

Хэлридж острым взглядом пробежал обозначенные на карте линии фронтов. «Медленно идут, — недовольно подумал он о войсках Антанты. — И откуда у большевиков столько силы, упорства?»

— Бегут большевики, бегут, — прервал мысли Хэлриджа генерал Грэвс и, постучав пальцем по карте, оживленно сказал: — Отогнали их от Черного моря. Смотрите, майор, коммунисты уже бегут от Киева. Скоро и Воронеж займем, как и Царицын.

— Да, там хорошо, — поддакнул Хэлридж, обрадованный, что генерал заговорил о положении на фронтах.

Майор подошел к карте, с удовлетворением проследил изогнутую линию фронта на юге России и взглянул на восток. Здесь положение было катастрофическое. Колчак бежит. Красная Армия уже у Уральского хребта.

«Кажется, Колчак не та лошадь, на которую мы ставим, в надежде, что она придет к финишу первая», — подумал Хэлридж и, переводя глаза на север, оживленно воскликнул:

— Тут, у Архангельска, конечно, не может быть плохо. Здесь янки!

Хэлридж, осмелев, пустился в рассуждения о создавшемся положении на фронтах и даже глубокомысленно начал высказывать свой прогноз ближайших изменений. Грэвс насмешливо оборвал его:

— Разве Вильсон пригласил вас, майор, своим советником по военным делам?

Хэлридж замолк на полуслове. Генерал перешел к карте Дальнего Востока и стукнул по ней пальцем, словно клюнул ее.

— Сюда надо все время смотреть, майор. Смотреть, думать и действовать! Сучанская долина — вот наш фронт!

Лицо генерала омрачилось. Широкие, рано начавшие седеть брови нависли над глазами. Так было всегда, когда генерал начинал нервничать. И как тут не нервничать! Через месяц после его воззвания к населению на Сучанских коях и железнодорожной ветке началась забастовка. Грэвс понимал, что более трудные времена еще впереди. В тайге на Сучанских угольных коях появился большевистский генерал Лазо. Это не случайно.

Вспомнив о майоре, Грэвс отрывисто сказал:

— Вы не энергично действовали, майор. Незачем было первым сходить на берег с десантом. Но это небольшая ошибка. Более серьезный просчет — ваши нерешительные действия у села Новицкое. Вы должны были ударить партизанам в спину, когда они вели бой с частями генерала Смирнова.

У Хэлриджа от изумления даже приоткрылся рот. Он не ожидал такой откровенности от генерала. Грэвс едва приметно улыбнулся:

— Хотя мы с партизанами не воюем, но нельзя же было спокойно отнестись к тому, что большевики громили наших союзников. Вы должны были пойти к ним на помощь! Вы могли бы уничтожить ядро партизан на Сучане.

Хэлридж только вздохнул. Он проклинал себя за нерешительность. Сейчас разговор с генералом был бы

иной и не пришлось бы выслушивать нотацию, как провинившемуся ученику.

— Вас извиняет то, что вы недавно из Штатов, не изучили еще здешнюю обстановку, — смягчился генерал, помня, что Хэлриджа прислали с самой блестящей рекомендацией. К тому же он приходился родней одному из видных генералов военного министерства. — Я уверен, что вы исправите свои ошибки...

— Конечно, генерал! — убежденно воскликнул Хэлридж.

— Я верю. — Грэвс чуть наклонился вперед. — Вы возвращаетесь в Сучанскую долину. Меня очень тревожит положение на железнодорожной ветке Угольная — Сучан и копях. Сучан — это уголь, экономическое сердце края. На его угле ходят все поезда, которые доставляют адмиралу Колчаку снабжение, все пароходы. Наконец, мы сучанским углем обеспечиваем свой военный флот. Большевики все это прекрасно знают, понимают значение для нас сучанского угля, и я не буду удивлен, если именно сюда, в это, так сказать, экономическое сердце они нанесут свой удар... Ваши обязанности можно определить коротко. — Грэвс поднял руку с тщательно отполированными ногтями и сжал ее в крепкий кулак. — В таком кулаке вы должны сжать всех, кто мешает нам, а если потребуется, то и задушить.

Генерал говорил ровным, даже бесстрастным, равнодушным тоном. Его светлые глаза были устремлены на кулак, словно он впервые видел его. Медленно, очень медленно Грэвс разжал пальцы, и от этого жеста Хэлриджу стало чуть-чуть не по себе.

— Я понял, мой генерал!

— Но наш кулак должен быть всегда одет в перчатку. А перчатка — это Колчак и наши японские союзники. Потом можно будет ее швырнуть в мусорный ящик, и на нашем кулаке не будет ни единого пятна.

Хэлридж, приподняв верхнюю губу, обнажил мелкие зубы:

— О! Прекрасно сказано, я с вами совершенно согласен.

— Белогвардейцы, как тут называют сторонников адмирала Колчака, не особенно церемонятся со своими соотечественниками, которые не разделяют их убеждений. Ну, а японцы тем более... Азиатская натура...

— Кажется, они намереваются прибрать этот край к своим рукам.

— Это им никак не удастся, — твердо сказал Грэвс. — Не удастся. На это много причин, но не стоит сейчас об этом говорить. Японцы пока нам необходимы. Они своими азиатскими методами усмирения уже успели восстановить против себя почти всех жителей.

— Это же отлично! — Хэлридж прищурился, словно всматриваясь в какую-то даль. — Мы предстанем перед русскими как гуманные заступники, черт побери! Это же ваша теория перчатки, мой генерал.

Грэвс и Хэлридж расхохотались.

Грэвс снова подошел к карте.

— Вернемся к Сучанской долине. По данным нашей разведки, у партизан происходит заметная реорганизация сил. У них появился Лазо. Это он в Забайкалье нанес основательный удар по войскам Семенова.

— Лазо, Лазо, — повторил Хэлридж. — Да, слышал это имя.

— Так вот, — Грэвс протянул руку, — вы видите: вдоль Сучанской ветки много красных флажков. Это партизанские гнезда; деревни, где почти все жители поддерживают большевиков. Я предвижу, что большевики начнут борьбу за Сучан. Забастовки — первый сигнал. Мы должны предупредить их. А чтобы красные флажки не оказались на шахтах Сучана, нам надо усилить свои, а особенно колчаковские и японские гарнизоны на ветке, лишить партизан какой-либо поддержки в близких к Сучану и железной дороге деревнях. — Генерал положил руку на карту, прикрыв ладонью Сучан и часть дороги. — При любых обстоятельствах Сучан и ветка должны быть наши. Это серьезная задача.

— Я берусь за ее решение. — Хэлридж чуть выпятил грудь и расправил плечи. — Я знаю, как за это взяться.

Грэвсу нравилась самоуверенность майора.

— Вам предоставляется полная свобода действий. Делайте все, что найдете нужным. Все действия японских и колчаковских сил будут координироваться нами. Точнее, используйте их по своему усмотрению. Штаб японских сил и генерал Хорват отдали приказ своим войскам в этом районе, — Грэвс наклонил голову, — подчиняться советам наших офицеров.

— Я завтра же выезжаю, — сказал Хэлридж и только сейчас по-настоящему понял, что теперь он несет полную ответственность за все события на Сучане и железнодорожной ветке.

— Ценю ваше рвение, — подхватил Грэвс и снова вернулся к столу, поднял маленький серебряный колокольчик. — Сейчас я вас познакомлю с мистером Дортсоном из Христианского союза молодых людей. Вы должны помочь ему...

Адъютант ввел в кабинет Дортсона. Держался он свободно. Познакомившись с Хэлриджем, Дортсон, белокрылый молодой человек, с пафосом заговорил:

— В то время как вы, мистеры, отдаете предпочтении оружию, наш Союз в основу своей деятельности положил гуманное воздействие на людей... Наш Союз, — перешел на деловой тон Дортсон, — решил русскому населению вручить подарки — различные вещи, в которых они нуждаются, и таким образом показать русским, что американцы — их друзья...

— Майор Хэлридж обеспечит вашу безопасность, — прервал его генерал Грэвс.

— Мы будем снимать фильм, — продолжал, не смущаясь, Дортсон. — Америка и Россия. Восторженная встреча союзников... Большевицские зверства...

— Тут, кстати, находится генерал Смирнов. Вот я и скажу ему, чтобы он послал своих солдат для охраны вашей группы, — опять прервал Дортсона Грэвс.

Когда Смирнов в сопровождении своего адъютанта вошел в кабинет, то Хэлридж прежде всего посмотрел на руки генерала. Пальцы его шевелились. Смирнов казался заспанным, но это было первое впечатление. Его взгляд был внимателен, зорек и суров. Руки с шевелящимися пальцами так и притягивали взгляд Хэлриджа, и это раздражало майора.

Смирнов на все предложения Грэвса молча кивал головой. Когда Дортсон ушел, Смирнов сказал:

— Я бы хотел со своим отрядом быть на Сучане. Большевики угрозами заставили шахтеров прекратить добычу угля. Я обеспечу спокойствие на коях и начну действия против красных. Генерал Хорват согласен с моим предложением. От вас зависит, чтобы наш отряд был переброшен туда по железнодорожной ветке.

Смирнов говорил по-английски свободно, но слишком

правильно, как и все иностранцы, старающиеся подчеркнуть свое знание чужого языка.

— Согласен с вами, генерал, — поднял голову Грэвс. — Ваша помощь нам очень необходима, и вы будете на Сучане. — Грэвс обратился к Хэлриджу: — Переброску отряда генерала Смирнова производить без шума, чтобы ни одна душа не знала об этом. Ведь мы соблюдаем «нейтралитет». — Грэвс рассмеялся, словно произнес удачную шутку.

Закончив разговор со Смирновым и видя, что тот собирается откланяться, Грэвс сказал с загадочной улыбкой:

— Не спешите, господа. Я хочу преподнести живой сувенир, который будет очень полезен вам.

— О-о! — только и воскликнул Смирнов.

Грэвс вызвал адъютанта и приказал:

— Пецкого!

Адъютант вышел.

— Этот сувенир я дарю из своей, так сказать, коллекции, — сказал Грэвс. — Не догадываетесь, какой?

В кабинет из-за тяжелой дубовой двери вышел худой сутулый человек средних лет с непомерно длинными, висевшими вдоль туловища руками и на правильном английском языке поздоровался с присутствующими. Генерал ответил ему и жестом подозвал к столу.

Хэлридж, Смирнов и Емельянов во все глаза рассматривали Пецкого. Не очень приятная личность. Светлые редкие волосы свисали по сторонам лошадинообразного лица. Выпуклый лоб и голубые глаза были красивы, но толстый нос и особенно длинный подбородок в сочетании с плоскими щеками и морщинками вокруг рта, в котором было что-то старческое и в то же время злое, отталкивали. Большие оттопыренные уши поражали своей безжизненно-серой кожей. Пецкий держался с достоинством, как человек, знающий себе цену. Грэвс, насладившись произведенным эффектом, представил свой «сувенир» офицерам:

— Мистер Пецкий, Геннадий Михайлович, сын русского, погибшего от рук большевиков священнослужителя. Ненавидит большевиков, будет хорошим вашим разведчиком у партизан. Знает японский и, конечно, английский языки!

— О, великолепно! — проговорил Хэлридж и обратился к Пецкому: — Вы готовы выехать в тайгу?

— Да! — Голос у Пецкого был хрипловатый, с астматическим сипом.

Пецкий взял предложенную папиросу и жадно затянулся. Смирнов смотрел на него со скрытым презрением, но тот не обращал на это внимания. Он держался свободно и неожиданно для всех оказался интересным собеседником.

«Хитер, но не особенно умен, — сделал вывод о Пецком майор. — Но это то, что мне надо».

— Ну, что скажете? — спросил Грэвс, когда Пецкий ушел.

— Квазимодо, — фыркнул Смирнов и пошевелил погонами. — Внешность, противопоказанная разведчику.

— Зато фанатически ненавидит большевиков, — расхваливал Грэвс. — А лицо изменит, отрастит бородку. Ну, берете его?

— От подарков не отказываются, — пошутил Хэлридж.

— Пусть вас не смущает его обличье, — сказал генерал. — У славян жалостливые сердца, и к уроду партизаны отнесутся с большей доверчивостью, чем к красивому.

— Как же он к-вам попал? — поинтересовался Смирнов.

— Ожидаете романтическую историю? — засмеялся Грэвс. — Должен вас разочаровать. Проза, самая простая проза жизни. Во время какой-то перестрелки в Иркутске шальной пулей был убит его отец — священник Дмохотский, ярый противник большевиков. Сын — офицер — решил мстить, убежденный, что отец погиб от рук большевиков. Ушел к семеновцам, был ранен во время боя и потерял сознание. Когда пришел в себя, то увидел, что лежит рядом с раненым красногвардейцем. Тот просил пить. Дмохотский дополз до него и задушил. Видели, какие у него руки? Настоящие клешни. Забрал у мертвого документы на имя Пецкого — шахтера с Черемховских копей. Был бойцом у Лазо. Однажды пытался его убить. Но помешал адъютант Лазо, прикрывший его собою. Имел задание с помощью анархистов дезорганизовать отряды красных. Позднее Пецкий проник в подпольные рабочие организации Сибири,

а оттуда был послан сначала в Хабаровск, а затем сюда на подпольную работу, оказывал нам большие услуги. Смел, хладнокровен, но опасаясь, что может быть здесь раскрыт. Слишком уж много с ним связано провалов у большевиков. Терять такого агента жалко, вот и решил презентовать его вам.

— Благодарю вас, — сказал Хэлридж. — Его надо переправить к партизанам с очень убедительными основаниями, чтобы в нем никто не сомневался.

— Ну, что же, так и сделаем, — принял предложение генерал. — Начну я, а завершите вы.

...Через несколько часов поздно ночью к маленькому, прижавшемуся к подножью сопки домику на Грибоедовской улице, что пересекала Голубинку, подошел патруль колчаковцев. Окна домика были темны. В узкой комнате за кухней на простой кровати лежал Пецкий, смотрел в темноту, прислушивался. Когда в дверь раздался требовательный стук, он улыбнулся, но не поднялся с постели. В дверь стучали все сильнее. Собака, загнанная в угол двора, заливалась лаем. Проснулись хозяева, у которых квартировал Пецкий, — клепальщик с Дальзавода и его жена. Старый рабочий прошлепал босыми ногами по полу и, приоткрыв дверь в комнату Пецкого, хриплым со сна голосом шепнул:

— Геннадий Михайлович, спишь аль нет?

— А что? — позевывая и притворяясь, что он только что проснулся, неторопливо спросил Пецкий.

— Слышь, что на дворе? Как бы не быть беде, — торопливо говорил клепальщик. — Ты, того, одежку накинь да в окно, через огород, к Семену Прокопьевичу. Я этих придержу.

— А кто он? Где живет? — быстро спросил Пецкий.

— Верно, ты не знаешь. Этот адресок мне даден на последний случай, — торопливо говорил старый рабочий. — Запомни, Посьетская, три. Спросишь Пилипенко. Запомнил? Ну, с богом!

В дверь гремели приклады. Пецкий соскочил с постели и начал одеваться, прислушиваясь, что происходит у входной двери. Старый рабочий, которому подпольный комитет поставил на квартиру Пецкого, стараясь выиграть время, спрашивал через дверь ночных посетителей:

— Кого вам?

— Это дом Матвеева?

— Он самый.

— Открывай! — приказал офицер. — Патруль.

— А по какому делу? Время-то позднее, как знать, кто вы такие, — затягивал разговор Матвеев, стараясь выиграть время.

Он весь похолодел, когда услышал, как один из пяти солдат обратился к офицеру:

— Вокруг дома стать, ваше высокородие. Как бы не убег...

Офицер оборвал его:

— Не лезь! — и ударил сапогом в дверь. — Открывай или взломаем.

— Сейчас, — наконец согласился рабочий. — Минуточку, оденусь.

Матвеев бегом бросился в комнату Пецкого.

— Готов?

Никто не ответил. Рабочий с облегчением увидел раскрытое окно, в которое лилась ночная прохлада:

— Ушел Михалыч, и слава богу!

Он вернулся к входной двери, которая уже трещала под ударами, и скинул с петли крючок. Офицер, замахнувшись на него, крикнул:

— Чего долго не открывал?! Где твой постоялец Пецкий?

— Где же ему быть, — ответил Матвеев. — Человек он молодой, должно быть в городе гуляет.

— Врешь! — Офицер ударил рабочего, и тот упал на пол. — Большевика прятал! — Он несколько раз пнул старика ногой и приказал солдатам: — Обыскать.

При свете лампы колчаковцы начали обыск. Один из солдат, зайдя в комнату Пецкого, крикнул офицеру:

— Ваше благородие, окно-то открыто... Я же сказывал...

— Хитер ты, — сказал хозяину дома офицер. — Ну, ничего, у нас все расскажешь, скажешь, куда Пецкий сбежал. Одевайся!

Старушка немигающими глазами смотрела, как ее муж одевался. Она стояла сгорбившись и походила на каменное изваяние. Только на желтом виске, полускрытом прядью седых волос, блилась жилка.

Матвеев подошел к жене:

— Ну, прощай, Марьюшка! Может, все обойдется.

— Не разговаривать! — оборвал офицер. — Пошли.

Матвеев поцеловал жену в морщинистые холодные губы и направился к выходу. Солдаты двинулись за ним. Женщина неверными шагами приблизилась к распахнутой двери и долго смотрела вслед людям, уходящим в ночь. Постепенно их фигуры растворились в темноте, а затем затихли и шаги.

По Голубинке перекликались разбуженные собаки...

...Пилипенко ворочался с боку на бок. Несмотря на то, что весь день ему пришлось провести в беготне и сейчас уже было далеко за полночь, он никак не мог заснуть. Тревожные предчувствия одолевали его. Днем Кольн предупредил, что в городе готовятся аресты. Пилипенко сначала высказал сомнение в правильности сообщения, но американец сослался на своего товарища из штаба Грзвса. Семен Прокопьевич передал тревожную новость в подпольный комитет. Немедленно было принято решение — всем товарищам, которые находились на подозрении у колчаковцев и интервентов, сменить адреса, а некоторым выехать из города, в их числе была и Ольга Силина.

«Может, полегчает у нее на сердце, — думал Пилипенко. — Повстречается с дедом, поживет в деревне, успокоится».

Гибель отца Ольга переживала тяжело. Рассказ Емельянова вскоре подтвердили товарищи из тайги. Не мог примириться с потерей старого друга, учителя Силина, и Пилипенко, но понимал, что без потерь борьба невозможна. Многие его товарищи пали в борьбе, но никогда не отступали. Пилипенко вздохнул, повернулся на другой бок, опять вспомнил об Ольге. Полюбил он ее, как дочь. У самого сын в Красной Армии, где-то на Волге. Когда он увидится с ним, обнимет? Вот жена не дождалась. Умерла. Пилипенко снова вздохнул и постарался прогнать грустные воспоминания, улыбнулся, представив встречу Ольги и Михаила Попова. Тянется девушка к парню. «Вот копчим с Колчаком и интервентами...» Мысли оборвал чей-то осторожный стук в окно.

Пилипенко приподнял голову, прислушался. Кто это мог быть? О его адресе знают лишь очень немногие —

три-четыре человека. Подпольщики Владивостока, после недавнего провала Хабаровской организации РКП(б) стали осторожнее, перестроили всю систему связи и на квартирах посещали друг друга очень редко, только в случае крайней необходимости. Очевидно, такой случай и привел ночного гостя к нему. Стук повторился. Пилипенко подошел к окну, открыл форточку и, притворно зевнув, спросил так же притворно сердито:

— Какой черт будит среди ночи? Пьяный, что ли, не в свои ворота ломится?

— Я ищу гражданина Пилипенко, — услышал Семен Прокопьевич незнакомый голос.

— А зачем он вам понадобился?

— Гражданин Матвеев меня прислал, — раздалось в ответ.

— Сейчас открою, подходите к двери, — сказал Пилипенко, успокаиваясь. Матвеев, старый рабочий Дальзавода, по пустякам не стал бы присылать человека ночью.

Впустив ночного гостя, Пилипенко занавесил окно, зажег свет.

— Кто будете?

— Пецкий.

Эта фамилия Семену Прокопьевичу была знакома.

Пецкий был один из немногих, кто спасся в Хабаровске после провала большевистского подполья, но встречаться с ним ему не довелось. Пилипенко стоял в нижнем белье, с накинутым на плечи одеялом. Он, шурясь, внимательно посмотрел на худенького человека с длинными руками.

— Что стряслось?

— К Матвееву ворвались колчаковцы. Я бежал через окно.

— Кто дал мой адрес? — Семен Прокопьевич не спускал глаз с Пецкого. В нем было что-то знакомое, но что? Пилипенко напрягал память. Где же он видел или встречал этого человека?

— Я спрятался и видел, как товарища Матвеева увели, но помочь не мог. Что я мог один сделать? — Пецкий взмахнул руками, выражая свое огорчение, и этот жест напомнил Пилипенко, где он прежде виделся с Пецким. Забайкалье. Митинг в крестьянском отряде.

Мусорный ящик. На нем худошавый человек в распахнутой шинели. Вот точно так он взмахнул руками, спрыгивая с ящика, когда появился Лазо. Пилипенко так пристально стал осматривать Пецкого, что тот насторожился и в свою очередь узнал украинца. Это было так неожиданно, что он в первую секунду растерялся. Вот так встреча! Пецкий почувствовал, как горит его лицо, словно сейчас Пилипенко ударил его виштовкой. Он лихорадочно искал выхода. Как ему поступить? Конечно, продолжать свою игру. Он сделал вид, что не замечает пристального взгляда Пилипенко, и сказал:

— Надо немедленно сообщить об аресте в комитет...

— Мы, часом, с тобой не встречались? — не слушая Пецкого, спросил Пилипенко, потрясенный тем, что в их рядах оказался анархист, а может быть, и хуже. Митинг в крестьянском отряде, провал Хабаровской организации, арест Матвеева, бывшего у колчаковцев вне всякого подозрения... Какая цепь событий!

— Мы с вами? — Голос Пецкого чуть дрогнул. — Нет...

Пилипенко понял, что Пецкий узнал его.

— А станцию Могойтуй помнишь? — Пилипенко выхватил револьвер из-под подушки. — Руки вверх, гадюка!

Все это Пилипенко проделал так стремительно, что Пецкий даже не успел сообразить, как ему лучше поступить. Он медленно поднял руки, видя, что Пилипенко в любое мгновение выстрелит. С плечей Семена Прокопьевича свалилось одеяло. Он стоял в одном белье, с раскрытой грудью, на лоб падали спутанные волосы. Между Пецким и Семеном Прокопьевичем стоял стол.

— Что вы? — начал Пецкий. — Я же...

— Молчи! — Пилипенко не знал, как ему сейчас быть. И этим воспользовался Пецкий. Он ногой опрокинул стол и, отскочив в сторону, выхватил револьвер. Два выстрела раздались одновременно, но Пилипенко промахнулся, а пуля Пецкого обожгла сердце Семена Прокопьевича. Он уронил руки, широко открыл рот, точно собираясь на прощание что-то крикнуть своим товарищам, и рухнул грудью на опрокинутый стол. Пецкий почти в упор еще раз выстрелил в голову мертвого Пилипенко и выскочил на улицу...

У ШАЙТАНА НОВЫЕ ХОЗЯИН

Дождь все усиливался. По стеклу бежали извилистые ручейки воды, отчего и береза, и пустынная деревенская улица казались уродливо расплывчатыми. В хате, куда солдаты привели Цыганка, было серо. В углах горницы, тесной от цветов в кадках, густели сумерки наступавшего вечера. На высокой, пышной кровати с горкой подушек лежали шашка и револьвер в кобуре. Цыганок видел тусклый металл рукоятки. Езерский сидел у стола, покрытого холщовой скатертью с вышитыми розами.

— Ты кто, партизан? Если скажешь правду, помилую и отпущу, а будешь врать — прикажу повесить вон на той березе. — Капитан Езерский качнул головой в сторону окна.

— Я цыган, — ответил Марко Харсь. Разбитая губа болела. Ее рассек кулаком рыжий крестьянин. Цыганок от горечи прикрыл большие черные глаза...

...Задумав достать лошадь, Харсь тайком ушел из отряда Глазурина. Он шел от деревни к деревне в поисках хорошего коня и добрался наконец до Майхэ. Было уже поздно, и Цыганок не решался войти в село. Жители не особенно-то ласково встречали прохожих. Жестокие времена и людей сделали жестокими. Наломав ветвей и соорудив из них себе постель, Цыганок уснул. Разбудил его дождь. Вскочив на ноги, он потянулся, разминая затекшее тело. Взгляд рассеянно скользнул по спящему селу и остановился на срубе недостроенного дома. Это же рядом. Недолго думая, Харсь одним броском добежал до сруба, через оконный проем пролез внутрь и укрылся от дождя. Спать уже не хотелось. Наступало хмурое утро. Село постепенно оживало. Заспешили женщины за водой. Протарахтела телега по улице. В село вошла сотня колчаковцев. Впереди ехали два офицера. При виде коня, на котором сидел капитан, у Цыганка жадно вспыхнули глаза. Офицеры въехали во двор добротного дома с железной кровлей, спешились, и солдат увел рысака в конюшню.

— Мой будешь, мой, — шептал Цыганок. Терпеливо, час за часом Харсь наблюдал за селом, забыв даже

о голоде. Он уже составил подробный план, как после полуночи выведет коня из сарая, как будет лететь на гнестом. Вдруг грозный окрик прервал его сладостные мечты:

— Кто такой будешь?

Цыганок вскочил на ноги, намереваясь выпрыгнуть через оконный проем в огород, за которым бежала речушка, густо поросшая ивняком. Но путь ему преградил грузный рыжий крестьянин:

— Стой, сволочь!

Твердый как камень кулак ударом в челюсть сбил Цыганка с ног. Паренек не успел прийти в себя, как его доставили к капитану Езерскому.

— Вот, в срубе своем схватил, — говорил рыжебородый крестьянин, хозяин дома, в котором остановился капитан. — Лежит, значит, у щелки, наблюдает.

— Молодец, Юдин, — похвалил хозяина Езерский и, отпустив его, начал допрашивать Цыганка...

— Цыган я! — в который раз повторял Харсь.

— Значит, цыган, — не то соглашаясь, не то переспрашивая, произнес Езерский и более внимательно осмотрел стоявшего перед ним юношу. На курчавых черных волосах бисером поблескивали капли дождя. В мочке правого уха маленьким месяцем покачивалась серебряная серьга.

— Врешь! Ты разведчик, партизан.

— Не разведчик я, — помотал курчавой шапкой волос Цыганок. — Цыган я.

— Ну, ладно, — сказал Езерский и вдруг с любопытством спросил: — А ты лошадь мог бы украсть? Например, моего Шайтана?

Харсь вздрогнул: неужели капитан знает, что он задумал? Нет, не может быть. Просто испытывает его. Харсь вспомнил рысака, широко улыбнулся, показав белые ровные зубы:

— Цыган свое счастье не упустит.

— Молодец! — Езерскому понравился смелый ответ цыгана. — Молодец, хоть ты и цыган. А петь цыганские песни можешь?

— Цыган все может, — кивнул Харсь, чувствуя, что капитан не настроен немедленно с ним расправиться, и с нескрываемой гордостью объяснил: — Цыгане из

нашего табора в хоре поют у «Яра». Ася Панина, Николай Шишкин...

— Помню, помню! — громко перебил Цыганка Езерский. — Верю, что говоришь правду. Знаю я Асю Панину. Бывал я у «Яра»... Москва...

Езерский замолчал. Он прикрыл глаза. Его охватили воспоминания. Да, любил он подкатывать к этому ресторану на лихой, огневой тройке и до утра веселиться, пить шампанское, слушать знаменитый Соколовский хор, смотреть, как начинала пляску Ася Панина...

Езерский оторвался от спинки стула, слегка нагнувшись вперед и, уставясь в лицо Цыганку лихорадочно заблестевшими глазами, снова требовательно спросил:

— Так петь можешь?

— Цыган все может, — повторил Цыганок.

— Тогда спой мою любимую. Знаешь, эту, — Езерский прищелкнул пальцами. — «Ехал цыган по селу верхом».

— Знаю. — Цыганок повел плечами. — Прикажи руки развязать. Связанный цыган — птица без крыльев.

— Ишь ты! — Сравнение Цыганка удивило капитана, и он приказал солдату, стоявшему у двери: — Развяжи парня и достань гитару. У хозяина, у кого хочешь. Должна же быть в деревне хоть одна гитара.

Солдат вскоре вернулся с гитарой, мокрой от дождя.

— У попа здешнего обнаружилась.

— Обнаружилась! — передразнил солдата Езерский. — Балда, что же ты ее от дождя не прикрыл?

— Винсоват, ваше благородие, — вытянулся солдат. С его лица исчезла угодливая улыбка, а узенькие глаза испуганно и глупо смотрели на офицера.

— Разыщи подпоручика! Где это он задержался?

Езерский протянул Цыганку старенькую гитару с мокрым розовым бантом.

Харсь рукавом рубашки обтер гитару и, без спроса присев на стул у окна, положил гитару на колени. Его тонкие пальцы скользнули по грифу, обхватили его кольцом, тронули струны. Они запели вразнобой. По лицу Цыганка пробежала гримаса, и он, низко нагнувшись, стал настраивать гитару. Езерский терпеливо ждал.

Вошел подпоручик Емельянов, сбросил с плеч плащ, снял фуражку и, отряхивая с нее капли дождя, осмотрел Цыганка:

— Откуда этот солист?
— Из московского «Яра», — пошутил Езерский и потянулся к графину с водкой.

— Кроме шуток. Как тут оказался цыган?

Езерский объяснил. Емельянов засмеялся.

— Ну, скоро ты? — прикрикнул Езерский.

Харсь вскинул голову. Его пальцы быстрее заскользили по струнам, и задорная мелодия наполнила комнату. Чуть хриловатым, но приятным голосом Цыганок запел:

Ехал цыган по селу верхом,
Видит: девушка идет с ведром.
Ай, нэ-нэ, нэ-нэ, нэ-нэ, нэ-нэ,
Видит: девушка идет с ведром...

Колчаковцы повернулись к Цыганку, внимательно слушали. Езерский снова наполнил свою рюмку. Подпоручик пил очень мало. А Цыганок все пел одну песню за другой; пел те, что выучил в таборе, настоящие цыганские; пел и те, которые специально слагались для исполнения в трактирах и на ярмарках, в ресторанах и на пикниках разгулявшихся офицеров и купчиков. Пел Цыганок и незаметно следил за офицерами. Он в их руках, что они с ним сделают? Пока поет — он в безопасности, ну, а потом, когда офицерам надоест его слушать? Может быть, его вздернут на березе, что растет перед окном?.. Табора нет, родные убиты, осталась у него одна Лиза, но не забыла ли она его? Цыганок сильнее ударил по струнам:

Один я остался на свете,
Мой табор ушел на рассвете...

— Ну, затянул панихидную! — рассердился Емельянов. — И так на душе кошки скребут. Перестаны! Слышишь, перестаны!

Цыганок прервал пение. Езерский исподлобья взглянул на подпоручика, потянулся к рюмке, выпил и, еле ворочая языком, сказал:

— Проверь... посты... Надо, чтобы тихо было... Идите...

Подпоручик ушел.

— Играй! — потребовал Езерский.

Цыганок вздохнул и с трудом рванул струны. Он устал, и очень хотелось есть. Тихо брэнчала гитара, а за

окном была почь. Цыганок смотрел на начавшую чадить керосиновую лампу. «Выгорит весь керосин — и погаснет свет, — подумал он. — Слою я еще несколько песен...»

Езерский наполнил водкой новую рюмку, жадно опорожнил:

— Чего притих, цыганское отродье? Играй, пой! «Очи черные» пой! Ну!

В горле пересохло, и Харсь пел с трудом:

Очи черные, очи страстные...

Езерский, услышав пение, облокотился о стол, задумался. Желтый язычок пламени в лампе замигал и выбросил длинную струю копоти. Цыганок спел песню и замолк. В комнате стало необыкновенно тихо, так тихо, что было слышно, как шипит в лампе последний огонек, как дышит капитан, как за дверью похрапывает солдат.

Цыганок отвел глаза от лица офицера и почувствовал, что дрожит. Осторожно, чтобы не вздохнула ни одна струна, он опустил гитару на пол, а сам бесшумно поднялся со стула, метнулся, точно тень, к кровати, и в мгновение в его руках оказался револьвер. Сильно, частыми толчками стучало в груди сердце, в ушах шумела кровь. Цыганок на цыпочках подбежал к окну и только хотел растворить его, как за столом зашевелился капитан. Похолодев от страха и напряжения, Цыганок оказался около него, взмахнул револьвером и с силой ударил Езерского по голове. Как распрямившаяся пружина, одним прыжком Цыганок достиг окна, открыл его. В лицо ударил свежий влажный воздух. Цыганок выпрыгнул в темноту, поскользнулся, но устоял на ногах и тут же побежал к огороду. Он ожидал, что вот-вот за спиной раздадутся крики, поднимется суматоха, выстрелы, но, к его удивлению, все было тихо. Только по-прежнему шумел дождь, стучал по невидимым в темноте листьям, звонко булькал в лужах и барабанил по крыше дома.

Одежда Цыганка сразу же промокла, холодная рубашка и брюки прилипли к телу, по лицу бежали ручьи, но ему было жарко. Надо было не терять ни секунды, бежать через огороды к реке, переплыть ее, минуя заставы у выходов из села, но что-то удерживало Харсь. Он остановился у перелаза и, вслушавшись в дождливую

темноту, уловил пофыркивание лошадей. Они были где-то совсем близко. Цыганок бросился назад, и через несколько шагов его руки уперлись в дверь конюшни, нащупали замок. Харсь чуть не засмеялся от радости. Замка не было. Цыганок откинул засов и, отворив дверь, шагнул в конюшню. Пахло лошадиным потом и навозом. Кони, почувствовав присутствие человека, зашевелились, застучали подковами, зазвенели уздечками.

— Шайтан, Шайтан, — ласково и негромко позвал Харсь.

В его голосе была нежность, призыв, любовь и то почти необъяснимое чувство, которое сразу же покоряет животное, зовет его к человеку. Шайтан ответил на призыв Цыганка негромким ржаньем. Чтобы отвязать Шайтана и вывести его из конюшни, захватить седло, Харсю потребовалось меньше минуты. Цыганок направился к воротам, ведя на поводу Шайтана, и тут из окна донесся крик. Харсь птицей взлетел на коня. В тот же момент растворилась дверь, и испуганный солдат хриплым голосом завопил с крыльца:

— Стой, с-сукин сын! Стой!

Цыганок пустил коня в галоп. Шайтан был умело выезжен. Он слушался малейшего движения седока. Конь несся, подобно ветру. Из-под копыт вылетали комья грязи. Сзади хлопнули выстрелы, и Харсь услышал, как где-то совсем рядом зло взвизгнула пуля. Выстрелы разбудили село, тревожно залаяли собаки.

— Выноси, Шайтан, выручай цыгана, он тебе на всю жизнь другом будет, — шептал Харсь, прижавшись к шее коня.

Он резко повернул Шайтана в проулок и галопом направился к речке.

В лицо били ветер и дождь. Вот и берег. Впереди чернота воды. Речка шумит. Но тут, точно из земли, выросли два солдата и схватили под уздцы Шайтана. Он протянул их вперед несколько шагов, но все же остановился, тяжело поводя боками и храпя.

Встреча эта была для Цыганка такой неожиданной, что он вначале растерялся, забыл о револьвере, засунутом за пояс. Когда солдат потянул Цыганка на землю и ручка револьвера уперлась в живот, он вспомнил об оружии. Вывав его, Харсь выстрелил в упор, прямо в лицо, дышавшее на него табакком. Колчаковец грузно

шлепнулся на землю. Харсь выстрелил во второго солдата, но неудачно. Тот бросился бежать.

Цыганок бросил Шайтана с берега в стремительно бегущую воду. Шайтан, вытянув вперед шею, осторожно, но быстро пересекал речку. Вода, черная и холодная, билась о ноги всадника, журчала, всхлипывала, точно что-то рассказывала, о чем-то предупреждала.

На берегу собрались белогвардейцы. Прибежал подпоручик Емельянов.

— Растяпы, не могли сопливого мальчишку задержать! Беглый огонь по реке!

Пули злым роем носились над головой Харся.

— Вперед, Шайтан, вперед! Ну!

Конь словно ждал этого приказа. Он рванулся и, ломая прибрежные кусты, выскочил в открытое поле. Харся охватила радость. Он свободен, он бежал из плена, и у него такой конь, такой конь! Что скажут партизаны, когда увидят его на Шайтане? От переполнявших сердце чувств Харсь запел:

Ехал цыган по селу верхом,
Видит: девушка идет с ведром.
Ой, нэ-нэ, нэ-нэ, нэ-нэ, нэ-нэ,
Ой, нэ-нэ, нэ-нэ, нэ-нэ, нэ-нэ...

А дождь все лил и лил, капли его шлепали по листьям. Под копытами коня чавкала мокрая земля. По лицу Харся бежали струйки воды. Цыганок неторопливо ехал по ночному мокрому лесу и напевал. Шайтан легко двигался вперед.

...Удвоив караулы, Емельянов пришел к Езерскому. Капитан с забинтованной головой лежал на кровати.

— Поймали?

— Нет, — ответил Емельянов.

— Арестовать всех большевиков, сообщников партизан. — Лицо Езерского передернулось от приступа боли. — Позвать хозяина...

Вошел вызванный Емельяновым рыжебородый. Он был страшно испуган случившимся и ожидал, что весь гнев обрушится на него. Езерский подозрительно посмотрел на Юдина:

— Кто тут у вас за большевиков?

— Почитай все. — Юдин не удержал облегченного вздоха. Кажется, ему не грозит опасность.

— Ну, а самые настоящие большевики?

— Самойлов, Горшечкин, Паниотчиков, — торопливо перечислял Юдин. — Вот еще Тропкин. У них у всех сыновья в партизанах ходят. А Матвейчик и Хоромин в сельсоветниках состояли. Они у меня лошадей для партизан взяли...

— Слышали?.. — сказал Езерский. — Сейчас же арестовать, допросить...

Не прошло и часу, как все указанные Юдиным крестьяне села были арестованы и заперты в пустом амбаре.

По пути в отряд Глазурина Ольга зашла в село Майхэ навестить больную мать и дедушку. Но тут ее ожидало новое горе. Больная туберкулезом мать умерла, и Ольга застала в старенькой хате только дедушку. Старик был еще бодр, он сводил внучку на могилу ее матери и одобрил решение Ольги идти в партизаны.

Только собралась Ольга уходить, как в село нагрянул колчаковский отряд. Выходы из села были заняты, и Ольга осталась с дедом. Из-за занавески девушка увидела проезжавшего верхом Емельянова и в испуге отпрянула от окна. Подпоручик в селе! Что будет, если он увидит ее? Догадается ли, что она связана с партизанами, с подпольем? Как объяснить свое пребывание в селе? Несколько раз Ольга порывалась покинуть хату, но дед не разрешал: он побывал у соседей, кое-что разузнал.

— Все село солдатами, как частоколом, окружено. А лихой какой-то цыганенок капитану черепушку ковырнул.

Он рассказал об арестах. Ольга ждала, что вот-вот и за ней придут колчаковцы...

...Было еще рано, когда в село, разбрызгивая грязь и урча мотором, въехал грузовой автомобиль, крытый брезентом. Емельянов выскочил навстречу Дортсону. Из кузова выпрыгнули молоденький лейтенант и пятеро солдат. Американин, одетый в тот же черный костюм, в котором был у Грэвса, встретил подпоручика такой широкой улыбкой и радостным возгласом, точно увидел самого дорогого и близкого человека.

— О-о-о! Я очень рад вас видеть, счастлив, что мы рука об руку, как братья, идем к одной цели.

Емельянов вежливо ответил:

— Конечно, конечно...

— А где же ваш любезный капитан?

— Отдыхает. — И тут Емельянов в очень туманных выражениях объяснил, что Езерский подвергся нападению партизан и слегка ранен.

— О-о-о! — воскликнул уже без восторга Дортсон и бросил тревожный взгляд на близкие сопки. — Я надеюсь, что...

— Партизан близко нет, — сказал подпоручик. — А подозрительные жители села арестованы.

— О-о-о! Это благоразумно, — с некоторым облегчением произнес Дортсон. — Мы соберем крестьян в полдень, а сейчас я хотел бы найти одного из них... — Дортсон достал из кармана зеленую книжку в черной обложке и назвал фамилию Юдина. — У него такое трудное имя: Ев-сти-гней Иванович. О! Какое трудное.

Емельянов удивился. Для чего американцу понадобился рыжебородый Юдин, откуда он его знает? Подпоручик чуть было не спросил об этом, но тут увидел Юдина, который вышел из дому на крыльцо.

— К вашим услугам!

Дортсон поспешил к Юдину:

— С добрым утром, брат!

— С добрым. — Юдин был все еще насторожен.

Дортсон продолжал:

— Брат Завадский шлет свое благословение.

Емельянов с удивлением увидел, как переменился Юдин. Он подобострастно поклонился гостю и пригласил к себе.

Дортсон сразу перешел на деловой тон:

— Мало братьев.

— Да уж так... — покорно ответил Юдин.

— Разве молодежи мало? Юные души на растление большевикам отдаете, — сердился Дортсон. — Веру крепить надо. С христовым словом идти к людям, поводом, ухом господу стать. Все слушайте, все запоминайте. Завадскому с верными братьями посылайте, что о партизанах проведаете...

— Люди осторожны стали. — Юдин притворно вздохнул.

— Не притворяйтесь, — сухо сказал Дортсон. — Вот деньги. Помогайте тем, кто от большевиков пострадал.

— Мало таких, — с неохотой сообщил Юдин.

Дортсон был настойчив:

— Помогайте американским воинам. Придет к вам наш брат — исполните его просьбу, сообщите, что спрашивать будет. В Петровке общины наших братьев нет. А через Петровку большевики оружие везут, крестьян в партизанские отряды вербуют.

— Что велишь сделать? — спросил Юдин.

— Своего брата там поселить надо, — тоном приказа сказал Дортсон. — Пусть ухом, глазом, устами Христа будет там...

Глава восьмая

МИША ЗАЩИЩАЕТ ЦЫГАНКА

- Вот это конь!
 - Огонь!
 - Подвезло нашему Цыганку!
 - На то он и цыган, чтобы такого коня увести.
- У нас для этого дела кишка тонка!
- Под дождем и табун можно угнать!
 - А ты попробуй! Колчаковец как раз ниже спины свинец тебе всадит. Побежишь — Шайтана обгонишь!
 - Ох-ха-ха! — заливались партизаны и снова ласкали взглядами тонконового Шайтана, нервно прядавшего ушами.

После дождливой ночи наступило солнечное утро. Высокое, нежной голубизны небо было чистое. Ветер угнал последнее облачко. Точно алмазы, поблескивали на листьях капли воды. Утренний холодок слабел, отступал под горячими золотисто-прозрачными солнечными лучами. Они ослепляющими искрами разбивались о зеркала луж. Пахло мокрой, быстро согревающейся землей, свежей зеленью, горьковатым, но приятным дымком, лениво ползушим из труб.

Партизаны не замечали прелести летнего утра. С обросшими лицами, многие в старой, кое-как залатанной

одежде, они с интересом следили за хитроватым начхозом отряда.

— Гарный коняга, дюже гарный, — приговаривал тот, быстро семеня вокруг Шайтана и облизывая толстые губы. — Добрый коняга, дюже добрый.

Цыганка очень тревожило поведение начхоза и Яшки Байбородова. Уж очень пристально, с какой-то затаенной мыслью смотрели они на Шайтана. Если начхоз, вздыхая и причмокивая, все ходил вокруг коня, то Байбородов с лихо заломленной набекрень фуражкой стоял поодаль и, подбоченясь, не сводил глаз с Шайтана. Харсь угадывал надвигающуюся опасность. С той минуты как Цыганок въехал в село на усталом Шайтане и был окружен партизанами, Байбородов не подходил близко, не расспрашивал его, где и как он добыл коня, а стоял в сторонке и, казалось, равнодушно смотрел на Шайтана.

— Каким таким манером ты привел до нас эту конягу? — спросил начхоз.

— Увел от колчаковцев ночью, — отрывисто, уже в который раз объяснял Цыганок. Он не рассказывал, как был схвачен Юдиным, как пел песни колчаковцам, а потом удрал на Шайтане. Цыганок понимал, что его рассказ приняли бы за выдумку. А тогда не избежать насмешек.

— Увел? — переспросил толстяк и, подумав, подтвердил: — Эге. Так ты же есть боец партизанского отряду? Есть?

— Ну, есть, — буркнул Цыганок.

— Значит, ты добыл трофей. — Остап указал на Шайтана. — Добыл?

— Добыл. — Цыганок уже начал понимать, куда клонит начхоз.

— Трофей треба сдать! — приказал начхоз и добавил раздумчиво: — Сдается мне, что Шайтан до командира...

— Не отдам коня! — горячо воскликнул Харсь, не дослушав начхоза. — Мой конь!

Он возненавидел хитроватое лицо начхоза, его бочкообразную фигуру, обтянутую широким ремнем, на котором висели гранаты и маузер. Короткие ноги были обуты в трофейные ботинки с высокими голенищами и многочисленными дырочками для шнурков.

— Ось бачите, — обернулся начхоз к партизанам, указывая на Харся. — Який куркуль: мой конь! Да теперь все общественное! А гарный коняга командиру треба. Як, хлопцы?

Партизаны зашумели. Кто был на стороне цыгана, кто поддерживал начхоза. Но таких было меньше. Начхоз подтянул слезавший с живота под тяжестью оружия пояс и, чтобы сохранить свой авторитет, с равнодушным видом произнес:

— Товарищ Глазурин сам скаже, як быть.

Он направился к дому, в котором располагался штаб отряда. Первая острота любопытства к трофею Цыганка прошла, и партизаны стали расходиться. Харсь погладил Шайтана и нежно шепнул ему:

— Не отдам.

Конь словно понял Цыганка и в благодарность положил ему голову на плечо. Харсь обнял Шайтана, прижался к нему щекой и тут услышал голос Байбородова:

— Слушай, Цыганок!

У Харся екнуло сердце. То, чего он так опасался, наступило. Цыганок исподлобья посмотрел на Яшку:

— Чего?

Вороненой подковкой упал на лоб завиток волос. Глаза острые, горячие и упрямые. Они выдержали требовательно-нахальный взгляд Байбородова. Несколько мгновений шел этот молчаливый поединок, потом Яшка, поймав за рукоятку плет, которая висела у него на запястье, хлестнул себя по голенищу и спокойно сказал:

— Меняем Шайтана на Белоухого.

Шайтан от резкого, как винтовочный выстрел, хлоп-ка плетки вздрогнул. Харсь еще сильнее прижался к нему и коротко бросил:

— Нет!

— Та-ак, — протянул Байбородов и в усмешке показал желтые от махорки зубы. — Ты дезертир! Без-разрешения из отряда ушел! К кому, зачем? С беляками стакнулся! Отдай коня!

Байбородов оттолкнул Цыганка от лошади, подхватил повод и уже собрался было вскочить на Шайтана, как к нему бросился Харсь:

— Не дам! Мой конь! Мой Шайтан!

Байбородов взмахнул плеткой, но опустить ее на

курчавую голову цыгана не успел. Кто-то сзади крепко схватил его за руку:

— Позор! Сейчас же прекратите!

— Кто такой, чтобы меня за руку цапать? — сквозь зубы процедил Байбородов, угрожающе смерив взглядом храбреца от фуражки с бледно-зеленым козырьком и маленькой звездочкой над ним до хорошо начищенных сапог, в которых зайчиками играло солнце.

— Попов, Михаил Попов, — назвал себя незнакомец и расправил под ремнем гимнастерку. В его карих глазах заиграли золотистые искорки.

«Смеется надо мной, гад!» — взорвало Яшку, не привыкшего, чтобы ему перечили.

— Попов, значит. Ну, что же, раз ты поп, так срок подошел. Будешь сейчас панихиду справлять по Цыганку, а потом по себе.

— Хватит дурить. Давай знакомиться. — Миша протянул руку.

Партизаны с интересом следили за происходившим. Как сейчас поступит Байбородов?

— Хрен с тобой, — и, бросив смущенный взгляд на партизан, Яшка с размаху хлопнул по ладони Попова своей жесткой, в твердых мозолях рукой. — Яков Байбородов с Сучана. А ты не куриного характера. Люблю.

В Байбородове что-то разом переменялось. Ему чем-то нравился этот чернявый спокойный парень.

— Хорош? — Миша глазами показал на Шайтана, за повод которого по-прежнему цепко держался Цыганок.

— Хорош! — вздохнул Байбородов, и в этом вздохе было сожаление, отказ от Шайтана.

Лицо у цыгана посветлело. Он быстро сказал:

— Я тебе, Яшка, достану такого, что птицей будешь летать.

— Не надо. Я своего Белоухого не брошу. — И, чтобы как-то выйти из неудобного положения, в какое он себя поставил, Яшка шутливо погрозил счастливо улыбающемуся Харсю кулаком. — В другой раз отделаю как сидорову козу. Без спросу из отряда не ходи, не перечь командиру. — Он повернулся к Попову. — Ну, а ты кто таков, откуда взялся? Что-то вчера в отряде я тебя не замечал.

— Только что с командующим приехал, — объяснил Миша. — Он там, у Глазурина, а я к вам. Вижу, плеткой кто-то играет.

— С каким это командующим? — не понял Байбородов, пропустив мимо ушей колкость Попова.

— С товарищем Лазо. Я его адъютант, — просто сказал Миша и подошел к Харсю. — Отличный конь! На таком хорошо рубать беляков. Саблей владеешь?

— Нет, — с огорчением покачал головой Цыганок.

— Хочешь, научу? — предложил Миша.

— Хочу, — загорелся Цыганок. — Давай сейчас.

— Конь-то усталый, — Миша опытным глазом осматривал Шайтана. — Да и ты приведи себя в порядок. Где оружие? Фуражка? Дырки-то зашей!

Цыганок молчал.

— Чего же ты своего бойца не вооружишь поприличнее?

— Да он без году неделя в отряде, — сказал Байбородов. — Того и гляди шуганет от нас.

— Не шугану, — покрутил кудрявой головой Цыганок и поклялся: — Слово цыгана.

— Ладно, чего-нибудь да найдем, — поигрывая плеткой, пообещал Байбородов.

Партизаны, услышав, что Лазо в их отряде, спешили к хате, в которой жил Глазурин. Увел Шайтана счастливый Цыганок. Миша с Байбородовым неторопливо шли по деревенской улице. Яшке тоже не терпелось увидеть Лазо, посмотреть, какой он, но он сдерживал себя.

— А здорово ты меня за руку... — Он снова хлестнул плеткой по сапогу.

— Герой тоже, — в голосе Попова были нотки гнева. — Бить человека, да еще своего бойца. И за что? Хотел коня отобрать. Ты же красный партизан, командир. Это у беляков офицеры солдат по зубам колотят. Да если сказать Сергею Георгиевичу о твоём поступке...

— Какому еще Сергею Георгиевичу? — Байбородов говорил с вызовом, за которым прятал свою неловкость.

— Лазо.

— Лазо? — внезапно осевшим голосом повторил Байбородов и остановился. Лицо его стало красным. Он, переминаясь с ноги на ногу, посмотрел на партизан, собравшихся около штаба отряда, и, не глядя на Попова, попросил: — Ну, ты...

— Не скажу, — засмеялся Миша, догадавшись, о чем хочет его просить Байбородов. — Только уговор: дай шахтерское слово, что больше никогда не поднимешь руку на своего бойца.

— Ладно, даю, — с облегчением произнес Яшка и для большей убедительности добавил: — Чтоб мне больше обушок в руках не держать, если я слово нарушу.

— Давно шахтером?

— С четырнадцати годов. — Яшка с охотой рассказывал о себе. — Сперва коногоном, потом откатчиком, а последние два года уже сам в забой с обушком ходил. Эх, хорошо в шахте. Да у меня и батька и дед шахтеры. Мы с Донбасса. Деда-то там засыпало, а батька сюда подался за счастливой долей. Да не нашел ее. — Лицо Яшки помрачнело. — Порубали его колчаковцы. Ну я им, гадам, припомню батькину кровь.

Его рука легла на медный эфес шашки, сжала его. Миша негромко произнес:

— Понимаю...

В этом обыкновенном слове, которое так часто произносят многие, было не просто сочувствие. Яшка понял, что его новый товарищ действительно разделяет его горе.

...Начхоз спешил к командиру отряда Глазурину не столько для того, чтобы рассказать ему об удивительном Шайтане и уговорить взять его себе, сколько для того, чтобы сообщить о появлении колчаковцев в Майхэ. Их приход в деревню был неожиданным. Еще несколько дней назад начхоз ездил в село за продовольствием для отряда. Тогда беляков там не было.

Сучанский хлебобоб, Остап Филиппович был и солдатом рядовым при царе и взводным после революции, но свое истинное призвание нашел в должности партизанского начхоза. Пришлась она ему по душе, и лучшего начхоза не мог желать себе Глазурин. Но хлопотливая, беспокойная должность не мешала Остапу Филипповичу при случае сходить в разведку, побывать в засаде, участвовать в налетах на врага.

В прохладных сенях Остап Филиппович зачерпнул ковшик воды из бочонка, жадно, большими глотками напился. Вешая ковш, он прислушался. Из-за неплотно притворенной двери доносились голоса. «Весь штаб в сборе», — подумал Остап Филиппович. Он отворил

дверь, ступил через порог и остановился, увидев незнакомого молодого человека. Он стоял у стола боком к двери, почти касаясь потолка густой копной черных волос. Смуглое, полное лицо с черной выющейся бородкой было задумчиво. Взгляд темных глаз из-под густых бровей был устремлен на начхоза, но думал человек о чем-то другом. Глазурин сказал:

— Это наш начхоз.

— Таежное житье вам на пользу, — весело сверкнул глазами Лазо и пожал руку несколько растерявшемуся Остапу Филипповичу.

Смущенный начхоз не нашелся, что ответить.

— А наш начхоз шишки кедровые вместо галушек ест, — сказал Глазурин.

Взрыв смеха потряс хату. Приход Остапа Филипповича дал небольшой отдых командирам, отвлек их на несколько минут от обсуждения серьезных вопросов. Лазо первый вернулся к ним. Лицо его стало сосредоточенным и строгим.

— Ваш отряд, товарищ Глазурин, вернее вы, как командир, почему-то не считаете себя обязанным подчиняться приказам Временного военно-революционного штаба...

В комнате стало тихо. Все ждали, что скажет Глазурин. Шахтер неожиданно усмехнулся:

— Штаб штабу — рознь, Сергей Георгиевич. Пока был оперативным, вовремя давал приказы, — подчинялись. А после разгрома белых у Перетино, пока из Фроловки доставят приказ, он уже годен только для известной нужды. — Последние слова шахтера потонули в новом шквале хохота.

Не удержался и Лазо. Он улыбнулся, побарабанил пальцами по карте, которая была расстелена на столе. Когда партизаны немного стихли, Лазо сказал:

— Медлительность — это плохо, конечно. Почему не обучаете бойцов?

— Чему их обучать? — удивился Пузырьков.

— Военному делу. — Лазо наблюдал за командирами. Неужели они не понимают, что партизаны нуждаются в обучении? Стал перечислять: — Маршировке, построению, умению правильно ходить в атаку, окапываться...

— Значит, как в старой армии? — не удержался от

насмешки и возмущения один из молодых командиров. — Мы что, погоны носим?

— Как в Красной Армии, как в армии народа, — ответил ему Лазо. — Наша армия должна быть сильнее и искуснее вражеской. Обеспечить победу революции и защитить свободу может только обученная армия!

Командиры молчали. Лазо снова обратился к Глазуруну:

— Чего ради вы свой отряд, товарищ Глазурин, держите так далеко в тайге? Отдыхаете? Когда последний раз ваш отряд был в бою с белыми или интервентами?

Глазурин молчал. На его скулах заиграли желваки. Он был зол, но зол на себя. Лазо говорил правду. Отряд уже почти две недели отсиживался в Многоудобном. И не потому, что он, Глазурин, боялся повести шахтеров на врага, а просто была какая-то неясная ситуация. Интервенты, объявив нейтралитет, держались дороги, в села не лезли, а штаб давал приказы один противоречивее другого. Глазурин кашлянул и простуженным голосом произнес неуверенно:

— Так враг в тайгу не суется.

— Сунулся, — неожиданно даже для себя громко произнес Остап Филиппович. — Сунулся и, как чирь, уже сидит под боком. Чирь только вскочил, но скоро будет даже беспокоить.

Все посмотрели на начхоза.

— Говори яснее, Остап Филиппович, — сказал Глазурин.

— Да чего там яснее? И так ясно, как божий день! — Начхозу от волнения стало очень жарко, и пот густо покрыл его лоб. — Наш Цыганок... — тут у Лазо недоуменно приподнялись брови. — Боец у нас цыган есть. Так вот он днями из отряда самовольно подался за конем. Шукал его по деревням. А нынче в Майху завернул и у колчаковцев дюже гарного коня увел.

— Белые в Майхэ? — разом воскликнуло несколько человек.

— О це ж, — кивнул начхоз. Он всегда, когда волновался, чаще начинал употреблять украинские слова.

В штаб вошли Попов и Байбородов. Яшка во все глаза рассматривал Лазо.

— Приятный сюрприз, — с нескрываемой иронией

проговорил Лазо и обратился к Глазуруну с той суровостью, которая говорила о его гневе: — Враг в Майхэ, а вы тут беспечно сидите. Почему в ближайших деревнях нет ваших разведчиков, людей, которые бы немедленно сообщали о приближении врага?

Глазурин виновато молчал, молчали и его командиры. По приказу Лазо в штаб вызвали Цыганка. Он добросовестно рассказал все, что знал, не упомянув лишь о том, как его схватили и как ему пришлось бежать от колчаковцев. Все это он заменил одной фразой:

— Приметил доброго коня и увел из сарая.

— Товарищ Глазурин, исправляй свою ошибку, — сказал Лазо. — Немедленно посылай в село ловких бойцов. С разведчиками поедет мой адъютант Попов, — и Лазо указал на стоявшего у двери Мишу. — Пусть все выяснят, разведают. Хорошо бы найти такого бойца, у которого есть знакомые в Майхэ.

Глазурин и Пузырьков обменялись взглядами.

— Пожалуй, нет, — нерешительно проговорил Глазурин.

— А мой Филька! — сказал Яшка. — Он же из Майхэ. Там батрачил.

— Верно. — Глазурин задержал взгляд на Яшке. — Бери своих ребят и гони к Майхэ. Узнай все до тонкости.

— Есть! — Байбородов лихо вытянулся и козырнул, стараясь блеснуть перед Лазо.

Через десять минут из села выступила разведка. Впереди ехали Миша и Байбородов. За ними следовали усталый Цыганок на Шайтане, Кен Дя и Маслаков.

Направляясь к родной деревне, Филька без особого удовольствия вспоминал свою жизнь в Майхэ. Сколько лет ему пришлось гнуть спину на богатеев. А тяжелее всех досталось у Юдина. Тот не только заставлял работать с зари до поздней ночи, а еще принуждал слушать его баптистские проповеди. Филька работал честно, но жена Юдина обвинила его в воровстве колечка, и тогда он ушел в партизаны. И сейчас, покачиваясь в седле, он мечтал о том, как появится в Майхэ, подъедет к дому Юдина и прикажет ему выплатить все, что тот удержал, заставит его женку покаяться в том, что она наговорила на Фильку.

Байбородов оглянулся и, увидев, что Филька едет задумавшись, озорно крикнул:

— Эй, Филька! С коня слетишь!

Миша подавил улыбку:

— Зачем ты его так?

— От него ладаном за версту воняет, — увильнул Байбородов. — Тошно.

— Маслаков в бога верует? — спросил Попов, оглядываясь на Фильку.

— У баптистов в батраках ходил! — Яшка сплюнул. — Порченный парень!

— Почему же? А ладаном Филя не мог пропахнуть. Баптисты его не жгут.

Яшка не ответил. Он вдруг рассердился, но от Миши не ускользнуло, что шахтер с завистью поглядывал на Шайтана, на котором, несмотря на свою обтрепанную одежду, красиво сидел Цыганок. Миша не осуждал Байбородова. Шайтан действительно был очень хорош. Чтобы отвлечь Якова, он спросил:

— Далеко еще до Майхэ?

— Версты три.

Маленький отряд скакал проселочной дорогой. Она быстро просыхала под горячим солнцем. Блестели, искрились в колеях лужицы воды; от земли поднималась парная волна воздуха. Но из леса, стиснувшего дорогу плотными зелеными стенами, тянуло влажной сыростью.

— Хорошо у вас тут, — сказал Попов. — Я вот уже месяц в Сучанской долине, а все не могу привыкнуть к такой красоте.

— Хорошо-то хорошо, — отозвался Байбородов, — да не очень. — Яшка резко повернулся к Попову. — По шахте душа тоскует. Там силу свою чувствуешь...

Байбородов развернул плечи, громко воскликнул:

— Ого-го-го! Уголь, он, что живой, не дается сразу, упорствует, а ты его обушком, обушком, да не просто с плеча. Таким макарон ни хрена не сделаешь, только потом изойдешь, а уголь над тобой посмеиваться будет. Ты его стукнешь, а он на тебя кусочком, точно шелухой подсолнечной, плюнет и верх над тобой возьмет. А уголь надо брать с умом, с хитростью. У него есть слабость. Высмотрел ее — и тогда он к твоим ногам, точно речка, течет; а ты все далее, далее идешь, и кажется тебе, что вот ты ударишь еще раз, другой — и

рухнет перед тобой последняя стенка, а за ней увидишь ты такое, что и солнце в ровни не пойдет...

Миша внимательно слушал Байбородова. Рассказ Яшки увлек Мишу, и он словно увидел, как рухнула какая-то последняя стена и за ней оказался светлый, яркий мир, и в нем звучит радостная музыка.

— Ты очень хорошо говорил, Яша. Ты говорил об угле, а я думал о врагах. Они, как черная стена, стоят перед нами. Пробьем ее, сметем с пути врагов, — и начнется, Яша, наша новая жизнь, необыкновенная.

Они замолкли, каждый думая о своем, но в то же время об одном и том же. Яша воскликнул:

— Какого черта мы по тайге шныряем, прячемся? Надо бить, бить и беляков, и япошек, и американцев. Какого хрена они на нашу землю приперлись?!

— Вот партия и прислала Лазо, — сказал Миша.

— Это хорошо.

Партизаны въехали в густые заросли. Солнце пробивалось сюда узкими тонкими лучами. Пахло прелым деревом, грибами, мхом. Ветви нет-нет да и хлестали по лицу. Разведчики ехали, низко нагнувшись к гривам лошадей.

Дорога через мокрый лес казалась бесконечной, но вот откуда-то потянуло свежим воздухом. Неожиданно в лицо ударило солнце. Разведчики оказались на залитой солнцем полянке. Где-то совсем близко шумела речка. Яшка приказал:

— С коней.

Разведчики передали поводья Кен Дя, который, как и Цыганок, за всю дорогу не произнес ни слова. Яшка подошел к высокому, с раскидистой кроной дубу и, подпрыгнув, уцепился за нижнюю толстую ветвь. Легко подтянувшись, он исчез в зеленой полутьме кроны. О том, что он взбирается все выше и выше, свидетельствовали падавшие на разведчиков кусочки коры и обломки сухих веток.

— Миша! — раздался сверху беспокойный шепот Яшки. — Давай сюда! Подлюги что-то затевают. Тут и американцы объявились. Цыганок их не заметил.

Миша забрался к сидевшему на верхних ветвях Якову и сквозь листву увидел сверкающую серебристыми бликами речку, а за ней деревню. Хаты, разьединенные садиками и огородами, вытянулись вдоль широкой ули-

цы. Маленькая церквушка возвышалась над деревней в самом ее центре. По улицам сновали копыные и пешие.

Миша достал старенький потертый бинокль и стал внимательно осматривать деревню. На площади у церкви стоял крытый грузовой автомобиль. На нем ярко выделялись красные кресты. На подножке автомобиля сидели два американских солдата и курили. Четверо других стояли поодаль, сбившись в кружок. Они то и дело взмахивали руками и смеялись. В стороне толпились деревенские ребяташки, но взрослых не было видно. По улице сновали колчаковские солдаты.

Миша передал Байбородову бинокль:

— Взгляни-ка получше!

— Хрен его знает, что они делают. Послать Фильку?

— Давай!

Байбородов соскользнул вниз. Филька молча выслушал наставления Байбородова и с беспокойством спросил:

— А если кто спрашивать меня будет — где я был?

— Скажешь, что работу искал на Сучане, да шахтерская жизнь тебе не по нутру, — наставлял Яшка. — Все оружие оставил?

— Угу, — кивнул Филька.

Яшка все же тщательно обыскал его и, только убедившись, что в карманах Маслакова пусто, шлепнул по спине:

— Сигай. Да мигом назад!

Филька потоптался на месте, шмыгнув носом и вдруг с необычайным проворством исчез в зарослях. В душе Яшки шевельнулось теплое чувство: «Смело пошел Филька. Чего я его осмеиваю? У парня и так жизни не было. В батраках жить — не конфету сосать. Да ни у одного из нас настоящей жизни не было».

Филька вернулся неожиданно быстро, запыхавшийся, мокрый. На обратном пути он оступился и плюхнулся в речку. Маслаков стал рассказывать:

— Плохо в Майхэ. Э-э... Меня никто не спрашивал... Все боятся... Э-э...

— Да не тяни, как телок из матки! — прикрикнул Яшка в нетерпении. — Говори быстрее!

— Все цыган натворил... Голову колчаковскому капитану разбил, коня украл... Э-э... — тянул, тяжело ды-

ша, Филька. — Шестерых крестьян арестовали. Наверное, расстреляют...

Яшка погрозил кулаком Цыганку:

— Не мог беляка прикончить. Верно, что колчаковца тюкнул?

Цыганок угрюмо кивнул.

— Молодец, Цыганок! — воскликнул Попов.

— Давай дальше, Филька, — сказал Яшка. — Зачем американцы приехали?

— Не знаю. — Маслаков пожал плечами. — Проккоп говорит, что всем приказано после полудня у церкви быть. Э-э... а кто не придет, тому худо будет.

— Расправу учинят, — решил Байбородов.

— Все может быть, — согласился Попов. — Надо немедленно сообщить Лазо. Кого пошлешь?

— Цыганка, — решил Яшка. — А мы останемся здесь. Глазурин не даст подлюгам золотопогонникам над народом измываться. Я знаю.

Миша достал из сумки тетрадь, быстро набросал Лазо записку и тут же порвал ее, а удивленному Яшке объяснил:

— Я сам поеду и обо всем доложу.

— Дуй! — согласился Байбородов. — Давай вместе с Цыганком. А мы тут подождем!..

...Через час отряд Глазурина, поднятый по тревоге, выступил из села. Миша получил от Лазо разрешение принять участие в бою.

— Разомнись, Михаил, но не увлекайся, будь осторожен.

— Буду, Сергей Георгиевич, — улыбнулся Михаил и легко вспрыгнул в седло.

Шахтеров повел Пузырьков. Лазо и Глазурин остались в штабе. Приблизившись к Майхэ, Пузырьков разделил отряд, решив ворваться в село с двух сторон. Но партизаны запоздали.

...Подпоручик Емельянов рассказал Езерскому все, что увидел и услышал за утро, не утаив и о подслушанном разговоре Дортсона с Юдиным.

— Черт с ним. Пусть американцы якшаются с кем хотят, лишь бы помогли большевиков в бараний рог согнуть. А сейчас вызови ко мне местного попа. Когда увидишь Дортсона, пригласи его. Да позаботься о завтраке. Надо же американцев попотчевать.

Сельский поп явился немедленно. Он вошел, низко кланяясь и крестясь. На его лице с редкой бородашкой блуждала робкая улыбка. Он совсем некстати полюбопытствовал:

— Как изволили почивать?

— Ты что, черт долгогривый! — дернулся Езерский. — Издеваться надо мной вздумал?!

— Бог с вами, бог с вами, — попятился к двери поп, позеленев от страха. — Я же без умыслу. Божий день на дворе... Я же...

— В село американцы приехали, — прервал Езерский. — Крестьянам подарки привезли, будут раздавать. Так после этого ты молебен устрой во здравие наших союзников и друзей.

— Какую молитву прикажете?

— Сам решай. Ну, такую молитву, которая поторжественнее, с пением, с колоколами. А сейчас иди.

— Хорошо, хорошо-с.

Поп выскочил из комнаты, чуть не сбив с ног Дортсона.

Езерский с кислой физиономией выслушивал соболезнования Дортсона по поводу ранения. Капитан с отвращением думал о затее американцев. «К чему этот маскарад? Ведь и младенцу ясно, что американцы пришли сюда не для того, чтобы шоколадом угощать строптивое население и расточать ему любезности».

— Не перекусите ли с дороги? — сказал Езерский.

Дортсон охотно принял предложение. Был приглашен и приехавший с ним лейтенант. Они выпили по несколько рюмок коньяку. Дортсон посмотрел на часы.

— О! Полдень. — Он покраснелся и был оживлен. — Сейчас русские убедятся, как Америка любит их.

— А вы еще раз убедитесь в нашей любви. Угостим вас русским деревенским обедом, — ответил Езерский.

— О, с удовольствием, — закивал американец и покосился в открытое окно. На дворе слышалось испуганное кудахтанье кур, за которыми с засученными рукавами гонялись солдаты. Где-то за сараем раздался пронзительный пороссячий визг, но тут же резко оборвался.

— О, мы так много наслышались о русском гостеприимстве, — осклабился Дортсон. — Но прежде всего — дело. Дело есть дело.

— Совершенно верно, — согласился Езерский и предложил отправиться на площадь перед церковью. У Емельянова спросил: — Все готово?

— Да, жители уже сходятся.

— Тогда идемте.

Офицеры пошли по деревенской улице, но, кроме солдат, на ней никого не было видно...

Около грузовика высилась громада поношенных вещей, банки с салом и сахаром, какие-то ящики с яркими наклейками. «Как на барахолку приехали», — с иронией подумал Емельянов.

— Где же крестьяне?

Емельянов пожал плечами. Капитана взорвал этот жест.

— Что, я должен сам приглашать этих... — он вспомнил, что рядом американцы, и, сдержавшись, внешне спокойно сказал: — Собрать!

Емельянов козырнул, хотел отойти, но его задержал Дортсон. Чувствуя что-то неладное, он с беспокойством спросил:

— Почему нет жителей?

— Сейчас будут.

Езерский пригласил американцев осмотреть церковь. Они с удовольствием согласились. Поп, наблюдавший за офицерами из-за полуоткрытой двери, увидев, что они направились к нему, испуганно отскочил в полутьму церкви. Дортсон и Смэлл, как звали второго американца, вошли в прохладные сумерки церквушки и с любопытством стали рассматривать ее убранство.

Езерский начал подробно рассказывать им о порядке богослужения, подозвал трясущегося попа, познакомил их. Он всячески старался как можно дольше задерживать американцев, чтобы выиграть время.

Глава девятая

«МЫ ВСЕГДА БУДЕМ ВМЕСТЕ...»

Солдаты, рассыпавшись по деревне, стучали в окна:

— Выходите к церкви! Американцы подарки будут раздавать!

Крестьяне неопределенно кивали, но не покидали хат.

Емельянов приказал:

— Гоните прикладами!

Женщины с испуганно прижимавшимися к ним ревущими ребятишками исподлобья смотрели на солдат. По деревне прополз слух, что у церкви за нападение на офицера будут вешать арестованных, а всех, у кого родственники в партизанах, бить шомполами. Сообщение о подарках и появление на площади американского грузовика расценивали как приманку.

Обозленные солдаты хватали людей, выволакивали из хат, а упорствующих награждали ударами прикладов. Повсюду раздавались плач детей, крики женщин, ругань.

Крестьяне, подгоняемые солдатами, потянулись к церкви, и скоро площадь наполовину заполнилась. Майхинцы, в основном женщины, старики и дети, тревожно переговаривались, поглядывали на грузовик и кучу вещей. Солдаты следили, чтобы ни один человек не проскользнул сквозь их кольцо. Над площадью и толпой стоял унылый приглушенный говор.

Емельянов вошел в церковь и доложил Езерскому, что крестьяне собраны. Офицеры покинули прохладный полумрак церкви и вышли на солнце. Езерский, окинув взглядом крестьян, нахмурился, а Дортсон удивленно спросил:

— А где же мужчины, юноши?

Толпа притихла. Дети чуть подались назад, к женщинам, те отступили к старикам.

Дортсон ждал ответа.

— В сопках, в тайге, — Езерский указал рукой на окружающие деревню сопки, покрытые густым лесом.

— О-о! Это хорошо, — почему-то одобрил Дортсон с улыбкой, хотя в его глазах мелькал страх. Слишком уж близко были сопки. — Они увидят и поймут, что мы пришли сюда с доброй миссией и им незачем было уходить в сопки.

Последнюю фразу он произнес намеренно громко, чтобы его услышали крестьяне. Тем временем лейтенант Смэлл достал из кузова машины кино съемочный аппарат и, установив его на треноге, направил объектив на

крестьян. Они беспокойно шевельнулись, а кое-кто прикрыл лицо руками.

— Чего боитесь? — неторопливо и спокойно проговорил высокий, с белой бородой, опирающийся на сучковатую палку дед. Он был выше всех на голову. Ветхая ситцевая рубашка не могла скрыть его худобы. Изношенная, давно потерявшая первоначальный цвет фуражка военного образца с размохаленным козырьком была низко надвинута на глаза.

Емельянов взглянул на старика, но тут его внимание привлекла статная девушка в коротком платье, открывавшем сильные, стройные, уже тронутые загаром ноги. Она взяла старика за руку, предостерегающе ее пожала, но дед продолжал:

— Это американцы портреты наши делают. Своим женкам повезут показывать. Гляньте, мол, какие русаки.

Емельянов изумленно прошептал:

— Ольга?!

От удивления у него широко раскрылись глаза. Нет, не может быть, чтобы Ольга Алексеевна оказалась тут, в толпе крестьян. Но тем не менее это была она... Как она очутилась в селе? Почему на ней простенькое платье? Правда, оно еще ярче подчеркивало ее красоту, но все же...

Ольга вначале держалась за спинами крестьян. Она узнала белобрысого из ХСМЛ, но не он тревожил ее, а Емельянов. Увидев, что подпоручик узнал ее, она смело встретилась с ним взглядом. Он едва заметно кивнул и отвернулся. «Храбрый, бравый кавалер», — с насмешкой подумала она, но тут же страх сжал ее сердце. Сейчас Емельянов расскажет о ней, и ее будут допрашивать, почему она здесь, что делала во Владивостоке. Она крепче прижалась к дедушке.

— Не бойся, внучка! Видишь, штыками окружили, чтобы никто нас не обидел.

— Молчите, дедушка.

— Чего молчать? — не унимался Силин и с вызовом посмотрел на офицеров. — Коли собрали народ на площади, то и дело падо сказывать, а нечего без толку держать.

Зашумели, поддержали Силина и крестьяне:

— Чего им от нас надобно?

— Дюже храбрые со стариками воевать!

— Молчать! — крикнул Езерский.

— Чего молча-то торчать под небом? — спросил Силин. — Перед господом богом и то молитвы говорим.

— Беспокойный старик, — сказал Дортсон и, увидев Ольгу, восхищенно воскликнул:

— О-о-о! Русская красавица! — И приказал лейтенанту: — Смэлл, накрутите несколько метров вон той красавицы, что рядом со стариком. Да и его тоже. Он чем-то напоминает библейского пророка.

Лейтенант выглянул из-за аппарата, отыскал глазами девушку и тоном знатока произнес:

— Да, она сто очков вперед даст лучшим звездам Бродвея. Держу пари!

— Не так пылко, лейтенант, не так пылко, — засмеялся Дортсон. — А девушку мы пригласим на обед. — Он обернулся к Езерскому. — Прошу вас сделать это. А сейчас за дело. Начинайте раздавать подарки, потом я произнесу речь. Смэлл, ловите впечатляющие моменты.

Ольга почувствовала, что говорят о ней, и насторожилась, но к ней никто не подошел.

— Подходите по очереди и получайте подарки от американских друзей! — бодро, с улыбкой закричал Дортсон.

— Господа приехали к нам из Америки, — решил почему-то пояснить Езерский.

— От своих не можем избавиться, так бог послал еще американских господ, — шумно вздохнув, насмешливо сказал Силин.

Езерский метнул на него суровый взгляд.

— Дедуся, молчи, дедуся! — умоляла Ольга.

— Не мешай, Олюшка. — Старик освободился от цепких рук девушки и, раздвинув стоявших впереди женщин, обратился к Езерскому: — Разрешите, ваше благородие спросить?

— Говори, — неохотно согласился капитан.

На площади стало тихо. Все смотрели на Силина, ждали, что он скажет.

— По какому такому случаю, — Силин откашлялся, пристукивая при этом палкой по земле, — по какому такому случаю нам подарки будут давать? Или у американцев праздник какой? А?

крестьян. Они беспокойно шевельнулись, а кое-кто прикрыл лицо руками.

— Чего боитесь? — неторопливо и спокойно проговорил высокий, с белой бородой, опирающийся на скучную палку дед. Он был выше всех на голову. Ветхая ситцевая рубашка не могла скрыть его худобы. Изношенная, давно потерявшая первоначальный цвет фуражка военного образца с размочаленным козырьком была низко надвинута на глаза.

Емельянов взглянул на старика, но тут его внимание привлекла статная девушка в коротком платье, открывавшем сильные, стройные, уже тронутые загаром ноги. Она взяла старика за руку, предостерегающе ее пожала, но дед продолжал:

— Это американцы портреты наши делают. Своим женкам повезут показывать. Гляньте, мол, какие русаки.

Емельянов изумленно прошептал:

— Ольга?

От удивления у него широко раскрылись глаза. Нет, не может быть, чтобы Ольга Алексеевна оказалась тут, в толпе крестьян. Но тем не менее это была она... Как она очутилась в селе? Почему на ней простенькое платье? Правда, оно еще ярче подчеркивало ее красоту, но все же...

Ольга вначале держалась за спинами крестьян. Она узнала белобрысого из ХСМЛ, но не он тревожил ее, а Емельянов. Увидев, что подпоручик узнал ее, она смело встретила с ним взглядом. Он едва заметно кивнул и отвернулся. «Храбрый, brave кавалер», — с насмешкой подумала она, но тут же страх сжал ее сердце. Сейчас Емельянов расскажет о ней, и ее будут допрашивать, почему она здесь, что делала во Владивостоке. Она крепче прижалась к дедушке.

— Не бойся, внучка! Видишь, штыками окружили, чтобы никто нас не обидел.

— Молчите, дедушка.

— Чего молчать? — не унимался Силин и с вызовом посмотрел на офицеров. — Коли собрали народ на площади, то и дело надо рассказывать, а нечего без толку держать.

Зашумели, поддержали Силина и крестьяне:

— Чего им от нас надобно?

— Дюже храбрые со стариками воевать!

— Молчать! — крикнул Езерский.

— Чего молча-то торчать под небом? — спросил Силин. — Перед господом богом и то молитвы говорим.

— Беспокойный старик, — сказал Дортсон и, увидев Ольгу, восхищенно воскликнул:

— О-о-о! Русская красавица! — И приказал лейтенанту: — Смэлл, накрутите несколько метров вон той красавицы, что рядом со стариком. Да и его тоже. Он чем-то напоминает библейского пророка.

Лейтенант выглянул из-за аппарата, отыскал глазами девушку и тоном знатока произнес:

— Да, она сто очков вперед даст лучшим звездам Бродвея. Держу пари!

— Не так пылко, лейтенант, не так пылко, — засмеялся Дортсон. — А девушку мы пригласим на обед. — Он обернулся к Езерскому. — Прошу вас сделать это. А сейчас за дело. Начинайте раздавать подарки, потом я произнесу речь. Смэлл, ловите впечатляющие моменты.

Ольга почувствовала, что говорят о ней, и насторожилась, но к ней никто не подошел.

— Подходите по очереди и получайте подарки от американских друзей! — бодро, с улыбкой закричал Дортсон.

— Господа приехали к нам из Америки, — решил почему-то пояснить Езерский.

— От своих не можем избавиться, так бог послал еще американских господ, — шумно вздохнув, насмешливо сказал Силин.

Езерский метнул на него суровый взгляд.

— Дедуся, молчи, дедуся! — умоляла Ольга.

— Не мешай, Олюшка. — Старик освободился от цепких рук девушки и, раздвинув стоявших впереди женщин, обратился к Езерскому: — Разрешите, ваше благородие спросить?

— Говори, — неохотно согласился капитан.

На площади стало тихо. Все смотрели на Силина, ждали, что он скажет.

— По какому такому случаю, — Силин откашлялся, пристукивая при этом палкой по земле, — по какому такому случаю нам подарки будут давать? Или у американцев праздник какой? А?

Он наклонился вперед к офицерам, опираясь на свой посох.

Езерский приказал:

— Убрать старика!

— Зачем? Оставьте его! — Дортсон был доволен вопросом старика и, достав из кармана листок бумаги, развернул его. — Сейчас самый удачный момент мне поговорить с крестьянами.

— Ваше дело, — буркнул Езерский.

Дортсон с сияющей улыбкой на остреньком лице вышел вперед, к груде вещей, и снял с головы шляпу, открыв тщательно прилизанные белесые волосы. В черном костюме, с галстуком бабочкой он выглядел нелепо на деревенской площади. Ольга вспомнила вечер ХСМЛ, на котором она была с Мишей. Много хлопот они тогда доставили этому белобрысому. Шустрый. Теперь он уже добрался до деревни.

— Слушайте, господа. — Дортсон выкинул вперед руку. — Граждане! Крестьяне! Американские войска приехали в Россию, чтобы помочь установить порядок...

— Хорош порядок! — покрутил головой Силин.

— Помалкивай, Сидорыч, — пришла на помощь Ольге стоявшая рядом пожилая крестьянка. — Услышит...

А Дортсон входил в ораторский раж:

— Америка всегда любила Россию. Мы сделаем все, чтобы скорее на вашей земле наступил мир. Америка даст вам в кредит много сеялок, плугов, молотилок. Вы получите эти машины, но вы должны помочь нам...

— Опять помочь? — сказал кто-то насмешливо.

Дортсон повысил голос:

— Вы сами наведете порядок...

— И не должны поддерживать партизан, — некстати вмешался Езерский. — От партизан все беспорядки. Ясно?

Крестьяне зашумели глухо. У многих в партизанах были близкие.

— Чего уж яснее, — кивнул Силин.

— Ты молчи, дед! — угрожающе уставился на него Езерский. — Я давно тебя приметил. Уж очень ты разговорчив!

Выждав, когда шум поутих, Дортсон предложил с оборвотительной улыбкой:

— Получайте подарки от американских друзей!

Он подошел к куче вещей. Кинооператор старательно крутил ручку аппарата. Дортсон выбрал коробку в яркой упаковке, на которой были нарисованы аппетитные голубоватые куски сахара, и протянул ее крестьянам. Но никто не двинулся с места. Так прошло несколько секунд. Езерский начинал терять терпение.

— Ну, что же вы? — воскликнул Дортсон. — Разве никто из вас не хочет чайку попить с сахарком?

— Ох, как бы этот сахарок в горьких слезах не растаял, — покачивая головой, громко вздохнул Силин.

Крестьяне зашептались. Из толпы выступил Юдин, мелкими шажками, чуть приседая, подбежал к Дортсону, вытянул руки с растопыренными пальцами, и американец вложил в них коробку сахара. Лейтенант снимал, не отрываясь от аппарата. Дортсон похлопал Юдина по плечу, затем, все так же улыбаясь, пожал ему руку. Юдин кланялся часто, старательно и громко повторял:

— Премного вам благодарен, премного благодарен!

— Паршивый пес! — крикнул дед и ударил палкой о землю. — Пес!

— Ну, ты! — угрожающе крикнул Езерский.

Юдин под недобрыми и насмешливыми взглядами односельчан вернулся и шепнул рядом стоявшей жене:

— Иди!

Дородная, под стать мужу, женщина поплыла к американцу. За ней потянулись и другие баптисты. Раздача подарков, казалось, наладилась. Дортсон снова был в отличном настроении. Успокоился и Езерский. Но тут снова вышла заминка. Крестьяне не шли к Дортсону. Старая женщина, жившая на окраине села и промышлявшая самогоном, взяла грубое одеяло в крупную желтую клетку, но больше никто не хотел получать подарков. Дортсон сказал Езерскому:

— Пусть ваши солдаты вручат каждому по подарку. Смэлл, не пропустите эффектной сцены!

Солдаты хватали вещи, продукты, подавали их крестьянам, но те их не брали. Колчаковцы злились:

— Чего, как бугай, упираетесь? Дают — бери. Не коня покупаете, чтобы в зубы смотреть!

Солдаты сильно вкладывали в руки крестьян банки, коробки, набрасывали на плечи куртки, одеяла, плат-

ки... Кинооператор работал без отдыха. Наконец все, что привезли американцы, было роздано. Дортсон обратился к Езерскому:

— Надо, чтобы они выразили благодарность. Нам это надо заснять. А у ваших крестьян такие каменные лица.

— А теперь все поклонитесь, — сказал Езерский, обращаясь к крестьянам, — выразите свою благодарность господам американцам!

— А этого не хочешь? — Силин вытянул руку, сложил пальцы в незамысловатую комбинацию и бросил к ногам Дортсона коробку. Она треснула, и кубики сахара высыпались на землю. Дортсон отшатнулся назад. Ольга в испуге прижала руку к груди. Она уже не пыталась успокоить деда. А он, подняв палку, погрозил офицерам: — Не бывать тому, чтобы за дерьмо русский кланялся американцу! Кто его звал сюда! На кой хрен он тут нужен! — Сидорович потряс палкой. — Катись отседова подобра-поздорову. А то, ишь, за сахарок скажи ему, куда подались наши...

Крестьяне, пораженные поступком и словами страшного деда, молчали. Опешили Дортсон, офицеры и солдаты.

Одна из женщин, сорвав с себя платок, скомкала его и швырнула на землю:

— Получите назад!

Крестьяне зашумели и начали возвращать «подарки» американцев. Куча одежды, обуви, коробок быстро росла.

Дортсон растерялся:

— Что они? Что они?

Вдруг его лицо исказилось, крысиный оскал стал шире. Он закричал:

— Да у вас тут все большевики! Стыдитесь, капитан! Разве вы не можете с ними справиться?

Езерский смотрел на возмущенно кричавших крестьян, глаза его наливались кровью.

— Ах, вы... — цинично выругался он и крикнул Емельянову: — Проучить негодяев!

Подпоручик растерялся. Он не знал, что делать.

— Тряпка! — обругал Езерский.

К Силину подбежали три солдата, выбили у него палку, скрутили руки за спиной, и поволокли к дереву

возле церкви. Наступила такая тишина, что ушам стало больно от какого-то тонкого сверлящего звона. Эту тишину разорвал вопль Ольги:

— Дедушка! Де-ду-ш-к-а-а!..

Она кричала и обращалась за помощью к односельчанам, но Емельянову казалось, что Ольга обращается к нему. «Странно, — подумал он. — А не работала ли она партизанской разведчицей?.. Надо взять и допросить ее...»

Колчаковцы подтащили Силина к дереву. Крестьяне заволновались, штыки уперлись в их грудь. Все оцепнели. Ольга билась в рыданиях. Силин, вскинув голову, смотрел в голубоватый излом сопки, словно пытаясь там кого-то рассмотреть. Один из колчаковцев забрался на дерево и быстро укрепил веревку. Это была для него привычная работа. С толстой ветви повисла, покачиваясь, петля. Дортсон одобрительно сказал Езерскому:

— Это образумит их. Дикари!

Крестьяне молчали. Колчаковцы заставили Силина подняться на скамейку и набросили на его шею петлю.

Старик крикнул:

— Братья, сестры, не гните спину перед иродами!..

В этот момент солдат ударом ноги отшвырнул скамейку. Голос Силина оборвался.

— А-а-а, — закричала Ольга и потеряла сознание.

Крестьяне, не обращая внимания на штыки, с криками бросились врассыпную. Кто-то подхватил Ольгу и увлек ее с собой.

— Сжечь деревню! — крикнул Езерский, стреляя в убегающих крестьян.

Дортсон сказал Смэллу, озираясь на тайгу:

— Надо возвращаться в Шкотово. Нам здесь нечего больше делать...

Когда автомобиль выезжал из села, Дортсон оглянулся. В небо поднимались столбы густого дыма. Село тонulo в криках, гарн, реве скота.

...Отряд партизан вышел из тайги и занял дорогу. Путь к отступлению белякам был отрезан. Попов попридержал своего коня и показал на следы шин:

— Автомобиль проехал.

— Наверное, в деревню важная птица с белым оперением прилетела, — засмеялся Пузырьков. — В самый раз в клетку влетела. Сейчас мы дверцу захлопнем.

— Кажется, мы опоздали, — возразил Миша. — Вот второй след. Автомобиль уже уехал.

— Черт с ним. — Пузырьков привстал на стременах. — Всех он увести не мог.

Навстречу партизанам плыл запах пожарища. «Жгут деревню», — подумал Миша и крепче сжал губы.

Деревня была за поворотом дороги. Дым становился гуще. Он поднимался, плыл по небу, голубому, нежному, заволакивая его.

— Шашки к бою! — крикнул Пузырьков и первый выхватил из ножен клинок.

Пальцы Миши крепко обхватили эфес.

Конники на полном скаку вынеслись из-за поворота дороги и оказались перед околицей. Миша бросил коня вперед, обогнал Пузырькова. За ним последовал Цыганок.

— Ур-ра-а-а! — могуче, раскатисто пронеслось по селу. С другого конца улицы ему откликнулось такое же боевое «ура». Навстречу мчалась вторая группа партизан.

Первое замешательство, вызванное внезапным нападением партизан, у белых прошло. Они, отстреливаясь, стали отступать. Партизаны преследовали их. Последняя группа беляков отступала через картофельное поле. Сзади бежал подпоручик Емельянов. Погоны блестили на солнце. «Старая перечница, — зло подумал он о дяде. — На кой черт сунул в отряд Езерского?..»

Миша заставил своего коня с разгона взять невысокий плетень. Рядом скакали Байбородов и Кен Дя. Кореец где-то потерял свою соломенную шляпу с розовой лентой. Кен Дя, как и его друзья, неся, низко нагнувшись к гриве, с шашкой в руке. Лицо его было бесстрастным, и только горящие глаза выдавали напряжение.

Яшка Байбородов кричал:

— Руби гадов! Ру-у-би-и-и!

Белые, заметив, что их преследуют, по команде Емельянова рассыпались и открыли стрельбу. Чуть ли не в самое лицо Попова брызнули желтые огоньки. Пули зло свистели. Попов сделал большой прыжок и с силой рубанул колчаковца. Тот свалился. «Где же Байбородов?» Миша повернул коня и увидел, что колчаковец ловит Яшку на мушку. Миша, вытянувшись вперед, ру-

банул, но удар пришелся по стволу винтовки. В руках остался обломок клинка. Прогремел выстрел, но пуля прошла мимо Яшки. Колчаковец прицелился в Попова. В этот момент на выручку пришел Цыганок и сразил беляка. Преследование белых продолжалось.

От леса скакал Байбородов и отчаянно ругался.

— Что случилось? — Миша рукавом гимнастерки отер пот со лба.

— Ушел, гад! — сказал Яшка об офицере. — Как юркнул в заросли, так точно провалился сквозь землю.

— В следующий раз догонишь, — успокоил его Миша и осмотрел товарищей. — А где Маслаков?

— Черт его знает, — сплюнул Байбородов и огляделся. — Когда начали крошить беляков, он был рядом, а потом я заметил золотопогонника и рванул за ним. Больше Фильку не видел.

Они вернулись в деревню. Партизаны тушили горящие хаты. Миша, набросив повод коня на кол плетня, присоединился к работающим. Прибежал Кен Дя:

— Твоя Яшка зови. Ходи скорее.

Когда колчаковцы были выбиты из села, Маслаков направился в дом Юдина. Дверь загудела под ударами:

— Открывай! Кому я говорю!

— Филька! — воскликнул Юдин, узнав по голосу своего бывшего батрака. — Филька! Маслаков! Брат наш! Сейчас, сейчас, дорогой.

Юдин один за другим скинул толстые крючки.

Филька рывком открыл дверь:

— Здравствуйте, хозяева!

— Проходи, Фильюшка, проходи в светлицу. Эй, матушка, собери на стол. Проголодался Фильюшка, издали пришел. Откуда, Фильюшка?

— С партизанами. Задали жару белякам.

Юдин фальшиво радовался:

— Прогнали супостатов, спасибочко вам! Садись за стол, Фильюшка, отведай...

— Ничего мне не надо, — зашумел Маслаков и топнул ногой, вспомнив старую обиду. — Я у вас макового зерна не взял, а вы ославили меня вором.

— Да бог с тобой, — залепетала перепуганная же-

на Юдина. — Стоит ли старое помянуть? Бес меня попутал. Виновата, каюсь.

— А вашего колечка я не брал, — перебил ее Филька. — Должно быть, вы его сами припрятали, а на меня наговор сотворили.

— Кто старое помянет, тому глаз вон, — попытался обратить все в шутку Юдин, но Маслаков не хотел признавать никаких компромиссов.

— Колечко у вас. Вы найдете его и мне покажете, или я... — Тут Филька выразительно помахал револьвером. — Ищите колечко! Ну!

Юдины суетливо сорвались с места, и оба кинулись к комоду. Мешая друг другу, они рылись в белье, выбрасывали его на пол. По жирному дрожащему лицу Юдиной катился пот. Обессилев от переживаний, она хлопнулась на пол и навзрыд заплакала.

— Чего она ревет?

Юдин повернулся и увидел Байбородова, Кен Дя и Цыганка.

Филька стал объяснять Байбородову, что тут происходит. Но едва Яшка понял, в чем дело, как разразился смехом.

— Ой, умора, — между взрывами смеха говорил он. — Значит, колечко ищут.

— Кен Дя! Зови сюда Попова, — распорядился Байбородов.

Кореец молча ушел. Юдин, решив, что Байбородов послал за своим товарищем, чтобы учинить страшную расправу над ним, ринулся к шахтеру:

— Смилуйтесь...

— Цыц! — Байбородов стегнул плеткой по сапогу. — На красного партизана наговор сделали, вором ославили! Не будет вам снисхождения. Проси прощения у партизана Маслакова, проси прощения у пролетария, которого ты нещадно эксплуатировал, над которым измывался, кровь пил.

— Виновен, господи меня помилуй. Виновен, сатана попутал...

— А ты без святых слов, — перебил Яшка. — Ты поклянись человеческими словами, зарекись обижать пролетария.

Пришел Миша в сопровождении Кен Дя:

— Что здесь такое происходит?

Яшка, посмеиваясь, стал рассказывать, ожидая, что Попов разделит его веселость, но Михаил хмурился все больше. Наконец он резко сказал Яшке и Фильке, который расхаживал по комнате с видом победителя:

— Сейчас же уходите отсюда!

— Ты чего яришься? — оборвал смех Байбородов. — Филька-то правильно...

— Уходител

Байбородов и остальные партизаны поняли, что Попов разгневан, но почему — они не понимали. Только один Кен Дя с уважением смотрел на Мишу. Яшка еще попытался объяснить Попову:

— Юдин-то Фильку вором ославил...

— Уходите, — повторил Миша, на этот раз медленно, четко выговаривая каждый слог. Глаза его были полны гнева.

— Ну, ладно. Пошли, ребята, — бросил Байбородов партизанам и вышел из дому. За ним потянулись Филька и Цыганок.

Юдин бросился к Мише и схватил его руку, хотел поцеловать. Попов вырвал ее и с брезгливой гримасой сказал:

— Оставьте. Как вам не стыдно!

— Спаситель наш, — бормотал Юдин. — Благодарь. Во веки веков...

Миша быстро вышел в коридор. Партизан на дворе уже не было. Мишу дожидался только Кен Дя.

Юдин смотрел на захлопнувшуюся дверь, не веря в избавление от смерти, и вдруг почему-то вспомнил баньку, что стоит за домом в огороде. Вот тогда так же сильно хлопнула жена дверь баньки, когда пришла ему потереть спину. Прежде чем взять мочалку, она сняла колечко и положила его на камушек... Юдин опрометью бросился в баню и сразу же нашел колечко. На улице он нагнал Мишу и Кен Дя:

— Нашлось колечко, нашлось. Жена виновата.

— Вот и хорошо, — сухо ответил Попов и ускорил шаг.

Юдин поплелся домой, но у дверей остановился и исподтишка погрозил кулаком в спину партизанам.

Байбородов и Филька куда-то исчезли. Михаил с Кен Дя вышли на площадь у церкви. Здесь собрались почти все жители. На земле лежали трупы крестьян, по-

вешенных и расстрелянных по приказу Езерского. Около тела Силина, сгорбившись, сидела девушка. Ее плечи вздрагивали. Миша снял фуражку и внимательно посмотрел на девушку.

— Оля...

Девушка подняла голову.

— Миша... — только и смогла выговорить Ольга.

Попов подхватил и обнял ее. Она прижалась к его груди, заплакала.

— Не надо, Олюшка, не надо, — успокаивал ее он. Зная, как трудно найти в такой момент верные слова, которые бы облегчили человеку тяжесть утраты, горе, он чувствовал себя бессильным.

Ольга сквозь слезы проговорила:

— Вы, ты здесь...

— Мы никогда не расстанемся. Мы всегда будем вместе, — сказал Миша.

...После похорон партизаны выступили из села. Рядом с Поповым верхом ехала Ольга. Они молчали. Ольга была погружена в печальные думы, и Миша не тревожил ее.

Яшка Байбородов с разведчиками ехал в конце колонны. Он дулся на Мишу. Яшка, как Филька и Цыганок, не понимал поведения Попова в доме Юдина, не понимал, почему Михаил рассердился на них. Только Кен Дя с лукавой искоркой в глазах понимающе посматривал на друзей и по своему обыкновению молчал.

Когда отряд вышел из села, Цыганок, что-то вспомнив, незаметно отстал от товарищей и во весь дух погнал Шайтана назал в село. Он вихрем пронесся по улице к дому Юдина. Лихо осадив копы у крыльца, Цыганок спрыгнул с Шайтана, вошел в дом, осмотрел комнату:

— Где гитара?

Перепуганный появлением Цыганка, Юдин проговорил помертвевшими губами:

— У... у... по... па...

Цыганок так же стремительно исчез, как и появился. Шайтан вновь пронесся по селу и остановился у дома по... па. Цыганок ворвался в дом и тут же вернулся с гитарой в руке, прыгнул в седло и исчез. Выбежавший следом за Цыганком из дома поп привалился к косяку и провел рукой по мокрому лбу. Он дал себе торжествен-

ный обет, что больше никогда не притронется к гитаре. Сколько от нее потерпелся!

Цыганок нагнал партизан и пристроился в конце отряда. Он с трудом удерживался, чтобы не заиграть, не запеть. Рука так и тянулась к струнам. Веселые, шумные, довольные победой, партизаны балагурили, смеялись. Увидев Цыганка с гитарой, они потребовали:

— Сыграй что-нибудь, Цыганок.

— Спой, Цыганок! — сказал и Байбородов.

Цыганок, виновато посмотрев на ехавшего впереди Мишу, ударил по струнам и запел:

Ехал цыган по селу верхом.

Видит: девушка идет с ведром...

Глава десятая

ФИЛЬКИНЫ САПОГИ

Поздний вечер навалился на Многоудобное густым теплым мраком, но было шумно на улицах села. Ни жителям, ни партизанам не спалось. Еще не прошли волнения и радость, вызванные успехом в Майхэ. Людям не сиделось в душных хатах, и они высыпали на свежий воздух под черное небо, расшитое голубовато-золотистым узором звезд. На завалинках и скамейках у заборов слышались говор, смех, по улице, взявшись под руки, бродили длинными цепочками девчата и молодые партизаны. Гармошки перекликались веселыми голосами из конца в конец села. Кое-где во дворах по окраинам села яркими большими языками взметнулись костры.

Сидел у такого костра и Яшка Байбородов со своими товарищами, угрюмо смотрел в огонь. Пожалуй, они единственные во всем отряде не веселились. Кен Дя помещивал в котле, висевшем над костром, кашу. Филька с задумчивым видом ковырял отвалившуюся окончательно подошву, прикидывал, можно ли починить ичиги. Цыганок, лежа на спине и устремив взгляд в небо, к звездам, тихонько перебирал струны.

— Каша шибко вкусна... Кушай можно, — сказал Кен Дя.

— А меня угостите? — К костру подошел Попов. Он улыбнулся своей ясной дружеской улыбкой, словно между ними ничего и не было. Яшка, не скрывая, что обрадовался приходу Миши, хлопнул по лежавшему рядом с ним седлу:

— Садись сюда. Эй, Кен Дя, доставай еще котелок.

Цыганок торопливо сунул подальше гитару. У Миши едва заметно дрогнули губы. Филька тяжело вздохнул. Он ожидал, что Миша за него примется. Будь он проклят, этот Юдин с его колечком.

— Вкусно, — похвалил Попов варево Кен Дя.

Каша действительно была хороша и аппетитна. Партизаны, обжигаясь, ели молча. Когда котел был опустошен, Кен Дя сбегал к колодцу и поставил кипятить чай.

Товарищи после еды прилегли у костра, закурили. Яшка протянул Попову кисет.

— Не курю.

— Чего же так? — удивился Байбородов. — Может, махра крепка для тебя?

— Совсем не курю, — повторил Миша.

— Это зря. Табак душу согревает. — Байбородов прикурил, несколько раз с наслаждением затянулся и проговорил почти с важностью: — Хорош табачок. По душе лаской прошел. Ты, Миш, никогда не баловался?

— Было, — усмехнулся Попов. — А вот к Сергею Георгиевичу попал — и конец.

— Неужто он без табака обходится? — удивился Яшка.

— Обходится, — кивнул Миша и наставительно добавил: — Человек должен, обязан обходиться без всего того, что ему во вред. — Он обвел взглядом товарищей, лица которых в отблеске костра казались бронзово-красноватыми, и строже продолжал: — В том числе и без мелкой ненависти.

— Что-то не пойму, — мотнул головой Яшка и нахмурился. — Какой это?

— А такой, какой сегодня Маслаков занялся.

— И чего я такого сделал?

— Да поймите, товарищи. — Миша обвел друзей взглядом. — Если каждый из нас начнет мстить своему обидчику, то не революция это будет, не война за свободу, а черт знает что. Превратимся мы в каких-то бан-

дитов, и только. Да-да, не обижайтесь, — в бандитов. Сначала обидчику пулю в лоб закатим, а потом с него рубашку сдерём...

— Ты что мелешь? — ошетинился Байбородов. Он вскочил с земли и, нагнувшись над Поповым, размахивал руками. — Ты чего такое о нас, партизанах, строишь?

— Я говорю правду, — внешне спокойно ответил Михаил. — Сегодня, например, мы у обидчиков гитару стащим, а завтра...

— Цыганок! — Яшка швырнул в огонь свою сигарку и через костер уставился на Харся. Всем показалось, что Байбородов кинется через огонь на Цыганка. Голос у Яшки звучал угрожающе: — У кого спер гитару?

— Зачем попу гитара, гитара цыгану нужна, — сверкнул улыбкой, не смущаясь, Харсь.

— А ну, в седло и гитару хозяину в целости верни, — приказал Байбородов. Он был в ярости. — Нашу честь партизанскую мараешь. Да я тебя...

Миша вовремя удержал Яшку, который действительно хотел наброситься на Цыганка:

— Успокойся, садись рядом. Потолкуем.

— Что толковать? — уже тиге сказал Байбородов. — Где взял, там пусть и положит. У нас не табор цыганский, ворованное прятать.

— Я украл?! — закричал в свою очередь Цыганок и поднялся.

Яшка и Цыганок стояли друг против друга, готовые схватиться.

— Погодите. — Попов почти силой усадил рядом с собой Яшку и предложил Цыганку: — И ты садись. Что, как кочеты, друг на друга усталились? Ненависть у нас должна быть одна, общая, большая, сильная, к белым, к интервентам, к нашим всем врагам. Бьемся мы за великое дело — за свободу трудового народа.

— За мировую революцию, — вставил Яшка.

— И за мировую революцию, — подтвердил Попов. — Вот почему ни крови своей, ни жизни своей не щадит красный боец. Цель-то у него какая — светлая, как солнце.

— Правильно, — одобрил Яшка и снова набросился на Цыганка. — А он, пакостник...

— Цыганок виноват, это верно, — согласился Ми-

ша, — но его во всем винить нельзя. Там, где он жил, среди кого рос, взять считалось удальством. Так ведь, Цыганок?

— Плохой цыган, если коня чужого не сможет увести, — по-своему ответил Цыганок и, чувствуя поддержку Миши, предложил: — Хочешь, спою? Хорошая гитара, поет, как сердце цыгана.

— Я тебе сейчас спою, — рванулся Байбородов. — Смеяться надо мною!

Цыганок предусмотрительно отскочил в темноту. Миша укоризненно сказал Байбородову:

— Чего напустился на него? Растолковать надо ему, что он неправильно поступил.

— Отучи кошку мышей гонять... — пробурчал Яшка.

Миша позвал Цыганка, и тот вернулся к костру, с опаской поглядывая на Байбородова. Попов думал о товарищах. Какие они все разные. По разным дорогам пришли в партизанский отряд, собрались вот у этого потрескивающего костра, но пришли все ради одного и того же, и была у них теперь одна общая жизнь, общее будущее. Каким они увидят его? Каким увидит его он сам? Он много думал об этом, слушал старших, читал, и все же будущее представлялось ему каким-то таким особенным, что вот сейчас обыкновенными словами о нем и не скажешь. А как бы ему хотелось это сделать, рассказать новым товарищам о будущем. Неожиданно ему помог Филька. Он спросил:

— А когда мы мировую революцию совершим — ни-кого воровать не будет?

Он так пристально смотрел на Попова, что было понятно: Маслаков задал давно мучивший его вопрос.

— А зачем? И кто? Ты, я или Цыганок? Для чего? Все же будет общее, и каждый будет всему хозяин.

— Вот здорово! — совсем по-мальчишески воскликнул Филька. — Значит, всему хозяин и бери, что хочешь?

— Конечно, — как можно серьезнее и убедительнее произнес Попов. — Он увидел, как внимательно, с каким интересом слушают его разведчики. — Каждый сможет взять, что ему необходимо.

Филька засмеялся чему-то, а Байбородов прокашлялся, но не сказал ни слова. Попов понял, что ему не поверили, и он горячо заговорил:

— Вот ты, Яков, и ты, Кен Дя, любите уголь добывать, Цыганок любит лошадей.

— Я тоже скотину уважаю, — произнес и застеснялся Филька.

— Очень хорошо, — поддержал его Миша. — Когда победит наша революция, каждый будет делать то, к чему его сердце лежит. И не для хозяина Филька и Цыганок будут пасти, выхаживать скотину, не для владельцев вы, Яков и Кен Дя, будете рубать уголь, а только для своих товарищей, для своего трудового народа, а они будут работать для вас...

— Чудно что-то, — помотал головой Филька. — Как так без хозяина? А кто же мне платить будет, кто работу с меня спросит?

— Подкинь-ка веток в огонь, — попросил Миша, видя, что пламя в костре стало спадать. Разговор предстоял долгий. Попов видел, что он обязан растолковать этим чудесным грубоватым ребятам, за что они так смело, беззаветно сражаются, что чувствуют сердцем, но еще плохо, неотчетливо видят. — Слышали вы про город Солнца?

Товарищи переглянулись.

— Ты не вопросыки задавай, а говори, коли взял-ся, — сказал Байбородов.

Слушали товарищи Попова и забывали об усталости, о том, что они сидят у костра и что завтра им снова придется идти в бой. Они следом за Мишей вошли в чудесный город. Каждый шаг открывал им новые и новые прекрасные дома, площади, а вокруг были люди, каких им еще не приходилось встречать. Мечтательными стали взгляды товарищей... Не заметили они, как Миша увел их из города Солнца, и вот они уже в шумной толпе парижан идут к Бастилии и берут ее штурмом, врываются в сырые, темные казематы, где к каменным стенкам прикованы изможденные люди, и выводят их на свет, а сами разрушают тюрьму. Потом разведчики стояли на Сенатской площади, мерзли на декабрьском морозе, дрожали под пронизывающим ветром с Невы, гремели кандалами по сибирским трактам, лежали на баррикадах Пресни и наконец на броневиках неслись по темным петербургским улицам к Зимнему дворцу, а потом слушали Ленина...

— Эх, — воскликнул с сожалением Яшка, — не до-

ведется нам такое увидеть! Да если бы я был у двора, я бы гадов юнкеров порубал...

— Тебе еще, Яков, беляков и интервентов рубать да рубать. Смотри, руки не устали бы клинок держать.

— Нам бы город Солнца, — сказал Маслаков.

Миша обернулся к Фильке:

— Город Солнца, говоришь? Такого города Солнца, о каком мечтал Кампанелла, не будет. А на земле нашей будет государство рабочих и крестьян, солнечная страна коммунизма. Вот в ней будут жить люди! И люди будут особенные — со светлыми мыслями, жить будут в дружбе, станут друг другу братьями, все равны будут...

Цыганок встал:

— Я поехал.

— Куда? — уставился на него Байбородов.

— Гитару повезу, — с сожалением смотря на нее, ответил Цыганок.

— Подожди, — обратился к нему Попов. — Чего уж назад ее тащить? Будем считать, что гитара реквизирована для нужд отряда и революции.

— Ох, хорошо! — воскликнул Цыганок, видя, что с Поповым согласны все.

— Гармонь бы сейчас, — проговорил Попов.

— Гармонь? — Байбородов исчез в темноте.

Вернулся Байбородов с гармонью:

— Давай, если можешь.

Миша надел на плечо ремень. Гармонь была старенькая, потертая, но с хорошим ладом. Миша привычным движением пробежал пальцами по клавишам и, растянув меха, заиграл так же неожиданно легко, красиво, как и запел:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горюшь в огне...

Партизаны слушали. Простые и печальные слова находили отклик в их сердцах. И казалось партизанам, что Миша поет не о далекой, неведомой им стране, неведомых им людях, которые вот так же, как и они, боролись за свободу, а поет о них, о их жизни, борьбе, об их сучанской земле, охваченной огнем. Цыганок, вначале слушавший, как и все, вдруг вспомнил о гитаре, лежавшей у него на коленях, и стал осторожно подбирать ме-

лодию. Она ему свободно далась, и скоро к звукам гармонии присоединилась гитара.

Вокруг костра стали собираться партизаны, жители села. Песня оказалась многим знакомой, и вот один, за ним другой, третий подхватили ее, и песня зазвучала громче, широко поплыла над селом. Молодые и старые, бородатые и безусые, партизаны и крестьяне пели с одним чувством... Песня поднималась к небу. Миша смотрел на лица партизан — сосредоточенные, торжественные, вдохновенные...

Яшка Байбородов, довольный и гордый тем, что у его костра играет адъютант Лазо и столько собралось партизан, пел во всю силу легких, нисколько не смущаясь тем, что слух у него был неважный и он мешал остальным...

...Попов поздно вернулся в штаб. Командиры, жадно и нервно дымя сигарками, спорили с Лазо. Попов остановился у двери, прислушался. Свет маленькой керосиновой лампы слабо пробивался сквозь плотные слои махорочного дыма.

— Поймите, товарищи, — говорил Лазо спокойно, убедительно. — Нам надо исходить не из интересов отдельных отрядов, а всего дела. От того, что вы стоите в Многоудобном, — польза очень небольшая. Связь со штабом, с другими отрядами ненадежная, плохая. Если колчаковцы или интервенты окружают вас, — отряду конец. Помощь не подоспеет. — Лазо поднялся из-за стола, подошел к окну, шире растворил его. — Надымили. Одурманить меня хотите? Не получится, от своего не отступлюсь.

Миша видел, что Лазо очень устал, но скрывал это и терпеливо разговаривал с упрямыми шахтерами. Уже в какой раз Миша восхищался выдержкой Сергея Георгиевича. Вот и сейчас он неторопливо пояснял Глазурину и Пузырькову:

— Надо не только действовать по единому плану, а и укрупнять отряды, объединять мелкие. Так нам будет легче, удобнее, а главное, мы будем успешнее бороться с врагом.

— Не скоро он сунется к нам, — убежденно проговорил Пузырьков. — Колчаковцам мы дали по шапке, а американцы обещали держать нейтралитет.

— Ошибаешься, товарищ Пузырьков! — сердито вос-

кликнул Лазо и резким движением руки очистил карту, лежавшую на столе, от бумаг и карандашей. — Гляди сюда. Вся Сучанская долина, весь Ольгинский уезд в руках Советов. И где? В тылу Колчака. Только узкая полоска железной дороги и Сучанские копи в руках белых и интервентов. Разве они могут с этим мириться, разве они не понимают, что мы тут собираем, копим силы, и недалек тот день, когда мы не только освободим Сучан, но и займем Владивосток? А это значит, что мыотрежем Колчака от моря и он перестанет получать американское оружие, боеприпасы, окажется в наших тисках. — Лазо поднял руку и сжал ее в кулак. — И мы его раздавим. Вот почему, Иван Федорович, — обратился Лазо к Глазурину, — тебе надо перевести отряд свой в Новороссию, к Черненко.

— У него же большой отряд, — вздохнул Глазурин. — Мой растворится в нем.

— Самостоятельным батькой хочешь жить? — съязвил Лазо. — Нет, так не годится. Твой отряд не исчезнет. Он будет одной из боевых и очень подвижных единиц, но действовать вам придется по единому плану и стоять не в глубине тайги, а поближе к врагу, к его коммуникациям.

— Хорошо, — согласился Глазурин. Как ни тяжело ему было отказаться от самостоятельности, к которой уже привык, — он понимал, что решение командующего было разумным и продиктовано интересами общего дела. Но не мог Глазурин скрыть свою тревогу: — Как мои шахтеры этот переход поймут?

— Объясни — и поймут. То, что беляки в Майхэ появились, — очень тревожный сигнал. Вроде как разведка...

После ухода партизанских командиров Лазо несколько минут ходил по комнате, погруженный в думы. Миша не отвлекал Сергея Георгиевича, хотя ему не терпелось поделиться своей мыслью, посоветоваться. Лазо остановился у стола, забарабанил пальцами по карте, пристально смотря на нее, и Миша знал, что Сергей Георгиевич видит сейчас не условные обозначения рек, дорог, мостов, перевалов, не цветные разводы лесов, гор, болот, а движущиеся отряды, позиции...

— Сергей Георгиевич, — взволнованно сказал Миша, опасаясь, что Лазо почему-либо не поддержит по-

направившуюся ему идею. — Я сегодня у костра назвал Якова Байбородова и его товарищей молодыми коммунистами.

— Правильно. Они борются за коммунизм!

— Да. А что если нам создать первую ячейку Союза Коммунистической Молодежи?

— Союз Коммунистической Молодежи, — повторил в раздумье Лазо, и его лицо осветилось. — Это хорошо. Да, ячейку надо организовать.

Попов был рад, что Лазо так горячо поддержал его. Миша внимательно слушал Сергея Георгиевича, который, уже увлеченный его идеей, развивал мысль, каким должен быть член Союза.

— Собирай завтра своих дружков.

— А вы будете?

— Обязательно. Ну, а сейчас спать, Миша, спать...

Утром Попов отправился разыскивать Ольгу. Было тепло и солнечно. Во дворе стоял шум. Партизаны и жители села тесным кольцом окружили начхоза. Хозяйственный Остап Филиппович привез из Майхэ трофей — подарки американцев — и распределял их среди крестьян и партизан по своему усмотрению. Особым спросом пользовались ботинки — добротные, на толстой подошве. Многие из бойцов ходили в опорках, а то и босые. Какой-то партизан, получив ботинки, с восторгом щелкнул их по носку, погнул подошву, попробовал ее на зуб и восхищенно сказал:

— Износу не будет. Одно слово — японские...

— Голова, — поправил его другой. — Мери́канские ботинки...

Сыпались шутки. И вдруг над всем веселым гомоном раздался раздраженный крик Фильки Маслакова. Он горячился, спорил с начхозом. Его фуражка съехала на затылок. Филька только что подошел и узнал, что все ботинки уже розданы. Он этому не верил, зная, что начхоз — человек запасливый. Филька еще не терял надежды получить обновку.

— Дашь ботинки или нет? — наступал он на Остапа Филипповича.

— От же пристав, як лист у бани... — отмахивался начхоз.

Маслаков озлился на Остапа Филипповича еще сильнее и поносил его, как только мог. От волнения у него

раскраснелось лицо. В это время из хаты вышел Лазо, прислушался к спору, и он ему не понравился.

— Выходит, я у Юдина батрачил босиком и тут батрачу босиком!

— Что у тебя с сапогами? — подходя ближе, спросил Лазо.

Филька обернулся и, увидев командующего, оторопел. Его маленькие глаза часто замигали, но злость на начхоза еще не прошла.

— Всем ботинки дал, а мне нет. Мои ичиги уже худые, грязь пропускают.

— Так. — Лазо внимательно осмотрел ичиги Фильки и, неожиданно сев на землю, быстро скинул свои сапоги: — На, надевай, а мне давай свои.

Парень чуть попятился, растерянно оглянулся. Партизаны, окружив тесным кольцом Лазо и Фильку, молчали.

— Ну, быстро! — повторил Лазо.

— Да... я... — заикаясь, начал было Маслаков, но, взглянув на Лазо, замолчал и, опустившись с ним рядом, стянул свои ичиги.

Лазо внимательно наблюдал, как обувался Филька. Лицо парня, густо усыпанное веснушками, все время менялось, становясь то белым, то красным. Не перематывая портянок, Филька натянул сапоги Лазо. Байбородов в ярости хлопнул себя по голенищу плеткой.

— Переобуйся и заверни хорошо портянки, — спокойно приказал Лазо. — Мозоли натрешь.

Филька послушно стал переобуваться. Руки его дрожали, а на лбу выступили капли пота.

— А сейчас запомни, что у нас в отряде батраков нет, все бойцы-партизаны, и все равны. Иди!

Красный от стыда, низко опустив голову, Филька бокком вышел из круга партизан.

— Эх, и сволочь ты, Маслаков, — крикнул Байбородов ему вслед и крепче сжал рукоятку плетки...

...Попов долго разыскивал Ольгу, пока не нашел ее около кузницы в трофейном военном костюме. Китель и бриджи были ей впору. Из-под фуражки виднелись коротко остриженные волосы. Ольга не пожалела своей косы. Лицо ее немного осунулось. Видно, девушка провела беспокойную ночь. Миша подошел ближе. Ольга, наблюдавшая за тем, как кузнец прилаживал подкову

ее каурому коню, почувствовала взгляд Миши и повернулась. Ее лицо чуть порозовело, она с ноткой вызова спросила:

— Узнаешь?

— Настоящий боец. Только вот что-то оружия не вижу.

— Начхоз обещал, — сказала Ольга. — Сегодня же ты научишь меня стрелять. Есть у тебя время? Я буду в разведке Байбородова.

— Он согласился? — спросил Миша.

— Согласился, — кивнула Ольга, и Попов понял, что иного решения от Байбородова она не могла и ожидать. Ольга добавила: — Он мне и костюм этот дал. Вот сапоги великоваты. Я тебя очень прошу, сходи к начхозу и принеси винтовку.

Попов вернулся с трофейной винтовкой для Ольги и полным карманом патронов. Соскочив с коня, сказал:

— Получайте боевое оружие!

— Ой, какая тяжелая! Буду без промаха бить. За всех отомщу! — На ее глазах выступили слезы, она смахнула их рукавом.

— Принимай коня, красавица! — сказал кузнец. — Такой подкове износу не будет.

Старый, с курчавой бородой кузнец подмигнул Мише, а когда Попов и Ольга поехали рядом, долго смотрел им вслед:

— Хороша пара. Самый раз друг другу подходят.

Лазо, заметивший Ольгу и Мишу из окна, шутливо сказал:

— Могу лишиться своего адъютанта.

— Что так? — Глазурин тоже выглянул в окно и рассмеялся. — Да, твоему адъютанту грозит плен, из которого он едва ли вздумает бежать.

Байбородову казалось, что Ольга как-то по-особенному смотрит на Мишу. Цыганка же кольнула острая тоска по Лизе. «Поеду к ней», — решил он.

— Слышала я, как ты вчера пел, — сказала Ольга Попову. — «Трансвааль, Трансвааль, страна моя...»

— О нашей борьбе тоже будут слагать песни, и лучше, — сказал Миша и рассказал Ольге о ночной беседе с Лазо о Коммунистическом Союзе Молодежи.

— Правильно, — подхватила Ольга. — Такой Союз необходим. Начнем со звзда Байбородова...

Они оживленно начали обсуждать задачи Союза, что надо делать в ближайшие дни...

— Значит, всех разведчиков в Союз? — спросил Миша.

— Конечно. — Ольга посмотрела на Мишу. — Почему ты об этом спрашиваешь?

— Боюсь, что Яков против Фильки и Цыганка будет. Против Фильки из-за колечка.

— Колечка? Какого колечка?

Попов передал сцену в доме Юдина в таких комических красках, что девушка под конец не выдержала и расхохоталась. Весело разговаривая, они выехали за село. Солнце щедро палило с высокого чистого неба, редкие белые облака медленно плыли над яркой зеленой тайгой. Приятно пахло нагретой солнцем зеленью, хвоей, смолой. В чаще переключались птицы. Над лугом яркими цветами порхали бабочки. Лошади, которых не погоняли всадники, неторопливо шли по рыжеватой ленте дороги. Глинистая земля мягко подавалась под подковами, скрадывала звуки. От земли струились дрожащие потоки горячего воздуха.

Тихая, мирная картина цветущей природы, солнечное тепло, плавный ход коней как-то убаюкивали молодых всадников. Они реже перебрасывались словами и скоро замолкли. Миша посматривал по сторонам, отыскивая удобное для стрельбы место. Вскоре он заметил ложбину, переходящую в распадок. Она была в стороне от дороги. Миша свернул коня:

— Вот тут и откроем стрельбище.

Они спешились, пустили коней пастись. Миша выбрал старое дерево и у его комля укрепил листок бумаги:

— Мишень.

— Так далеко? — прикинула на глаз расстояние Ольга. — Не попаду. Может быть, подойдем поближе? — Она сделала шаг вперед.

— Нет, — смеясь, остановил ее Попов. — Научишься поражать далекую цель — в ближнюю всегда попадешь. Смотри и запоминай, как надо держать винтовку, целиться, стрелять.

Он бросился на траву и, прицелившись, нажал спусковой крючок. Выстрел расколол тишину. Распадок откликнулся эхом. Ольга и Миша побежали к мишени, стараясь обогнать друг друга.

— Есты! Попал! Почти в самую середину, — едва переводя дыхание, закричала Ольга. — Вот, — и указала на след пули, которая, пробив бумагу, ушла в ствол дерева. — Нет, я не смогу попасть.

— Сейчас проверим.

Они вернулись. Миша помог девушке правильно изгот-овиться к стрельбе. Но вначале дело не ладилось. Перед тем как выстрелить, она закрывала глаза, сильно рвала спусковой крючок, и пули одна за другой шли мимо мишени. Попов терпеливо объяснял. Ольга, придя в уныние от неудач, перестала бегать к мишени.

— Нет, не выйдет из меня стрелка, — сказала она.

— Рано отчаиваться. Как говорится, не сразу Москва строилась. Ты думаешь, у меня первые же пули в цель ложились? Куда там! Я не один десяток патронов перевел, пока научился. Ну-ка, давай еще разок. Только делай так, как я тебе говорю.

— Хорошо, Миша.

Ольга вновь выстрелила. Он без особой уверенности в ее удаче направился к мишени.

— Ольга! Ура-а! Ура-а-а! Беги сюда! Попала! Попала!

Ольга, забыв про усталость, вскочила на ноги и побежала к Попову. Он ждал ее, широко улыбаясь и размахивая над головой фуражкой. Миша был рад успеху Ольги не менее, чем она сама.

— Где? — только и могла выдохнуть Ольга, когда оказалась у дерева. — Вот? Да? — Она указала на новый след пули на листке.

— Молодец, Ольга, — похвалил Попов. — Давай-ка еще постреляем.

Окрыленная первым успехом, девушка теперь стреляла лучше, и пули все чаще ложились в цель.

— Не могу больше, — взмолилась она наконец. — Плечо болит, а в ушах звенит.

— Передохнем, — согласился Миша.

Они лежали на траве, прикрыв руками глаза от солнца.

— На Сучане у меня много дружков, — сказала Ольга. — Кроня Кореннов, Митя, Уля, Надя... Да, много.

— Почему же они не в партизанском отряде?

— Ты думаешь, что они трусили? — Ольга облоко-

тилась на руку, посмотрела на Мишу и заговорила горячо: — Нет, шахтерские — смелые. Да только им приказано на шахтах быть. Связные они. Им легче мимо застав пробраться. Смотри, Миша, к нам едут.

Попов приподнялся, посмотрел на дорогу и вскочил на ноги.

От села мчались четыре всадника. Это были Лазо, Байбородов, Цыганок и Кен Дя. Миша с удовлетворением и гордостью подумал о Лазо: «Сдержал свое слово». Всадники подъехали. Сергей Георгиевич сказал:

— Мы к вам в гости.

— Угощать только нечем! — пошутила Ольга.

— Отдохнем на зеленом ковре, — весело ответил Лазо и спешился.

Миша спросил:

— А где же Маслаков?

— Не говори про него, — отмахнулся Байбородов, расслабляя у коня подпругу. — Такое натворить из-за жадности! Да я его... Не будет он больше у меня разведчиком. Баста!

— Выгнать легко, а вот научить человека, чтобы он лучше стал, — трудно, — сказал Лазо. — Не прав ты, Байбородов. Жил один французский ученый, по имени Руссо. Так он писал, что человека все время, сколько он себя помнит, только к плохому и приучали, а вот Ленин хочет, чтобы человек хорошим стал, свободным, добрым, сильным. Вот почему люди за ним идут. — Лазо внимательно оглядел молодых партизан. — Ну-ка, друзья, садитесь, поговорим.

Все опустились на траву. Лазо, сорвав дикую ромашку на высохшем стебле, покрутил ее в пальцах.

— Вот ты, Яков, обижаешься на Маслакова. Верно, он поступил плохо. Но ты подумал о том, что он долгое время батрачил и хотел он того или не хотел, а жадности у хозяина научился. Потому он так и ведет себя. Но он не пропащий, и гнать его из отряда нельзя.

— Почему это? — Байбородов насупился. Он был недоволен, что Лазо взял под защиту Маслакова. Это было для шахтера неожиданно. Он, наоборот, ожидал, что Лазо будет возмущен филькиным поступком и разделит его, Яшино, настроение.

— Вот Михаил рассказывал мне, как Маслаков обижен был тем, что его обвинили в воровстве. Значит, он

горд, честен и хочет лучшей жизни. Он пришел в партизанский отряд, старается быть хорошим бойцом. Разве это не говорит о том, что Маслаков заслуживает помощи вашей и дружбы, заслуживает того, чтобы вы помогли ему избавиться от дурных привычек?

— Няичить его, как младенца-несмышлениша? — фыркнул Яшка.

— Няичить не надо, — улыбнулся Лазо. — А вот учить — надо.

— Как? — Насмешливая улыбка тронула губы Байбородова, и он пошевелил плеткой.

Лазо это заметил:

— Только не плеткой... Слышали вы о Российском Коммунистическом Союзе Молодежи? О первом его съезде в Москве?

— Доводилось, — кивнул Байбородов. — У нас на Сучане организовывался Союз, да я ушел в отряд...

— Кроня собирал ребят, — добавила Ольга.

— Вот Михаил говорит, что хорошо бы у нас организовать такой Союз, — сказал Лазо. — Как вы думаете?

— Конечно, надо, — откликнулась Ольга.

— Владимир Ильич сказал, чтобы Коммунистический Союз Молодежи готовил из молодежи сознательную армию молодых борцов за коммунизм, — объяснил Лазо.

— Фильку тоже надо сделать таким? — с усмешкой спросил Байбородов.

— Обязательно, — убежденно сказал Лазо. — И это будет первой твоей задачей, твоей обязанностью, как члена партизанского Коммунистического Союза Молодежи. И это не единственная у тебя и твоих товарищей обязанность. Раз вы молодые коммунисты, то вы должны быть примером для всех партизан, и особенно молодых. Что вы должны делать? Прежде всего точно и беспрекословно выполнять все боевые приказания, быть честными, вежливыми по отношению к товарищам, населению... Еще вот что. Плена для партизана нет. Победа или смерть... — Лазо остановился. — Тут надо добавить...

— Если партизан попадет в плен, пусть крепко хранит военную тайну, не разглашает сведений, касающихся партизанских отрядов! — Полков сказал это одним дыханием.

Лазо одобрительно кивнул:

— Правильно! Смерти в плену все равно не избежать, так лучше умереть коммунистом, честным бойцом, с высоко поднятой головой, нежели стать предателем!

Попов быстро записывал слова Лазо, изредка тихо повторяя их вслух:

— ...Лучше умереть честным бойцом, с высоко поднятой головой, нежели стать предателем!

И эти слова в его устах звучали, как клятва.

Долго Лазо беседовал с молодыми партизанами. Договорились о создании ячейки Коммунистического Союза Молодежи. Настроение у всех было приподнятое, торжественное...

Все обернулись на стук копыт. От села наметом приближался всадник. Это был посыльный из штаба. Лазо вскочил на коня и уехал.

— Как шашкой головы с беляков срубить? — Цыганок стремительно вскочил и обратился к Мише: — Ты обещал цыгана научить!

— Смотри. — Миша выхватил из ножен клинок и, отбежав на несколько шагов от товарищей, так быстро стал вертеть его над головой, что образовался сплошной, сверкающий на солнце круг.

— Ух, дьявол! — восхищенно сказал Яшка и попытался сделать то же самое, но у него ничего не получилось. Он сконфуженно опустил клинок. Миша подошел к нему. Пока Яшка разучивал новый прием, Миша опять занялся с Цыганком...

В штабе Лазо ждал незнакомый человек с усталым, наполовину закрытым смоляной бородой лицом, в изрядно потрепанном пиджачке и рыжеватых сапогах с засохшей на них болотной грязью.

— Этот товарищ с Сучана, — сказал Глазурин.

— Когда с Сучана? — спросил Лазо.

— Позавчера сь вышел, — устало произнес шахтер. — До рассвета вышел, да тихо не получилось. На дозор американский напоролся. Едва ушел, но зацепили гады. — Он потрогал перебинтованную руку. — С такой лялькой скороходом не станешь. Да малость и по тайге поплутал, пока до Фроловки добрался. Там никого не застал. Лошаденку выпросил — и к вам.

— Что на Сучане? — спросил с беспокойством Лазо. — Вас комитет послал?

— Комитет. — Шахтер левой рукой достал из-за пазухи пакет и передал Лазо, но Сергей Георгиевич не стал его сразу вскрывать, а попросил рассказать о положении на Сучане.

— На Сучане дела аховые. — Шахтер сидел сгорбившись. — Прибыл туда днями новый отряд американцев. Ждем колчаковцев. Первым делом объявили, чтобы все в шахты пошли уголек рубать. Мы ни в какую. На другой день американцы и японцы по квартирам пошли шарить. Шестерых наших взяли и объявили: кто на работу не пойдет, тем, значит, конец. Сейчас американцы уголь из отвалов вывозят.

— Что с арестованными?

— Всех утром у третьей шахты вывели на террикон и кончили.

Шахтер замолчал. В штабе стало очень тихо.

— Так, — сказал Лазо. — Враги перешли к террору.

— Семейных кончили, — глухо произнес шахтер. — Пугнули, кто в шахту не пойдет — его и семью к стенке. Пришлось за обушок браться. Но ты не думай, — шахтер вскинул голову и, почему-то обращаясь только к одному Лазо, громко договорил: — Не думай, что уголек мы будем на-гора давать. Сейчас даем, правда, для блезиру, а сами подрыв шахт готовим, затопление.

— Что? — Лазо прямо смотрел в глаза шахтеру. — Взрыв шахт? Затопление?

— Да, — тихо проговорил шахтер, и все почувствовали, как ему было трудно это говорить. — Комитет принял решение взорвать шахты, не дать угля ни фунта... Вот комитет и послал меня до вас узнать, одобрите или нет. У нас с Владивостоком связи нет.

— Нет, — сурово сказал Лазо, — ни в коем случае шахты затоплять нельзя! Сколько потом будем их откачивать! Уголь сразу же потребуется, как только врага сбросим в океан.

— Когда-то будет такое, — с сомнением произнес шахтер. — А сейчас, выходит, господам колчакам уголек будем подносить. Да ты знаешь, что на нашем угольке поезда из Владивостока в Сибирь к Колчаку бегут, снаряды, патроны везут...

— Знаю, дорогой товарищ, все знаю. — Лазо подошел к шахтеру и сдержанно (но за этой сдержанностью чувствовалось огромное напряжение и сила) сказал: — Не получают ваш сучанский уголек Колчак и интервенты. Не получают. И для этого не надо шахты затоплять.

— Как так? — не понимал шахтер.

— Днями узнаешь. — Лазо обратился к Глазурину. — Я думаю, что товарищу возвращаться на Сучан опасно.

— С таким паспортом куда сунешься, — сказал шахтер о своей руке. — Да и вам от меня пользы нет.

— Подлечим, — успокоил его Лазо. — Наш доктор большой специалист по ремонту партизан. Вас сейчас к нему проводят.

— А как же с ответом на Сучан? — забеспокоился шахтер. — Они же ждут.

— Не тревожься, пошлем, — заверил его Лазо. — Ну, а сейчас к доктору. Он недалеко в тайге, там наш госпиталь.

— Хорошо тут у вас, — поднявшись и посмотрев в окно, сказал шахтер. По улице сновали пешие и конные партизаны. Село напоминало большой военный лагерь. Во дворе стояли телеги с пулеметами. Сушилось на солнце белье. — Всюду свои, партизаны. А у нас на Сучане, куда ни глянь, — везде морды под кокардами. Ух, гады! Не прощу им слез шахтерских вдов. Многих наших расстреляли.

Шахтер ушел. Едва за ним затворилась дверь, как Лазо беспокойно зашагал по компате.

— Если сучанцы решились на взрыв шахт, то положение у них, вероятно, очень тяжелое.

— Американцы пришли не за тем, чтобы угощать шахтеров шоколадом, — глуховато сказал Глазурин. Весть с родных шахт взволновала его.

— И все же взрывать шахты нельзя. Нельзя. Не будем свое же добро портить.

— А что предлагаешь? — Глазурин требовательно посмотрел на Лазо. — Шахтеру горько смотреть, что уголь, который он рубит, идет против него и его товарищей. Тут не только шахту взорвать, а и руку отрубишь себе, чтобы обушка не держаться.

— Американцы не отступятся. — Пузырьков покаш-

лял в кулак, слабо улыбнулся. — Уголь им нужен, как моим легким воздух.

— Весь воздух тайги — твой. — Лазо задержал взгляд на землистом лице Пузырькова. — А уголь сучанский ни американцам, ни Колчаку не дадим.

Сергей Георгиевич вскрыл пакет. В нем, кроме письма, оказались какие-то листовки. Лазо развернул их.

— «К рабочим Сучанских рудников!» — начал он читать, и в лицо ему бросилась кровь.

Глазурин тревожно посмотрел на Лазо:

— О чем там?

— Обращение, а похоже на ультиматум, — проговорил Лазо. — Слушайте! — Он начал ровно читать, но с каждой фразой все звонче становился его голос:

— «При передаче мне командования над союзными войсками на Сучане я был осведомлен, что рабочие рудника не работают потому, что боятся партизан.

Я намерен защищать всех рабочих рудника от внешнего влияния. Угроза рабочим или вмешательства будут считаться беспорядочным поведением, и всякое лицо или лица, так поступающие, будут наказаны мною.

Вы должны сознавать, что, если вы не будете работать, вам придется голодать и, кроме того, которые не будут работать, будут призываться той или другой партией войск.

Во всяком случае те, которые не будут работать или исполнять мои приказы, будут выселяться.

По приказу Ф. Б. Ольдердайса, майора, начальника гарнизона на Сучанском руднике Д. Л. Бресслер, 1-й лейтенант 31-го полка».

— Ну, что скажете? — Лазо швырнул листок на стол.

— наших шахтеров им не запугать. — Глазурин спокойно встретил обращение американцев. — Прочитка, что дружки наши пишут.

Лазо быстро пробежал письмо шахтеров.

— Американцы решили привезти на Сучан триста—пятьсот рабочих из Кореи и Китая.

— Штрейкбрехеров! — Глазурин потянулся к письму. — Все меры принимают, чтобы сорвать забастовку и возобновить добычу угля.

— Не дадим! — Лазо погладил лоб. — Немедленно

надо поставить в известность областной комитет партии и ждать его указаний.

— Пошлем связного во Владивосток? — Глазурин аккуратно сложил письмо сучанцев. — Надо ловкого, надежного человека...

— Попов поедет, — решил Лазо. — Он быстро обернется.

— Я о нем же подумал, — улыбнулся Глазурин. — Хороший у тебя адъютант, Сергей Георгиевич.

— Да, — откликнулся Лазо и нагнулся над картой. — Я буду ждать его в Петровке. Как по-вашему, товарищи, где мне лучше железную дорогу пересечь?

— Напрасно будешь рисковать, Сергей Георгиевич, — покачал головой Глазурин. — Американцы густо понатыкали часовых. Патрули непрерывно по дороге разъезжают.

— А ты не пытайся меня отговаривать, бесполезно, — засмеялся Лазо. — Я хочу своими глазами посмотреть, как американцы соблюдают ими же объявленный нейтралитет. Да и в Петровке побывать надо, отряд посмотреть.

— Пожалуй, лучше всего перейти дорогу за Романовкой, вот здесь. — Глазурин указал точку на карте. — Сколько возьмешь с собой бойцов?

— Двоих: Байбородова и Кен Дя.

— Не маловато? — удивился Пузырьков.

— Нет, — за Лазо ответил Глазурин. — Эти ребята доброго десятка стоят...

...В село Попов с товарищами вернулся под вечер. Все были голодные, усталые, но довольные. Этот день сблизил их еще больше. Негромко напевая «Трансвааль», они въехали в село. У крайней хаты стоял Маслаков. Михаил окликнул его. Филька хмуро глянул на них и тут же скрылся за углом. В этот вечер его больше не видели.

С тех пор как Цыганок сел на Шайтана, не было часа, чтобы он не думал о Лизе. Она приходила к нему во сне, а когда рядом была Ольга, Цыганку казалось, что вот тут где-то должна быть и Лиза. Он не раз порывался поехать к Лизе, пробраться в Шкотово, только разок взглянуть в ее голубые глаза. Однажды Цыганок даже вскочил на Шайтана и, огрев его плеткой, вынесся из села. Шайтан донес его до передовой заставы, и тут:

когда Цыганка окликнули из укрытия партизаны, он пришел в себя и медленно поехал назад...

Разведчики сидели у костра. Цыганок тихо перебирал струны:

Погасла звездочка на небе,
И тучка черная плывет...

«Посмотреть бы на тебя хоть глазком, моя милая, единственная, золотая». И не догадывался Марко, как близко это долгожданное свидание...

Филька весь день терзался, мучился. С ним никто не разговаривал. Партизаны не могли простить ему поступка с сапогами Лазо. Филька, окончательно измаявшись, пришел к хозяину сеновала, на котором почевали разведчики, и долго, настойчиво о чем-то упрасивал его. Наконец, порывшись в чулане, хозяин нашел Фильке то, что он просил.

До полуночи Маслаков при свете коптилки сидел в сарае и что-то мастерил. А когда уснуло все село, вышел из сарая и направился к штабу. Окна его были слабо освещены. Склонившись над бумагами, сидел Лазо и быстро писал.

Тяжело вздохнув, Филька решительно постучал в окно. Сергей Георгиевич оторвался от работы, поднял голову, прислушался, затем, отложив карандаш, вышел на крыльцо. Лунный свет заливал село. Амбары, хаты, улица, изгороди — все, казалось, было сделано из серебра.

— Что надо, Маслаков?

Филька, поколебавшись, подошел к крыльцу, достал из-за спины сапоги Лазо и поставил их на ступеньку. Они были так старательно начищены, что на них светились лунные блики.

— Вот, возьмите, — с трудом сказал Филька. — Мне не надо... У меня есть...

Лазо, сдерживая улыбку, взглянул на ноги молодого партизана. На Фильке были починенные и смазанные дегтем старые ичиги. Маслаков хотел еще что-то добавить но, увидев свои ичиги на Лазо уже отремонтированными и так же хорошо начищенными, судорожно глотнул, круто повернулся и выбежал со двора.

...Утром начхоз, покручивая прокуренный ус и посмеиваясь, записал в инвентарную книгу, что приняты лишние сапоги от партизана Филимона Маслакова.

ПЕЦКИЙ ГОТОВИТ ЗАПАДНЮ

Многоудобное Миша Попов покинул перед рассветом. Поравнявшись с хатой, в которой жила Ольга, он мысленно простился с нею: «До свидания, дорогая. Спи спокойно. Я скоро вернусь. Скоро». Михаил не сказал девушке, что уезжает на несколько дней. Не мог он этого сказать и не имел права. За нее он был спокоен. Скоро отряд Глазурина должен перейти в Новороссию и присоединиться к отряду Черненко.

Старый крестьянин доставил Попова в Шкотово. Здесь его дважды останавливали смешанные патрули американских, японских и колчаковских солдат. Помятые брюки, тужурка с чужого плеча, густой загар сразу же вызвали подозрение, но Миша умело рассеивал его. Он держался спокойно. Говорил по-английски:

— Мистер Хэлридж в Шкотово? Я разъезжал по деревням, вербовал молодых крестьян в ХСМЛ...

Миша рассказывал так, чтобы меньше вопросов ему задавали, и создавалось впечатление, что он рад встрече с солдатами и никакого значения не придает проверке документов. Английская речь производила впечатление, и подозрения наполовину исчезали. Миша игнорировал японских и колчаковских солдат, все предпочтение отдавал американцам. Это был верный расчет, и он оправдал себя.

Походив по Шкотово и убедившись, что за ним нет слежки, Попов без труда разыскал домик Белана. Во дворе шумели дети железнодорожника. Увидев постороннего, они замолкли. Миша смело вошел во двор. Навстречу от летней плиты под навесом торопливо шла маленькая худенькая женщина. Ее глаза с тревожным ожиданием смотрели на Мишу. Узнав, кто ему нужен, она быстро увела его в дом.

Хозяйка накормила Попова обедом, и он задремал. Разбудил его приход Белана. Они обменялись паролями. Попов передал Белану письмо Глазурина. Прочитав, Трофим Карпович оживленно сказал:

— Переправим тебя во Владивосток. Только вот в таком виде не годится. Тут, в Шкотово, сойдет, а там приметен. Унюхают, что от тебя тайгой пахнет. Костюм-

чик тебе другой подберем. Ну, а сейчас отдыхай. Поезд будет утром.

Белан ни о чем Мишу не расспрашивал. Ночью Попов два раза просыпался то от осторожного стука в окно, на который немедленно выходил Трофим Карпович, то от тихих голосов на кухне.

Утром Миша облачился в легкий серый костюм и соломенную шляпу. Белан придирчиво осмотрев разведчика и улыбнулся:

— Гоже. Хоть к самому Колчаку в гости езжай!

— Генерал Смирнов в Шкотово? — Слова железнодорожника о Колчаке напомнили Мише об Емельянове. Вот с кем бы не хотелось встретиться. Правда, на всякий случай у него был подготовлен ответ на расспросы подпоручника, что он разыскивает Ольгу, которая уехала к своему деду.

— Нету его, — помотал головой Белан и засмеялся: — Уехал во Владивосток.

Дорога до Владивостока прошла спокойно, Миша вышел из поезда на городском вокзале и до Первой Речки добирался сперва пешком, потом неожиданно быстро сел в трамвай, чтобы на всякий случай запутать след, если кто-нибудь за ним увязался.

И вот магазин Борзова. Миша не спеша поднимался по ступенькам крыльца. Мягко подалась под его рукой дверь, и над головой звякнул колокольчик. Миша окинул магазин быстрым взглядом. Полки с товарами. Широкие прилавки. Витрины с образцами галантерей. Борзов отмеривал аршином шелестящий шелк. Две женщины рассматривали образцы пуговиц, крепко пришитых к большому белому картону.

Борзов бросил взгляд на Мишу и, ничем не выдав, что он удивлен появлением нового посетителя, продолжал отмеривать материал, угодливо, вежливым голосом разговаривая с покупательницей:

— Японский, конечно, красив, приятен на ощупь. Но поверьте мне, мадам, китайский, который вы соизволили взять, кроме этих достоинств, имеет еще и другое — он очень практичен. Вы удачно остановились на нем. У вас великолепный вкус, мадам.

Миша с заинтересованным видом начал рассматривать велосипеды. Наконец колокольчик трижды звякнул. Покупательницы ушли.

— Что прикажете? — с улыбкой обратился к нему Борзов.

Он все еще стоял в позе услужливого приказчика, ладонями упершись в прилавок и согнув руки в локтях. Вдруг он выпрямился, и с лица его мгновенно исчезла угодливая улыбка. Миша увидел усталого человека. Борзов вышел из-за прилавка, повесил на дверь карточку с надписью: «Закррито».

Миша из тайника достал сложенный квадратик пергамента и протянул Борзову:

— В краевой комитет!

Борзов молча кивнул головой.

Миша поселился в той же комнате, в которой жил раньше.

Борзов принес пачку газет, и Попов до головной боли читал сообщения с фронтов, сводки, статьи, речи, старался отличить в них правду от лжи.

Уфа взята Красной Армией уже неделю назад... Колчак отступает... Газета «Земская жизнь Приморья» жаловалась, что 11 июня отряд красных разрушил телеграфную линию на перегоне станций Шмаковка—Свиягино. 12 июня ночью партизаны разобрали железнодорожный путь, в результате потерпел крушение воинский эшелон № 91 на 250-й версте, а вслед за ним свалился под откос броневой поезд атамана Калмыкова. Газета «Эхо» на первой странице крупным шрифтом напечатала обращение американского командования на Сучане к партизанам:

«Ваше постоянное вмешательство в дела рабочих и работ рудника должно быть прекращено. Будучи командиром всех союзных войск на Сучане, моя обязанность в том, чтобы защищать рудник и рудничных рабочих от постороннего вмешательства, и я намерен это выполнить. Вы и ваши войска неоднократно угрожали рабочим и союзным войскам. Это тоже должно быть прекращено, в противном случае я намерен употребить самые решительные меры против вас. Это последнее и окончательное предупреждение.

По приказу Ф. Б. Ольдердайса, майора, начальника гарнизона на Сучанском руднике
Д. Л. Бресслер, 1-й лейтенант 31-го полка.

— Негодяи! — вырвалось у Миши. Не было сомнения, что американцы готовят какую-то провокацию. Боевые операции могли начаться в любой момент. Миша нетерпеливо ждал Борзова. Максим Николаевич вернулся только под утро. Отряхивая с плащ-накидки капли воды, он неодобрительно хмыкнул:

— Не ложился? Напрасно. Тебе сегодня возвращаться.

— Что решил комитет? — спросил Попов.

Борзов сделал вид, что не слышал.

— Немедленно в постель. В полдень должен выехать. — Он взглянул на Мишу и смягчился. — Комитет категорически отклонил предложение о затоплении и взрыве шахт. Неразумно это. Шахты необходимо сберечь.

— А как же быть шахтерам?

— Сегодня Дальневосточный комитет партии принял решение о новой тактике. Да, пора нам переходить в наступление. В тайге собраны большие силы. Сергей Георгиевич за короткий срок объединил и перестроил партизанские отряды. Создан крепкий кулак. И надо, чтобы этот кулак нанес сокрушительный удар по врагу.

— Вы видели обращение американского коменданта на Сучане?

— Читал. — Лицо Борзова нахмурилось. — Господа интервенты торопятся упредить нас, но это им не удастся. — Борзов тяжело вздохнул: — Много провалов было у нас за последние дни. При странных обстоятельствах погиб Пилипенко...

— Как? Этого не может быть...

— Борьба, Миша, требует жертв. Да... Всех, кто на подозрении у беляков, посылаем в тайгу. С ними отправимся и ты. А сейчас спать, спать. Завтра ты должен быть в Петровке.

— Сучанцы ждут нашего ответа, — сказал Миша разуваясь.

— Уже послан товарищ, — отозвался Борзов и, пожелав крепкого сна, вышел...

Пригородным поездом в середине дня Миша приехал на дачную станцию Двадцать шестая верста. Он прыгнул на посыпанный желтоватым песком перрон

и оглянулся. Здание маленькой деревянной станции было окружено пышной зеленью. С одной стороны к станции подступала разрезанная линией железной дороги сопка, поросшая густым дубняком, с другой открывался вид на долину, где среди фруктовых садов виднелись причудливой архитектуры дачи. За долиной голубело море.

Народу на перроне было мало.

— Молодой человек! — услышал Миша за своей спиной требовательный голос.

«Неужели выследили?» Миша почти ощутил зашитое в подкладке пояса письмо для Лазо. Делая вид, что не слышит окрика, Миша продолжал идти.

— Вам говорят! — уже грубо произнес тот же голос.

Миша оглянулся. К нему спешили трое в штатском. Впереди — человек с кавказскими чертами лица. Над узкой верхней губой чернела ниточка усов. Откуда мог знать Попов, что станция Двадцать шестая верста была объектом кавказца и он знал всех проживающих на ней. «Выследили», — еще раз подумал Миша, неуловимым движением извлек из кармана браунинг и выстрелил. В тот же миг раздался второй выстрел, но он не принадлежал ни Мише, ни его преследователям. Чернявый и один из его спутников упали. Третий отскочил в сторону и побежал.

Рядом с Мишей стоял молодой железнодорожник с револьвером в руке. Это был знакомый Ольги. Миша однажды мельком видел этого парня на каком-то совещании, созданном Пилипенко. Парень увлек Мишу в глубь леса.

Часа два они шли по тайге, карабкались по крутым склонам хребта. На гребне сделали привал.

К концу дня парень привел Попова к маленькой рыбацкой избушке на берегу Уссурийского залива. Она стояла почти у самой воды. На отлогом песчаном берегу лежала шаланда. На песке сушились сети. Среди камней тлел маленький костер. Под крышей избушки гирляндами висела рыба.

Навстречу им выбежала лохматая рыжеватая собачонка. Раз-два тявкнув на Попова ради приличия, она завертелась вокруг парня. Миша догадался, что парень здесь частый гость. На лай собаки из избушки вышел

старый рыбак с головой, повязанной грязным платком. Он сказал парню несколько слов и пригласил к себе. В избушке было угарно и темно. Толстый слой саж и копоти покрывал стены и потолок. Пахло горечью соевого масла.

— Давай, кушай, — сказал парень.

Миша с аппетитом съел жареную рыбу. Парень сообщил, что старый рыбак после полуночи перевезет Попова на тот берег.

— С тобой поедут еще несколько человек.

— А где они? — спросил Миша.

— В лесу прячутся...

Поздним вечером парень привел попутчиков. Знакомых среди них не было. По команде рыбака дружными усилиями шаланду толкнули в воду, и вокруг нее вспыхнуло серебристо-голубое свечение. Миша с интересом смотрел на искрящееся море. Спутники Попова перебрались на шаланду. Парень подошел к Мише, тепло пожал ему руку:

— До свидания. Ольге мой привет.

Старый рыбак шестом оттолкнул шаланду от берега, и она закачалась на мелких волнах. Он установил весла и начал грести. Шаланда медленно стала отплывать.

Миша посмотрел на удаляющийся берег. На нем виднелась одинокая фигура парня. Ветер с моря поднял крупные волны. Разбиваясь о шаланду, они обдавали пассажиров брызгами. Миша натянул плащ.

— Вы предусмотрительны, — сказал кто-то рядом хриловатым голосом. — Очевидно, не первый раз этим путем следуете.

Миша посмотрел на соседа. Лицо его покрывала борода. Он сутулился. Воротник был поднят, но, видно, все это мало защищало от прохладного дыхания моря. Миша сбросил с себя плащ:

— Наденьте!

— А вы? — Соседа била дрожь. — Я не могу...

— Берите, берите, — сказал Миша и сам набросил на плечи соседа плащ. — Я помоложе вас, значит, и кровь во мне горячее.

— Благодарю.

Рыбак поднял парус, и шаланда пошла быстрее. Однообразное покачивание, скрип весел, хлюпанье волн

у бортов убаюкали Мишу, и он задремал. Разбудили его тревожные голоса. Он открыл глаза и вначале не понял, где находится. От неудобной позы затекло все тело. Каждое движение вызывало острую боль. Было холодно, и Миша чувствовал, что весь дрожит.

Недалеко от шаланды двигалось судно с яркими огнями.

— Что это? — вырвалось у Миши.

— Тише! Могут услышать, — с испугом прошепел сосед. — Миноносец колчаковский.

На судне вспыхнул прожектор, и яркий белый луч прорезал темноту, заскользил по воде. Миша неотрывно смотрел на луч прожектора. Он все ближе, ближе к шаланде. На ней все замерли.

— И берег-то близко, — прошептал кто-то с досадой.

— Вот он...

Да, берег был рядом. Там горел костер. Партизанский маяк указывал путь шаланде.

— Заметит, — сказал кто-то шепотом.

Луч света был совсем рядом.

— Тише, — скомандовал Миша.

Наступила напряженная тишина, стало слышно, как шумит море, как работает на миноносце машина.

Вдруг луч прожектора ослепил людей. Старик продолжал работать веслами, словно ничего не произошло.

С корабля застрочил пулемет. Пули взвизгнули над шаландой, над головами людей.

Рыбак, не выпуская из рук весел, опустился на колени и все еще пытался грести, но новая очередь из пулемета оборвала его жизнь. Он неподвижно стоял на коленях, а его мертвые руки все еще сжимали весла. Пулемет замолк.

Миноносец надвигался на шаланду.

— В ловушке, никуда не денешься, — громко проговорил сосед Миши со дна шаланды, куда он ничком бросился при первой пулеметной очереди. — Придется сдаваться.

В его голосе слышались нотки не то злорадства, не то удовлетворения.

— Как это — сдаваться? — сказал Миша.

Он сорвал с себя пиджак и прыгнул за борт. Вода обожгла его. Прыжок Миши точно разбудил ошелом-

ленных светом людей. Один за другим они покинули шаланду. С миноносца опять заговорил пулемет. Миша вынырнул довольно далеко от шаланды. Луч света поплыл от шаланды по воде, и Миша едва успел нырнуть. Он держался в воде до тех пор, пока в ушах не появился звон. Недалеко от Миши плыл еще кто-то. Он греб одной рукой. Скоро они оказались рядом.

— Вы ранены?

— Плечо малость задело.

Миша сбросил ботинки. Плыть стало легче. Он держался около раненого, готовый немедленно прийти ему на помощь. Пулеметная стрельба смолкла. Проектор погас, и темнота показалась еще гуще. Вдруг раздался оружейный выстрел. Воздух дрогнул. Во мраке с воем пронесся снаряд и ухнул на берегу.

— Бьют, стервецы, по деревне, — сказал раненый.

Костер на берегу погас, словно его чем-то накрыли. Миноносец, сделав еще несколько выстрелов, ушел. Раненый уже выбивался из сил, но от помощи отказывался.

— Тут должно быть дно, — сказал он.

Проплыв еще немного, Миша нащупал дно и от радости едва не засмеялся. Он отдыхал, прикрыв глаза. Вода доходила до груди.

— Пошли на берег! — сказал Миша. Его товарищ пошатнулся. Миша подхватил его и помог выбраться на берег. — Сейчас сделаем перевязку.

С них струилась вода. Холодная одежда прилипла к телу. Миша стащил рубашку, выжал ее и, разорвав на полосы, принялся забинтовывать простреленное плечо товарища. Он так был поглощен делом, что не слышал, как в темноте под чьими-то шагами заскрипел песок и подошли люди.

— С шаланды?

Первым движением Миши было схватиться за револьвер, но он вспомнил, что браунинг остался в плаще на шаланде. Миша подумал о зашитом в пояс письмо для Лазо и ответил осторожным вопросом:

— А что?

— Михаил! Миша! — раздался громкий возглас, и к Попову подбежал Байбородов.

— Яков! — Миша ощутил такую радость, что у него выступили слезы.

...Рано утром Байбородова разбудил начхоз:

— Слышь, Яшка, командир до себя кличет.

Яшка, спавший со своими разведчиками на сеновале, скатился вниз и, ещё окончательно не расставшись со сном, тревожно спросил:

— Беляки наступают?

— Якие беляки! — Остап Филиппович добродушно улыбнулся. — Очнись. Глазурин кличет.

— А-а! — наконец понял Яшка и, потянувшись так, что хрустнуло в суставах, сладко зевнул. — Так бы и сказал. Пошли.

На ходу он пристегнул шашку и револьвер, стеганул себя по голенищу нагайкой:

— Вот сон лихой видел. Будто я на гитаре Цыганка играю. Как трону струны, так из них в беляков пули летят. А я гитарой, значит, ворочаю, будто пулеметом, и все быстрее бью по струнам, а пули так и летят, так и летят. Только это я хотел запеть, значит, да ты тут за ногу цапнул. Эх, — и он снова стеганул плеткой. — Так и не досмотрел сон из-за тебя! Ну, ладно. Зачем же это я по петухам командиру понадобился?

Начхоз, потевший даже в это свежее летнее утро, пошутил:

— Хочет послушать твою игру на гитаре. Даже интересно.

Глазурин в расстегнутой на груди рубашке дожидаясь Байбородова на крылечке, покуривая толстенную цигарку. На дворе у бочки с водой умывался Лазо.

— Здорово, — пробасил Яшка, присел рядом с Глазуриным и тоже начал сворачивать себе самокрутку.

— Вот такое дело, — между затяжками сказал Глазурин. — Нынче товарищ Лазо в Петровку пойдет. Так ты его через ветку проводишь, да чтобы тихо. Американцев на железке понатыкано густо, не напорись...

Вскоре группа всадников неслышно выехала из села. Байбородов был впереди. За ним Лазо. Замыкал Кен Дя. Ехали молча, пока не оказались у речки.

— Тут нам надо свернуть. — Это были первые слова Байбородова после того как партизаны покинули село. Он придержал Белоухого. Прозрачная, студеная речушка бежала по широкому каменистому ложку, громко шептала о чем-то своем, вечном, чуть пенилась

и рокотала у выступающих из воды обкатанных валунов, зажигала брызги о солнечные лучи. Утренний холодок шел от реки, тянул из леса. Откуда-то доносился деловитый стук дятла.

Лазо оглянулся, посмотрел на крутой изумрудный склон сопки и тихо, почти восторженно, проговорил:

— Хорошо, как хорошо!

Это было сказано так взволнованно, что все точно впервые увидели всю прелесть утренней тайги, почувствовали ее красоту, ее величие.

Перейдя вброд речку, партизаны углубились в тайгу. Солнце поднималось все выше, в чаще становилось душно от испарений. К железной дороге партизаны подъезжали уже сильно утомленные. Когда до полотна оставалось совсем немного, всадники спешили.

— Посмотрю, что там делается, — сказал Яшка.

— И я с вами, — и Лазо передал повод Кен Дя.

Лазо и Байбородов осторожно подкрались к железной дороге. Притаившись за кустами, прислушались. Откуда-то справа доносился едва различимый гул. Он быстро нарастал.

— Поезд идет, — определил Байбородов.

— Поезд еще далеко, а вот дрезина, кажется, рядом, — сказал Лазо.

И действительно, из-за поворота дороги показалась дрезина с людьми, одетыми в хаки.

— Американцы, — прошептал Яшка и присел за куст рядом с Лазо.

На дрезине работали два солдата. Офицер и еще два солдата с оружием в руках посматривали по сторонам.

— Да это же беляки! — вырвалось у Байбородова.

— Вот тебе и нейтралитет американцев, — проговорил, хмурясь, Лазо. — Партизаны не имеют права на полверсты подходить к дороге, а колчаковцы с оружием разъезжают по ней. Так, так!

Дрезина еще не успела скрыться из виду, как за сопкой раздался протяжный паровозный гудок, и через несколько секунд показался лоснящийся черный декапод. Выбрасывая султаны дыма и шумно дыша, он тащил за собой длинную вереницу красных товарных вагонов. В открытых дверях сидели колчаковские солдаты. За их спиной виднелись кони. На нескольких платформах стояли орудия. Один классный зеленый вагон,

предназначенный для офицеров, находился в середине состава. Двери тамбуров были распахнуты, и из них торчали пулеметы. Пулеметы стояли также на тендере паровоза. Поезд прошел. Лазо и Байбородов, немного выждав, перешли железную дорогу. Байбородов трижды прокукавал, а потом, подражая какой-то птице, часто засвистел и зацокал. Кен Дя откликнулся тонким прерывистым свистом и быстро перемахнул рельсы, держа за поводья лошадей.

Под вечер маленький отряд выехал на проселочную дорогу.

— До Петровки рукой подать, — сказал Байбородов.

Скоро они наткнулись на партизанский дозор. Из кустов на дорогу вышел молодой парень в черной с белыми пуговицами рубашке и подпоясанный пулеметной лентой.

— Стой! Кто такие? — крикнул он.

Никто из отряда не успел ответить. На дорогу, мелко семеня, выбежал низенький, сутулый старик с гроздьем гранат у пояса и каким-то допотопным большим револьвером в руке. На голове старика была рваная меховая шапка.

— Ерофенч! — удивленно крикнул Байбородов.

— Он самый. — Старик стал рядом с парнем и, отчаянно размахивая своим древним пистолетом, выкрикивал фальцетом: — Чего, Яшка, прискакал? Глазурин, поди, выгнал? А это кто с тобой? — Ерофенч пистолетом указал по очереди на Лазо и Кен Дя.

— Убери свою мортиру, а то еще сдуру пальнет.

— Бывает, — согласился старик, и по его сморщенному лицу, обросшему бородой, прокатилась редкозубая улыбка. Но тут же он строго официальным тоном спросил: — Зачем пришеествовал? Каких таких людей привез?

— В ваш отряд едем. Это товарищ командующий всеми партизанами Лазо Сергей Георгиевич, а это...

Но Ерофенч уже не слушал Байбородова. Он потишью нагнул голову, посмотрел на Лазо, пожевал сухими губами и неодобрительно проговорил:

— Ты мне черепок не мутит, Яшка. Он такой же главнокомандующий, как я енерал партизанский. Знаю я тебя, Яшка. Баламут ты; и считаю тебя арестованным

с твоими дружками. Айда в деревню до командира. Он разберет, кто вы такие есть. За оружие не лапать, а то бахнем, и все. И зубы печа скалить. Не на базаре.

Лазо забавляло происходящее. Он сказал Ерофеичу:

— Хорошо службу несешь.

— Сам знаю, — грозно рявкнул Ерофеич искомандовал: — С коней, и шагом марш!

Тут из кустов показались еще трое партизан, но Ерофеич прикрикнул на них, и они скрылись. Он с парнем и привел «арестованных» в Петровку.

Деревня привольно раскинулась по отлогому берегу Уссурийского залива. На песке лежали лодки. Противоположный берег затянула жемчужная дымка. Лазо подумал о Попове. Он должен прибыть с того берега. Байбородов, засмотревшись на море, забыл на минуту о своем комическом положении.

Пока Лазо и его спутники шли по деревенской улице, вокруг собралось много партизан, крестьян, ребятишек. Ерофеич, не отвечая на вопросы, доставил Лазо и его спутников в школу, в которой помещался штаб отряда. Командир отряда, владивостокский грузчик, хорошо знавший Лазо, напустился на Ерофеича, но его защитил Лазо. С трудом сдерживая улыбку, он сказал:

— Ерофеич поступил правильно.

Наконец инцидент был исчерпан, и Ерофеич, довольный тем, что задержал даже самого командующего партизан, за что получил от него похвалу, отправился назад к своему дозору. Слух о прибытии Лазо быстро разнесся по деревне. Скоро около штаба собрались все от мала до велика. Начался митинг. Лазо рассказал о предстоящей борьбе с колчаковцами и интервентами, а затем устроил смотр отряда. Бойцы были хорошо вооружены, дисциплинированы и готовы к боям. Так он об этом и сказал командиру. Тот ответил:

— У нас же больше половины бойцов — рабочие Владивостокского порта. Почти каждую ночь прибывает пополнение.

— Когда должна быть шаланда? — спросил Лазо. — Я жду связного из комитета партии.

— После полуночи.

Шаланда действительно пришла глубокой ночью и доставила несколько ящиков патронов и восьмерых человек, но среди них не оказалось Попова. Лазо огорчил-

ся, хотя и понимал, что Миша не мог так быстро обернуться. Сергей Георгиевич стал расспрашивать прибывших. Они сообщили, что в городе участились обыски. Владивосток кишит агентами контрразведок. Хватают всех подозрительных. Люди бесследно исчезают. Снова тревога за Михаила охватила Лазо, но он подавил ее. Командир отряда сказал:

— Сегодня шаланда тихо проскочила. Миноносца не видели.

— Ночки-то светлые, звездные, — засмеялся один из прибывших, — колчаковцы и не показываются. Думают, что мы не рискуем на тихоходе через залив переправляться.

Но вновь прибывший ошибался. Колчаковский миноносец не вышел в ту ночь в залив и не патрулировал берега лишь из-за небольшой поломки в машине. В следующую ночь он вышел из бухты Золотой Рог и направился в Уссурийский залив. Американская и колчаковская контрразведки знали, что через залив переправляются в партизанские отряды люди, оружие и боеприпасы.

Партизанские патрули на берегу дежурили круглые сутки, чтобы беляки не смогли незаметно высадить десант. По ночам вспыхивал большой рыбачий костер, который служил маяком для шаланд.

В Петровке на следующий день Лазо сообщил Байборода, что он ждет Мишу Попова. Яшка тоже беспокоился и вместе с Лазо с вечера отправился на берег встречать друга.

Когда на заливе глубокой ночью луч прожектора осветил шаланду, а затем донеслась пулеметная стрельба, Яшка не находил себе места. Он в ярости грозил кулаками миноносцу и, не в силах сдержать себя, слал колчаковцам самые сильные и выразительные ругательства, какие только знал. Даже присутствие Лазо не могло его сдержать. Сергей Георгиевич в волнении и беспокойстве ходил по берегу. Потопив шаланду, миноносец открыл огонь по костру. Сергей Георгиевич велел немедленно погасить его. Он не хотел подвергать опасности жителей рыбацкого села. Возвращаясь в штаб, Лазо приказал внимательно до самого утра осматривать берег в надежде, что кто-нибудь из пассажиров шаланды доберется до берега.

Яшка Байбородов и Кен Дя с одним из партизанских патрулей наткнулись на Попова и его спутника. Их доставили в штаб.

Едва Миша переступил порог, как к нему стремительно подошел Лазо:

— Михаил!.. Жив!..

— Жив... — едва улыбнулся Попов. — Сколько спаслось?

— С тобой четверо. — Лазо подвел Михаила к постели на топчане. — Сейчас тебя напоят горячим молоком с медом — и спать!

Сергей Георгиевич ни о чем не расспрашивал Михаила, зная, что, если у него есть срочные и важные сведения, он немедленно сообщит о них. Михаил показал на пояс мокрых брюк:

— Тут ответ комитета... распороть надо...

Лазо отошел к столу за ножом, и Миша осмотрел находившихся в комнате. Кен Дя с каким-то партизаном перебинтовывал рабочего, которому Михаил помог добраться до берега. Даже в желтоватом свете керосиновой лампы его лицо было серым. Глаза закрыты. Он совсем обессилел от потери крови. На скамейке у другой стены сидели двое — молодой парень в мокрой одежде и сосед Попова по шаланде. Но плаща на нем не было. Мокрая рубашка прилипла к его сутулым плечам. Он сидел, положив руки на колени. Большие глаза были полуоткрыты. Он, очевидно, почувствовал на себе взгляд Попова, поднял голову и, встретившись глазами с Мишей, направился к нему.

«Где-то я его видел», — подумал Миша. Впрочем, после такого переплета, в котором они побывали, каждый будет казаться близким. Человек остановился перед Мишей, достал из кармана браунинг и протянул его Попову.

— Сохранил, а плащ... — Он развел руками, точно извиняясь.

Миша взял оружие:

— Спасибо, товарищ...

— Пецкий, Геннадий Михайлович!

— Спасибо, Геннадий Михайлович, — повторил Миша.

В штаб с охапкой сухой одежды явился партизан. Люди переоделись.

— Ну, а сейчас, товарищи, отдыхать! — сказал Лазо. — Поговорим завтра.

Партизаны, подхватив на руки раненого рабочего, вынесли его из штаба. За ним вышли парни. Пецкий задержался. Он рукавом рубахи обтирал свое длинное лицо. Лазо попросил Мишу достать письмо из штаба. Пецкий подошел к Сергею Георгиевичу и поздоровался с ним, как старый знакомый.

— Вот где довелось нам с вами повстречаться после Забайкалья. Вы, конечно, меня не помните?

— К сожалению, — ответил Лазо и, словно извиняясь, добавил: — Да, народу там было много. — Наблюдая, как Миша распарывает тайник в поясе, он спросил Пецкого: — Что нового в городе?

— Провал за провалом, — с огорчением сказал Пецкий. — Убит Пилипенко...

— Что?! — воскликнул потрясенный Лазо. — Семен Прокопьевич?..

— Да, — кивнул Пецкий. — Убит колчаковцами на квартире.

— Семен Прокопьевич, — тихо повторил Лазо и едва заметно покачал головой, точно не соглашаясь с Пецким. — Как же это случилось?

— Никто не знает, — пожал плечами Пецкий.

— Враги переходят в наступление. — Лазо нетерпеливо посмотрел на Мишу, который все еще возился со своим тайником. Сергею Георгиевичу хотелось скорее узнать ответ Дальневосточного подпольного комитета партии, получить указание, как действовать дальше. Партизанская армия была готова к боям.

Лазо отвлекло хлопанье входной двери. За окном шумно зашелестели листьями невидимые в темноте деревья, и в комнату потянуло свежестью. С залива доносился рокот моря. Все подняли головы, прислушались. Снова рывок ветра, где-то хлопнула плохо прикрытая калитка, а море ухнуло набежавшими на берег волнами.

— Непогодится, — сказал Лазо.

— Шторм будет, — подтвердил командир отряда. — Здесь это часто. Японское море не балует нас погодкой.

— Хорошо, что мы успели проскочить. — Пецкий

держал в руках большую обгорелую черную трубку, которую достал из кармана.

— Тронх потеряли, — грустно сказал командир отряда. — Старик рыбак каждую ночь подвозил нам людей и оружие.

— Жаль. — По лицу Пецкого пробежала судорога, и никто в штабе не знал, что она вызвана отнюдь не сожалением о потере людей, а злобой и только что пережитым страхом. Когда во Владивостоке после гибели Пилипенко из подпольного комитета ему сообщили, что он будет переправлен через залив на шаланде, Пецкий немедленно сообщил об этом американской контрразведке. Там был составлен план — захватить шаланду со всеми, кто будет находиться в ней, а затем дать возможность бежать Пецкому. Контрразведка надеялась выявить каналы, по которым идет снабжение партизанских отрядов, и таким образом найти ключ к раскрытию всей организации. Но план был сорван колчаковцами. Для чего они открыли стрельбу по шаланде? Боялись, что она уйдет от миноносца? Глупо. К тому же могли убить и его. Все, кто был в шаланде, покинули ее вслед за Поповым. Пришлось и ему плыть к берегу. Не мог же он один оказаться в плену, а затем быть освобожденным. У подпольщиков могло появиться подозрение. То, что он встретил Лазо и его адъютанта здесь, — большая удача. Теперь уж они не уйдут от него целыми, как тогда на забайкальском полуостанке. Да и за крестьянский отряд надо посчитаться. За все, за все! Пецкого переполнила такая злоба, что он едва сдержался. Узловатые длинные пальцы цепко охватили мундштук. Пецкий отвинтил его и вытащил туго скатанную, длинную, как спичка, бумагу:

— Рекомендательное письмо.

Принимая ее, Лазо с одобрением сказал:

— Чудесный у вас сейф, товарищ.

— Да, верный, — улыбнулся Пецкий и с наигранной гордостью добавил: — Сам придумал. Если бы и схватили меня беляки, то на старую трубку и не позарились бы. А я бы попросил последний раз закурить и — нет письма.

— Ловко, — невесело похвалил Лазо, все еще находясь под впечатлением страшного известия о смерти Пилипенко.

Он осторожно развернул тонкую, почти прозрачную бумажку, густо покрытую мелким почерком, и, близко поднеся ее к лампе, стал внимательно читать. В комнате было тихо. На дворе зашумел дождь. Он быстро переходил в ливень. Лазо, пряча письмо в карман, обратился к Пецкому:

— Удачно вы избежали ареста, Геннадий Михайлович. Но не огорчайтесь, что пришлось из города уйти. Здесь у нас работы по горло и опытные товарищи нужны. — Он потер пальцами лоб. — Куда же вас поставить?

Пецкий торопливо сказал:

— Я хотел бы, Сергей Георгиевич, напряженной, боевой работы. Честно говоря, надоело быть на отдыхе.

— Решим окончательно позднее, — сказал Лазо. — Завтра поедете в Новороссию. Отряд Глазурина должен уже быть там. Вы познакомьтесь с обстановкой, начинайте привыкать к нашей таежной жизни.

— Есть!

Но Попову показалось, что в глазах Пецкого отразилось недовольство.

— А теперь отдыхать, — просто сказал Лазо, и трудно было понять, что это — приказ или совет. Пецкий кивнул, но продолжал оставаться на месте. Лазо обернулся к командиру отряда: — Устройте товарища на отдых.

— Да не беспокойтесь, — вмешался Пецкий. — Я могу и тут...

Ему явно хотелось остаться в штабе, но командир отряда сказал:

— Иди-ка, товарищ, в четвертую хату отсюда направо. Прокопченко там хозяин. Скажи, что я послал.

— Хорошо, спасибо. — Пецкий надел фуражку и вышел из штаба под дождь.

— Комитет партии советует использовать Пецкого для штабной работы, — сказал Лазо. — Видно, что человек грамотный. Говорит, что мы встречались в Забайкалье, а я его что-то не помню.

— А я его где-то видел, — сказал Попов. Он напряг память, но подробности прежних встреч с Пецким не всплывали. Миша наконец достал из потайного кармана решение Дальневосточного комитета партии и передал

его Лазо. — Не промокло. Было завернуто в пергамент.

Сергей Георгиевич нетерпеливо развернул его и быстро пробежал глазами.

— Наконец-то... только так... конечно... Ну вот, теперь ясно, как нам действовать. — Он окинул всех загоревшимся взглядом. В лице Сергея Георгиевича было что-то гордое, смелое, орлиное. Он, не скрывая охватившего его волнения и жажды действовать, быстро, сильнее, чем обычно, картавя, заговорил: — Дальневосточный комитет нашей партии принял решение о тактике коммунистов на данном этапе. Важнейшей задачей выдвигается, — он посмотрел на листок, — «вовлечение новых масс трудящихся в ряды восставших, доведение происходящих разрозненных выступлений рабочих и крестьян до размера всеобщего вооруженного восстания». — Лазо повторил: — «Всеобщего восстания». А теперь послушайте то, что нас в первую очередь касается. Дальневосточный комитет определил и тактику партизанской войны в части разложения белого тыла. «Разрушение транспорта, военной промышленности и всего аппарата государственной власти Колчака».

— Разрушение транспорта? — переспросил командир отряда.

— Да! — Лазо улыбнулся и разрубил воздух ладонью. — Конец всяким фальшивым нейтралитетам! Мы выведем железнодорожную ветку из строя, и ни один фунт сучанского угля не будет больше вывезен с копей, и ни одна шахта не должна быть взорвана. Вот и ответ на вопрос шахтеров. Надо им немедленно сообщить об этом решении Дальневосточного комитета. Надо быстрее закончить объезд партизанских отрядов и возвращаться в Новороссию. Утром я выезжаю в Душкино, а затем должен быть в Ново-Литовке и в Николаевке.

Попов крепко спал, прислонившись к стенке. Лазо осторожно уложил его на постель. Подвернув фитиль в лампе, он сказал партизанам:

— Всем отдыхать!..

Лазо сел за работу. Завтра Байбородов поедет на Сучан с его письмом к шахтерам. По пути завезет Пецкого к Глазурину. С Байбородовым Лазо решил встретиться в Николаевке.

...Выйдя из штаба, Пецкий с издевкой подумал: «Ну, прапорщик Лазо, командующий сбродом! Не хотел ты, чтобы я узнал, что тебе из Владивостока пишут твои товарищи, так ты сам расскажешь обо всем Хэлриджу». Сбежав с крыльца под дождь, Пецкий быстро зашагал по улице, попадая часто в невидимые в темноте лужи. Сапоги скользили по размокнувшей земле. Петровка спала, и только в штабе тускло светились два окна. Пецкий оглянулся, и его рука потянулась к карману, в котором лежал браунинг. Вернуться сейчас к штабу и, не торопясь, спокойно выстрелить... Пецкий отдернул руку, которая держала шершавую рукоятку пистолета. Нет, его послали сюда не для этого. Кроме того, опасно. Не успеешь убежать, и тогда... Пецкий представил себе картину расправы и зябко поежился. Миновав хату Прокопенко, он перешел улицу и скоро оказался около большого пятистенного дома. Пецкий подошел к левому крайнему окну и согнутым пальцем осторожно — трижды, отрывисто — постучал по стеклу. Подождав немного, он снова повторил стук. Только после этого бесшумно, на хорошо смазанных петлях растворилось окно, и в лицо Пецкому ударил запах хлеба, овчины и давно непроветриваемого помещения. Над подоконником выросла белая фигура.

— Кто тревожит слуг божьих?

— Бог близок, он уже при дверях, — тихо ответил Пецкий.

— Да будет так угодно господу богу, — уже быстрее и оживленнее ответили из дома. — Входи, брат во Христе.

— Не могу. — ответил Пецкий и быстро зашептал что-то на ухо перегнувшемуся через подоконник человеку. — Ясно?

— Как божий день.

— Надо торопиться, — напомнил Пецкий.

— Да будет воля твоя! — привычным елейным тоном произнес человек и захлопнул окно.

Пецкий не уходил. Он стоял, прислонившись к стене дома. Когда негромко звякнула крючком дверь и кто-то прошлепал к конюшне, Пецкий удовлетворенно вздохнул и направился к хате Прокопенко. Здесь у ворот он снова постоял и послушал, как всадник, выехав со двора, тут же свернул в проулок.

КОНЕЦ КАРЬЕРЫ ДОРТСОНА

Глазурин отдал приказ готовиться к переходу в Новороссию, которую Лазо выбрал временным местопребыванием своего штаба. Шахтеры, занятые своими делами, не обращали внимания на слонявшихся по селу Цыганка и Маслакова. Вот тогда-то и пришла к скучающему Цыганку мысль воспользоваться моментом, а главное — отсутствием Байбородова, и слетать на Шайтане в Шкотово, пробраться к Лизе, взглянуть в ее глаза, сказать ей, как он ее любит. «Шайтана оставляю в лесу, — строил он планы, — а сам — к Лизе». Однако рискованно оставлять Шайтана одного в лесу. Поразмыслив, он решил позвать с собой Фильку.

Маслаков равнодушно выслушал его и зевнул:

— На кой ляд я потащусь в Шкотово? Башка, что ли, мне надоела?

— Ты друг или не друг? — быстро и горячо проговорил Харсь. — Друг тебя просит! У цыган, знаешь, как? Друг просит — сердце вырежь, а сделай.

— Да я же не цыган, — вяло отказывался Маслаков.

— Ты партизан! — убеждал Цыганок, обрадованный, как ему показалось, пришедшей удачной мыслью: — Партизан все равно как цыган!

Но и этот довод не подействовал на Фильку. Цыганок, разозлившись, хотел обругать Фильку, но тот спросил:

— А что дашь? Задарма я не поеду. Коня гонять, под пули лезть за будь здоров — я не дурак.

— Чего тебе надо? — Цыганок быстро перебирал в уме свое скудное хозяйство. Ценнее гитары у него ничего не было, и он, поколебавшись, предложил ее. У Фильки загорелись глаза, но он с напускным равнодушием ответил:

— Гитара... — Он пожевал толстыми губами, шмыгнул носом, почесал в затылке и, словно оказывая огромное одолжение, неторопливо согласился: — Ладно уж... Возьму ее... Только, чур, научишь меня на ней играть. По рукам! — Он вытянул свою ладонь, и Харсь в сердцах больно по ней ударил.

— Собирайся! — скомандовал Цыганок. — Сейчас на речку, коней купать. Оттуда и...

— Давай гитару, — потребовал Маслаков.

— Куда с ней поедешь? — Харсь был зол. — Цыгану не веришь?

— Цыгане все жулики и воры, и ты... — Филька не договорил.

Как вихрь, налетел на него Харсь, сбил с ног, подмял под себя. Филька истошно закричал не столько от боли, сколько от испуга. Уткнувшись в землю, он пытался выбраться из-под Цыганка, но тот сидел на нем крепко, точно клещ, и нещадно бил. Разняли их сбежавшиеся на крик Фильки партизаны. С трудом оторвав Харся от Маслакова, они крепко держали рвавшегося Цыганка. Был он страшен в своей ярости.

Филька пытался застегнуть дрожащими пальцами разорванный ворот рубашки, на котором не осталось ни одной пуговицы.

— Я ему с добром, а он...

— Убью! — рванулся Харсь, но шахтерские руки, как стальные клещи, держали его. — Цыгана вором назвал!

Размазывая на лице грязь, Филька многословно жаловался, но не говорил, из-за чего началась ссора. Пошел начхоз. Уткнув короткие руки в бока, он осмотрел драчунов и укоризненно покачал головой:

— Застоялись, жеребцы! Батьки-командира нема, так парубки друг друга за чубы. Позор, срам, стыд красному партизану! — Остап Филиппович сделал свирепое лицо и вдруг гаркнул: — Марш коней чистить!

Партизаны отпустили Цыганка. Они посмеивались, подшучивали над забияками. Под присмотром начхоза Филька и Цыганок принялись за чистку своих лошадей. Харсь свирепо поглядывал на Фильку. У Цыганка все еще кипела кровь, а в мочке уха так воинственно покачивался серебряный полумесяц серьги, что Остап Филиппович решил парней не оставлять одних.

Маслаков недоумевал, почему так рассвирепел Харсь. Ведь всем известно, что цыгане — воры и конокрады. Куда от этого денешься? Не прав Харсь, что набросился на него с кулаками. Цыганок же, поклявшись отомстить Маслакову за оскорбление, прикидывал, как быстрее, незаметнее улизнуть из отряда и больше в него

не возвращаться. Он был обижен и на партизан, которые не наказали Фильку, а, как ему казалось, даже разделяли его мнение о цыганах. Главное, свидеться с Лизой, а там будет видно. Харсь ждал, когда уйдет начхоз, чтобы привести в исполнение свой план, но тот словно догадывался о мыслях Цыганка. Едва кони были вычищены, он отправил парней в разные дозоры пешком:

— Хватит животине холку набивать. У самих кровь застоялась. Марш!

А чтобы приказ его не был нарушен, он поручил одному партизану присматривать за их конями. Так и не удалось Цыганку в этот день свидеться с Лизой. Вернулся он из дозора промокший и озябший. Была глубокая ночь. Цыганок решил немного отдохнуть и проспал до самого утра. Разбудила его суматоха, поднявшаяся в селе. Отряд готовился к переходу. Брать с собой гитару Харсь не мог. Оставлять в деревне? И он решил пока оставить гитару Ольге. Девушка выглядела грустной. Неожиданный отъезд Миши не так сильно ее огорчил, как то, что он с ней не попрощался. Если секрет, куда он поехал, то мог бы просто попрощаться. Ольга наказала себе не думать о Попове и даже решила, когда он вернется, долго с ним не разговаривать. День она крепилась, хотя то и дело мысли о Мише приходили к ней. Уже не раз ловила девушка себя на том, что думает о каких-то опасностях, которые, наверное, грозят ему. Ей хотелось поговорить о Мише, и она пришла к Цыганку, но никакого разговора не получилось. Цыганок при появлении Ольги еще сильнее ощутил тоску по Лизе и отвечал ей рассеянно. Она спросила о Фильке, и тут Цыганок взорвался:

— Филька! Он... он... — Цыганок не мог подобрать подходящего слова, которое бы можно было произнести при Ольге.

Девушка ушла. Она медленно брела по улице, когда ее догнал запыхавшийся Цыганок. В руках у него была гитара и маленький узелок с пожитками. Харсь протянул их Ольге:

— Возьми с собой.

Она машинально взяла вещи Харся, с недоумением посмотрела на гитару, узелок и крикнула:

— Цыганок! — но он уже скрылся. Ольга засмеялась: — Чудной какой!

А Харсь, по-прежнему думая, что за ним никто не следит, сунул в карман две гранаты, под уздцы вывел Шайтана со двора и медленно, делая вид, что никуда не торопится, а ведет коня на водопой, вышел за огороды. От деревни его скрывали буйно разросшиеся ивы. Харсь немного подождал, вслушиваясь в доносившийся шум, и, убедившись, что его никто не разыскивает, ласково похлопав коня по шее, взлетел в седло.

Через несколько секунд тайга поглотила его. Цыганок был в хорошем настроении. Он чувствовал себя свободным, сильным и счастливым. Наверное, так себя чувствуют птицы, когда залетают высоко в чистое солнечное небо.

Шайтан легко нес своего седока, хотя под копытами была не дорога, а пружинистая земля тайги, поросшая цепким кустарником, который хлестал, колол, царапал. Проехав около версты, Харсь насторожился. Ему показалось, что совсем рядом фыркнула лошадь. Он придержал Шайтана и явственно услышал, как сзади хрустнул валежник и зашелестела, захлестала, обрывая листья, задетая кем-то ветка. Харсь молниеносно обернулся.

Прошло несколько секунд, показавшихся Харсю невероятно долгими. Он уже безошибочно определил, что следом за ним кто-то пробирается. «Погоня», — подумал Харсь, всматриваясь в чащобу. Шум стих. Видимо, лошадь остановилась или чья-то рука ее придержала. Харсь вспотел от волнения:

— Кто там? Выходи! Буду стрелять!

Где-то откликнулось эхо, и это еще больше напугало Цыганка. Возможно, его обходят. Может быть, кто-то уже целится в спину. Он обернулся:

— Кто здесь? Кто? Стреляю!

— Не надо, — послышался испуганный дрожащий голос, и Харсь сразу узнал Маслакова.

Филька! Цыганок даже растерялся. Вот так неожиданность! Что ему надо? Он с облегчением перевел дыхание:

— Выходи!

— Не будешь стрелять?

— Не буду.

Из-за деревьев выехал Филька и остановился, как только увидел Харся. Цыганок успокоился. Лицо у Фильки было бледное, а в глазах еще не прошел испуг. Оружия в его руках не было.

— Ты чего? — спросил Харсь с подозрением.

— Я... — Маслаков поерзал в седле. — Хочу с тобой...

— Со мной? — уставился Харсь на Фильку. После того, что произошло между ними, поведение Фильки ему было не под силу объяснить и понять. Об этом, очевидно, догадывался и Филька.

— Прости. Я дурак, тебя вором назвал. С тобой поеду, и не надо мне гитары, — выпалил Филька, и лицо его покраснело. Видно, отказаться от гитары Фильке было тяжело. Он явно гордился своим поступком.

— А чего же тебе надо? — смягчился Харсь. Он уже забыл обиду на Маслакова.

— Ничего не надо. — Филька заметил, что Харсь подобрел, и торопливо добавил: — Я так, задаром. На пару-то тебе сподручнее.

Харсь пристально посмотрел на Фильку и по каким-то ему самому не совсем ясным признакам пришел к выводу, что Филька говорит искренне.

— Не надо — ну и не надо. — Харсь повернул Шайтана и двинулся вперед.

Филька все еще оставался на месте и смотрел ему вслед.

— Я поеду с тобой! Дратся не будешь?

— Не буду, — совсем дружелюбно буркнул Харсь, и Маслаков догнал его.

Избегая дорог, Харсь и Филька пробирались тайгой, переправлялись через мелкие ручьи и речушки. Выехали к Шкотово. В селе — колокольный звон.

— К обедне, — сказал Филька. — Сегодня воскресенье, базарный день. Эх, побывать бы на нем. Я бы...

— Сторожи коней.

Оставив Фильку в маленьком глухом распадке, Цыганок без особого труда проник в Шкотово. Насвистывая песенку, он шел по селу. Солдаты, офицеры, крестьяне... Харсь, работая локтями, стал пробиваться к месту, где впервые увидел Лизу. Место было занято. Здесь сидел старый кореец в белоснежной одежде и с такой же белой длинной бородой. Перед ним — круг-

лая корзина с плоскими ракушками, прикрытыми влажными темпо-зелеными водорослями. «Глупый, глупый ты, Марко, — подумал цыган. — Почему она должна сидеть на скамейке и ждать тебя?..» Побродив по базару, Цыганок направился к дому Завадского...

Лиза проснулась от громких голосов. Приподняв голову, она прислушалась. Сквозь непрерывную барабанную дробь дождя по крыше она услышала, как спорили с посторонним американские часовые. Светало. Серое дождливое утро вяло заглядывало в маленькое с треснутым стеклом оконце. «Еще черт кого-то принес», — недовольно подумала Лиза. А как не хотелось вставать! Рядом посапывала Настя. Толстая, всегда спокойная, она просыпалась лишь после того, когда ее начинали основательно трясти. Лиза опустила голову на тощую подушку. Сквозь дрему она услышала, как по коридору прошлепал Завадский, потом донесся его голос, и кто-то въехал во двор на лошади. Наступила тишина. Но не надолго. На крыльце послышались шаги.

— Лизка! Ставь самовар! Да поживее! — раздался властный голос хозяина.

Лиза накинула ветхое платье и вышла на кухню за самоваром. У стола, приглаживая рукой волосы, сидел рыжебородый Юдин из Майхэ — частый гость в доме Завадского.

— Ну, как в Петровке устроился? — Завадский прошелся по кухне.

— Слава богу, — перекрестился Юдин. — Вовремя из Майхэ уехал. Мстят мне голодранцы за повешенных большевиков.

— Ничего, брат. Отольются недругам слезы.

Лиза, накрывая стол, видела, как Завадский с нетерпением поглядывает на дверь комнаты, где спали американцы. На столе зашумел самовар. Юдин налил стакан и стал жадно пить чай. Из комнаты вышел заспанный Хэлридж. Завадский бросился ему навстречу. Слова Завадского согнали с лица американца последние следы сна. Он резко ответил Завадскому, тот виновато развел руками и стал что-то объяснять. Хэлридж вызвал Дортсона.

— Марш с кухни! — крикнул Завадский на Лизу.

Она вышла в коридор, неплотно притворив дверь. Дортсон и Хосокава обменялись с Юдиным приветствиями. Дортсон с беспокойством спросил:

— Зачем в Петровку пересхал?

— Нет житья от односельчан.

— Кто остался в Майхэ?

— Ушши. Человек надежный. Вы его видели.

— Да спрашивайте вы его о Лазо! — рассердился Хэлридж. — Дорога каждая минута.

— Правда, что Лазо в Петровке? — спросил Дортсон.

— Истинно, — начал креститься Юдин, — своими глазами видел. Брат Пецкий сказал, чтобы вы не мешкали!

— Много партизан в Петровке? — перебил Хэлридж, который время от времени обменивался с Хосокавой какими-то замечаниями по-английски.

— Человек восемьдесят, пожалуй, наберется.

— Хорошо, — сказал Хэлридж и вместе с офицерами поспешно ушел из кухни.

Завадский сказал Юдину:

— Сейчас пойдет войнство на Петровку и истребит антихристов-партизан, а их вожака Лазо сюда доставят. Суд справедливый над ним учинят. Ну, что там с чаем?

Услышав, что Завадский направляется к двери, Лиза выскочила на крыльцо, схватила веник и начала подметать. Дождь прекратился, и ветерок разогнал тучи.

Хэлридж вызвал дежурного. Через несколько секунд все завертелось. Солдаты, охранявшие дом, проверяли оружие, запасы патронов. Один из солдат ущипнул Лизу, ослабил ее.

— Убери руки!

Заговорили церковные колокола. Шкотово уже проснулось. К базарной площади двигались повозки. Завадский разбудил Настю и приказал ей приготовить праздничный обед. Кухарка послала Лизу на двор растапливать плиту. Накалывая лучину, Лиза думала о том, что услышала. Она понимала, что подслушала что-то важное. Обо всем надо сообщить Белану. Да и он не раз говорил ей, чтобы она сообщала ему, что придется услышать. Американцы хотят схватить Лазо, того самого человека, о котором с таким восхищением не раз говорили и Белан и Илья.

Из дома торопливо вышли Дортсон, Хосокава и Хэлридж. Их провожал Завадский. Дортсон был в костюме для верховой езды.

— Смэлл сделает превосходные съемки, — оживленно говорил он Хэлриджу. — Это будет огромный успех. Вожак партизан в плену. Смэлл снимет вас, майор, рядом с Лазо. О, это будет сенсация!

Хэлридж невольно улыбнулся. Ему нравилась болтовня Дортсона.

— Вы большую карьеру сделаете в России, Дортсон!

— Надеюсь.

Офицеры сели на подведенных лошадей и выехали со двора. За ними тронулся отряд японских и американских солдат.

Все это сильно обеспокоило Лизу. Но уйти со двора она не могла. Настя давала ей одну работу за другой. Завадский, важно посвистывая, остановился возле кухарки:

— Обед должен быть преотличный.

Выглянуло солнце, и сразу стало жарко. Лиза сидела за летней кухней. Ей предстояло ощипать и выпотрошить десяток зарубленных кур. На плите под навесом грохотала кастрюлями и противнями Настя. Она не обращала внимания на Лизу, но девушка знала, что куры должны быть готовы ко времени, иначе на нее обрушится поток ругани.

Лиза думала об услышанном. Вспоминала Марко. Где-то он сейчас? Помнит ли девушку из Шкотово? Правду ли говорил, что любит ее, или только шутил, посмеивался над ней? Лиза была счастлива, что Марко удалось спастись и уйти к партизанам. Она представляла себе, как он мчится на скакуне, которого забрал у колчаковского офицера. Об этом ей рассказал Белан, и она была горда смелым поступком Марко. Порой ей казалось, что он ранен, мечется в бреду, зовет ее...

Лиза так глубоко ушла в свои мысли, что не заметила, как Настя ушла в летний погреб, как над плетнем показалась голова Марко. Он звал ее тихо, ласково... Но это же невозможно. Откуда тут быть Марко? Пальцы ее еще быстрее дергают перья. Но голос не исчезает, он рядом.

— Лиза, Лиза, это я, Марко...

Девушка медленно поворачивает голову. Из-за плет-

ия, которым огорожен двор со стороны переуллка, смотрит на нее Марко, ее Марко. Она видит его смуглое улыбающееся лицо, видит его горящие глаза, видит серьгу в ухе. Тихо вскрикнув от радости и неожиданно-сти, забыв, что в руках ее полуошипанная курица, она бросается к плетню.

— Марко... — голос ее прерывается, и она ничего больше не может сказать.

Харсь смотрит на Лизу и с болью видит, как она изменилась. Острее выступают скулы. Глаза глубоко впали.

Они не знают, что сказать, только смотрят, смотрят друг на друга. За спиной Лизы громко хлопнула дверца погреба. Девушка вздрогнула.

— Я жду у речки. На том же месте. Помнишь?

Марко исчезает, и она возвращается к кухне. Кухарка дышит шумно — верный признак гнева. Лиза ожидает, что она напустится на нее, но Настя ругает хозяев:

— «Готовь обед получше, повкуснее, гости будут!»
А где сметана?

Кухарка с грохотом поставила на стол пустую крынку:

— Беги на базар. Крынку сметаны принеси. Вот деньги.

Лиза берет деньги и выбегает со двора. Она бежит не на базар, а к речке. Ноги несут быстро. Она перепрыгивает через еще не просохшие после ночного дождя лужи, минует огороды и через луг бежит к зарослям кустарника на берегу реки. Здесь ее ждет Марко. Он обнимает Лизу, и она доверчиво, радостно принимает к нему. Они садятся рядом.

— Я ждала... Я боялась, что...

— За меня бояться не надо. — Марко задорно встряхивает чубом. — Я партизан, у меня, знаешь, какой конь? Огонь. Шайтан!

Марко с жаром стал расхваливать достоинства коня и вдруг увидел, как изменилось лицо Лизы.

— Что с тобой?

— Ой, Марко! — в страхе произнесла Лиза. — Ты партизан. Слушай, Марко. Утром из Петровки прискакал приятель хозяина. Он сказал: Лазо в Петровке. Лазо...

— Лазо в Петровке? — насторожился Харсь.

— Ну да! — кивнула Лиза и быстро пересказала Цыганку все, что услышала. — Надо сказать Белану. Я к нему побегу...

Сообщение Лизы обеспокоило Цыганку. Что-то надо делать. Скакать в Петровку и предупредить Лазо? Или пойти с Лизой к Белану? Как поступить? Лазо не сказал никому, что уходит в Петровку. Значит, это был секрет. Но секрет знают враги.

— Смотри, — прервала его Лиза. Вскочив на ноги, она указала на дорогу, которая выходила из Шкотово в сторону Сучана. По ней шагала колонна солдат. — Это они в Петровку пошли. Они схватят Лазо!

— Марко обгонит их, предупредит Лазо! — воскликнул Харсь. Лицо его дышало отвагой и решимостью. Харсь снова посмотрел на колонну войск. Он должен ее обогнать. Но где же Петровка? Он не знает. Может быть, знает Лиза? На его вопрос она пожала плечами:

— Я там не бывала. Где-то на берегу залива. А тебе зачем? — Она уже догадывалась, что задумал Марко. — Я пойду с тобой!

— Пойдешь со мной? — обрадовался Харсь.

Да, ему очень хочется, чтобы Лиза была всегда с ним рядом. При других обстоятельствах он, не задумываясь, сразу же перевез бы девушку в отряд, но сейчас нельзя, ему надо спешить к Лазо, предупредить...

— Хорошо, Лиза, я возьму тебя, но не сейчас, нельзя сейчас, — ответил Харсь, как ни тяжело ему было.

— Но ты приедешь за мной?

— Приеду! — кивнул Харсь и заторопился. — Пошли к Белану, он скажет, где Петровка.

— Тебе нельзя ходить по Шкотово, — сказала Лиза. — Жди здесь. Я сбегая за Беланом.

Лиза убежала. Цыганок стал с нетерпением дожидаться возвращения девушки. Каждая минута казалась ему часом. Наконец пришли Лиза и Белан. Железнодорожник был очень встревожен. Он сказал Цыганку:

— Вовремя ты тут оказался. Скажи, что есть духу, в Петровку. — Он объяснил дорогу, а узнав о Фильке, добавил: — Парень должен знать, как доехать до Петровки. Койей не жалейте. Это передай Лазо. — Белан протянул Цыганку письмо. — Ну, в путь! Скорее!

Цыганок покинул Шкотово и скоро оказался в рас-

падке. Стреноженные кони паслись. Филька спал. Цыганок разбудил его. Маслаков сначала не понял, что ему объяснял взволнованный товарищ, а когда узнал, что надо ехать в Петровку, возразил:

— Петровку знаю, но зачем нам туда ехать?

— Лазо надо спасать. Американцы и японцы ему ловушку хотят устроить.

— Так бы и сказал, — шмыгнул носом Филька.

Быстро сев на коней, они выбрались из распада и понеслись тайгой. Коней не жалели. Кустарники... Ручьи... Болота... Наконец Цыганок и Филька достигли вершины сопки, откуда хорошо была видна дорога. По ней двигался отряд интервентов и белых. Цыганок облегченно вздохнул:

— Обогнали.

Они спустились на дорогу, и кони, почувствовав под копытами твердую землю, пошли резвее. Царевку, деревушку перед Петровкой, они решили объехать. Версты за две до Петровки впереди по дороге слышались голоса и топот копыт. Цыганок и Филька остановили коней, переглянулись, свернули с дороги и притаились за кустарником. Ждать пришлось недолго. Из-за поворота дороги показалась группа всадников, и Цыганок широко раскрыл глаза, увидев Байбородова и Кен-Дя. Третий всадник был ему незнаком.

Цыганок с радостным возгласом выскочил из засады. Это было так неожиданно, что Байбородов и его спутники на какое-то мгновение пришли в замешательство, схватились за оружие. Яшка первый узнал Цыганка, длинно и яростно выругался и крепко схватил за руку Пецкого, который мог выстрелить в Цыганка. Кен Дя, обычно мало чему удивлявшийся, воскликнул:

— Цыганка?

— Какого черта, дурья твоя голова, из кустов сигаешь, как заяц? — негодовал Яшка. — Да тебя так пришить — раз плюнуть! — Тут Байбородову пришла в голову беспокойная мысль. — С отрядом что случилось? Глазурин послал или ты?..

Он подозрительно посмотрел на Цыганка, на его изодранную во время гонки по лесу одежду, на испарпанное, но радостно улыбающееся лицо.

— Говори! Ну! — потребовал Яшка и, перехватив

взгляд Харся, добавил, кивнув на Пецкого: — Это свой товарищ. К нам в отряд. Где Глазуриш?

Цыганок торопливо сказал:

— Сюда идут американцы и японцы.

Партизаны повернули назад в Петровку. Байбородов сожалел, что в деревне уже нет Лазо. Пецкий скакал рядом с молодыми партизанами, угрюмый и расстроенный. Все его старания пропали напрасно, и, кроме того, он сейчас выглядел невольным соучастником партизан. Что делать? Повернуть коня и мчаться навстречу американцам, предупредить их? Он невольно оглянулся. Это заметил Байбородов, но оценил иначе и ободряюще сказал:

— Шоколадники еще далеко. Ты, товарищ, держись меня.

«Если сейчас вздумаю удрать — получу в спину пулю, — подумал Пецкий. — Но как же быть?». От волнения он даже вспотел, но найти выхода из отчаянного положения не мог. Он уже расканвался, что потопился послать в Шкотово сообщение о Лазо.

Партизаны прискакали в село и спешили к штабу. Байбородов вместе с Цыганком пришли к командиру отряда...

Через полчаса отряд петровцев занял позицию в трех верстах от села, где дорогу стискивали высокие зеленые стены тайги. Здесь легче было окружить врага и уничтожить его.

Майор Хэлридж был в превосходном настроении. Покачиваясь в седле он ехал рядом с Дортсоном, лейтенантом Манглом — цветущим молодым человеком, и японским капитаном. Захватить Лазо было так заманчиво и казалось таким легким делом, что Хэлридж решил сам принять участие в операции. Майор представлял себе, как он привезет Лазо во Владивосток и какое при этом будет лицо у генерала Грэвса. Улыбка блуждала по лицу Хэлриджа. Конечно, генерал попытается как-нибудь преуменьшить успех майора и постарается сделать так, чтобы поимка Лазо стала его заслугой. Но это ему не удастся. Весьма кстати оказался рядом Дортсон с его киноаппаратом. Смэлл заснимет на пленку всю операцию. Майор снимется

рядом с пленными партизанами и Лазо. О, это будут превосходные кадры! От переполнявших его чувств Хэлридж испытывал прилив сил и энергии. Его немного раздражало медленное передвижение отряда. На лошадях были только офицеры и разведчики. В конце отряда лошади тащили три фуры с пулеметами. А тут бы надо конницу. Виноват в этом он сам: не надо было отправлять конные отряды колчаковцев и японцев на Сучан. Но кто же предвидел, что Лазо сам сунется к ним в руки?

Хэлридж усмехнулся. Оказывается, этот хваленый Лазо не такой уж предусмотрительный. Он сказал об этом Дортсону, но тот не разделял слишком оптимистических прогнозов майора:

— Все зависит от того, какие в Петровке силы.

— Да там горсточка бродяг! — воскликнул Хэлридж. — Сувенир Грэвса начал работаты!

Отряд продолжал идти пустынной проселочной дорогой. Впереди двигалась конная разведка. Пока ничего подозрительного не было замечено. Солнце жарко пригревало. С солдат струился пот. Мангл уже не раз предлагал остановить отряд на привал и дать солдатам немного передохнуть, но всякий раз его одергивал Хэлридж:

— Привал только расхолаживает боевой пыл. Сделаем его перед самой Петровкой, чтобы солдаты набрались сил перед атакой.

Время перевалило за полдень. Отряд обошел маленькую деревушку Царевку перед Петровкой и остановился на привал.

Вернулись разведчики и доложили, что в Петровке тихо. Судя по всему, там и не предполагают о подходе отряда.

— Тем лучше, тем лучше, — кивал Хэлридж и приказал Манглу: — Выступать! Бросок!

Несколько рюмок коньяку и сытная закуска приподняли настроение Хэлриджа.

Отряд приближался к Петровке. Неожиданно тайгу прорезал оглушительный, похожий на взрыв выстрел. Вслед за ним захлестали винтовочные залпы, их поддержало деловое тявканье пулеметов.

...Пецкий лежал рядом с Байбородовым. У него в руках была винтовка. Он должен будет стрелять по своим, но ничего иного ему не оставалось делать. Правда, несколько раз представлялась возможность незаметно исчезнуть, скрыться в тайге и побегать навстречу приближающемуся отряду, но тогда навсегда будет закрыт путь в партизанские отряды, в большевистское подполье, и он не сможет выполнить поручение своего шефа. Пецкий беспокойно шевельнулся. Байбородов сказал:

— Раньше времени не стреляй. Жди команду. Слышишь, уже идут!

Шум приближающегося отряда уже был отчетливо слышен. Проехала разведка. Ее пропустили, а скоро на дороге показался отряд. Партизаны замерли. Отряд продолжал двигаться вперед, втягиваясь в партизанскую западню.

— Мой американец, — прошептал Байбородов, увидев в середине колонны Хэлриджа. — Скрестились наши дорожки! Теперь я тебя припечатаю, гада шоколадного! — Яшка от волнения шумно задышал и осторожно переменял позу, устроился поудобнее. Он не спускал с мушки Хэлриджа.

Партизаны ждали условного сигнала — выстрела командира. Но его предупредил оглушительный выстрел Ерофеича. Не выдержал дед и «бахнул» из своего старинного пистолета. Партизаны открыли огонь по колонне. Это спасло Хэлриджа. Яшка выстрелил и не попал. Майор круто повернул коня. Яшка в ярости сыпал ругательствами. Увидев, что Пецкий медлит с выстрелом, крикнул:

— Давай, давай! Бей гадов!

Пецкий выстрелил, не целясь.

Зажатый в клещи отряд превратился в мечущуюся толпу. Пули летели со всех сторон. Кто-то дико закричал, заглушив на секунду все шумы:

— Беги! Спасайся! Беги-и-и!

Все смешалось. Бестолково размахивая ружьями, солдаты бросились врассыпную. Одни искали спасения в лесу и натыкались на партизан, большинство повернуло назад, к Царевке. Кое-кто стал отстреливаться. С фур оживленно заговорили пулеметы, но тут же споткнулись, замолкли. Обезумевшие солдаты сбрасывали

с повозок пулеметы, карабкались, цепляясь друг за друга, на повозки, погоняя лошадей. Одна фура перевернулась, хрустнув колесом.

Хэлридж, пришпорив коня, низко припав к гриве, понесся назад. Сзади бежала ревущая толпа солдат. Она быстро редела. Хэлридж мчался, не оглядываясь. Только в Царевке он придержал коня. Рядом остановились Дортсон, Мангл...

— Ох! — с ужасом воскликнул Дортсон, округленными глазами осматривая левую ногу. На бриджах чуть выше колена было небольшое пятно крови. — Я... я... ранен...

— Пустяки. Чуть задело, — успокоил его Хэлридж.

Дортсон затих, постепенно освобождаясь от страха. Хэлридж посмотрел на дорогу, прислушался. Стрельба прекратилась. Снова стало тихо. На дороге показались беспорядочно бегущие группы солдат — остатки большого экспедиционного отряда.

Хэлридж приказал оцепить Царевку.

— Нас предали, — громко сказал Хэлридж, обращаясь к офицерам.

— Кто? — одновременно спросили Дортсон, Мангл и японский капитан Хосокава.

— Жители этой деревни, — Хэлридж указал на Царевку, которая была пустынна и безлюдна. — Пока мы тут отдыхали, жители этой деревни послали своих людей к партизанам и предупредили их. — Хэлридж старался подавить в себе бешенство. — Надо проучить их. Уничтожить деревню! Это будет полезно для них.

Дортсон и капитан Хосокава сразу же поддержали Хэлриджа.

Хэлридж подошел к галдящей толпе солдат и выкрикнул:

— Солдаты! Нас предали жители этой деревни. Они предупредили партизан... — Голос его потонул в озлобленных криках, в яростной ругани и угрозах. На искаженных лицах солдат страх сменился злобой, в глазах зажглась жажда мести. — Отомстим за... — Дальше Хэлриджу не дали говорить.

Из толпы выбежал солдат без фуражки и, обращаясь ко всем, закричал:

— Парни! Проучим русских! Бей, жги! — и бросился в деревню.

За ним двинулась вся толпа. Солдаты мчались к крестьянским хатам, ослепленные, обманутые...

Хэлридж сказал офицерам:

— И нам не мешает быть около солдат. Вы, Смэлл, снимайте...

Солдаты выбивали двери, окна, врывались в хаты, руша все, что попадалось на пути. Они хватали людей, били их, топтали, выволакивали из хат, расстреливали на месте. Крики, стоны, детский плач, рев испуганной скотины, лай собак — все смешалось в дикий шум...

Хэлридж и Дортсон, отстав от других офицеров, въехали во двор белой мазанки, стоявшей на отлете и окруженной фруктовым садиком. Сюда еще не добежал ни один солдат. Они, как стадные животные, бросались скопом.

Под ноги коня Хэлриджа, заливаясь лаем, кинулась рыжеватая дворняжка. Лошадь шарахнулась и чуть не сбросила майора. Он выхватил из кобуры кольт и дважды выстрелил в собаку. Она пронзительно завизжала, откатилась в сторону и, вытянувшись, замолкла.

— Метко вы стреляете, — сказал Дортсон, смотря на окно, за которым промелькнуло испуганное женское лицо.

Дортсон оказался впереди Хэлриджа.

Майор быстро оглянулся, направил пистолет в спину Дортсона и выстрелил... Еще выстрел.

Дортсон вздрогнул, приподнялся на стременах, медленно повернулся к Хэлриджу. Он хотел что-то сказать, но из его рта хлынула тяжелая струя крови. Дортсон боком съехал с седла и рухнул на землю.

— Самая эффектная сцена, — усмехнулся Хэлридж.

Майор избавился от ненужного свидетеля провалившейся операции. К тому же гибель Дортсона — убедительное доказательство, что схватка с партизанами была тяжелой.

Дав шпоры, Хэлридж стремительно выехал со двора навстречу бегущим солдатам, привлеченным выстрелами Хэлриджа.

— Партизаны! — крикнул майор, указывая на хату. — Партизаны! Они убили Дортсона! Дортсон первым въехал во двор... Когда я подоспел, он был уже мертв... Партизаны бежали...

Солдаты бросились в избу. Вскоре они выволокли

на улицу старика и женщину с растрепанными длинными волосами, прижимавшую к себе белоголового мальчугана лет трех.

— Партизан? — подступил к старику капитан Хосокава и с размаху ударил его.

Женщина громко зарыдала и бросилась к старику.

— Не плачь, Марина. Перед гадюками слез не лей, — сурово сказал он женщине.

— Не надо жестокостей! — крикнул Хэлридж. — Смэлл! Эффектная сцена! Скорее снимайте!

Солдаты схватили женщину и старика и, крепко держа их, поставили у тупа Дортсона. Смэлл крутил ручку киноаппарата. Потом он заснял расстрел крестьян и горящую хату.

В воздухе летала сажа, пепел, стлался горький дым...

...Вечером в Петровку прибежала полуобезумевшая девочка со страшной вестью о расправе над жителями Царевки. Девочка тряслась и говорила так бессвязно, что партизаны с трудом поняли ее.

— По коням! — раздался по деревне клич.

Галопом мчались партизаны к Царевке, спешили...

Деревня встретила их дымящимися развалинами, горькой гарью, безмолвными изуродованными трупами...

Глава тринадцатая

НАС НЕ ЗАБУДУТ...

Всю дорогу Лазо молчал. Он был настолько поглощен своими мыслями, что даже не обращал внимания на неумную дикую красоту тайги, которую любил.

Они побывали в Душкине, заехали в Ново-Литовку, стоящую на самом берегу залива Восток, и в другие села. Лазо выступал с речами, проверял состояние партизанских групп и направлял их в крупные отряды.

В Николаевке Лазо и Попов заночевали. Здесь был партизанский отряд из крестьян. Лазо объединил его с шахтерским партизанским отрядом. День пролетел быстро. Вечером, когда они остались вдвоем в малень-

кой комнатухе, Сергей Георгиевич достал из полевой сумки карту, расстелил ее на столе.

— Вот, Михаил, семьдесят верст, которые мы должны не только пройти, но и разрушить. — Палец Лазо скользнул по извилистой черно-белой линии, обозначающей железную дорогу от Шкотово до Сучанских копей. — Время наступило. И медлить нам больше нельзя. Этого требует Далькрайком. — Сергей Георгиевич перевел взгляд на кружок с надписью «Сучан». — Сучан... Вот что меня беспокоит, Михаил. На коях скопилось большое количество войск колчаковцев, японцев и американцев. Это крепкий орешек. Его сразу не разгрызешь.

Попов смотрел на карту. Так вот о чем думал все эти дни Сергей Георгиевич!

— Как тымотришь, если мы одновременно и неожиданно ударим по всем станциям железнодорожной ветки?

Лазо требовательно смотрел на Попова. Он ждал, что скажет его адъютант, чтобы проверить правильность своих планов и расчетов.

Попов с сомнением покачал головой:

— По всем станциям?.. Мне думается, что это нереально и неосуществимо. На одном только Сучане у противника больше тысячи солдат, а наступающие ряды партизан должны иметь везде перевес в силе.

— Ну, а все же, что бы ты сделал?

— Сучанские копи пока не трогать. Не трогать и Шкотово, а вот на этом отрезке, — Миша показал на карте, — нанести удар и уничтожить врага.

— Мысль, пожалуй, правильная. Обдумаем, Миша... Но будем держать наши планы пока в строгом секрете. — Лицо Сергея Георгиевича стало озабоченным. — Не сомневаюсь, что враг засылает к нам своих лазутчиков. Смерть Пилипенко — дело их рук...

За окном послышался топот копыт, голоса. Один с хрипотцой спрашивал кого-то в темноте:

— Где тут штаб, в какой хате? Темнота у вас, как у крота в норе!

— Яков! — узнал Михаил голос Байбородова и бежал из комнаты. — Сюда, Яков!

— А, Попов! — донеслось из темноты, и к крыльцу

подъехал Байбородов. — Ну и темень у вас. В забое без лампы и то светлее.

Они вошли в дом. Байбородов осторожно распорол шов на брюках и протянул Лазо туго свернутую бумажку:

— От комитета шахтеров.

Лазо быстро прочитал письмо.

— Шахтеры согласны с решением Далькрайкома партии.

— Шахтеры порядок знают, — сказал Байбородов и достал из шва вторую записку. — Это от Белана.

— От Белана? Как же он оказался на Сучане? — удивился Лазо и подозрительно посмотрел на Байбородова: — Или ты в Шкотово заворачивал?

— Цыганок привез после вашего ухода. — Яшка засмеялся. — Ну и дали мы жару белякам и шоколадникам. — Он хотел сплюнуть, но, посмотрев вокруг, удержался. — Только мой майоришка ушел от пули, да я его еще повстречаю. И за Царевку рассчитаюсь.

— Что произошло?

Яшка быстро рассказал. Лазо был взволнован.

— Наш час пришел раньше, чем я предполагал. Белан сообщает, что в Шкотово ожидают генерала Грэвса.

— Нам надо опередить врага, — сказал Попов. — Приезд Грэвса вызовет усиление охраны на ветке и копях.

— Да, будем действовать! — И Миша понял, что Лазо принял окончательное, твердое решение. Сергей Георгиевич вернулся к карте. — Сучанские копи пока не будем трогать. Нанесем неожиданные удары по наиболее уязвимым местам врага, по всем гарнизонам от Шкотово до Сучана, взорвем мосты, а на станциях Фанза, Бархатное, Тахэ и Сихотэ-Алинь, что на перевалах, уничтожим подъемные машины. Это прервет вывозку угля и вообще выведет всю дорогу из строя. — Лазо внимательно смотрел на карту. Он уже видел будущую операцию. — Каждый партизанский отряд должен знать точно, где ему предстоит действовать, что делать... По отрядам надо немедленно отдать приказ...

Лазо сел за стол и начал писать.

Попов и Байбородов вышли на улицу. Яшка закурил, сплунул в темноту.

— Что на Сучане делается!.. Обыски каждую ночь.

Хватают, пытаются, смерти предают шахтеров, а уйти из Сучана трудно. Как частоколом, солдатами окружен...

Миша и Яшка успели обо всем поговорить, прежде чем Лазо позвал их. Когда они вошли, Сергей Георгиевич сказал:

— Послушайте, как звучит, понятно ли?

И он начал читать:

— «Приказ номер двадцать два по партизанским силам Ольгинского уезда.

В ближайшие дни отряды должны принять меры для порчи путей и проводов. Для этой цели отправляйте небольшие команды, которые незаметно будут делать это дело. Ведите непрерывную разведку, выясняйте, где и как охраняются железные дороги, ведет ли противник разведку в нашу сторону. Если по линии имеются посты противника, то их нужно тревожить. Для этих целей посылайте двух-трех надежных партизан. Не предпринимайте крупных операций. Не передвигая значительных сил, мы должны все время тревожить противника, ни на один день не оставлять его в покое и разрушать мосты. Особенно на это мы должны обратить внимание ввиду того, что на узкоколейке не прекращается борьба отрядов Петровки и других с американцами и японцами.

Всякое расстройство железной дороги и телеграфа внесет расстройство в ряды наших врагов в Сучанском районе.

Копию этого приказа спешно направьте в Петровский и Майхинский отряды. Информируйте, что будет сообщаться из Петровки и Многоудобного.

Если в Петровке действительно взяты пленные, то таковых не отпускать и не обменивать до получения указания из штаба или от меня. С пленными обращайтесь хорошо.

Командующий Сергей Лазо».

Сергей Георгиевич посмотрел на комсомольцев, ожидая их оценки.

— Здорово! — воскликнул Яшка. — Пощипаем мы теперь и беляков, и их дружков заморских. Перья полетят.

— Знаешь, Яков, — сказал Попов, — можно членов нашего Коммунистического Союза Молодежи разделить на две группы. Одной будешь командовать ты, второй я.

— Боюсь, что тебе, Михаил, не придется этого делать, — вмешался Лазо.

— Почему? — чуть обиделся Попов.

— Немножко в этом виноват Яков, — пошутил Лазо. — Он привез от шахтеров известие, что они сейчас не могут обеспечить нас взрывчаткой в том количестве, что я просил.

— Американцы все под замок и под винтовку взяли, — пояснил Яшка. — Фунта динамита на копиях сейчас не достать!

— Значит, мне... — Миша уже догадался, что ему предстоит.

— Значит, тебе немедленно возвращаться во Владивосток, — сказал Лазо, — и привезти оттуда взрывчатку!

«А как же Ольга? — подумал Миша. Он мечтал о встрече, ждал, что это произойдет завтра, и вдруг снова надо уезжать. — Что ж, отложим встречу до лучших времен». Он никогда не избегал опасной дороги и сейчас готов был немедленно ехать во Владивосток...

Появление Попова во Владивостоке обеспокоило Борзова.

— Часто ты ко мне в гости приезжаешь. Как бы «хвоста» за собой не привел. Мне еще рано свою лавочку прикрывать. А ты уже замечен. Мне рассказывали, как за тобой охотились контрразведчики.

— Взрывчатка нужна, срочно нужна, — сказал Попов. — Вот почему я снова у вас.

— Знаю, что нужна, да многовато. — Борзов держал в руках письмо Лазо. Он посмотрел в окно, выходившее во двор. Там все было по-прежнему. Гора ящиков. Зеленая будка для пса... Попов и Борзов сидели в кафе за магазином. Был серый, туманный полдень. На стекле осела влага. — Раз нужно — достанем. У наших иностранных «друзей» ее много. Возьмем у них, так сказать, заимобразно, а вернем в виде взрывов.

Они рассмеялись.

Борзов накинул на плечи черный плащ без рукавов: — Сиди смиренно. Лучше поспи. Ночка, наверное, тебе потребуется для дела. Прогорит моя торговля. Опять из-за тебя закрываю магазин.

Вернулся Борзов под вечер с большим свертком в руках. Бросив его на кровать, с которой только что встал хорошо отдохнувший Михаил, загадочно сказал:

— Подарок тебе принес. Примерь.

Недоумевая, Попов развязал шпегат, туго стягивавший сверток, развернул бумагу. Форма американского лейтенанта. Здесь было все — от фуражки до ботинок. Миша вопросительно посмотрел на Борзова.

— Тебе, тебе. Одевай-ка. Впору ли будет?

— Да объясните, зачем? — начал Михаил, но, видя, что Борзов пока не собирается ничего рассказывать, покорно натянул офицерскую форму. Она была ему впору. Ботинки чуть жали.

— Ну, ничего, тебе не долго придется в них шеголять, — успокоил Борзов. — Сидит хорошо. Бравый лейтенант. Пошли в магазин, полюбуешься на себя.

Миша стоял перед большим зеркалом и не узнавал себя. В чужой форме даже лицо выглядело каким-то иным, незнакомым.

— Походи в ней, привыкни, — сказал Борзов. — Сегодня ночью будешь старшим по перевозке тифозных больных.

— Кого? — Миша уставился на Борзова.

— Больных, лейтенант, — засмеялся Борзов и передал Попову документы на имя лейтенанта Роберта Герндона, служащего второго американского госпиталя во Владивостоке.

В полночь Попов и Борзов вышли из магазина. На Борзове тоже была форма, но сидела она на нем мешковато. Ночь стояла влажная. Морозящий туман лежал на улицах. Редкие прохожие спешили, не обращая внимания на двух американцев. Они шли молча по Северному проспекту, который сбегал к станции Первая Речка. В свете редких фонарей блестели мокрые прямоугольники гранитной брусчатки. В желобках трамвайных рельсов бежала вода, точно маленькие речки в железных берегах. На противоположной стороне улицы у тротуара стоял грузовой автомобиль с глухо закрытым брезентовым верхом. Миша и Борзов подошли к

автомобиллю. На боках кузова были видны знаки Красного Креста. Миша, как его инструктировал Борзов, встал на подножку.

— Исправили повреждение? Можно ехать?

— Да, лейтенант! — отозвался шофер.

— Кольн, — удивленно и обрадованно произнес Миша.

— Да, лейтенант, садитесь. — Кольн отворил дверь, и Миша сел рядом с ним.

Кольн вышел, завел мотор. Мише показалось, что мотор слишком громко работает.

— Я буду в кузове, — сказал Борзов. — Держись смелее. Документы в порядке.

Кольн тронул машину с места. Они покатали по мокрым улицам.

Прохожих на улицах становилось больше. В центре города на перекрестке улиц Светланской и Алеутской было оживленно и многолюдно. Ярко освещенные витрины, вывески ресторанов, говор людей, цокот копыт, поблескивающие мокрые лакированные пролетки и автомобили... Проехали ресторан «Золотой Рог», вокзал, где Миша когда-то покупал «яблоки». Грузовик стал подниматься по крутой улице. С одной стороны шли домишки, а с другой открывался вид на порт, бухту и железнодорожные линии. Грузовик уже ехал по Эгершельду, району порта и трущоб. Скоро исчезли фонари, и машину стало отчаянно трясти по ухабистой каменистой дороге. Кольн сворачивал из улицы в переулок, из переулочка снова на улицу. Желтоватый свет фар то скользил по дороге, усыпанной камнями, то освещал стены домиков, то упирался в дощатые заборы, вызывая лай собак. На окраине жилых кварталов Эгершельда Кольн выключил фары и дальше повел грузовик в темноте, тише, осторожнее. Где-то сбоку раздался свист — короткий, но пронзительный. Кольн затормозил. На подножку поднялся человек.

— Прямо к складу. Поехали, — сказал он по-английски.

Кольн повел грузовик, следуя указаниям человека на подножке. Проехав еще минут пять, они остановились. Кольн и Миша вышли из кабины. Попов увидел, что грузовик стоит около какого-то длинного склада. К Мише подошел Борзов:

— Поможем грузить.

Двери склада с тихим скрипом раскрылись. В руках у кого-то вспыхнул электрический фонарь. Круг света метнулся по штабелям ящиков с красными надписями и рисунками черепа с перекрещенными под ним костями. Динамит! Миша даже не верил, что это склад взрывчатки. Луч фонарика задел вошедших людей и тут же погас. Миша успел заметить трех американских солдат и четверых русских, судя по одежде, рабочих.

— Квикли! — сказал Кольн.

Люди брали по ящику и почти бегом относили в кузов. Борзов аккуратно складывал их. Миша работал со всеми. Скоро кузов был почти заполнен.

— Хватит! Полтонны будет, — сказал Борзов.

Владелец фонарика посветил в глубь кузова. Борзов набросил на ящики брезент и сказал рабочим:

— Садитесь!

— Мы же без формы.

— Брезентом прикрою!

Рабочие забрались к Борзову. Заднее полотнище было опущено. У склада остались только два американца.

— Через час приеду снова, — сказал им Кольн.

— О'кэй, — последовал лаконичный ответ.

Кольн повел машину обратно. Отъехав на приличное расстояние от склада и оказавшись среди домов, Кольн включил фары и прибавил скорость. На вокзальной площади дорогу грузовику преградил американский патруль. Миша почувствовал, как тревожно застучало его сердце, а руки и ноги точно онемели. За спиной полтонны динамита. Если он будет обнаружен, то расстрела не миновать. Но не это мучило Попова. Не будет выполнено задание Лазо. Партизаны не получат динамита... Патруль был рядом. К кабине подошел офицер. Миша высунулся из окна кабины.

— Заразных возем! — по-английски сказал Миша.

— Каких, куда? — Офицер замер на месте.

— Тифозных!

— О, черт, — офицер подался назад. — Проезжай!

Кольн перевел рычаги, и грузовик промчался мимо патруля. Больше машину никто не задерживал. Она

¹ Быстрей (англ.).

промчалась через город, миновала Первую Речку и выехала на берег Амурского залива, где была городская свалка. Здесь почти у самого берега стояли три шаланды. Миша вышел из автомобиля на мокрый песок, и все тут же принялись носить ящики с динамитом на шаланды прямо по воде.

Вторая поездка за динамитом прошла также благополучно.

Когда всю взрывчатку погрузили, Миша сказал рабочим на шаланде:

— Идите в залив Восток к деревне Ново-Литовка. Там вас будут ждать. Через два дня, на третье утро.

Шаланды тихо покинули стоянку.

Кольн высадил Мишу и Борзова там, где и взял их, — на Северном проспекте.

— Как мне хочется уйти с вами, — сказал он.

— Вы здесь нужнее, — ответил Миша. — Спасибо за помощь.

— Это мой долг. — Кольн пожал руку Попову. — Не знаю, увидимся ли мы еще: Ходят слухи, что Грэвс хочет сменить весь обслуживающий персонал во Владивостоке. Куда меня пошлют, не знаю. Но где бы я ни был — всегда останусь вашим товарищем...

Мише скорее надо было вернуться к Лазо, в Новороссию, куда перешел партизанский штаб. Посоветовавшись с Борзовым, он решил доехать до Шкотово поездом. На руках у него были надежные документы. Другие пути — нелегальные — были опасны. Борзову стало известно, что колчаковцы вместе с японцами и американцами зорко следят за дорогами и побе-режьем.

— А как же шаланды? — забеспокоился Миша.

— Шаланды вначале пойдут на Посыет, а в море повернут назад, к сучанскому берегу, — объяснил Борзов. — Им главное выйти из бухты Золотой Рог. Я очень надеюсь на рыбаков. Они тут каждую бухточку, каждый утес знают. Проскользнут тихо, незаметно.

На другой день Миша, хорошо, со вкусом приодетый Борзовым, пришел на вокзал. В руках у него был небольшой чемоданчик с теми немногочисленными вещами, которые берет с собой человек, уезжающий из

дому на несколько дней. На вокзале было многолюдно, шумно. Миша бродил среди вещей, загромадивших проходы, среди лежащих прямо на полу людей, разыскивая кассу. Вдруг на плечо Миши опустилась чья-то рука. Он обернулся. Перед ним стоял подпоручик Емельянов.

— Мишель?

— Сергей Анатольевич! Вот так встреча!

Миша был взволнован, но быстро взял себя в руки.

— Давно, давно не встречались. — Емельянов был насторожен. — Куда путь держите, если не секрет?

— От друзей у меня нет секретов. Еду в Шкотово.

— Значит, нам вместе. А где Ольга Алексеевна?

— Не знаю. После нашей встречи в «Золотом Роге» она уехала в деревню навестить дедушку...

— И не знаете, что с ней?

«Хочешь узнать, знаю ли я о том, что ты видел Ольгу, знаю ли я о казни ее деда», — подумал Миша и сокрушенно развел руками:

— Нет. Представьте, даже письма никакого не при-
слала. Беспokoюсь и вот еду ее разыскивать.

— Да вы знаете, кругом партизаны! — воскликнул Емельянов.

— Когда же все это кончится? — опуская глаза, сказал Миша. — Что прикажете мне делать?

Емельянов пытливо посмотрел на него:

— Я ведь встречал Ольгу Алексеевну.

— Не может быть!

Емельянов рассказал, когда это было.

— Я ничем не мог помочь ни ей, ни вашему дедушке. Строптивый старик...

— Дедушка не любит иностранцев. Русская душа.

— Все возможно. — Емельянов вдруг улыбнулся. — У меня, знаете, мелькнула даже мысль, не является ли ваша сестра партизанкой.

— Какая нелепость! — воскликнул Миша, отворачиваясь. — Правда, она патриотка, но и вы, как истинно русский дворянин, не можете не сочувствовать страданиям народа.

— Да, да, конечно. За народ и воюем. Но большевики, партизаны...

— Я очень далек от политики, Сергей Анатольевич.

Миша вел себя так непринужденно, что у Емельянова исчезли последние подозрения.

Вошел американский патруль. Началась проверка документов.

К Попову и Емельянову подошел офицер с двумя солдатами.

Миша протянул свои документы и сказал что-то веселое по-английски. Подпоручик не понял. Американец улыбнулся и вернул документы.

— Что вы ему сказали? — с любопытством спросил Емельянов.

— Солдатскую остроту.

— Я, кажется, однажды говорил: завидую вашему знанию английского языка, — вздохнул Емельянов.

— Будущий инженер многое должен знать, в том числе и английский язык, чтоб успешнее вести дела с нашими союзниками. А им палец в рот не клади, — засмеялся Миша, — откусят. Любят лакомый кусок, а я сам хочу его иметь.

Попов старался говорить языком инженера-дельца, и это ему удавалось.

— Далеко вы пойдете, Мишель, — Емельянов улыбнулся. — Лакомый кусок... Хорошо сказано.

Миша взглянул на часы:

— Простите, Сергей Анатольевич, мне нужно купить билет.

— Зачем вам билет? Я приглашаю вас к себе в купе. Мы с дядюшкой отправляемся в те же места. Дядюшка в отряд возвращается. Он немного приболел, лечился во Владивостоке.

Миша скрыл улыбку и без колебаний принял предложение подпоручика.

— С большой радостью. Я так обязан вам...

— Пустяки! — Емельянов тащил Попова на перрон.

Миша внимательно следил за окружающим. Они подошли к мягкому вагону, полному колчаковских и иностранных офицеров. «Ну, попал в осиное гнездо!» — подумал Миша.

Подпоручик подвел Попова к купе генерала. Смирнов сидел в своей излюбленной позе — очень прямо, с опущенными на колени руками. Пальцы его шевелились. Генерал смотрел перед собой, и Мише показалось, что он спит с открытыми глазами.

Емельянов представил Попова генералу:

— Дорогой дядюшка, это — Мишель Соколов, будущий инженер и общественный деятель. Член Христианского союза молодых людей.

Смирнов внимательно посмотрел на Мишу. Его хорошо отглаженный костюм, накрахмаленный воротничок, достоинство, с которым он держался, произвели на генерала благоприятное впечатление. Он протянул руку. Попов пожал ее:

— Очень рад познакомиться с вами, ваше превосходительство!..

Поезд тронулся, и Емельянов предложил Попову выйти покурить. Осторожно потягивая дым, чтобы не закашляться, Миша сказал:

— Я очень беспокоюсь за Ольгу.

— Зачем было ездить в деревню в такое беспокойное время? Передайте ей, что я очень сожалею обо всем случившемся.

— Мы скоро будем во Владивостоке, и вы лично сможете это сделать.

— Я сам не знаю, когда вернусь во Владивосток. Предстоят бои...

Попов насторожился.

Емельянов умолк.

Они вернулись в купе. Смирнов сидел за шахматной доской. Миша с интересом рассмотрел расставленные фигуры. Генерал был неплохой шахматист. Позиция была сложная. Черным грозил мат, если генерал пойдет пешкой. Смирнов пошел конем.

— Это не лучший ход, — осторожно сказал Миша. — Извините, что вмешался. Я бы пошел ладьей. Вот так!

Миша переставил фигуру.

— Играете, молодой человек? — Смирнов поставил коня на прежнее место. — Составьте 'компанию. Мой Серж к шахматам мало способен.

Игра шла с переменным успехом, и после нескольких партий Смирнов сказал:

— Вы хороший шахматист, молодой человек, но очень торопитесь. Проглядели два изумительных хода.

— В следующий раз буду осторожнее. — Миша делал вид, будто огорчен проигрышем.

Генерал приказал вестовому накрыть стол. Миша

был приглашен к столу, с аппетитом пообедал, но категорически отказался от вина.

После обеда Попов и Емельянов вышли из купе.

— Вы, Мишель, очаровали дядюшку. Он мнит себя гениальным шахматистом, а я, честно говоря, ненавижу шахматы. Ну что за удовольствие сидеть над деревяшками и ломать голову?

Миша беспокоился, как он расстанется с Емельяновым. На станции Шкотово подпоручик сказал:

— Оставайтесь у нас. Отдохните, а завтра уж...

— Нет, спасибо, — отказался Попов. — Я до вечера буду в селе, а завтра вернусь в Шкотово с Ольгой, если ничего с ней не случилось.

— Идея, — воскликнул Емельянов. — Я сейчас раздобуду вам коня. Быстрее проскочите и скорее возвращайтесь.

Мимо них прошел Белан. — В глазах — удивление. Миша понимал его, но рассеять удивления не мог.

Емельянов быстро раздобыл лошадь, и Миша с большим трудом, разыгрывая неумелого седока, неуклюже забрался в седло. В штатском костюме он выглядел очень смешно. Колчаковцы насмешливо смотрели на него.

— Крепче держитесь, — улыбнулся Емельянов, — да не погоняйте коня — из седла выпадете!

— Спасибо за совет, — поблагодарил Миша и тронул коня.

— Возвращайтесь быстрее! — крикнул вслед Емельянов.

— Скоро увидимся!

Выехав из Шкотово, Миша свернул в тайгу и, сделав большой круг, на рассвете прискакал в Новороссию. Доложив Лазо обо всем, он сразу же разыскал Ольгу. Они ушли на берег реки.

Было тихое утро. Солнце уже поднялось. Ольга и Миша сидели рядом.

— Оля, любимая, знала бы ты, как я соскучился.

— Я тоже. Как ты долго ездил...

Сквозь загар на ее лице проступил румянец.

— Разве долго? Всего несколько дней.

— А мне показалось — месяц, нет, год я тебя не видел. — Ольга осторожно высвободила свою руку и поправила выбившиеся из-под фуражки черные воло-

сы. — Ты похудел, Миша, и у тебя очень усталый вид.
— Чур, только не жалеть! — засмеялся Попов, и его глаза весело блеснули. — Знаешь, Оля, у древних греков женщинам было запрещено жалеть мужчин, говорить какие-нибудь слова сочувствия. Считалось, что от этого у воина убавляется сила и он становится слабым!

— Я хочу, очень хочу, чтобы ты всегда был сильным, смелым, храбрым.

Миша обнял девушку. Она прижалась к нему.

— Если с тобой что случится, я не переживу. Я не могу жить без тебя. Это я поняла, когда тебя не было.

— Ничего со мной не случится, — засмеялся Миша. — Ничего! Мы будем бить врага, прогоним его и проживем счастливо.

— Я и сейчас счастлива. — Ольга потянулась к Попову, и он вновь обнял ее.

За их спиной послышался топот копыт. Он быстро приближался. Через луг мчался наметом Цыганок. Не доезжая до берега, он резко осадил Шайтана и спрыгнул на землю:

— Попов! Попов!

— Я здесь! — откликнулся Миша.

Цыганок увидел товарищей. В сердце кольнуло. Он подумал о Лизе. Она ждет его, чтобы быть вот так же рядом с ним, как Ольга с Поповым. «Сейчас поеду за Лизой», — как всегда стремительно принял решение Цыганок, но тут же вспомнил предупреждение Байбородова и Глазурина. Первую самовольную поездку в Шкотово ему простили, но предупредили: выгонят из отряда, если повторится подобный случай.

— Тебя в штаб кличут! Скорее!

Цыганок стоял, задорно вскинув голову с давно не стриженными черными волосами. Потрепанная фуражка каким-то чудом держалась на его голове. Рубашка и брюки на Харсе были до того испачканные и рваные, что походили на рубище, увешанное оружием.

— Ты бы, Цыганок, хоть чуть приоделся, — сказала Ольга. — Оборванный — хуже нищего. Хочешь, я тебе...

— Ничего мне не надо! — Горячие глаза Цыганка обидчиво сверкнули.

— Да, Оля, мы сейчас оборванные, грязные, усталые, — сказал Попов, чтобы смягчить слова Ольги, ко-

торые заделали Цыганка. — И не упрекнул нас в этом наши потомки. Не упрекнул. Я верю, друзья, что люди всегда будут помнить вот о таких, как мы, простых, подчас оборванных, неумытых, невспавшихся, грубых парнях и девушках, которые знали, что им надо делать, верили в будущее. А будущее — такая замечательная жизнь...

Он задумчиво смотрел вдаль, на голубые изломы сопки, словно там видел уже эту будущую жизнь. Ольге передались его настроение, чувства.

— Да... будет...

Цыганок критически осмотрел себя:

— Ладно, оденусь... Скорее в штаб! Садись на Шайтана!

Этим Цыганок выказал свое уважение к Попову: обычно он никого не подпускал к своему коню. Миша вскочил в седло... Он влетел в деревню, на полном ходу соскочил с Шайтана у штаба. Около подъезда на привязи стояли кони Байбородова, Кен Дя и Фильки.

Привязав Шайтана, Миша вбежал в дом. В штабе находились Лазо, Глазурин, Пузырьков, Пецкий, несколько командиров из отряда Черненко и коммунисты.

— А вот и Попов. Помогите нам. — Лазо протянул квадратный листок бумаги с английским текстом. Сергей Георгиевич знал французский, немецкий и румынский языки, но английский владел слабо.

Попов начал читать:

— «Мистер Дмохотский! На следующей неделе в четверг вы должны быть в Шкотово... — При этих словах Пецкий, сидевший у окна, прикрыл глаза, чтобы никто не заметил по ним, что он взволнован и насторожен. Пецкий хорошо владел собой. Попов продолжал: — Прибывает генерал Грэвс. Он желает с вами побеседовать. Надеюсь, что придете с более верными и точными данными, чем те, что мы получили о Петровке. Майор Хэлридж».

— Ого! — произнес кто-то из командиров. — Ловкая, видно, птица этот Дмохотский, ежели и в Петровке бывал! Кто же он?

— Товарищи! — Лазо нахмурился. — Эта записка убедительно доказывает, что в наших рядах находится вражеский лазутчик. Конечно, не под именем Дмохотского, а под другим.

— Знать бы — кто, я бы своими руками задушил подлеца, — глухо сказал Глазурин.

— Мы этого не знаем! — Лазо поднялся. — Надо быть очень осторожными и строго, очень строго соблюдать военные тайны. Я приказываю с этого часа все распоряжения отдавать только тем, кому они предназначены, без присутствия людей, которых это распоряжение не касается. Передвижение отрядов, посылка разведчиков, наши тылы, сроки — все, товарищи, все должно храниться в тайне.

Обсудив меры предосторожности, коммунисты и командиры разошлись. Остались Лазо, Глазурин, Пецкий, Попов и разведчики. Байбородов сидел, нервно похлопывая плеткой по ноге.

— Раззява! — лицо Яшки налилось кровью.

— Спокойно, Байбородов, — приказал Лазо. — Боец Маслаков, конечно, виноват и должен быть наказан. Я думаю из разведчиков перевести его в рядовые.

— В обоз, — сказал Глазурин и с огорчением посмотрел на Фильку. — Как же ты, Филя, мужика упустил?

— Да он, краснобородый, как заяц, в чашобу сиганул, — не поднимая головы, ответил Филька и шмыгнул носом. — Я его, гада, хотел поймать, а он...

— После драки кулаками не машут, — остановил его Глазурин. — Сдай своего коня начхозу и принимай телегу. Поедешь вместе с Пузырьковым в Ново-Литовку за динамитом.

— Иван Федорович, — остановил его Лазо. — Слушал мой приказ?

— Прости, Сергей Георгиевич, — виновато сказал Глазурин.

Лазо оставил Глазурина, Пузырькова и Попова.

— На рассвете выступайте из Новороссии, — обратился он к Пузырькову. — Сколько бойцов берешь, Григорий Демьянович?

— Полсотни, думаю, хватит!

— Телег не брать, — продолжал Лазо. — Динамит в небольших ящиках. Каждому бойцу по ящику. Двигаться с особой осторожностью. Враг не дремлет, следит за нами. Письмо Хэлриджа убеждает нас в этом.

— Кто бы это мог быть? — проговорил Миша.

— Гадать не будем, — остановил его Лазо. — Ну,

товарищи, идите и готовьте отряд к переходу, а мы тут с Поповым потолкуем.

Лазо и Попов остались одни.

— Ну, Михаил, поздравляй меня. — Глаза Лазо весело поблескивали. — Комитет одобрил мой план, о котором мы с тобой говорили в Николаевке. Нанесем сокрушительный удар по ветке. Будут действовать все отряды пятью группами. Вот, смотри! — Лазо подозвал Михаила к карте. — Первая группа прикрывает со стороны Сучана и бухты Чань Ю-вей, чтобы неприятель внезапно к нам в тыл не зашел. Вторая группа нанесет удар по японскому гарнизону на станции Сица. Третья атакует станции Фанза, Бархатная, Тахэ и Сихотэ-Алинь, взорвет на перевалах подъемные машины. Четвертая группа идет на станцию Кангауз. Там большой склад продовольствия, обмундирования, боеприпасов, в которых мы нуждаемся. Пятой группе предстоит овладеть станциями Ново-Нежино и Романовской.

— Здесь крупные гарнизоны американцев, — напомнил Попов. — Кто командует группой?

— Придется мне, — сказал Лазо. — Черненко заболел, а Глазурин не справится.

— Я с вами?

— Конечно. Доставим динамит и выступаем. Надо к приезду Грэвса преподнести ему подарок.

— Когда выступаем? — спросил Попов.

— Скажу потом.

— Что произошло с Маслаковым?

— Байбородов расскажет. — Лазо потянулся к бумагам.

Попов вышел из штаба.

Ольга занималась с партизанами. Миша заглянул в школу. Партизаны старательно писали под диктовку Ольги:

О, дети родины, вперед!
Настал день нашей славы.

Ольга медленно ходила по классу, размеренно, четко выговаривала каждый слог:

На нас тирапов рать идет,
Поднявши стяг кровавый.

«Марсельеза», — узнал Попов. Он стоял в дверях, Ольга, не замечая его, продолжала диктовать:

— Погоди, дочка, — взмолился бородатый партизан. Он сидел за партой боком, выставив огромные сапожищи в проход между партами. — Обушок сподручнее держать, чем карандаш. — Он вздохнул, смахнул пот со лба. — Аж в жар ударило!

В классе раздался хохот. Ольга улыбнулась и потребовала тишины. Увидев Попова, подошла к нему:

— Я не скоро освобожусь. У меня еще три группы учеников.

Попов разыскал Байбородова. Тот, все еще кипя гневом на Фильку, рассказал, затягиваясь огромной козьей ножкой:

— Поехали это мы, значит, к железке, да не поселком, а старой дорогой. Наткнулись на мужика. Рыжебородый такой. Увидел он нас и давай настегивать лошаденку. Я его за шиворот сгреб: чего, мол, такой-сякой от нас чесать норовишь? Стал он чего-то молотить, а тут Цыганок его признал. И чуть не кончил. Обидел он Цыганка в Майхэ. Оттудова рыжебородый Юдин. Ну, обыскали. Письмо, что ты читал, нашли. Трясется. Я его под присмотром Фильки оставил. Филька на него тоже волком зыркал — батрачество свое у Юдина вспомнил. Поехал я с Кен Дя и Цыганком посмотреть на дорогу — не пофартит ли нам что? Назад вернулись, а рыжебородого нет. Упустил Филька. Ну, ему... Долго он этого рыжебородого не забудет...

— Юдина поймать надо, — сказал Михаил. — А тебе стыдно руки в ход пускаты!

— Поймаем, — заверил Яшка, пропустив мимо ушей замечание Попова.

...Пецкий не находил себе места. Бродил по шумному селу. Письмо майора Хэлриджа хотя и дошло до него, но не радовало. Уйти в Шкотово, не вызывая подозрения, было невозможно. Пецкому казалось, что и Лазо и партизаны догадываются, кто он такой, и вот-вот расправятся с ним. Его взволновало и сообщение о динамите. Надо обязательно узнать срок и сообщить Хэлриджу. Интересно, спасся ли Юдин? Пецкий видел, что часть бойцов из отряда Глазурина готовится в поход. Но куда? За динамитом или по другим делам? Пецкий под вечер увидел Байбородова. Он ремонтировал седло.

Толстая игла плохо шла сквозь старую сухую кожу, и Яшка уже несколько раз колол себе руки. Он яростно ругался сквозь зубы. К нему подсел Пецкий.

— Дай-ка я тебе подсоблю. У меня ловчее получится.

— Добрый человек нашелся, — обрадовался Байбородов. — Я передохну малость, замучился. — Он потряс уколотым пальцем, пососал ранку и сплюнул кровь. — Как это у баб ловко получается? Тонкой иголочкой орудут, а ни разу себя не кольнут.

— А куда собираешься? — как бы между прочим, без особого интереса спросил Пецкий.

— Далеке отсюда, — Байбородов прикурил и дыкнул дымом. — Не увидишь.

Пецкий, поняв, что из Байбородова ничего не вытянуть, перевел разговор на лошадей и скоро закончил работу. Яшка остался ею доволен. Он хлопнул Пецкого по плечу:

— Из тебя портняжка лихой бы вышел.

Пецкий отошел и со злобой пробормотал:

— Я тебе саван сошью!

Он задавал вопросы партизанам, но те отмалчивались. Пецкий прекратил расспросы. В хате было душно, и он, как и многие партизаны, улегся спать во дворе на охапке свежего сена. Грустные мысли не давали покоя. Сколько уже дней он находится среди партизан, а существенного ничего не сделал. В штабе у Лазо что-то решают, что-то делают, куда-то посылают людей. Он же ничего не знает. И не потому, что ему не доверяют, а просто еще не стал настоящим штабным работником. «Завтра же потребую себе ответственной работы, — решил Пецкий. — Я должен все знать. А зачем меня вызывает Грэвс? Может, хочет, чтобы я сам убил Лазо? Но это же опасно. Лазо никогда не бывает один. Меня схватят, прежде чем я успею в него выстрелить. Нет, на это я не пойду. А было бы великолепно это сделать. Американцы бы наградили щедро, и, кто знает, кем бы я стал», — с этими мыслями он заснул.

Проснулся Пецкий от хлопанья калиткой и голосов. Он открыл глаза. Над ним было черное с едва заметным синим отливом небо в ярких звездах. Они помигивали и, казалось, общенчески шептали: «Не зевай».

Спокойно сияла луна. Он прислушался. Разговаривали Глазурин и Остап Филиппович.

— Ты на рассвете, Остап Филиппович, пощедрее покорми коней. Дорога-то предстоит трудная. Пойдут напрямик, по тайге.

— Сколько же до Ново-Литовки будет верст? Я в тех местах не был.

— Семьдесят, пожалуй, — ответил Глазурин. Печный чуть приподнял голову и увидел два тлеющих рубиновых огонька цигарок. — Так-то немного, да по чащебое продираться придется.

— Когда выступают-то?

— До солнца над сопками. — Глазурин бросил окурок. Он описал красную дугу и, упав на землю, рассыпал искры. Они быстро гасли. — Ну, пошли спать.

Глазурин и начхоз ушли. Печный с трудом заставлял себя спокойно лежать. Он прислушался. Было тихо. Печный поднес к глазам часы. Скоро полночь, до рассвета часа четыре. Он бесшумно поднялся, выскользнул со двора и исчез в ночи... Вернулся Печный перед рассветом, усталый, мокрый от росы, но довольный. В изнеможении он упал на сено и сразу же заснул.

...Утро наступило сырое, туманное, с моря ползла серая мгла, стлалась по самой земле, ключьями цеплялась за траву, кусты, окутывала деревья, забивала, точно ватой, улицы Ново-Литовки, мокрыми языками лизала крыши. Было очень рано, и деревня еще спала.

Накануне в ней поздно затихли голоса. Пришедший под вечер отряд Пузырькова был радушно встречен. Шахтеров щедро потчевали рыбой — вареной и соленой, вяленой и жареной, так же щедро засыпали вопросами о родных, знакомых. Мало в деревне осталось жителей, большинство ушло в партизанские отряды, и редко они подавали о себе весточки. Не одна рыбачка в этот день утерла слезу. Но к вечеру развеселился народ. Начали перекликаться переборами гармошки. Девушки затянули лихие и «страдальные» песни. Долго бродили во тьме парочки, шептались, слушали, как вздыхает море, смотрели, как в нем вспыхивают золотистые искры...

Деревня спала. Спали партизаны. И ни один человек не знал, что к околице из Сучана подошел отряд американцев и японцев. Они шли всю ночь, шли без-

людными тропами, чтобы не обогнала их весть, раньше времени не прилетела в Ново-Литовку, не предупредила партизан. Майор Хэлридж и капитан Хосокава соблюдали величайшую осторожность. Солдатам запрещено было громко разговаривать. Команды отдавались шепотом. Нервы были натянуты в ожидании залпов из тумана.

Наконец деревня перед ними. Солдаты, скользя по мокрой траве и утопая по колено в болотной грязи, оцепили Ново-Литовку крепкой подковой, которая упиралась своими концами в берег. Партизаны оказались в ловушке. С трех сторон на них было направлено оружие, отступить было некуда, разве только в море, которое лежало за их спиной.

Майор Хэлридж, получив сообщение от Пецкого, решил сам руководить операцией. Из Шкотово на дрезине он прибыл в Сучан и отсюда повел сводный американо-японский отряд на Ново-Литовку. Хэлридж хотел к приезду Грэвса подготовить подарок и показать, что он действует энергично, исправляет даже ошибки и промахи тех, кто из Владивостока пропускает сообщений партизан с боеприпасами.

Сейчас, предвкушая победу, он с легким смешком обратился к капитану Хосокава:

— Сейчас потревожим сон большевиков. Выспятся на том свете.

— Хо-ро-со, — выразил свое согласие Хосокава.

Офицеры сидели на конях и слабо различали в тумане даже ближних солдат. Хосокава с некоторым беспокойством заметил:

— Туман! Как бы он нам не помешал!

— Не ругайте его! — возразил Хэлридж. — В тумане большевикам наши солдаты в сто раз страшнее. Ну, начнем. С богом, так сказать.

Хэлридж и Хосокава только собрались отдать приказы своим солдатам о штурме деревни, как неожиданно в тумане раздался тревожный окрик:

— Кто идет? Стой!

И тут же хлопнул выстрел, за ним второй. Это застава партизан заметила приближающихся врагов. Хэлридж выругался и крикнул:

— Вперед!

Он стегнул своего коня и исчез в тумане. Хосокава присоединился к своим солдатам.

Хэлридж, отъехав назад, соскочил с коня и лег на землю. Он не хотел рисковать. Стрельба в тумане всегда бестолкова, и от шальной пули нелегко уберечься. Он вытащил пистолет из кобуры, вслушиваясь в разгорающийся бой.

Тревога подняла на ноги все село. Полураздетые, но с оружием в руках партизаны выскакивали на улицу. Пузырьков направлял их к окраине деревни. Оттуда доносились крики атакующих и стрельба. В тумане трудно было определить численность неожиданно напавшего врага, но по силе огня Пузырьков понял, что наступающих больше раза в три-четыре, чем партизан. Пузырьков стоял у хаты, в которой ночевал. К нему подбежал один из командиров взводов:

— Что делать, Григорий Демьянович, со всех сторон подлуги жмут!

— А ты не знаешь, что делать? Бить! — Пузырьков схватил ручной пулемет, который стоял у двери хаты, и хотел присоединиться к командиру взвода, но тут же остановился. — Попова ко мне! Попова ко мне!

Пробегавшие по улице партизаны подхватили крик:

— Попова к командиру! Попова к командиру! Попова!..

Фамилия Попова звучала в тумане, как боевой клич. Перестрелка усилилась, становилась ожесточеннее. Рвались гранаты. На улице показались первые раненые. Мимо, шатаясь, опираясь о плетни и стены хат, медленно брел партизан. Он остановился и опустился на землю. Пузырьков нагнулся к нему, но тот уже был мертв.

Со стороны тайги подул ветерок, и серая масса тумана, озаряемая вспышками выстрелов, колыхнулась. По ней прошло какое-то движение. Пузырьков выпрямился и снова крикнул:

— Попов!

Стрельба приближалась к центру села. Пузырьков понял, что шахтеры отступают. Неожиданно появились запыхавшийся Попов и Филька.

— Звали? — Попов был без фуражки. На плече гимнастерку пропитала кровь.

— Задело? — тревожно спросил Пузырьков.

— Малость.

Где-то недалеко ухнуло несколько гранат и затокали пулеметы. Пузырьков и Попов посмотрели друг на друга и поняли: отряд был в безвыходном положении. По улице пробежало несколько партизан. Пузырьков кинулся им наперерез:

— Куда? Белякам хвост показывать?

Остановился один человек. Другие пробежали дальше.

— Их там тьма-тьмушая!

Это был молоденький паренек с испуганным лицом. В руке он сжимал винтовку с расщепленным пулей прикладом. Правая щека партизана была в крови, но он этого не замечал. Пузырьков взял из рук Попова исправную винтовку и протянул ее пареньку:

— Бей метко гадов!

Паренек неожиданно улыбнулся и побежал назад, навстречу доносившимся крикам и стрельбе.

Налетел новый порыв крепчавшего ветра, и туман неохотно бесформенными глыбами пополз назад в море, оставляя лоскуты на заборах и между ветвей деревьев.

— Беги к берегу, там еще свободно, — сказал Пузырьков Попову. — В шлюпку — и ходу. Шаланды встречай! Спасай динамит. Везите в Ромашкино или Петровку! Сам решай!

— Уходить? — воскликнул Попов. — Я с вами...

— Иди! — Пузырьков надвинулся на Попова, его лицо горело гневом. — Динамит надо спасти. Динамит. Понимаешь, Лазо ждет. Ну!

Миша встретил суровый взгляд и понял, что Пузырьков прав.

— Прощай, Григорий Демьянович. Динамит мы доставим. Филька, за мной!

Пузырьков посмотрел им вслед:

— Прощайте...

Попов и Филька выбежали на берег, где на песке лежали шлюпки. Туман над морем был еще густой и цеплялся за морщинки воды. Справа и слева по берегу, где-то совсем близко, трещали выстрелы. Пули рикошетили по воде. Попов осмотрелся. Шлюпки лежали вверх днищами.

— Поплывем отдельно, — сказал Миша. — Если догонят одного — другой уйдет. Плыви вдоль берега! Как увидишь три шаланды, то сразу к ним. Скажешь, что в Ново-Литовку нельзя! Понял, не спутаешь?

— Нет, — сказал Филька.

Они столкнули с берега в воду две шлюпки и прыгнули в них. Вложив весла между деревянными столбиками, заменявшими уключины, Попов развернул лодку и посмотрел на деревню. Берег еще был безлюден, но за поредевшей стеной тумана виднелись дома и можно было различить метавшихся на улице людей. Шум боя не утихал. Попов глубоко вздохнул, но этот вздох был больше похож на стон. Михаил видел, что в деревне шла последняя схватка. Каждый из партизан отбивался от десятка нападающих на него солдат.

Филька тем временем уже отплыл далеко. Он быстро работал веслами.

Михаил тоже налег на весла, и шлюпка пошла от берега, набирая скорость. Попов и Филька должны были вот-вот войти в полосу тумана и исчезнуть в нем, как на берег выбежало несколько американских и японских солдат.

— Черта лысого, — проворчал Попов.

Солдаты кинулись стаскивать в воду шлюпки. Попов быстрее заработал веслами.

— Филька, держись дальше от меня. В море встретимся!

До стены тумана было уже близко. Партизаны торопились войти в туман, и тогда они были бы в безопасности. Об этом догадался и появившийся на берегу офицер. Он приказал солдатам бросить шлюпки и открыть огонь по гребцам. Они, кто с колена, кто стоя, целились в партизан. Миша нагнулся как можно ниже. Фильку он уже не видел и с облегчением подумал, что тот скрылся в тумане. С берега защелкали выстрелы. Пули посвистывали, повизгивали около Попова, впились в шлюпку. Одна пуля ударила в весло и, пробив его, рикошетом пошла по воде. Михаил греб изо всех сил. Пот заливал ему глаза, и он уже не видел берега, с которого все трещали и трещали залпы. Шлюпка скользнула в туман. Попов почувствовал его прохладное и влажное прикосновение. Он смахнул ладонью пот со лба и распрямился на банке. На берегу

прозвучало еще несколько залпов, и затем все стихло. Несколько раз Попов крикнул:

— Маслаков! Маслаков!

Но Филька не откликнулся. «Уплыл, наверное, далеко», — подумал Миша и продолжал грести все дальше в море. Он не знал, что шальная пуля последнего залпа пашла в тумане Фильку и смертельно ужалила его.

Филька соскользнул с сиденья и почувствовал жжение в груди, ему трудно стало дышать, не хватало воздуха. Он невольно схватился за грудь, и его ладонь ощутила мокрую, горячую и липкую ткань рубашки.

— Кровь...

Он не почувствовал ни страха, ни отчаяния. Собрал силы, взобрался на банку и оглянулся. Лодка была в тумане. Сквозь белую пелену угадывалось солнце. Его тепло становилось сильнее. «Далеко до берега, — подумал Филька. Дышал он прерывисто, но не замечал этого. — Не догнали, а ранили. Но это ничего».

Он с трудом стащил с себя окровавленную рубашку и, свернув ее жгутом, перевязал рану. Это принесло некоторое облегчение, и Филька взялся за весла. Они казались очень тяжелыми, но он, преодолевая слабость, начал грести.

Весла бороздили воду, медленно вырывались из нее. Занести их далеко назад не хватало сил, и весла падали, обдавая Фильку брызгами. Это немного освежало его.

Шлюпка продолжала двигаться. Филька чувствовал, что быстро слабеет. Стали путаться мысли. То он спорил с Яшкой Байбородовым, то видел, как Лазо передает ему свои сапоги, то почему-то рядом с ним скакал рыжебородый, и его борода хлестала Фильку по лбу, и у него текли слезы из глаз. Но это были не слезы, а соленые брызги.

Руки не прекращали работать. Где-то в глубине сознания был отдан приказ грести и грести, и никакая сила, никто не имел права отменить этот приказ...

Туман рассеивался, и скоро море озарилось жарким солнцем. По сверкающей пустынной голубой глади залива Восток медленно ползла шлюпка. Гребец работал очень медленно. Между каждым взмахом весел все увеличивалось время. Иногда гребец ронял голову на грудь и сидел без движения, не выпуская весел из рук.

Потом он поднимал голову и, устремив невидящий взгляд на воду за кормой, с огромным напряжением делал взмах веслами. Шлюпка немного подавалась вперед...

Губы Маслакова пересохли. Его томила жажда, и он просил у Попова, у Байбородова, у Пузырькова, которые, как ему казалось, сидели рядом с ним:

— Воды... пить...

Они подносили ему полный ковш студеной, прозрачной воды. Она лилась через край. Филька тянулся к ковшу, и губы его были совсем рядом с водой, но припасть к ней он не мог, как и не мог взять ковш. Ему нельзя было выпускать весла из рук, и он со стоном откидывался назад и греб, греб...

...Выскочив из тумана, Попов не сразу обнаружил шлюпку Маслакова. Он успел довольно далеко уйти вперед, и бьющее в глаза солнце мешало Михаилу рассмотреть шлюпку на поблескивающей глади моря.

Только через полчаса Михаил увидел шлюпку и направился к Фильке. Михаил с удивлением заметил, что шлюпка Фильки как-то странно рыскает из стороны в сторону, а весла то зарываются в воду, то едва касаются ее, поднимая лишь брызги. «Что с ним? — подумал Миша. — Неужели ранен?» Попов сильнее заработал веслами. Расстояние быстро сокращалось. Миша снова оглянулся. Филька, обнаженный по пояс, с пропитавшейся кровью рубашкой на груди, полулежал на борту. Руки сжимали весла.

— Филья! Маслаков! — осипшим от страшного предчувствия голосом крикнул Миша. — Филья!

Маслаков не отозвался, даже не пошевелился. Миша прицалил к шлюпке. Филька был без сознания. Миша растерялся, не зная, что делать. Ничем он не мог помочь другу. Миша осторожно уложил его на дно шлюпки, смочил лоб забортной водой. Филька пошевелился, вздохнул. На его губах выступили кровавые пузырьки. Он застонал, потом открыл мутные глаза.

— Филья! Ты слышишь меня? Узнаешь?

Маслаков долго всматривался в наклонившееся над ним лицо.

— Кто ты? — наконец спросил он.

— Я Попов.

— Позовите... — прошептал Филька.

Он заметался, захрипел и вдруг заговорил, делая между словами долгие паузы:

— В Литовку... нельзя... японцы... отряд... ночью... динамит... другим путем... В Литовку нельзя... нельзя... американцы... Лазо ждет...

Филька замолк, облегченно вздохнул, вытянулся и затих.

Вот и не стало в этот день еще одного верного друга Миши.

Попов накрыл лицо Фильки своей рубашкой и взялся за весла. Солнце обжигало плечи, спину. Томила жара. Лопались на ладонях волдыри. Шлюпка шла вдоль берега с неутомимым гребцом, которым словно командовал лежавший у ног мертвый партизан.

Пузырьков все еще держался. С одиннадцатью бойцами он засел в сарае, в котором рыбаки артельно солили рыбу. Одиннадцать человек лежали у стен и сквозь щели отстреливались от врагов. Сарай стоял несколько на отлете, и это помогало партизанам. Они не подпускали к себе близко никого. Солдаты уже пытались несколько раз поджечь сарай. Гранаты, которые бросали японцы и американцы, рвались у стен, но ущерба не причиняли. Осколками поцарапало только двоих бойцов.

Пузырьков понимал, что это временная передышка и положение их безнадежное. С наступлением темноты придет конец. Григорий Демьянович с горечью думал о том, что он не выполнил приказа Лазо. Погиб весь отряд. Пузырьков не знал, удалось ли кому из партизан спастись. Удалось ли Попову и Маслакову встретить шаланды, предупредить товарищей об опасности?

— Снова белой тряпкой машут, — сказал боец, лежавший у щели и наблюдавший, что происходит за стенами сарая.

— Ага, машут, — подтвердил еще один боец.

Кто-то из партизан выстрелил.

— Промазал, — сказал боец, заметивший белый флаг. — Надо беречь патроны.

— Чего их беречь, и так мало! — с отчаянием произнес стрелявший, закрыл лицо и затрясся в беззвучном плаче.

Кен Дя коснулся его плеча:

— Не надо...

Эти простые, спокойно произнесенные слова вернули партизану самообладание.

— Правда, не надо. Чего это я буду перед ними ныть? Спасибо тебе, Кен Дя.

Кен Дя знал от Пузырькова, где Попов и Филька, и был рад за них. Сам он готовился дорого отдать свою жизнь и берег патроны.

В сарае было довольно светло. Солнечные лучи проникали в щели. Из деревни доносился шум. Там враг расправлялся с населением. Приближался полдень. Пузырьков оглядел мрачных, усталых, страдающих от жажды товарищей.

— Выход один — прорваться сквозь кольцо. Иначе нас поджарят. Надо пробиваться сейчас. Для них это будет неожиданно. Кто против?

Все молчали. Командир кивнул:

— Так шахтеры и должны — все вместе. Шесть человек пробиваются через огороды. Остальные со мной у мостка. Кен Дя, пойдешь со мной?

Кен Дя кивнул, поднявшись, потуже затянул пояс, проверил винтовку и гранату на поясе.

— Гранат у нас маловато! — сказал Пузырьков. — С ними проложится бы себе дорогу. Но и так обойдемся. — Григорий Демьянович старался выглядеть спокойным, чтобы придать больше уверенности бойцам. — Приготовились!

Все собрались у широких дверей сарая, закрытых сейчас на толстую металлическую задвижку.

— Приготовились! С гранатами вперед! Бежать быстро. Ну, товарищи! — В сарае стало очень тихо. Было слышно лишь дыхание шахтеров. Пузырьков отодвинул задвижку. — Вперед!

Это слово прозвучало, как выстрел. Ударом плеча Пузырьков распахнул двери и побежал к маленькому мостику, перекинутому через ручей на окраине деревни. Рядом с командиром бежал Кен Дя, а за ним еще трое шахтеров. Остальные бросились в другую сторону, к огородам. Неожиданное появление партизан вызвало у неприятеля замешательство, и враги не сразу открыли огонь. Пузырьков со своей группой уже подбегал к мостику, и вдруг откуда-то слева брызнула свирепая пуле-

метная струя. Двое упали. Споткнулся еще один. Григорий Демьянович понял, что бежать дальше нельзя — их всех срежет пулемет. Схватив Кен Дя за руку, он метнулся к ближнему дому. Остальные отстали и, воспользовавшись тем, что внимание врага было направлено на Кен Дя и Пузырькова, исчезли в саду. А к Пузырькову и Кен Дя со всех сторон бежали японцы и американцы. «Не стреляют, хотят взять нас живьем!» — подумал Пузырьков, смотря на приближавшихся солдат. Кен Дя бросил единственную гранату в набегавших солдат. Взрыв задержал их. Пузырьков увидел, что в соседней хате открылась дверь и бородастый крестьянин жестом позвал их. Партизаны метнулись через плетень и вскочили в сени. За ними бросились солдаты. Крестьянин успел набросить на петлю крючок, но дверь вздрогнула от ударов прикладов. Солдаты окружили хату и стали выламывать дверь. Крестьянин хотел ее подпереть лавкой, но дверь треснула, распахнулась, и солдаты с ревом вбежали в хату. Пузырьков успел дважды выстрелить в упор. Один из солдат упал, другой от боли закричал. Кен Дя выстрелил, но это был последний его выстрел.

Скрученных, избитых партизан и хозяина хаты выволокли во двор. К ним верхом подъехали Хэлридж и Хосокава. Вокруг толпились солдаты.

— О, настоящие партизаны, — криво улыбнулся Хэлридж. — Надо допросить... Займитесь этим, лейтенант Смит!..

Офицеры направились к хате, которая выглядела лучше других. Довольные победой над партизанами, они весело переговаривались и чувствовали себя превосходно. Их рассмешил испуганный вид молодой хозяйки, когда они вошли в дом.

— Принеси молока, — сказал Хэлридж.

Женщина бросилась в погреб и принесла коричневую запотевшую крынку. Хэлридж пил большими глотками, прикрыв глаза от удовольствия, потом с размаху поставил на стол пустую крынку и, отдуваясь, кончиком языка облизнул с губ молочные капли.

— Ну, а сейчас, капитан Хосокава, выпьем коньячку! — И Хэлридж поставил на стол бутылку.

Через полчаса в избу вошел лейтенант Смит.

— Вы допросили партизан?

— Да! — ответил Смит.

— Ну и результаты?

— Молчат.

— А вот у нас заговорят, — самодовольно усмехнулся Хэлридж. Он вышел на середину комнаты, с хрустом развернул плечи, так что коричневый френч обтянул его грудь. — Сразу же развяжут язык, а если нет, то...

— Чик-чик надо делать, — и Хосокава показал желтые зубы.

Офицеры вышли на крыльцо. Над деревней стояла напряженная тишина. Отрывисто переговариваясь, сновали американские и японские солдаты. В центре двора стояли привязанные к столбам Кен Дя, Пузырьков и крестьянин, позвавший их в свою хату.

Хэлридж не торопился. Он раскурил сигару и только после этого подошел к пленным. Глаза майора налились кровью, а зубы так стиснули сигару, что, казалось, вот-вот ее перекусят. Хэлридж посмотрел на крепко сложенного Кен Дя, который был привязан к среднему столбу. Узкие глаза корейца смотрели в упор и были полны такой ненависти и силы, что майор невольно отвел свой взгляд. Этот человек был сильнее его, хотя и привязан к столбу. Худой, с усталым лицом и выступавшими ключицами Пузырьков тем не менее не производил жалкого впечатления. Он, казалось, ничего не замечал и был погружен в свои думы. Крестьянин с медным крестиком на груди настороженно следил за каждым движением Хэлриджа.

«Трусит, — удовлетворенно подумал майор. — С этим возни будет мало. Начнем с него, другие сговорчивее станут...»

Хэлридж выплюнул сигару и подошел к крестьянину:

— Будешь говорить?

Во дворе стало тихо.

— Ну, говори! Когда привезут динамит? Скажешь или... — Хэлридж схватил крестьянина за бороду и ударил по голове пистолетом. Кровь обильной струйкой полилась по лицу. Крестьянин толкнул Хэлриджа ногой и, теряя сознание, произнес:

— Гад ползучий! Будь ты проклят...

Хэлридж вскрикнул от боли и злобы, поднял пистолет и дважды выстрелил в крестьянина.

Хэлридж вложил в кобуру пистолет.

— Теперь ваша очередь, — обратился он к японскому офицеру.

— Хорошо! Мы будем делать этому партизану немножко харакири, — ответил Хосокава и направился к Пузырькову. — Коворити будес? — Хосокава выхватил саблю.

— Чужеземные звери, сволочи! — выкрикнул Пузырьков и плюнул в лицо японцу.

Хосокава отскочил на два шага влево и в ярости полоснул Пузырькова саблей по животу.

Пузырьков медленно опустил голову и весь обмяк.

— Бандита! Хунхуза!.. — закричал потрясенный Кен Дя.

— Хо! Яцу! — Хосокава повернулся к Кен Дя, как на фехтовании, сделал выпад вперед, оскалил редкие зубы и с силой пронзил саблей грудь партизана.

Три шаланды, на носу и корме которых стояли пулеметы, спешили в Ново-Литовку. Перед вечером у мыса Подосенова они увидели одинокую шляпку, а в ней медленно, в каком-то забытии работающего гребца, обнаженного по пояс, с обожженной солнцем кожей. В нем узнали Мишу. Попов не мог говорить и оторвать рук от весел. Товарищи помогли ему разжать затекшие пальцы, растерли их, напоили его водой. Только тогда Миша с трудом заговорил, сообщил, что произошло в Ново-Литовке.

Тело Фильки Маслакова перенесли на шаланду. Его завернули в обрывок старого паруса. Все обнажили головы. Миша встал с большим трудом. Лицо Попова почернело. Глаза ввалились. Потрескавшиеся губы сочились кровью.

— Прощай, Филья! Ты был... — Миша не смог договорить.

Кто-то сказал несколько скупых и торжественных слов, и тело партизана Фильки Маслакова было опущено в темную воду, когда солнце зашло за сопки и первые сумерки трауром легли на море.

Шаланды с динамитом изменили курс и направились в сторону Петровки...

¹ Ах ты, тип! (Японское ругательство).

ОШИБКА МАЙОРА ХЭЛРИДЖА

Хэлридж метался по Сучанской железнодорожной ветке. Сам себе он признавался, что попал в глупейшее положение, и со страхом ждал приезда генерала Грэвса. Майор с большой помпой сообщил генералу о «ликвидации партизанского гнезда в деревне Царевке», о «смерти Дортсона в бою», о «разгроме крупного партизанского отряда в Ново-Литовке и ликвидации там базы снабжения партизан», о «регулярном движении поездов по железнодорожной ветке и возобновлении добычи угля на Сучане». Правдой было только сообщение об уничтожении отряда партизан в Ново-Литовке.

Забастовка на Сучане, по существу, продолжалась. Немного шахтеров спускалось в забой, и еще меньше шло угля на-гора. После зверских расправ и казни многих шахтеров на Сучане как будто стало тихо. Но это было затишье перед бурей.

Из Сучана действительно равномерно отправлялись составы с углем, но из старых запасов. И не все составы доходили до Владивостока, Хабаровска. Немало их пошло под откос. Все беспокойнее, тревожнее становилось на железнодорожной ветке. На многих участках рельсы оказывались разобранными, насыпи — развороченными.

Из-за укрытий, из-за кустов и деревьев, из оврагов сотни внимательных глаз следили за патрулями американцев и японцев, за часовыми на мостах, за шмыгающими по ветке дрезинами, за охраной станций. А когда разведчики интервентов пытались приблизиться к селам, их осыпали пулями невидимые воины зеленой тайги. Из нее же неожиданно злыми беспощадными пчелами летели пули, и редели посты на железной дороге. На воздух взлетали мосты, и гул одного взрыва перекликался с таким же взрывом где-то на следующем мосту. Партизанские отряды не выходили из сел, но от них к железной дороге пролегали сотни невидимых извилистых, надежно скрытых троп.

Партизанские отряды выполняли приказ № 22, подписанный командующим Сергеем Лазо.

Волнение и тревога проникали в части и гарнизоны

интервентов и белогвардейцев, осевших на дороге. Не проходило дня, чтобы не было подстрелено несколько солдат из охраны или же не разнесен в щепки мост, не порваны провода, не свалены под откос составы с углем. Черные россыпи росли вдоль полотна. Все это делали невидимые, неуловимые, внезапно появляющиеся и так же внезапно исчезающие в тайге люди с суровыми лицами, с глазами, полными отваги и ненависти. Иногда удавалось схватить одного-другого таежного воина, уничтожить его. Но ничего не менялось.

Хэлридж не находил себе места. Он не знал, что ему делать. Просить помощи он опасался. Как это воспримет генерал, которому он все время докладывал только об успехах, о том, что он «наводит порядок». К тому же майор знал, что все больше требуется войск на Уссурийскую дорогу, питающую фронт против наступающей Красной Армии. Верховный уполномоченный Российского правительства генерал Хорват в приказе № 156 панически сообщал: «Многие местности Уссурийского края охвачены большевистским восстанием... Большевиками употребляются все усилия к порче железнодорожного пути, взрыву мостов, перерыву железнодорожного телеграфа, дабы помешать действиям наших войск, а равно доставке из Владивостока необходимого военного снаряжения нашим армиям».

Партизанская тайга грозно надвигалась на узенькую полоску земли с железным хребтом рельсов, готовая вот-вот сжать врага в мочучем кулаке.

Почти каждый день уходили в разведку члены первого Коммунистического Союза партизанской молодежи. Место погибшего Кен Дя заняли другие. Цыганок рассказал товарищам о Лизе, и они решили принять ее в Союз, как только она придет в отряд. Цыганок все время порывался съездить за ней, но его удерживали. Да и Белан возражал пока против ухода Лизы. Она была хорошей разведчицей в доме Завадского. От нее он узнал о предполагающемся приезде генерала Грэвса, о всех поездках Хэлриджа, который по-прежнему пользовался комфортом в доме владельца рыбалки.

Ходила в разведку и Ольга. Она не могла довольствоваться только обучением неграмотных. Переодевшись

в крестьянское платье, она направлялась на станции и приносила ценные сведения. Когда потребовалось Лазо срочно послать в подпольный комитет Сучана письмо с просьбой прислать нескольких специалистов-подрывников, то это поручили Ольге. Девушка, узнав, что ей предстоит побывать на родном Сучане, волновалась. Волновался и Миша. Он очень боялся за любимую...

В первых проблесках рассвета Попов, Ольга, Яшка и Цыганок подъехали к деревушке Несвоевка. Она находилась недалеко от Сучана. В ней стояли японцы. Из деревни доносилось пение петухов. Ольга, в ситцевой кофточке и длинной сборчатой юбке, повязанная платочком, прыгнула с седла. Ее окружили товарищи. Она протянула им руку:

— До свидания...

Байбородов и разведчики отошли, оставив Ольгу и Мишу вдвоем. Попов крепко сжал руку девушки:

— До свидания, Оля, счастливого тебе пути. Скорее возвращайся. Береги себя, будь осторожна.

— Буду, Мишенька, буду, не беспокойся за меня.

Ее взгляд был устремлен на Мишу. Им не хотелось расставаться. Мишу не покидало тревожное предчувствие. Ольга, быстро поцеловав его в щеку, повернулась и зашагала к деревне.

Разведчики следили за Ольгой до тех пор, пока она не подошла к крайнему дому и не постучала в окно. Где-то спросонья залаяла собака и тут же смолкла. Партизаны сжимали в руках оружие, готовые ринуться на помощь Ольге, если ей будет угрожать опасность. Тишина в деревне казалась им подозрительной. Ольга еще раз постучала в окно. Отворилась дверь. Ольга вошла в дом. Партизаны еще несколько минут наблюдали за деревней.

— Все в порядке, — сказал Байбородов, и партизаны повернули назад.

Миша ехал молчаливый. Расставание с Ольгой вызвало грусть. Как-то там ей придется в Сучане?..

— Не вешай носа, Михаил. Все будет хорошо. Вернется Ольга. — Байбородов впервые заговорил с Мишей о девушке и очень просто, по-дружески спросил: — Любишь?

Миша кивнул. Байбородов подавил вздох и искренне сказал:

— Я рад за тебя, Михаил. Ольга хорошая девочка. Скорее свадьбу сыграйте! Знаешь, такую, тасжную, боевую. Пригласишь?

— Приглашу, — рассмеялся Попов, представив себе, как вооруженные партизаны сходятся на свадьбу. — И тебя, и всех, и Цыганка, чтобы он на своей гитаре сыграл и спел.

— Ай, нэ-нэ-нэ-нэ-нэ-нэ, — запел, передразнивая Харся, Байбородов, но у него вышло фальшиво, и он замолк.

После гибели Кен Дя и Фильки разведчики еще ни разу не брались за баян и гитару. Потеря товарищей была слишком тяжелой.

После полудня всадники осторожно пересекли дорогу, вырезали телефонный провод и оказались у Зменной сопки. Сопка, поросшая мелким лесом, нависала над дорогой, и с нее открывался широкий вид.

— Заберемся на Змеинку, посмотрим, что делается вокруг, — сказал Миша.

— Давай, — согласился Байбородов.

Рожья хлопья пены и храля, кони карабкались по крутому, в осыпях склону сопки. Редкие низкорослые деревца, изогнутые океанскими ветрами, царапали ветвями, вырывали клочья одежды.

Подковы звенели и высекали об острые камни оранжевые искры. Изредка из-под копыт срывался обломок и с грохотом катился вниз, увлекая за собой целую лавину мелких камней. Всадники пригнувшись к гривам коней, молчали. По их лицам катился пот. Июньское солнце, достигнув зенита, точно пыталось все сжечь. По высокому бледно-голубому, как будто выцветшему небу медленно, почти незаметно плыли редкие, легкие, как пушинки одуванчика, прозрачные облачка.

Миша сидел непринужденно, легко, держа в левой руке повод, а правой придерживая шашку в черных поношенных ножнах. Его старенькую гимнастерку перехватывали ремни шашки и винтовки, заброшенной за спину. На груди в потертом футляре висел бинокль. По загорелому, с широким лбом и узким подбородком лицу часто пробегала улыбка, а в карих глазах под черными бровями мелькали искорки. Он чувствовал себя сильным и счастливым. Из-под сдвинутой на затылок фуражки с бледно-зеленым козырьком и яркой звездоч-

кой выбивались густые черные блестящие волосы. Миша улыбался всякий раз, как слышал за собой тяжелые вздохи Яшки и его чертыханье. Хотя и давно находился в партизанском отряде сучанский забойщик, много провел времени в седле, но всадником все-таки был неважным. Подъем на сопку давался ему с трудом, и он уже поругивал себя за легкомысленное согласие на предложение Миши. По широкоскулому лицу Яшки катились крупные капли пота. Байбородов смахивал их широкой ладонью.

— И чего тебя, Мишка, понесло на эту верхотуру? Гадюк, что ли, поглядеть? Так они от жары все в болото подались, а тут сама сопка жалит. Эх...

Наконец партизаны достигли вершины сопки. На ней росло несколько елей. Миша легко прыгнул с седла и похлопал коня по крупу:

— Отдохни, дружок!

Партизаны закурили. Некоторое время они молчали, отдыхали и смотрели на расстилающуюся перед ними картину природы. Справа и слева тянулись сопки. Они походили на огромные зеленые волны океана, застывшие во время сильного шторма. Густая тайга казалась кипящей водой, которая вот-вот захлестнет Зменную сопку с ее чахлой растительностью. Вдали, за Уссурийским заливом, у самого горизонта узкой голубоватой полоской сверкало море. Разбитая дорога извилистой лентой бежала по самому берегу залива. Сейчас она была пустынной.

Раскаленный воздух звенел. Из тайги поднималась волна испарений, запахи разомлевшей от зноя зелени.

— Эх, хорошо! — Байбородов опрокинулся на спину и закрыл глаза.

Цыганок посмотрел на потягивающегося шахтера и поднялся с земли.

— Смотри, Миша, смотри! — вдруг воскликнул он, указывая в сторону дороги. — Машина!

Миша направил окуляры бинокля на дорогу. Из-за обрывистой стены сопки на дорогу выехал броневик. Серый, в рыжевато-зеленых извилистых полосах маскировки, он походил на неуклюжего жука, который медленно, как бы ощупывая дорогу, полз по ее желтовато-коричневой ленте.

— Беляки! — крикнул Миша, и от его крика, как ужаленный, вскочил Яшка.

Байбородов, жмурясь от яркого солнца, приставил ладонь козырьком ко лбу:

— Где?

Глаза Яшки не сразу разыскали броневику.

— Да вон, — указал Цыганок. — Один ползет. Возьмем?

— Возьмем, а, Яша? — Михаилу понравилось предложение Цыганка.

— Сам в руки лезет, — сплюнул Яшка и приказал: — По коням!

Он первым вскочил в седло. Надо было торопиться, успеть не только спуститься на дорогу раньше, чем броневику минует речушку, что течет мимо Змеиной сопки, но и придумать, как его захватить.

Всадники спустились с сопки и очутились в густых зарослях у дороги. Здесь они остановились.

Точного плана захвата броневика у Попова еще не было, но он уже кое-что придумал.

Миша заметил поваленное бурей многолетнее, уже успевшее обрасти мохом дерево.

— Видите? Вытащим его на дорогу.

Байбородов подошел к дереву, стукнул его сапогом:

— Крепкое.

— Такое нам и надо, — обрадовался Миша. — Поняли меня?

— Одним не утащить, — смерил Байбородов глазом ствол. — Тяжеловато.

— Вытащим лошаадьми, — сказал Попов.

У каждого на седле висел моток веревки, а у Цыганка — даже длинные кожаные вожжи. Для чего он их возил с собой, было такой же загадкой для товарищей, как и для самого Цыганка. Ему просто было жаль расстаться с добротной вещью. Через несколько минут лошади тащили на дорогу замшелый ствол лиственницы. С первого взгляда трудно было понять, случайно ли здесь она оказалась, или ее переложили умышленно. Можно было подумать, что какой-то крестьянин попытался вывезти ствол из леса, да уронил, а взвалить снова на телегу не хватило сил. Ствол почти перегораживал дорогу, а свободная для проезда полоса вела к обрывистому берегу.

— Там броневик не пройдет, — прикинул Миша.

— Гудит, — тронул его за рукав Цыганок. — Слышишь, гудит.

Партизаны прислушались. Рокот мотора нарастал. Миша еще раз посмотрел на дерево и скомандовал:

— В засаду! Приготовить оружие! Цыганок, дай по гранате мне и Якову.

Партизаны укрылись в придорожных зарослях, а лошадей поставили в глубине леса, чтобы в случае перестрелки они не пострадали. Гул мотора становился все слышнее. Партизаны молчали.

Броневик выполз из-за поворота. Теперь партизаны могли хорошо его рассмотреть. Высокий, с башней, из которой торчало дуло пулемета, броневик чуть замедлил ход. Очевидно, водитель рассматривал препятствие. Он провел броневик вдоль лиственницы к обрывистому берегу.

Экипаж, очевидно, опасался засады и решил пересечь речку, минуя брод. Машина осторожно двинулась вперед, неуклюже скатилась передними колесами с берега и сразу же погрузилась в воду. Мотор заглох.

— Есть! — воскликнул Яшка. — Теперь он наш!

Заметив намерение товарищей броситься к броневiku, Миша строго приказал:

— Спокойно! Быть на месте!

Медленно тянулось время. Из броневика никто не выходил. Там притихли. Партизаны выжидали. Сейчас главное — выдержка. Кто кого перехитрит. Преимущество было на стороне партизан. Они опасались одного: как бы на дороге не показался разъезд белогвардейцев. Наконец медленно приоткрылась передняя дверца и из нее осторожно выглянул водитель.

— Не трогать, — прошептал Миша, заметив, что Цыганок стал прицеливаться.

Тишина и спокойствие тайги обманули белых. Водитель вышел на дорогу, осмотрел погруженный в воду радиатор, что-то сказал сидящим в броневике, и из него выбрался подпоручик Емельянов и три американца — лейтенант, солдат и человек в штатском. Через плечо у него висел фотоаппарат.

«Емельянов! — Миша с трудом верил своим глазам. — Вот где мы встретились с тобой!»

— Болван! Куда смотрел, когда правил сюда? — кричал Емельянов. — Куда, я тебя спрашиваю?

Лицо у подпоручика было злое. Человек с фотоаппаратом присел на ствол обомшелого дерева, закурил и угостил лейтенанта.

— Вы приказали, ваше благородие, ехать здесь, — виновато оправдывался шофер. — А надо бы дерево в сторону стащить... Заглох мотор, водой захлебнулся.

— Ты у меня своим языком захлебнешься, — снова закричал Емельянов.

— Подпоручика и в штатском не трогать, — приказал Миша. — Возьмем их живьем. А по остальным — огоны!

Раздались выстрелы. Американский лейтенант качнулся, выронил папиросу и упал на дорогу лицом. Солдат согнулся, как будто собирался пуститься в пляс, и тут же повалился на бок. Шофер, взмахнув руками, упал спиной в речку. Партизаны бежали к броневнику.

— Руки вверх, сдавайтесь!

Американец с фотоаппаратом сразу же поднял руки. Емельянов упал на колени и, закрыв лицо руками, почему-то кричал:

— Не надо, не надо!

Партизаны отобрали у него оружие. Цыганок заглянул в броневик. Там никого не было. Миша скомандовал:

— Встать!

Емельянов затих, но все еще был на коленях. Байбородов схватил его за шиворот, встряхнул и поставил на ноги:

— Опустить руки! Смирно!

Подпоручик послушно вытянулся. Он был бледен и, видимо, от страха плохо соображал, что происходит. Он смотрел на Мишу вытаращенными глазами. Облизнул губы:

— Вы, Мишель?

— Могу представиться, — улыбнулся Миша. — Михаил Попов, адъютант Сергея Лазо.

— Что-о-о?.. — Емельянов затрясся: — Я... Я...

Он стал икать.

— Чей броневик? Куда ехали?

— Броневик генерала Смирнова. Едем в Сучан. — У Емельянова, кажется, прошел страх. Он словоохотли-

во стал рассказывать, явно стараясь задобрить партизан. — Американскому журналисту хотелось все увидеть своими глазами, дядюшка предоставил ему броневик. Мне поручили сопровождать корреспондента. Мишель, я надеюсь, что...

— Потом разберемся, подпоручик Емельянов. — И Миша обратился к товарищам: — Давайте вытащим броневик и загоним его в тайгу.

Емельянов не отставал:

— Мишель, мы же старые друзья...

— Ведите себя сдержанно, — сказал Попов. — Мы никогда не были друзьями.

Цыганок привел лошадей, и броневик был вытасен из реки. Затем лошади потащили этот странный экипаж в глубь тайги. Цыганок сидел в кабине рядом с подпоручиком и журналистом. Байбородов и Попов ехали на своих впряженных в броневик конях.

— Мишель! Вы меня не расстреляете? Я же помогал вам всегда!

«Трус», — подумал Миша и крикнул в открытую дверь броневика:

— Подпоручик, как вам не стыдно! Замолчите!

Партизаны въехали в село. К броневiku сбежались люди. Емельянова и американского журналиста повели в штаб.

— Молодцы, хвалю! — выслушав Мишу, сказал Сергей Георгиевич. — Броневик поставьте во дворе. Надо отыскать среди бойцов шофера. Броневик еще послужит нам службу. Ну, а теперь побеседуем с господином подпоручиком. — Лазо обернулся к Емельянову. — Я кое-что знаю о вас со слов моего адъютанта. Но не вы меня интересуете, а ваш дядюшка, вернее, то, что он собирается по приказу Грэвса предпринять. Попов, дайте подпоручику бумагу. Пусть напишет все, что знает.

— Меня расстреляют? — Лицо подпоручика дрогнуло.

— Если вы не совершили никаких преступлений против народа, — не тронем, но изолировать вас придется. Вообще запомните, подпоручик: мы не зверствуем, даже лютого врага без суда не расстреливаем.

Американский журналист с интересом наблюдал за происходящим. Его тщательно выбритое лицо с острым

подбородком порозовело. Первый испуг у него прошел, и им уже овладело профессиональное любопытство. Серые глаза пытливо смотрели на партизан. Американец особенно внимательно рассматривал Лазо. Он вызывал в нем удивление. Неужели этот молодой подвижный человек и есть тот самый знаменитый Лазо, о котором он так много слышал?

— Миша, переведите американцу мои последние слова и скажите ему, что он скоро будет освобожден, — сказал Лазо. — Держит себя в руках. Крепкие нервы.

Миша перевел слова Лазо.

— Я благодарю. — Гвин Вогтон, так назвался американец, убедившись, что он вне опасности, оживился. — Я хочу рассказать читателям своей газеты правду о том, что происходит в России и здесь, на Дальнем Востоке. О! Мой репортаж из партизанского плена будет сенсацией!

— В плен вы попали случайно, — сухо заметил Лазо. — И считайте, что вы у нас в гостях. Смотрите, беседуйте с людьми и постарайтесь рассказать вашим читателям правду о нас! Если, конечно, вам это разрешат!

— В Штатах — свобода печати, — гордо заявил Гвин Вогтон. — Мой репортаж прочтут тысячи американцев.

— Мы будем рады за вас. — Лазо подумал и спросил: — Вы напишете и о том, что тут делают американские войска?

— Конечно... — замялся журналист.

Лазо сдержанно усмехнулся:

— Желаю вам успеха.

Гвину Вогтону было разрешено свободно ходить по селу, фотографировать. Миша помогал ему как переводчик.

...Вечером, как обычно, Лазо и Попов отправились на речку купаться. Они саженьками пересекали неширокую ленту воды, ныряли, доставая со дна камни. Вечер был тихим, вода — теплой, лаковой, почти шелковой. И казалось, что во всем мире такая же тишина. Они выбрались на берег. Миша притих.

— Устал?

— Нет, не устал. Вечер какой-то особенный.

Миша обвел взглядом сопки, потемневшую тайгу,

что окружала деревню, темно-синее небо, в котором уже серебрилась луна.

— Да, в такие вечера только песни петь да гулять с девушкой, — задумчиво сказал Лазо, застегивая рубашку.

Они замолчали, каждый думал о своем.

Когда отошли от речки, Лазо спросил:

— Как твой подпоручик?

— Выпил две крынки молока, съел краюху хлеба и уснул, — засмеялся Миша. — Исписал десяток листов. Все, что знал и слышал... Видать, ваши слова, как бальзам, действовали на него.

— Бальзам, бальзам, — повторил Лазо. — Мы должны быть суровы и беспощадны к врагу, но не коварны и злобны. Злобствуют низкие души, люди, потерявшие всецело веру в правоту своего дела. А мы — народ, душа наша светлая. На нас смотрит весь мир, Миша.

...Хэлридж закончил свой доклад и достал из кармана френча белоснежный платок. Запахло крепкими духами. Хэлридж вытер на лбу пот. В салон-вагоне генерала Грэвса было жарко, душно. Утром Грэвс прибыл в Шкотово и сразу же вызвал к себе Хэлриджа. Во время доклада генерал не проронил ни слова. Сцепив руки за спиной, он медленно ходил по ковру, устилавшему салон, и слушал. Толстый ворс скрадывал шаги, и временами Хэлриджу казалось, что Грэвс плывет по воздуху, не касаясь ковра ногами.

Окна были наглухо закрыты. Генерал опасался, что разговоры в вагоне могут быть подслушаны. Он уже никому и ни в чем не верил. Среди американских солдат распространялись большевистские листовки на английском языке. Они появлялись даже в письмах, которые приходили из Штатов. Не было сомнений в том, что листовки распространяли владивостокские большевики через свою агентуру в американских воинских частях. Вероятно, эти же агенты помогли большевикам в краже вагона с боеприпасами, в воровстве динамита, в... Да стоит ли все вспоминать? Грэвс уже не верил в контрразведку, лично сменил всех американских военнослужащих во Владивостоке, подозреваемых в сочувствии

большевикам, и послал их в действующие части. Партизаны! Они, судя по докладу Хэлриджа, становятся все наглее, и американские и японские гарнизоны начинают походить на маленькие островки, осажденные большевиками. В этом Грэвс видел прежде всего угрозу для самого себя. Если партизаны окрепнут и одержат верх, то ему, Грэвсу, придется очень плохо. Тогда прощай карьера...

Грэвс остановился у стола и строго посмотрел на Хэлриджа:

— Итак, положение на Сучанской железнодорожной ветке очень неустойчивое, даже опасное. Гарнизоны малочисленны и не ведут операций против партизан, которые находятся у самой дороги. — Грэвс, в который уж раз, разглядывал фотографию, переданную ему Хэлриджем. На ней был снят убитый Дортсон. — Мы уже просили главу омского правительства адмирала Колчака заменить слабовольного генерала Хорвата более решительным и твердым человеком.

— Очень своевременно, — откликнулся Хэлридж.

— Но я не буду ждать, когда это произойдет, — продолжал генерал. — Гарнизон на Сучанской ветке будет пополнен новыми частями. Вы хорошо сделали, направив отряд генерала Смирнова на сучанские шахты. Не одни наши парни должны наводить здесь порядок. Действуйте, майор, действуйте, как найдете необходимым. — Грэвс сделал паузу, снова посмотрел на фото с мертвым Дортсоном. — А на террор ответим террором. За каждое свое выступление партизаны должны платить кровью. Русские — это все равно что наши негры.

— Вполне с вами согласен, — улыбнулся майор. — Прекрасное сравнение.

— Помните, майор, у нас в Штатах была поговорка: «Хороший индеец — мертвый индеец».

— О, как же! — воскликнул Хэлридж.

— Здесь, в России, в наш лексикон должна войти новая поговорка: «Хороший русский — мертвый русский».

— Великолепно, великолепно! — восторгался Хэлридж.

— За убитого японца — десять русских! За одного

американца — сто русских! — резко выкрикнул Грэвс, как бы диктуя приказ.

— Будет только так, — решительно сказал Хэлридж, довольный встречей с генералом. Напрасно он опасался. Генерал верит в него.

— Нашим парням пора поразмяться, — сказал Хэлридж, — а то они могут забыть, как заряжается винчестер.

— Совершенно верно! — Грэвс вернулся к столу и опустил в кресло. — Я очень огорчен гибелью Дортсона. Но она в какой-то степени поможет убедить всех в Штатах, что здесь нам предстоит вести очень тяжелую борьбу. Да, — вспомнил генерал, — спутник Дортсона, лейтенант Смэлл, просил принять его.

В глазах Хэлриджа мелькнуло беспокойство, и он шевельнулся. Грэвс это движение истолковал по-своему.

— Оставайтесь, майор. Вы не помешаете. Смэлл, очевидно, хочет рассказать о чем-то, связанном с гибелью бедняги Дортсона.

Он позвонил в колокольчик, и адъютант впустил в салон лейтенанта. Был он взволнован и, очевидно, очень плохо владел собой. Хэлридж удивился перемене в лице Смэлла. Оно постарело, в глазах застыло какое-то мучительное недоумение. Грэвс поторопил лейтенанта:

— Я слушаю, лейтенант!

— Я пришел сказать вам, генерал, что в деревнях происходит что-то ужасное, — заговорил Смэлл, чуть заикаясь. — Уничтожаются мирные люди, сжигаются дома невинных крестьян. — У Смэлла сорвался голос.

— Партизаны убили майора Дортсона, — напомнил Хэлридж.

Смэлл, казалось, его не слышал. Он, собравшись с силами, воскликнул:

— Я, генерал, больше не могу! Ради бога, генерал, отпустите меня в Штаты!

— Ценю ваше благородство. — Грэвс прошелся по кабинету. — Мы, американцы, против зверств, крови, садизма колчаковцев, японцев. Мы прилагаем все усилия, чтобы прекратить это варварство и жить с русским народом мирно. Такова наша миссия.

По сухим, бледным губам Хэлриджа пробежала насмешливая улыбка: генерал разыгрывал благородного рыцаря.

— Можете идти, — кивнул Грэвс лейтенанту.

Хэлридж шутливо сказал:

— Кажется, слабонервный лейтенант произвел на вас впечатление.

— О, нет, — улыбнулся Грэвс и вызвал адъютанта. — Подготовьте приказ: лейтенанта Смэлла — в распоряжение майора Хэлриджа.

Когда адъютант вышел, Хэлридж недоумевающе спросил:

— Что я с ним буду делать?

— Посылайте в самые горячие переделки. — Лицо у генерала стало жестким. — Пусть укрепляет свои нервы или же... — он выразительно посмотрел на майора. — Нам здесь не нужны впечатлительные солдаты.

Хэлридж понимающе нагнул голову.

Днем в Новороссию с передовой партизанской заставы под конвоем был доставлен американский сержант. Грязное в царапинах лицо улыбалось, а глаза искрились дружелюбием и неподдельной радостью. Миша находился в штабе, когда услышал доносившиеся с улицы голоса. Арестованного и его конвойного, деревенского парня, сопровождали любопытные мальчишки:

— Американца ведут, американца!

Миша выглянул в окно, но рассмотреть арестованного не смог. Пецкий, сидевший за пишущей машинкой, сказал:

— Наверное, разведчика поймали. Надо бы нам усилить заставы.

На его замечание никто не откликнулся. В штабе шла напряженная работа. Миша и очень немногие из командиров знали, что Лазо принял решение на рассвете нанести так долго готовившийся удар по вражеским гарнизонам на Сучанской ветке. Сейчас делались последние приготовления, но приказы о выступлении командиры отрядов получают за несколько часов до начала операции. В штаб вошел молодой деревенский парень:

— Поймали американца. Чудной он какой-то. Смотрим, по дороге бредет по сторонам глазищами рыскает. Ну, навалились на него, маленько помяли, а он все что-то свое лопочет, вроде свое удовольствие выражает, и все товарища Лазо вспоминает.

— Давай-ка его сюда, — сказал Сергей Георгиевич. Конвойный вышел и вернулся с американцем. Миша с карандашом в руке, которым он делал пометки на карте, бросился к арестованному:

— Кольн!

— Я, — американец широко улыбулся.

— Как вы оказались в тайге?

В штабе затихли. Партизаны смотрели на Кольна и Попова. Нечасто им доводилось видеть, чтобы работник штаба обнимал вражеского лазутчика.

— По приказу Грэвса усиленно укрепляются гарнизоны на железной дороге. Я стою на Кангаузе. Сегодня с Угольной прибывает эшелон американских войск.

— Спасибо, Кольн. Это мы предупредим, — сказал Лазо и приказал срочно вызвать Цыганка. — Какие еще новости принес наш друг?

— Девушка... Ольга... в плену на Кангаузе...

— Что-о?! — Миша оцепенел. Он не поверил Кольну. Слишком страшной для него была весть. — Что вы говорите?

— Видел, как сегодня в середине дня вели ее я еще какую-то женщину... — объяснил Кольн.

Миша перебил его:

— Как Ольга одета?

Американец описал. Сомнений не было: Кольн не ошибся, он видел Ольгу. Миша стоял несколько секунд ошеломленный, растерянный. Ольга в плену у американцев! Ей грозит опасность! Что делать? Миша быстро передал Лазо печальную весть, принесенную Кольном, и, не дожидаясь ответа, попросил:

— Разрешите мне с товарищами попытаться ее освободить.

— На станции Кангауз триста американских и японских солдат, — напомнил Лазо. — Что вы сможете против них сделать? Это неразумно. Надо подождать.

Миша знал, что Лазо прав, но он не мог допустить, чтобы Ольга была в опасности. В то же время он понимал, что его попытка бессмысленна. Миша подошел к окну. Тяжело было от сознания, что он не может немедленно спасти любимую. Он повернулся к Лазо и воскликнул:

— Броневики!

— Что? — Лазо непонимающе смотрел на возбужденного Попова. — Что — броневик?

— Да вот он, — Миша указал на машину во дворе. — На ней я поеду в Кангауз. Кольн шофер. Возьмем Емельянова. Переоденусь в американскую форму...

Лазо и остальные работники штаба поняли, о чем говорит Миша. Его план был рискован, но Сергей Георгиевич не мог отказать Попову.

— Поезжай! Я надеюсь на тебя, Михаил.

Через час броневик выехал из Новороссии. За рулем сидел Кольн. В броневике были Байбородов и еще двое партизан, одетых в форму колчаковских солдат. На Попове была форма капитана американских войск. Рядом с ним сидел Емельянов.

— Я все сделаю, Мишель, только спасите мне жизнь.

— Хорошо, — коротко бросил Попов.

Кольн на полной скорости вел броневик. На радиаторе развивался маленький американский флажок. Миша не отрывал глаз от узкой смотровой щели. Он видел, как дорога бежала навстречу машине. В броневике было жарко. От мотора шел тяжелый, вызывающий головную боль запах бензина.

Показалась станция. Миша предупредил товарищей, чтобы они остались в броневике у пулеметов, Кольн — у руля.

— Яков, выходи с нами! — Миша повернулся к Емельянову: — А вас я представляю американцам. Ведите себя спокойно. Яков, будь готов. Если подпоручик скажет хоть одно лишнее слово или вздумает нас выдать — стреляй!

— Я за его спиной буду стоять. Начнет брыкаться — пришью сразу.

У въезда на станцию путь преградили японские и американские солдаты. Кольн притормозил, приоткрыл дверцу:

— Адъютант генерала Смирнова к начальнику гарнизона. Не видите, что наша машина!

— Проезжай, — сказал кто-то из солдат.

Броневик помчался по улице. Товарищи молчали. Они смотрели в щели, замечали, где и какое укрепление. Вокруг было много японских и американских сол-

дат. Кольн подвел броневик к деревянному зданию станции:

— Здесь начальник гарнизона, лейтенант Боткин.

Броневик остановился у дверей станционного здания, и его сразу же окружили любопытные солдаты.

Миша, открывая дверцу, тихо сказал:

— Товарищи, действовать смело.

Он выпрыгнул из броневика и весело поздоровался с быстро вышедшим из здания станции высоким лейтенантом. Тот, увидев капитана, держался почтительно, как и полагается перед более старшим по чину офицером. Лейтенант был удивлен, что капитан молод. Удивляло и то, что у колчаковского подпоручика было какое-то испуганное лицо. Никто из штаба не предупредил лейтенанта о приходе броневика. А не пропавший ли это броневик с журналистом? У лейтенанта на языке вертелось множество вопросов, но он не смел первый спрашивать капитана, тем более, что тот даже не оставил для этого времени.

— Вы арестовали сегодня партизанскую лазутчицу? — Голос у Миши звенел, и, как он ни старался держаться свободно, было заметно, что он взволнован. — Где она? Вы должны передать ее адъютанту генерала Смирнова.

— Она из Сучана?

— Партизанка шла из Сучана, — продолжал Миша. — Ее надо вернуть туда, установить ее связь с подпольщиками.

— Ее уже здесь нет, — сказал лейтенант.

— Где же она? — закричал Миша.

Лейтенант торопливо оправдывался:

— Я сообщил о задержанной в Шкотово. Майор Хэлридж приказал доставить ее в Романовку, куда он выезжает.

— Мы догоним ее? — У Миши еще не исчезла надежда.

— Едва ли, — лейтенант взглянул на часы. — Я отправил ее на дрезине.

Миша едва владел собой.

— В броневик! — приказал он.

Емельянов умоляюще посмотрел на лейтенанта, но Яшка взял подпоручика под руку и так сжал ее, что офицер покорно полез в машину.

— Прошу, прошу, подпоручик.

— Поеду в Романовку, — сказал Попов и, небрежно простившись с лейтенантом, сел в машину, захлопнул дверцу. Кольи включил мотор, и броневик, обдав лейтенанта облаком едкого вонючего дыма, покати́л от станции. Боткин задумчиво смотрел ему всле́д. Что-то тут неладно. Только через несколько минут он понял, что его обманули, как последнего дурака. С окраины станции донеслась пулеметная стрельба и разрывы гранат.

Отъехав от станции, партизаны открыли огонь из пулеметов и, приоткрыв дверцу, швыряли гранаты. Это было так неожиданно, что броневик свободно выехал за пределы станции и на большой скорости помчался в тайгу. Вслед ему прозвучали запоздалые выстрелы.

Емельянов молчал и думал. Почему он не бросился к лейтенанту, не закричал, что это партизаны? Почему? Он посмотрел на Попова. Миша сидел с окаменевшим лицом.

— Мишель, ради чего вы так часто рискуете жизнью? — спросил Емельянов.

Попов повернул голову и долго, изучающе смотрел на него.

— Во имя чего? Во имя вот этой прекрасной тайги, во имя солнца и всего прекрасного на земле, во имя счастья простых людей, во имя нового мира! А вот за что вы воюете, подпоручик? Лично вы?

— Я... Лично я?

— Да, да. Может быть, хотите вернуть свои поместья? Не выйдет, не выйдет!

— Какие у меня поместья, Мишель... — Емельянов замолчал. — За что же я воюю? Ради жизни? Очень громкие слова... — Он мучительно пытался найти ответ на вопрос Попова — и не находил...

Броневик въехал в Новороссию. Емельянова повели под арест.

Лазо встретил Попова на квартире.

Выслушав Мишу, он не стал утешать его.

— Почему я согласился с Ольгой, почему не встретил ее у Сучана? — горевал Попов.

Из штаба пришел Пецкий:

— Сергей Георгиевич, командиры собрались! Вас ждут!

Они вышли из хаты на вечернюю улицу.

— Выручим Ольгу, выручим, не вешай головы, Михаил, — сказал Пецкий. — Через несколько часов она будет с нами!

Они вошли в штаб. Командиры при виде Лазо замолкли, загасили папиросы. Лазо был взволнован. Его волнение передалось и партизанам.

— Товарищи, наш час настал. Мы выступаем на рассвете! — Лазо жестом пригласил всех к карте, испещренной разноцветными пометками и стрелами. — Мы нанесем удары по станциям, чтобы надолго прекратить вывозку угля... На Сице пятьсот японцев, на Фанзе двести пятьдесят японцев и американцев, в Романовке двести американцев, в Ново-Нежино на полсотни больше, на Кангаузе триста японцев и американцев... К сожалению, мы не сможем нанести удар по самому Сучану — там больше тысячи интервентов и колчаковцев. Враг намного сильнее нас. Но на нашей стороне — внезапность нападения и правда нашего дела.

— Это сильное оружие, — подтвердил Глазурин. — И всегда непобедимое...

— Итак, готовьтесь, товарищи! Ударим на рассвете, — повторил Лазо.

Мысли Хэлриджа прервал стук в дверь. Вошел солдат-связист. Он принес телеграмму начальника станции Кангауз, который сообщил, что американским патрулем задержаны две подозрительные женщины, тайком переходившие железную дорогу. Хэлридж недовольно выпятил губу — он же приказал, чтобы всех подозрительных, оказавшихся у железной дороги, расстреливать. Нечего с русскими церемониться. Грэвс правильно сказал: «Хороший русский — мертвый русский». Майор уже придумывал резкий ответ лейтенанту Боткину, но следующая строчка телеграммы заставила его изменить решение. При обыске у женщин обнаружено письмо сучанских шахтеров к Лазо. О, это не только интересно, но и очень важно.

Майор продиктовал ответ лейтенанту Боткину. Задержанные женщины должны быть немедленно доставлены в Романовку, куда собирался выехать Хэлридж.

Оставшись один, майор прошелся по комнате, оста-

новился у окна и бросил взгляд на Шкотово. Поселок лежал в нежном золотистом свете утреннего солнца. В воздухе приятно пахло горьковатым дымком — хозяйки готовили завтрак. По улице пронеслась стайка детишек, что-то звонко крича. Они наткнулись на долговязого американского сержанта и бросились врассыпную. «Вот так и партизаны от нас должны бегать», — подумал Хэлридж. Ему понравилось сравнение, и мысли его вернулись к сообщению из Кангауза. Может быть, от этих женщин да и из письма удастся узнать что-то важное о связях партизан и шахтеров, об их планах. Хэлридж потер руки, улыбнулся и широко расправил плечи. Он чувствовал себя значительным и важным стратегом и мечтал уже о погонах полковника.

Глава пятнадцатая

ПЛАМЯ НАД СУЧАНОМ

Цыганок скакал в Шкотово. Он был полон гордости. Лазо лично дал ему задание и несколько раз предупредил, что оно очень важное и должно быть обязательно выполнено. Цыганок не жалел Шайтана. Он мчался по знакомым местам, но один. Рядом с ним не было Фильки. Цыганок, как и его товарищи, грустил о погибшем друге...

...Оставив Шайтана в знакомом распадке, Цыганок незаметно проскользнул мимо часовых, густой цепью окруживших поселок; по задам, прячась за заборами и плетнями, добрался до двора Завадского и сразу же увидел Лизу. По двору сновали люди. Харсь терпеливо ждал удобного момента. Лиза осталась одна. Он окликнул ее.

— Хорош, нечего сказать. Я жду, жду, чтобы с тобой уйти...

— Тс-с! — Харсь тревожно оглянулся. Слова Лизы могли привлечь внимание, но вокруг никого не было. — Белан дома?

— Зачем тебе? — удивилась Лиза.

— Надо! — рассердился Харсь. — Мне некогда болтать. Говори, Белан дома?

— А где ему быть? — пожала плечами Лиза. Она обиделась, что Марко так говорит с ней. А она-то его ждала! Но, видя, что Цыганок очень торопится, смягчилась. — Его выгнали с работы... Не знаю, как ты прошел. Часовые везде поставлены. Вас, партизан, американцы боятся!

Лиза забыла об обиде и залюбовалась смелым Цыганком. Он же прикидывал, как ему незаметнее дойти до домика стрелочника. Можно огородами, но на одного всегда больше внимания обращают. А если пойти с Лизой? Мало ли что, парень с дивчиной по задворкам бродят. Цыганок решительно взял Лизу за руку:

— Пошли.

— Да зачем тебе? — повторила Лиза, но Цыганок посмотрел на нее такими глазами, что она замолкла и покорно зашагала рядом с ним.

Они благополучно добрались до хибарки Белана. Стрелочник был во дворе. Он на самодельном верстаке сколачивал табуретку. Пахло свежим деревом. Тут же крутились ребятишки железнодорожника. Все уставились на Харся.

— С чем пожаловали? — приветливо спросил Белан, но глаза его были насторожены. Он посмотрел вдоль улицы, торопливо открыл калитку и увел их в глубь двора. — В чем дело?

— Лазо сказал... — начал Цыганок.

Белан остановил его:

— Лиза, поиграй с ребятней.

Лиза недовольно надула губы, но послушалась. Белан ввел Цыганка в чистенькую комнату и, не приглашая присесть, спросил:

— Что привез?

Цыганок достал из-под подкладки фуражки листок бумаги и передал Белану. Тот быстро пробежал записку.

— Понятно. Возвращайся назад, парень. Тут опасно. Американцы так и шныряют. Отчаянный ты, ежели засветло пробрался ко мне. Скажи Лазо, что все будет сделано.

Белан позвал в форточку Лизу. Она вошла. Цыганок хотел подождать ее, поговорить с девушкой, но стрелочник напомнил ему:

— Иди, иди. Еще свидитесь, а сейчас нет времени.

Цыганок и Лиза обменялись взглядами. Оба были расстроены. Цыганок все медлил уходить. Белан выпроводил его.

— А ты, Лиза, сейчас же на станцию.

— Зачем?

— Нет времени лясы точить, — рассердился Белан. — Илью с паровоза позови.

— Вот еще! — недовольно повела плечом Лиза. Ей совсем не хотелось встречаться с машинистом. Они частенько виделись у Белана, и парень стал обращать на Лизу слишком пристальное внимание.

— Сказано — и точка. Иди, — насупился Белан, но тут же мягче добавил: — Дело требует, доченька. Иди!

— Ладно уж. — Лиза вышла из хатенки на улицу и оглядела ее. Цыганка уже не было.

На станции у водокачки попыхивал паровоз. Около его колес ходил машинист с масленкой в руках. Лиза хотела подойти к нему, но вынуждена была отступить. Американский солдат в широкополой шляпе, ходивший по насыпи, молча вскинул карабин и с улыбкой прицелился в девушку. Она остановилась, закричала:

— Илья! Илья!

Машинист, занятый своим делом, не слышал. Это забавляло американца.

— Да господи, оглох он, что ли! — рассердилась Лиза на машиниста и, подобрав камешек, бросила его. Камешек звонко ударился о колесо рядом с машинистом. Илья, увидев девушку, широко улыбнулся, помахал рукой:

— Лиза!

Обтирая на ходу руки паклей, он подошел и тепло посмотрел на нее.

— Как хорошо, что ты пришла! — радостно сказал он, не сводя глаз с девушки.

— Не думай, что пришла поглядеть на тебя, — отрезала Лиза, хмуря брови и резко перекидывая на грудь большую русую косу. — Белан зовет, сейчас же.

Обычно Белан был осторожен, а тут прислал девушку. Значит, что-то серьезное.

— Да как же я уйду? — сказал Илья. — Мне запретили оставлять паровоз. Вот даже часового приставили. Что-то замышляют...

За спиной послышались шаги. К ним подходил американский солдат. Он беглым взглядом осмотрел стройную фигуру девушки, прищелкнул языком, подмигнул Илье. Лиза вспыхнула, увидев, что Илья тоже сообщнически подмигнул солдату.

— Ах, и ты такой же, как этот? — Она кивнула на американца и быстро зашагала от дороги.

Илья с досадой смотрел вслед Лизе. Как же ей объяснить, что он это сделал нарочно, для американца, которому так хотелось дать по морде. А солдат, проводив взглядом Лизу, хлопнул по спине Илью, осклабился:

— Вери гуд герл!

— Вери, вери! — закивал Илья, улыбаясь через силу, и, показав жестом, что Лиза рассердилась, сказал солдату: — Ай гоу май хаус уан клок.

Хотя все это Илья произнес со страшным искажением слов и ударений, но американец понял, что машинист просит отпустить его домой на один час. Он замотал головой:

— Ноу, ноу. — Потом, что-то сообразив, оглянулся и, убедившись, что поблизости нет офицера, быстро проговорил: — Уан бутль вотка!

— Иес, иес, — обрадованно закивал Илья. — Будет тебе водка. Целую бутылку принесу.

— О, бутыль, бутыль, — тоже обрадовался солдат и подтолкнул Илью в плечо.

Илья не заставил себя ждать. До домика Белана было несколько минут ходу.

— Молодец. Вовремя, — одобрительно встретил машиниста Белан. — Лиза говорила, что не отпускают тебя.

— Водка оказалась лучшим пропуском, — засмеялся Илья. — За бутылку на час отпущен.

— Времени в обрез. — Белан жестом пригласил Илью присесть. — Подарочек надо преподнести господам интервентам. Горячий подарочек!

— В чем дело?

— Лазо сообщил, что сегодня в ночь вы поведете состав с интервентами из Угольной в Шкотово или даже дальше. Этот состав не должен идти.

— Вот почему мне с паровоза не разрешали уходить, — понял Илья. — Приказали пар держать.

— Этот состав надо уничтожить, — сказал Белан. Он испытующе посмотрел на Илью.

— Хорошо! — кивнул Илья. Говорил он так, словно речь шла об обычном деле.

— У Зыбунных рудников высокая насыпь и крутой поворот, —ставлял Белан. — Разовьешь скорость. Весь состав должен быть под откосом. Взрывчатку сейчас возьмешь с собой.

— Как же? — растерялся Илья. — Меня обыскивают.

Белан, не отвечая, хитровато посмотрел на Илью и указал на открытую круглую корзинку, которую не заметил Илья. Корзина стояла на полу у стены. В ней лежали бутылка молока, калач, большая буханка хлеба, кусок масла в бумаге.

— Этой закуски вполне хватит!

Илья не понимал, о чем говорит Белан.

— В хлебе и масле взрывчатка. Хватит твой паровоз под откос сбросить.

— Ясно. — Илья отвел взгляд от корзинки.

Белан посмотрел машинисту в глаза:

— Не боишься? Хорошо. Трудное задание, но партия уверена, что справишься! Желаю успеха.

Они обменялись крепким рукопожатием, и Илья вышел из комнаты. На кухне вместе с женой Белана была Лиза. Она исподлобья посмотрела на Илью.

— Она с тобой пройдет, — сказал Белан, — корзинку понесет, так ловчее.

Прихватив бутылку водки, Илья и Лиза вышли на улицу. Он несколько раз пытался заговорить с ней. Она не отзывалась. Замолк и Илья. Они повернули на станцию. Около паровоза стояли трое солдат во главе с офицером.

— Прощай, Лиза, — сказал Илья. — Иди домой. Спасибо, что проводила.

Он протянул ей руку.

— До свиданья, Илья.

Лиза повернулась, чтобы уйти.

— Стопинг! — послышался крик американского офицера, и он подошел к ним.

Илья загородил Лизу:

— Это моя невеста и...

Он впервые произнес слово «невеста» и почувствовал себя как-то сильнее, увереннее.

— Очень хорошо... невеста... поедет вместе с нами, — сказал офицер на ломаном русском языке.

Он добавил еще что-то по-английски. Солдаты грубо захохотали. Илья пытался возражать, но был вынужден отступить.

Интервенты опасались каждого человека. «Машинист что-нибудь да знает, — думал американец, — и мог сказать девушке. Отпускать нельзя...»

Лиза оказалась на паровозе Ильи. Офицер бросил взгляд на корзинку, но ее содержимое не вызвало у него интереса.

Вместе с Лизой и Ильей в будку поднялись офицер и двое солдат. Кочегар и помощник машиниста ни о чем не спросили Илью и даже как будто не удивились появлению девушки. Они продолжали болтать о пустяках.

— Тро-огай, — приказал офицер, когда стемнело.

Набирая скорость, паровоз покинул станцию и около полуночи прибыл на Угольную. На запасном пути уже стоял состав из двадцати вагонов, в каждом — солдаты. На двух платформах под брезентом стояли пушки. Охрана зорко следила за тем, как рабочие прицепляли паровоз, как вдоль состава прошли двое железнодорожников, постукивая молоточками по колесам.

Илья и Лиза молчали. Только кочегар, шуруя в топке, как бы между прочим ворчал сквозь зубы:

— Дивчину-то зачем взяли, идолы? Вот стукну сейчас этого офицерику по башке ломом.

— Спокойно, Петр, — тихо ответил Илья. — Дело поважнее есть. Будь начеку.

Ему удалось обменяться несколькими фразами со своим помощником. Илья был в смятении. С того момента как американский офицер приказал Лизе подняться на паровоз, он с напряжением думал, искал выхода. Как же ему выполнить задание? Присутствие Лизы все осложнило. План, который у него возник, казался простым и легко выполнимым. На подходе к Зыбунным рудникам он прикажет забросить в кочегарку вместе с углем взрывчатку, помощник машиниста столкнет стоящего в дверях американца, и они все на ходу выпрыгивают. Состав проносится мимо — и... грянет

взрыв! Теперь же этот план не годился. Илья не мог рисковать жизнью девушки. Он посмотрел на нее. Она была спокойна, только глаза тревожно блеснули. Она думала о том же: как выполнить задание Лазо, о котором ей сказал Белан, когда уговаривал проводить Илью до паровоза? Она посмотрела на корзинку, стоявшую на угле. Илья перехватил ее взгляд и вернулся к своему плану. «Схвачу Лизу и с ней выпрыгну», — решил он, и стало легче. Он посмотрел на американцев. Офицер стоял у окна. Илья сказал кочегару тихо:

— Американцев высадим у Зыбунных. Шуруй, чтобы горячее было.

Кочегар понимающе подмигнул.

Офицер подозрительно посмотрел на них:

— О чем говорить есть?

— О деле. — Илья посмотрел в топку и сказал кочегару: — Еще подкинь угольку!

— Очень хорошо, — одобрил офицер, по-своему поняв старательность Ильи. — Очень скор... Квикли ехать надо! Вери квикли!

— Скоро, скоро поедет, с ветерком, — усмехнулся Илья. Он вспомнил о бутылке водки, которая лежала в кармане его куртки. Илья достал бутылку, нарезал калач и сел, пригласив помощника и кочегара. — По маленькой перед дорогой!

— Что ты, Илья? — ужаснулась Лиза, но тут же успокоилась, увидев, как ей улыбнулся машинист.

Солдаты, увидев водку, что-то сказали своему офицеру. Тот подошел к Илье, взял из рук бутылку:

— Вам нельзя. Работать надо. Им можно.

Бутылку он передал солдатам. Илья не протестовал. Он передал американцам кружку и хлеб. Вместе с солдатами несколько глотков выпил и офицер. Этим воспользовался Илья, он быстро шепнул товарищам о своем плане.

— Понятно!

Помощник машиниста и кочегар взяли за лопаты и с нарочитым старанием стали подгрести уголь. Помощник машиниста прыгнул к колесам и занялся смазкой.

Дали сигнал к отправлению. Бутылка в руках солдата была уже пуста. Илья взялся за реверс, и паровоз двинулся с места. Мимо замелькали огоньки. На сты-

ках рельсов застучали колеса. Кочегар то и дело открывал дверцу топки, чтобы подкинуть уголька, тогда в лицо Лизы ударял жар и все вокруг окрашивалось в пурпурный цвет.

Солдаты стояли в дверях. Офицер дремал на сиденье у окна. Водка и тепло разморили его. Все молчали. Паровоз мчался, выбрасывая во мрак шлейф искр из трубы и разрывая ночную тишину пронзительными гудками. Пролетала верста за верстой. Эшелон нигде не останавливался. Шли «зеленой улицей».

Илья нервничал. Закурив, он посмотрел на девушку. Она подошла к нему и молча сжала его руку, точно успокаивая. Этот жест как бы придал ему силы и решимости. Теперь Илья знал, что сделает все так, как было задумано. Кочегар старался всю. Пламя в топке бушевало, ревело. Пол в будке ходил ходуном. Неумолимо стучали на стыках колеса. Гудели мосты и тут же оказывались где-то позади. Надвигались Зыбунные рудники.

— Дай мне попить, — попросила Лиза.

Илья нацедил ей из крана воды. Принимая кружку, она быстро, горячо и требовательно прошептала:

— Чего же ты медлишь? Смелее, Илюша. Бей офицера. А мы с солдатами справимся...

— Молчать! Говорить нельзя! — крикнул один из солдат. Проснулся офицер и приказал Лизе:

— Место сидеть!

Американцы насторожились. Илья едва сдерживался. Он чувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— Иди, Лизонька, садись...

Она послушно села. Офицер закурил и снова прикрыл глаза. Стали подремывать и солдаты. Илья обменялся взглядом с товарищами. Кочегар стоял, облокотившись на лопату. Илья достал гаечный ключ и искоса взглянул на американца, который стоял справа от него. Кочегар весь напрягся. Лиза тоже не сводила с Ильи глаз. Она побледнела от волнения. Это было заметно даже в неверном желтом свете, освещавшем будку.

Офицер вдруг поднял голову и выхватил из кобуры кольт.

— Положить это! — Он указал на ключ в руках Ильи. Американец притворялся, что дремлет.

«Сорвется!» — мелькнула мысль у Ильи.

— Бей гадов! — не выдержав, крикнул он и с размаху опустил тяжелый гаечный ключ на голову офицера. Тот упал. Петр ударом лопаты столкнул солдата из будки. Он исчез в темноте. Послышался протяжный крик и тут же потонул в грохоте поезда. Второй солдат в упор выстрелил в помощника машиниста и схватился с Ильей. Илья успел перехватить руку солдата. Офицер, который был оглушен, пришел в себя и выстрелил в Илью. Пуля, пробив ключицу, с визгом срикошетила о пол. Илья быстро терял силы. Офицер вскочил на ноги и намеревался снова выстрелить. Лиза кинулась на него и выбила из рук кольт. Офицер сильным ударом в лицо сбил Лизу с ног и навалился на Илью. Паровоз мчался, разбрасывая снопы искр. В будке шла неравная борьба. Илья слабел.

— Лиза... Лиза... в топку! — с трудом крикнул он. Лиза поднялась. Лицо ее было залито кровью. Собрав все силы, она распахнула топку, швырнула в кроваво режущее пламя корзинку и, откинувшись к стенке будки, широко раскрытыми глазами смотрела в огонь. Корзинка вспыхнула, и вдруг яркий свет ударил в глаза. Лизе показалось, что она близко-близко видит солнце и вместе с Цыганком летит к нему навстречу... Огромный взрыв потряс ночь...

...Хэлридж разразился проклятьем, отшвырнул листок бумаги и забегал по комнате. Лицо его подергивалось. Молоденький лейтенант, недавно прибывший из штаба Грэвса, с испугом следил за взбешенным майором.

Было из-за чего метаться Хэлриджу. Только что дежурный принял телеграмму о взрыве эшелона и разбудил майора. Хэлридж был вне себя. На какое-то мгновение он почувствовал свое бессилие, и оно вызвало новый приступ бешенства, а с ним и злобу, ненависть к этой стране, к ее жителям и особенно к тем, кто находился вокруг. Все здесь против него, но он не отступит, он будет беспощаден. Дорого обойдется русским крушение эшелона.

— Расстреляйте всех арестованных! — крикнул в бешенстве Хэлридж.

— Среди арестованных есть случайно попавшие лю-

ди, — осторожно заметил лейтенант и тут же испугался своей смелости, увидев недобро уставленные на него глаза Хэлриджа.

— Не забывайте, лейтенант! Это же русские, все равно, кто они. Приведите партизан, задержанных на Кангаузе!

Наступал рассвет. Нервы у Хэлриджа были напряжены до предела. Он подошел к раскрытому окну. Солнце еще не поднялось, но уже было светло. На небе быстро блекли и исчезали звезды. С востока по небосклону разливалась нежно-золотистая заря. Хэлридж, упершись руками в подоконник, вдыхал еще влажный, хранящий ночную прохладу воздух.

Мимо под конвоем прошли две женщины. Одна была пожилая, в темном платье и мужском потрепанном пиджаке. Она испуганно озиралась. Другая — молодая, статная, с привлекательным лицом. Она шла с поднятой головой, погруженная в какую-то думу, словно не замечая, что происходит вокруг.

Хэлриджу понравилась девушка. Она привлекала красотой и той природной гордостью, которая особенно заметна в молодости и проявляется бессознательно.

Хэлридж начал одеваться. Он сам будет допрашивать женщин, и они во всем признаются, иначе пожалеют, что встретились с ним. Хэлридж вспомнил содержание записки, которая была найдена у девушки. Кто-то сообщил Лазо, чтобы он ожидал новых гостей с подарками. А каких, с какими подарками? Ясно: это шифровка. Сейчас она будет разгадана. Затянув ремень, Хэлридж одернул френч и направился в соседнюю комнату.

...С момента ареста Ольга думала об одном и том же, вернее, вспоминала, как это произошло. Благополучно пробравшись на Сучан, она выполнила поручение Лазо. К нему были посланы подрывники-шахтеры. Ольга отправилась в обратный путь. Вместе с ней пошла и жена одного из шахтеров, находящегося в отряде. Они миновали несколько застав врага. Их документы не вызвали подозрений. Женщины прошли уже почти половину пути. Им оставалось пересечь железнодорожную ветку. Ольга знала, что на дороге документы проверяются строже, и поэтому решила перебраться через нее незаметно для охраны. Притаившись в густой чаще не-

далеко от станции Кангауз, Ольга долго наблюдала за полотном, дважды пропустила мимо патруль американских и японских солдат и только тогда, убежденная, что вблизи никого нет, поторопила попутчицу:

— Скорее, бегом!

Они выскочили из своей засады, но, как только оказались на рельсах, услышали крик:

— Эй, русс... Стой!

— Беги, не останавливайся, — крикнула Ольга спутнице, но та от испуга запнулась о рельсы и упала. Ольга вернулась и помогла ей подняться.

— Уходи, Ольга, уходи!

Было уже поздно. К ним бежало четверо солдат, и здесь Ольга совершила ошибку. Она выхватила из кармана маленький браунинг — подарок Михаила, но выстрелить не успела. Ее схватили солдаты, отобрали оружие и обыскали. Не найдя ничего, доставили женщину на станцию Кангауз. Здесь их еще раз тщательно обыскали и в кромке головного платка Ольги обнаружили зашитую записку.

На вопросы Ольга не отвечала. Тогда ее начали избивать. Жена шахтера закричала:

— Не бейте ее! Я все скажу. Мы из Сучана идем в партизанский отряд. Вот и все, что я знаю. А Ольга Силина уже была в отряде.

— Молчи, молчи, — едва пересиливая боль, просила Ольга.

«Как глупо мы попались», — думала Ольга. Она не винила свою попутчицу, как и не упрекала ее за то, что та рассказала врагам все, что знала о ней. Ольга только мягко, с укором сказала:

— Зачем ты перед ними унижалась? Зачем?

— Я не могла видеть, как они тебя били, — всхлипнула женщина, и в ее глазах был страх.

Ольга ничего не сказала ей, но подумала, что эта женщина напрасно старалась стать партизанкой.

Ольгу и жену шахтера доставили в Романовку и втолкнули в большой склад. Дверь с грохотом захлопнулась. Женщин обступила темнота, в которой слышалось беспокойное дыхание людей. Чувствовалось, что здесь томится не один человек. Кто-то протяжно охнул и застонал. Послышался успокаивающий дружеский голос:

— Постони, товарищ. Перед своими не стыдно. И легче станет. Перед врагом стонать стыдно, он для того тебя и уродовал.

Потом чиркнула спичка и затлепа рубиновым огоньком сигарка. Поплыл в темноте приятный дымок. Люди зашевелились, но никто не просил даже одной затяжки. Единственная папироска нужна была раненым, измученным допросами и пытками.

Жена шахтера прижалась к Ольге:

— Боюсь я.

— Чего же? Здесь все свои, — шепотом ответила Ольга.

Прошла ночь. На рассвете Ольга прислушалась. Где-то за стеной склада далеко проголосил петух. В темноте кто-то вздохнул:

— Утро уже...

— Что-то оно принесет?.. — с тоской откликнулся другой.

Снова заскрипела дверь, и в этом ржавом скрипе Ольге слышалось что-то зловещее.

— Силина и Корнилова — выходи!

Их привели в здание станции. Спутницу Ольги оставили под присмотром солдата в коридоре, а Ольгу ввели в комнату. Вошел Хэлридж. Он внимательно осмотрел девушку и встретил ее твердый взгляд. «Упрямая дикарка, — подумал майор. Он поиграл хлыстом, который был в его руках, согнул его дугой и затем похлопал по ладони. — Я выбью из нее все это русское упрямство». Он указал хлыстом на стол:

— Где взяла это?

Ольга перевела взгляд и увидела на столе свой браунинг.

— Нашла на дороге.

— Очень хорошо! — Хэлридж, постукивая хлыстом по ладони, подошел к Ольге и неожиданно наотмашь ударил ее по лицу. От боли и обиды у нее потемнело в глазах и выступили слезы. Хэлридж спросил по-прежнему спокойно: — Зачем говоришь неправду? Это есть ложь... Надо...

Залп винтовочных выстрелов прервал Хэлриджа. Он раздался где-то в стороне от станционного здания. За первым залпом последовал второй, третий. Началась ожесточенная перестрелка.

Хэлридж и лейтенант переглянулись. Выстрелы приближались. Хэлридж, выхватив из кобуры пистолет, подскочил к окну и увидел, как со стороны палаточного лагеря бежали солдаты.

— Партизаны!

И словно в ответ донеслось раскатистое:

— Ур-р-а-а!

Хэлридж бросился на улицу, за ним последовал лейтенант. Ольга, оставшись одна, схватила со стола браунинг и, прижавшись к стене, выглянула на улицу. По ней бежали в панике американцы, многие без оружия. Солдаты уже были не в силах перебороть страх. Он гнал их в лес. Там было спокойнее, там проходила дорога в Шкотово.

Ольга не знала, что делать...

...В тот момент, когда Ольгу повели на допрос к Хэлриджу, Лазо подвел партизан к Романовке. Осторожно, бесшумно, ползком они добрались до железно-дорожного полотна, залегли на склоне сопки, у палатки американцев. Романовка еще спала, и только петухи сообщали о начале нового дня. При каждом их крике нервно подергивал плечами часовой у палатки. Он медленно ходил, шаркая подошвами по земле, и боролся с дремотой.

Лазо, Миша Попов и Байбородов лежали рядом. В Романовке было тихо и спокойно. Лазо взглянул на часы, поднял маузер и выстрелил в часового. Часовой упал как подрубленный. Лазо поднялся во весь рост:

— Вперед! Ур-р-а-а!

— Ура-а-а! — подхватили партизаны.

Выстрел Лазо был условным сигналом. Утреннюю тишину разорвали винтовочные залпы. Из палаток в одном белье выбегали американские солдаты. Они падали от метких пуль партизан, залпы которых перешли в непрерывную стрельбу.

Хэлридж, увидев, как у палаток солдаты сдаются в плен, выругался и остановился. Около него сгрудилось человек десять перепуганных солдат. Партизаны показались с другой стороны станции. Перестрелка утихла.

— В дом! — крикнул Хэлридж сопровождавшему его лейтенанту. Тот с ручным пулеметом в руках устремился к ближайшему дому. За ним последовали солдаты, а Хэлридж бросился за здание станции и юркнул

в кусты. Он проделал это так быстро, что никто не заметил его исчезновения.

Партизаны, обрадованные быстрой победой, шумно шли по единственной улице села. К ним выбегали крестьяне. Ольга бросилась из комнаты на улицу, с ней бежала и жена шахтера. У них от радости текли слезы. «Свои! Свои!» Из широко раскрытых дверей склада выходили арестованные, несли обессиленных товарищей. Радостные возгласы, улыбки, смех были вокруг Ольги, и вдруг все исчезло. Совсем рядом заговорил пулемет. К его злорадному таканью присоединились выстрелы винчестеров.

Вбежав в дом, лейтенант пинками выгнал женщину с двумя детьми и старуху, выбил окно и первый открыл стрельбу. Пулемет рассеял толпу на дороге. Несколько партизан и жителей села упали, двое пытались подняться. Лейтенант провел по ним свинцовой струей, и они затихли.

— Окружить дом и уничтожить! — приказал Лазо.

Партизаны начали обходить дом, но не могли приблизиться к нему. Американцы заняли круговую оборону. Патронов у них было много, и они не жалели их.

— Так его не возьмешь, — пробурчал Ерофеич, который был около Лазо. — Пушку бы, тогда дело другое. А так он нас надалеке держать будет.

Слова старика заставили Лазо призадуматься.

— Может, штурмом? — спросил Миша.

— Людей много положишь, — возразил ему Ерофеич. — Американцы того не стоят.

— Разрешите я доберусь и уничтожу гранатой!

Лазо посмотрел на Попова и кивнул головой в знак согласия.

Огородом, скрываясь в борозде, Миша пополз к дому, из окон которого американцы вели бешеный огонь. Они заметили Попова, и пули стали впиваться в землю рядом. Миша полз, закусив губы. За ним следили десятки глаз. Партизаны пытались отвлечь внимание американцев от Попова, но те стреляли только по нему. Они знали, что он сейчас опаснее всех. Они видели в его руке гранаты.

«Доберусь, доберусь», — шептал Миша. Он так тесно прижимался к земле, что ободрал кожу на локтях и подбородке. Вдруг перед его лицом в землю ударила

очередь, и пыль запорошила глаза. Миша зажмурился, чувствуя, как из глаз идут слезы. «Все пропало, ослеп», — мелькнула мысль.

Миша не видел, как Ерофеич неуклюжими скачками пересек опасное пространство и упал за большое, выдолбленное из дерева корыто. Прежде чем американцы успели выстрелить в него, Ерофеич, прицелившись из своего огромного пистолета, бахнул по окну. Огромный густой заряд дроби привел американцев в замешательство. Они на мгновение прекратили огонь. Миша приподнял голову. Из глаз все еще бежали слезы, но он уже видел. Миша стал заносить назад руку с гранатой. Из окна раздалась короткая пулеметная очередь. Но били не по Мише. Ерофеич выронил из рук свой пистолет и, поднявшись на ноги, тут же упал. Миша метнул гранату в окно. Раздался взрыв. Стрельба оборвалась. Из окна повалил дым. Дверь распахнулась, и из избы выбежали два американца с поднятыми руками. Следом за ними полз лейтенант, но на пороге упал и затих. Партизаны окружили Мишу:

— Молодец, адъютант!

Миша почувствовал на плече руку Лазо:

— Ранен?

— Нет, это я подбородок о землю стер.

Он повернулся и увидел Ольгу. Она шла к нему. Миша рванулся навстречу девушке:

— Оля! Оля!

...Село наполнилось дикующими голосами. Все были на улице. Неожиданно где-то в сопках раздался взрыв, за ним второй, третий... Могучее эхо шло по тайге. Все затихли. У Лазо радостно заблестели глаза.

— Взорваны на перевалах подъемные машины, — громко сказал он. — Не получают теперь Колчак и интервенты сучанский уголек.

— Ура-а-а! — кричали партизаны и жители Романовки.

Лазо приказал привести к нему журналиста. С ним он подошел к пленным.

— Идите к своим и скажите, что попытка разбойничать на русской земле очень дорого обходится. Пусть запомнят на всю жизнь и завещают детям и внукам, что самое невыгодное дело на свете — это ссориться и воевать с русскими!

Миша перевел слова Лазо.

Американские солдаты торопливо кивали:

— Иес, нес...

— Вы правы, — согласился Вогтон.

— Вы тоже, господин Вогтон, возвращайтесь вместе с солдатами, — сказал Лазо.

Американцы, оглядываясь, уходили по дороге в сторону Шкоттово. Убедившись, что никто не собирается стрелять им в спину, они ускорили шаг, а некоторые пустились бежать. Партизаны весело хохотали.

Лазо вошел с членами штаба в станционное здание. Здесь у телефонного аппарата сидел перепуганный телеграфист. Его под пистолетом держал матрос, перепоясанный пудметными лентами.

— Достал из-под крыльца. Забился туда в испуге.

Аппарат работал. Ползла лента с точками и тире. Дрожащим голосом телеграфист читал:

— «...Красными взята станция Ново-Нежино... выбиты из Кангауза... Подъемники взорваны на станции Сица... на станции Фанза...»

План Лазо по разгрому интервентов на Сучанской дороге удался полностью. Партизаны разрушали пути, взрывали мосты, вывозили в тайгу трофеи.

Лазо с командирами направился к вагонам. Они стояли пустые, с широко раскрытыми дверями. На лошадях были навьючены тюки с шинелями, гимнастерками, обувью, ящиками с патронами.

— Ишь, добра сколь, — заметил кто-то из партизан.

Внимание Лазо привлекла группа молодых партизан, которые приближались к нему. Впереди шел Яшка Байбородов. В вытянутых руках он держал маузер в деревянном футляре. Яшка волновался, его лицо было красным. Подталкиваемый товарищами и неожиданно для себя робея, он наконец выговорил:

— Товарищ Лазо, вот возьмите в память о сегодняшнем дне. Мы уверены, что вы, товарищ Лазо, не дадите этому маузеру заржаветь и немало положите из него врагов нашей жизни... — Байбородов замолк, забыв заранее приготовленную речь, и, тряхнув головой, решительно протянул оружие Лазо: — Берите!

Ольга, Миша, Цыганок с нетерпением ждали, когда Лазо возьмет оружие. Он принял протянутый маузер. На лакированной поверхности футляра химическим ка-

рандашом было старательно выведено: «Командиру Сергею Лазо от Коммунистического Союза Молодежи партизан».

Пецкий вышел из Новороссии вместе со всеми партизанами, но принимать участие в нападении на американский гарнизон Романовки он не собирался. У Пецкого был свой план, и он выжидал удобного момента, чтобы незаметно отстать от отряда. Это сделать было нетрудно. Партизаны двигались по тайге. Колонна растянулась, и Пецкий через час вернулся в Новороссию. После ухода партизан село погрузилось в предутренний сон. Пецкий, никем не замеченный, подошел к сараю, в котором под охраной находился подпоручик Емельянов. С момента появления Емельянова в Новороссии Пецкий избегал встречи с ним. Он не надеялся на подпоручика, на его выдержку и опасался, что тот может выдать.

У сарая дремал часовой — пожилой партизан. Легко раненный в ногу, он был оставлен Глазуриным в деревне. Шаги Пецкого разбудили его. Часовой строго спросил:

— Стой! Кто идет?

Пецкий назвал себя:

— Лазо приказал пленного срочно доставить к нему. Глазурин просил передать его приказ, чтобы ты вместе со мной сопровождал колчаковца.

У часового не возникло ни малейшего подозрения. Пецкий был работником штаба. Почему ему не верить? Часовой снял запор и отворил дверь:

— Эй, беляк, выходи!

Емельянов молчал.

— Выходи, — рассердился часовой и переступил порог, чтобы силой вывести офицера. — Сказано выходи, и точка.

Пецкий шагнул за часовым и, выхватив из ножен острую финку, с силой всадил ее в спину партизана. Шахтер охнул и упал. Емельянов испуганно проговорил:

— Что-о там?..

— Спокойно, господин подпоручик, — тихо произнес Пецкий. — Я ваш друг и хочу вам помочь спастись. Выходите быстрее, пока никого нет.

Пецкий нагнулся над шахтером и, убедившись, что

тот мертв, вынул нож и тщательно обтер его. Емельянов все еще не выходил из своего угла.

— Не будьте тряпкой, подпоручик, — нетерпеливо сказал Пецкий. — Идите за мной!

Емельянов покинул свой угол и, переступив тело шахтера, вышел из сарая следом за Пецким. Тот повернул к нему лицо:

— Узнаете меня? — И напомним: — Мы с вами встречались у генерала Грэвса.

— Вы?! — воскликнул Емельянов.

— Тише, — приказал Пецкий, тревожно оглянувшись. Схватив Емельянова за руку, он увлек его за сарай. — Я для вас коня приготовил.

Пецкий и Емельянов исчезли в темноте.

На следующий день генерал Грэвс, генерал Отани¹ и генерал Хорват отдали приказ своим войскам начать наступление на Сучанскую долину и уничтожить партизанскую армию Лазо.

Почти девять тысяч американских, японских и белогвардейских солдат с артиллерией двинулось против партизан. Высадился на побережье большой японский десант и захватил Владимиро-Александровское, Унаши, Перетино, Новицкое. Появился десант в Тетюхе. Двинулись американские и японские войска из Шкотово. Партизаны были вынуждены отступать в тайгу. По следам отряда сучанцев, в котором был Лазо, шел отряд генерала Смирнова.

Глава шестнадцатая

«МЫ ВСЕГДА БУДЕМ ЖИТЬ»

Никогда еще таежное село Хмельницкое не было таким шумным и многолюдным, как в этот июльский вечер. Отряд Глазурина только что вошел в него. У колодцев мылись холодной водой усталые партизаны.

¹ Генерал Отани — командующий японскими войсками на Дальнем Востоке.

Ржали кони. Во всех хатах в печках гудел огонь. Надо было накормить голодных бойцов, приготовить им припасы на дорогу. Где-то совсем рядом были белогвардейцы, японцы, американцы. Беда, как огромная черная туча, надвигалась все на новые и новые деревни.

Лазо сидел в школе, где расположился штаб отряда, и, прикрыв глаза рукой, слушал донесения разведчиков. Яшка Байбородов вернулся из-под Казанки. Желто-серое от пыли и усталости лицо его было гневным.

— В Казанке шоколадники сожгли школу и квартиру учителя, а самого учителя повесили. Жену с дочкой в огонь бросили...

Яшка выругался длинно и яростно. Лазо отнял руку от глаз и строго посмотрел на Байбородова:

— Ругань — позор для человека, а для партизана в особенности.

— Какой же шахтер без ругани? — попытался защититься Яшка.

— Докладывай дальше.

— У Моисея Колесникова, который на своей телеге перевозил наших, убили корову и перестреляли всю птицу. Сам Моисей бежал в тайгу, а семья его порешена начисто, будь они... — Яшка удержался. — У меня все.

— Кто был в Бровничах?

— Цыганок, — сообщил Байбородов. — Там беляки с японцами сады порубали, порезали скот, пасеки разорили. Японцы в церкви коней своих поставили.

— Кто из жителей пострадал?

— Из каждой хаты по одному-два человека в расход пущены... В Серебрянке, слышно...

Лазо прервал Байбородова:

— Довольно. Иди отдыхай.

Разведчик вышел. В комнате, где находились командиры и Попов, было тихо. Все ждали, что скажет Сергей Георгиевич. Он тяжело поднялся с табуретки, подошел к столу с картой:

— Ну, что скажешь, Михаил?

— Смирнов обязательно двинется из Бровничей на Хмельницкую вот этой дорогой, — сказал Попов и указал на тонкую коричневую извилистую линию. — Дорога идет по самому берегу Сучана.

— Ты хорошо осмотрел ее? — Лазо следил за пальцами адъютанта.

— Да, — кивнул Михаил. — Место удобное для за-
сады. Ущелье очень узкое, называется Шеки.

— А мы называем его Дарданеллами, — вставил Глазурин. — Попов правильно приглядел. Если там за-
сечь, то ни один беляк не проскочит. Сверху все как
на ладони видно.

— Других, боковых дорог, в обход, нет? — спросил
Глазурина Пецкий.

— Эта дорога единственная, а вокруг — глухая тай-
га. — Глазурин полез за кисетом.

В комнате снова стало тихо.

— Так и сделаем, — наконец сказал Лазо. — Смир-
нову надо дать бой, заставить его или отступить, или
остановиться, чтобы нам выиграть время. Мы должны
увести наши отряды в тайгу, сохранить их боеспособ-
ность... — Лазо остановился. — Ну, об этом позднее.
В полночь уходим из Хмельницкой и занимаем ущелье.
Здесь, в селе, на всякий случай оставляем заслон, чтобы
нам американцы в тыл с Сучана не ударили. Все дер-
жать в строгом секрете. Начальником заслона назначаю
вас, товарищ Пецкий.

— Хорошо. — Пецкий нагнул голову, чтобы не вы-
дать своей радости.

Пецкий считал, что ему начало везти. Освободив
Емельянова и проводив его до Шкотово, он, не вызвав
никакого подозрения, вернулся в отряд как раз в тот
самый момент, когда все внимание партизан было сосре-
доточено на доме, в котором засели американцы. С под-
поручиком Пецкий передал и список крестьян, которые
помогали партизанам. Учитель из Казанки, крестьянин
из Бровничей — одни из многих, включенных в этот
список...

После совещания в штабе Михаил вышел на улицу.
Уже начинало темнеть. Недалеко от штаба на старых
бревнах около ограды сидели его товарищи. Усталые,
измученные многоверстными переходами, они негромко
переговаривались. Ольга подперла голову руками. У
Цыганка был отсутствующий взгляд. Миша знал,
что Цыганок все думает о Лизе. Ее гибель потрясла
Цыганка, и он сильно изменился, стал молчалив, за-
думчив.

— Чего приуныли? — спросил Михаил, подходя к
товарищам.

— С такой житухи по-волчьи скоро выть будем, — ответил Яшка.

— Споем, что ли? — Михаилу хотелось поднять настроение товарищей.

— Неохота, — помотал головой Яшка. — В горло песня нынче не пройдет.

— Это мы сейчас проверим.

Михаил повернул к школе, за гармошкой. Когда он вошел в опустевшую комнату, его нагнала Ольга:

— Ты действительно хочешь играть?

— Конечно. — Миша видел, как изменилась, похудела Ольга. Он подошел к гармошке, которая стояла на подоконнике, но не успел взять ее. На плечо легла рука Ольги:

— Миша...

Он обернулся к ней и обнял девушку. Она прижалась к нему:

— Ох, Миша, как тяжело у меня на сердце. Боюсь я за тебя, за товарищей. Почему вы не берете меня с собой в разъезды?

— Ты ловко перевязки делаешь. — Миша осторожно гладил темные волосы Ольги. — А за нас не тревожься...

— Мне все кажется, что вот-вот тебя ранят или... — На глазах у нее появились слезы. — Избавь божь...

— Ну уж комсомолке нельзя хныкать, — засмеялся Миша и уже серьезно добавил: — Меня, нас убить нельзя. Пуля врага может остановить наши сердца, Оля, но жить мы будем всегда, даже когда нас не будет на земле.

— Да где же ты, Михаил? — раздался крик Яшки Байбородова. — Обещал гармошку — давай!

Ольга и Михаил пошли к товарищам. Присев рядом с Цыганком, который был все в той же позе, Михаил растянул меха гармошки.

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне...

К Мише присоединилась Ольга, затем Яшка. Вокруг стали собираться партизаны и жители деревни. Спев о далекой африканской стране, Миша весело начал партизанскую частушку.

Эх, и милый мой хорош,
В партизаны коль пойдешь,
Но еще ты будешь лучше,
Коль японцев расшибешь.

Частушку подхватили другие, и над деревней понеслись повеселевшие голоса. Они смолкли лишь перед полночью, когда Лазо отдал приказ выступать.

...Рассвет застал партизан в ущелье. Высокие, обрывистые каменные стены выглядели хмуρο и казались крепостями. Кое-где росли в расщелинах деревца, зеленела пучками трава. В ущелье стоял гул. Река стремительно бежала между скал, шумела, пенилась вокруг выступавших из воды мокрых острых камней, веером разбрасывала брызги. Узкая дорога из Бровничей шла над рекой, прижимаясь к отвесным скалам.

— Удобное место, — оценил Сергей Георгиевич и посмотрел на противоположный, правый берег. Там тайга подступала к самой воде и скалам, делая берег неприступным. Над всем возвышался Чертов утес. С него открывался широкий вид и просматривались все подступы к ущелью.

— Как войдут беляки в Дарданеллы, так и захлопнем их с двух сторон. Окажутся, как крысы в клетке, — сказал Глазурин. — Только бы не провели, что мы тут.

Лазо посмотрел, как расположились партизаны, и остался доволен. Более удобного места для засады нельзя было представить. Бойцы как бы находились в каменных блиндажах над дорогой. На нее были направлены пулеметы. Партизаны, устроившись, отдыхали под ласковым утренним солнцем. Бодрствовали дозорные и выставленные по дороге заставы. Около полудня с передовой заставы партизаны привели нескольких колчаковцев. Впереди шел кряжистый солдат с оборванным погоном и скрученными за спиной руками.

— Карпенко! — узнал его Глазурин. — Пришел?

— Пришел, — отозвался колчаковец. — Не мог раньше, как слово давал. Брательник упрямялся, да офицерье посматривало в два глаза.

— Брат-то с тобой?

— Здесь. — Карпенко головой показал на одного из солдат, стоявших за его спиной. — Невмоготу и ему стало. Наш генерал Смирнов да офицеры совсем озве-

рели. Живых людей в огонь приказывают бросать. Скотину бить...

Глазурин объяснил Лазо и Попову, кто такой Карпенко.

— Не долго твоему генералу лютовать, — сказал кто-то из партизан. — Сегодня мы его в этих скалах зажмем.

— Не зажмете, — возразил Карпенко. — Он знает, что вы его тут поджидаете.

— Знает? — удивился Лазо.

— Эге, — кивнул Карпенко. — Утром генерал собрался сюда в ущелье пойти, да какой-то из Хмельницкой прискакал — доложил, что вы тут хоронитесь. Ну и повели нас в обход, чтобы это, значит, вас в окружение взять и Фроловку тоже. Там, сказывают, штаб партизан. Мы вот в тайге поотстали и к вам двинули...

Через несколько минут Михаил Попов и Яшка Байбородов скакали во Фроловку. Лазо приказал им передать в штаб сообщение о наступающих по тайге белогвардейцах, а также о том, что он с партизанами через Мельники уходит в дальнее село Сергеевку. На обратном пути Михаил и Яшка должны были заехать в село Хмельницкое, снять партизанский заслон и вместе с ним догонять отряд.

Никто не знал, что Пеский предупредил Смирнова о засаде партизан. Около Хмельницкой колчаковцы соединились с подошедшими американцами и вошли в село. Бойцы партизанского заслона были перебиты. Никому не удалось спастись. Об этом не знали Попов и Байбородов. Они, уже побывав во Фроловке и передав сообщение Лазо, подъезжали к Хмельницкой.

Кони осторожно ступали по узкой, едва приметной тропе. Она извилистой змейкой сбегала по крутому склону. Партизаны молчали. По их лицам скользила рябоватая сеть теней. Высокие, сомкнувшиеся густыми кронами деревья скупно пропускали солнечный свет. Он сочился между листьями тонкими золотистыми столбиками. Уйдя в свои невеселые думы, Миша и Байбородов не замечали красоты тайги, не слышали веселого, жизнерадостного пересвиста птиц.

«Опять отступление, — с горечью думал Миша, вспоминая Забайкалье. — Там тоже после больших успехов пришлось не только отступать, но и разойтись по домам.

Забайкальский фронт был ликвидирован. Неужели и здесь будет так же?»

Михаил вздохнул. «Я, кажется, начинаю паниковать, — подумал он. — Лазо не отдаст приказа партизанам возвращаться в свои села, прятать оружие. Сергей Георгиевич сохранит в глубине тайги партизанскую армию и, выждав момент, вновь ударит по врагу. Это будет последний и решающий бой».

К Михаилу вернулись спокойствие и уверенность. Он окликнул Байбородова:

— Ты что голову повесил, Яков?

— Какая это сволочь о нашей засаде в Шеках пронюхала и белякам донесла? Я бы ее задушил!

Партизаны выехали на дорогу, по которой на рассвете ушли в тайгу. Михаил скользнул глазами по широкой белесой, выгоревшей под солнцем пыльной ленте дороги, поросшей кое-где травой, словно искал следы происшедших здесь событий. Но дорога лежала равнодушная, точно уснувшая, одним концом уткнувшись в поскотину, за которой была деревня, а другим шмыгнув между хлебных полей в тайгу, к сопкам.

Поскотина приближалась, и около нее никого не было. Попов с огорчением и досадой подумал: «Вот и начала падать дисциплина. Как пагубно действует на людей отступление. Да и Пецкий хорош. Какая преступная беспечность».

Всадники были уже у поскотины. Около нее стоял старый овин с провалившейся крышей. У стены беспокойно кудахтала курица. Она созывала маленьких, шустро бегающих цыплят.

«Чего-то испугалась, — подумал Миша о курице и поднял голову. — А, вот кого!»

В вышине, распластав крылья, парил коршун. Яшка перехватил взгляд Михаила.

— Кто с первого патрона щелкнет стервятника? Спорим?

— Нет, — отказался Михаил, хотя его так и подмывало сбить коршуна. — Переполох в деревне поднимем.

Они подъехали к воротам, придерживали лошадей. Из Хмельницкой доносились голоса людей, конское ржанье, но никого не было видно, так как дорога за поскотиной круто поворачивала за густо разросшийся сад, прежде чем лечь широкой главной улицей села.

Яшка спрыгнул с коня, открыл ворота, махнул руко — Давай!

Михаил проехал вперед. Дожидаясь, пока Яшка закроет ворота и сядет на коня, Попов ощутил какое-то смутное беспокойство, но не придал ему значения и снова принялся следить за коршуном, который, сужая круги, опускался над овином. Яшка подошел к Белоухому, похлопал его по шее:

— Сейчас отдохнешь, дружок.

В этот момент Михаилу показалось, что в овине как будто шепчутся люди. Он насторожился. Звякнуло железо, потом раздался сухой короткий шелчок, словно кто-то осторожно взвел затвор. «Что это: мне показалось или там действительно кто-то прячется?» — подумал он и повернулся к Яшке.

— В овине, кажется, кто-то есть.

— Мыши, — беззаботно ответил Байбородов и легко взлетел в седло. — А может...

Что сказал дальше шахтер, Миша не расслышал. Из овина выбежали колчаковские солдаты. Сверкнуло на солнце оружие.

— Слазь, — убью! — крикнул офицер, потрясая револьвером.

— Засада! — с болью вырвалось у Байбородова. — Назад, Миша!

Он на месте рывком повернул коня, и Белоухий взвился на дыбы. Михаил дал шпоры своему коню и выхватил пистолет из кобуры, но прицелиться не успел. Колчаковский офицер предупредил его. Он выстрелил в Михаила. Пуля злым шмелем взвизгнула у самого лица Попова. Грянул залп из винтовок. Михаил не понял, что произошло. Земля рванулась из-под его коня, а голубое небо с парившим коршуном стремительно метнулось куда-то в сторону. От сильного удара в голову Михаил вскрикнул, и его накрыл непроницаемый мрак. Он лежал на земле с целовко подвернутой левой ногой, придавленной наповал убитым конем. Падая, Михаил ударился головой о булыжник и выронил пистолет.

Яшка Байбородов, не успев снять винтовку, взмахнул руками, выпустил поводья и широко открыл рот, точно хотел что-то крикнуть, но вместо слов хлынула кровь. Белоухий грудью ударил в ворота. От толчка Яшка соскользнул с седла и упал на горячую землю,

широко раскинув руки, как будто приготовился взлететь в бледно-голубую знойную высь, куда были устремлены его открытые, но уже ничего не видящие неподвижные глаза.

— Ваше благородие, этот живой, — подбежал к офицеру солдат, топтавшийся около Попова.

Попов все еще был без сознания.

— Обыскать! — приказал офицер.

С Михаила сняли полевую сумку, обшарили карманы, но, кроме носового платка, расчески и перочинного ножа, ничего не нашли. Офицер, прислонив к бедру эфес шашки, быстро перелистал бумаги, сунул их назад в сумку и носком сапога пнул Михаила в плечо.

Попов открыл глаза и в первое мгновение не мог понять, что с ним произошло и почему он откуда-то снизу смотрит в склонившиеся над ним чужие лица, которые он еще не мог хорошо различить из-за серой пелены, стоявшей перед глазами. Да и голоса людей доносились как-то приглушенно.

— Очухался, — сказал офицер. — Вставай!

Михаил глубоко вздохнул. Сознание его окончательно прояснилось. «Плен! Попал в плен», — обожгла мысль. Правая рука сжалась, но не ощутила на ладони рукоятки пистолета. Он рванулся. Сильная боль в левой ноге жаром отдалась во всем теле. Миша застонал.

— Поднять! — крикнул офицер.

Попова грубо схватили и подняли с земли. Голова еще кружилась, но мысли были ясные и бежали стремительно. «Попал к колчаковцам. Все. Теперь от них не уйти. А почему белые в Хмельницкой? Тут же должен быть Пецкий с бойцами. Наверное, отступили, чтобы не принимать бой в деревне. А где же Яшка?» Страх за товарища охватил его, и он оглянулся, но вокруг тесно стояли колчаковцы. «Может, успел уйти, — подумал он. — Белоухий у него резвый».

— Своего дружка ищешь? — спросил офицер. — Можем устроить свидание.

Офицер подал знак, и солдаты расступились. Михаил увидел своего убитого коня.

— Ты смотри вот туда, — сказал офицер.

Взгляд Михаила упал на мертвое тело товарища. Миша прикрыл глаза и прошептал:

— Прощай, Яшка. Прощай, верный друг.

— Ну, пошли, — сказал офицер и толкнул Попова в спину.

Миша посмотрел вперед. Перед ним лежала знакомая улица, полная чужих людей. Солдаты — колчаковские, японские, американские — бродили по селу, сидели на завалинках, с любопытством разглядывая его, что-то кричали конвою. У плетней, в проулках стояли повозки с пулеметами, развьюченные лошади.

«Плена для партизан нет, — вспомнил Миша слова Лазо. — Для него есть лишь победа или смерть».

Михаил шагал твердо, глаза его смотрели прямо и смело. Обезоруженный, без фуражки, испачканный в пыли, он все же не походил на побежденного.

— Гармониста ведут, гармониста! — неожиданно раздался звонкий детский голосок. У калитки одной из хат стояла босоногая девушка лет восьми в грязном платье. — Гармонист, гармонист!

Но никто на ее крик не вышел из хаты. Только в глубине двора старик, возившийся около сарая, обернулся, приставил ладонь козырьком к глазам, посмотрел на Мишу, покачал головой и тут же отвернулся. Попов только сейчас обратил внимание на то, что на улице почти не видно жителей села.

— А как звать гармониста? Иди сюда! — крикнул один из конвоиров.

— Во! — Девочка неожиданно высунула длинный узкий язычок и так быстро отвернулась, что косичка, в которую была вплетена синенькая ленточка, с размаху хлестнула ее по щеке. Девочка моментально исчезла за воротами.

У здания школы, где расположился штаб, толпились солдаты. При виде офицера они вытянулись.

— Кто в штабе? — спросил офицер.

— Штабс-капитан Езерский, ваше благородие.

Михаила ввели в ту самую комнату, в которой он был накануне. Воспоминания нахлынули на него, но он не задержался ни на одном, отогнал их. Сейчас нужно было собрать все силы, как никогда, быть внимательным. «Поздно, очень поздно об этом думать, — промелькнула у него горькая мысль. — Почему я не говорил себе этого, когда мы с Яшей подъезжали к селу?.. Яша, Яша! Нет его, нет». Миша глубоко вздохнул и осмотрел комнату. В ней мало что изменилось. Только

широко раскинув руки, как будто приготовился взлететь в бледно-голубую знойную высь, куда были устремлены его открытые, но уже ничего не видящие неподвижные глаза.

— Ваше благородие, этот живой, — подбежал к офицеру солдат, топтавший около Попова.

Попов все еще был без сознания.

— Обыскать! — приказал офицер.

С Михаила сняли полевую сумку, обшарили карманы, но, кроме носового платка, расчески и перочинного ножа, ничего не нашли. Офицер, прислонив к бедру эфес шашки, быстро перелистал бумаги, сунул их назад в сумку и носком сапога пнул Михаила в плечо.

Попов открыл глаза и в первое мгновение не мог понять, что с ним произошло и почему он откуда-то снизу смотрит в склонившиеся над ним чужие лица, которые он еще не мог хорошо различить из-за серой пелены, стоявшей перед глазами. Да и голоса людей доносились как-то приглушенно.

— Очухался, — сказал офицер. — Вставай!

Михаил глубоко вздохнул. Сознание его окончательно прояснилось. «Плен! Попал в плен», — обожгла мысль. Правая рука сжалась, но не охватила на ладони рукоятки пистолета. Он рванулся. Сильная боль в левой ноге жаром отдалась во всем теле. Миша застонал.

— Поднять! — крикнул офицер.

Попова грубо схватили и подняли с земли. Голова еще кружилась, но мысли были ясные и бежали стремительно. «Попал к колчаковцам. Все. Теперь от них не уйти. А почему белые в Хмельницкой? Тут же должен быть Пецкий с бойцами. Наверное, отступили, чтобы не принимать бой в деревне. А где же Яшка?» Страх за товарища охватил его, и он оглянулся, но вокруг тесно стояли колчаковцы. «Может, успел уйти, — подумал он. — Белоухий у него резвый».

— Своего дружка ищешь? — спросил офицер. — Можем устроить свидание.

Офицер подал знак, и солдаты расступились. Михаил увидел своего убитого коня.

— Ты смотри вот туда, — сказал офицер.

Взгляд Михаила упал на мертвое тело товарища. Миша прикрыл глаза и прошептал:

— Прощай, Яшка. Прощай, верный друг.

— Ну, пошли, — сказал офицер и толкнул Попова в спину.

Миша посмотрел вперед. Перед ним лежала знакомая улица, полная чужих людей. Солдаты — колчаковские, японские, американские — бродили по селу, сидели на завалинках, с любопытством разглядывая его, что-то кричали конвою. У плетней, в проулках стояли повозки с пулеметами, развьюченные лошади.

«Плена для партизан нет, — вспомнил Миша слова Лазо. — Для него есть лишь победа или смерть».

Михаил шагал твердо, глаза его смотрели прямо и смело. Обезоруженный, без фуражки, испачканный в пыли, он все же не походил на побежденного.

— Гармониста ведут, гармониста! — неожиданно раздался звонкий детский голосок. У калитки одной из хат стояла босоногая девчушка лет восьми в грязном платьице. — Гармонист, гармонист!

Но никто на ее крик не вышел из хаты. Только в глубине двора старик, возникший около сарая, обернулся, приставил ладонь козырьком к глазам, посмотрел на Мишу, покачал головой и тут же отвернулся. Попов только сейчас обратил внимание на то, что на улице почти не видно жителей села.

— А как звать гармониста? Иди сюда! — крикнул один из конвоиров.

— Во! — Девочка неожиданно высунула длинный узкий язычок и так быстро отвернулась, что косичка, в которую была вплетена синенькая ленточка, с размаху хлестнула ее по щеке. Девочка моментально исчезла за воротами.

У здания школы, где расположился штаб, толпились солдаты. При виде офицера они вытянулись.

— Кто в штабе? — спросил офицер.

— Штабс-капитан Езерский, ваше благородие.

Михаила ввели в ту самую комнату, в которой он был накануне. Воспоминания нахлынули на него, но он не задержался ни на одном, отогнал их. Сейчас нужно было собрать все силы, как никогда, быть внимательным. «Поздно, очень поздно об этом думать, — промелькнула у него горькая мысль. — Почему я не говорил себе этого, когда мы с Яшей подъезжали к селу?.. Яша, Яша! Нет его, нет». Миша глубоко вздохнул и осмотрел комнату. В ней мало что изменилось. Только

в беспорядке сдвинуты столы, в углу — груда оружия, на подоконнике — пулемет. Тихо. А вчера тут он слышал голос Ольги. Они стояли как раз воп у того окна, и Ольга, доверчиво положив ему на плечо руку, тихо говорила, и в ее голосе звучала непонятная печаль, тоска, тревога. Что это было? Предчувствие сердца? Что же говорила ему Ольга? Попов хотел вспомнить, но не мог. Конвоировавший его офицер самодовольно, явно хвастаясь, сказал Езерскому, который сидел за одним из столов и что-то писал (при появлении Попова и офицера он даже не поднял головы):

— Вот еще одну краснюху поймали. Сама пташка-канарейка в клетку прилетела. Парочкой прилетели. Одной крылышки пообкорнали, а с крылышками и головку, а эта целехонька.

— На кой черт ты его приволок сюда? — Езерский скользнул равнодушным взглядом по Попову. — Кончал бы там, а сейчас возни не оберешься.

— Да краснюха, кажется, не простая. Вы посмотрите, одет, как комиссар. Правда, мы его немножко помяли, да и бумаги в сумке...

— Давайте. — Езерский, не дослушав офицера, лениво протянул руку и, взяв сумку Попова, стал рассматривать ее содержимое. Номер партизанской газеты и несколько листов бумаги с разными пометками не заинтересовали его, и он откинул их в сторону, но долго рассматривал потертую карту с множеством пометок. Езерский поднялся и поднес карту к лицу Попова. — Что тут за пометки? Объясни!

Попов молчал. Он смотрел на офицера в упор.

— Не желаете? Жаль, — с наигранно-издевательским огорчением сказал Езерский и неожиданно картой ударил Михаила по лицу. Потом хлестал до тех пор, пока от карты не остались разлохмаченные обрывки. Езерский отшвырнул остатки карты. — Освежилась память? Нет? Ну, мы еще раз встряхнем!

Он ударил Попова кулаком в подбородок, и Миша ощутив резкую боль в затылке, упал на пол и на какое-то мгновение потерял сознание. Оно вернулось тотчас. Михаил, чувствуя кровь во рту, открыл глаза и увидел, что он лежит на полу, прижавшись щекой к грязной, затоптанной и заплеванной половице. Почти у самого

лица был сапог офицера и на нем засохшие, побуревшие брызги крови.

— Как, отдохнули? — нагнулся над ним Езерский и тут же ударил сапогом в грудь. — Встать, сволочь!

Михаил с трудом поднялся. Голова кружилась. Из разбитой скулы на гимнастерку капала кровь.

— Будете говорить или для вас наше общество слишком плебейское?

За спиной Михаила кто-то вошел в комнату.

— По какой причине, господа, веселитесь? Можно ли присоединиться к вам? Едва удрал от генерала, там море разливанное.

Попову голос показался знакомым.

— Вам хорошо, — с завистью сказал Езерский, — а мне вот тут с гордо молчащей краснюхой приходится вести одностороннюю беседу.

— Большевика поймали? Разрешите взглянуть?

Пецкий! Попов с трудом верил своим глазам.

— О, какая неожиданная встреча! — осклабился Пецкий. Он был в офицерской форме.

— Вы знаете его? — воскликнул Езерский.

— Еще бы! — Пецкий так и сиял. — Да это же, господа, не простая краснюха. Это... Как вы думаете, кто это может быть?

— Говорите скорее, — сказал Езерский.

— Это адъютант Лазо! — громко и торжественно сказал Пецкий. — Так сказать, мой бывший товарищ Михаил Попов. Имел честь с ним быть в партизанском отряде. Вот комедия, господа, была. Я ведь как подпольщик был послан в тайгу к самому товарищу Лазо. — Пецкий захохотал. — Товарищ... хо-хо!

— Подлец! — с ненавистью сказал Миша.

Пецкий набросился на него и начал избивать. Остановил его Езерский:

— Пока достаточно. Он вполне подготовлен для беседы с генералом.

Попова вывели из школы. Боль в теле, причиненная офицерами, не могла сравниться с болью, вызванной открытием, что Пецкий шпион, провокатор. «Но как сообщить партизанам, Лазо о Пецком? — лихорадочно думал Миша. — Надо обязательно, обязательно сообщить. Он вновь может появиться у партизан. Скажет, что бежал из плена, и ему поверят. Поверят, а он будет

предавать...» Михаил собрал силы и громко, как только мог, закричал:

— Сообщите Лазо, что Пецкий предатель! Пецкий — предатель! Пецкий преда... — Удары, посыпавшиеся на Попова, оборвали его крик, но он надеялся, что хоть один из жителей Хмельницкой передаст его слова партизанам...

...Обед у генерала Смирнова был в разгаре. Офицеры сидели в расстегнутых мундирах, с побагровевшими лицами. Табачный дым висел сизо-голубыми слоями над головами пировавших. Генерал Смирнов, положив на стол руки, пальцы которых все время шевелились, громко говорил по-русски, иногда переходя на английский язык:

— Господа, господа! Еще одно усилие — и мы прихлопнем большевиков. Они загнаны в тайгу, окружены и будут все раздавлены. Смелее наступать надо, не давать этому Лазо отдыха. Он уже разгромлен...

— Нет! — крикнул Миша.

— Что? А? Кто сказал — нет? — Генерал был так удивлен, что даже пальцы его перестали шевелиться. Он повернул голову и уставился на Мишу. В комнате стало тихо.

— Вы? — тихо произнес пораженный Емельянов.

— Нами пойман адъютант Лазо, — почти прокричал, захлебываясь от радости, Пецкий. — Он перед вами!

— Этот? — Белые пальцы Смирнова очень быстро задвигались. — Я же с ним в шахматы...

— Так точно, ваше превосходительство, — подтвердил Пецкий.

Офицеры заговорили. Все забыли о еде. Пленный был слишком необычным.

— Благодарю вас, господа офицеры, — сказал Смирнов. — Этот большевистский адъютант очень кстати. Скажи-ка, любезный, где сейчас Лазо?

Стало еще тише. Все ждали ответа Попова. Миша молчал.

— Гм, молчит, — недовольно сказал Смирнов. — Вы, видно, господа, излишне поусердствовали. Дайте ему глоток вина. Оно придаст ему силы.

Миша сжал зубы, но ему насильно влила несколько глотков.

— Изволь немедленно отвечать. Или... — Генерал выразительно махнул рукой. — Право, любезный, я советую тебе отвечать. И говори только правду. Итак, где сейчас Лазо?

— Да, да! — повторил Езерский. — Где и сколько с ним партизан? Все были у Щек?

«Были... Значит, Лазо с бойцами ушел из ущелья», — обрадовался Миша.

— Говори! — Генерал ударил кулаком по столу. Посуда зазвенела. — Говори, или я тебя прикажу пытать. Ты слышишь?

Миша разомкнул губы:

— Ни пытки, ни смерть не заставят меня предать дело трудящихся! — отчетливо сказал он.

— Что-о-о! — Генерал сжал в руке вилку. — Прочить его! В шомпола! Согнать крестьян!..

Смирнов залпом выпил стакан водки.

Мишу выволокли на двор. Он лежал на земле без движения. Офицеры бросились выполнять приказ генерала. Пока солдаты сгоняли крестьян, на дворе был разведен костер. В нем раскаливались шомпола.

В растворенные ворота во двор несмело входили подгоняемые солдатами крестьяне, в основном женщины и старики. Они боязливо жались друг к другу.

— Смотрите на большевика. Вот он! — Генерал указал на лежавшего Мишу. — Вот такие, как он, мутят вас. А вы, ослы, слушаете их. Сейчас этот большевик сам скажет, как они обманывали вас, продались немцам и жидам!

Смирнов сделал знак Езерскому и Пецкому. Они выхватили из огня по шомполу и подошли к Мише. В толпе охнули.

Шомпола легли на спину Попова. По телу Миши прошла судорога, но он не проронил ни слова. Лица офицеров исказились. В глазах горели безумные огоньки. Зверская пытка продолжалась.

В толпе рыдали...

Обезображенный труп Попова после долгих издевательств белые выволокли за околицу и забросали камнями.

...Наступила глубокая ночь. Давно стихли в Хмельницкой пьяные голоса. Нигде ни огонька. Все окна слепо смотрели в ночь. Деревня казалась пымершей, забро-

шенной. Даже собаки притихли. Медленно ходил по пустынным улицам патруль.

И не заметили солдаты, как после полуночи из села бесшумно выскользнуло несколько крестьян. Молча, неслышно ступая по родной земле, они вынесли тело Попова и вдали от села, на берегу Сучана, стали рыть могилу под старым вязом. Лопаты изредка ударялись о камни. Тогда их выбирали руками. Лопаты патыкались на корни, их осторожно раздвигали. А в это время четыре молчаливые тени подобрались к поскотине, разгребли руками тонкий слой свежей земли, которым был присыпан Байбородов. Его осторожно подняли и понесли к Сучану, где рыли могилу.

На востоке стало светлеть. Михаила и Яшу опустили в могилу. Рядом они скакали по тайге, рядом сражались, рядом погибли, и лежать им суждено рядом. Прикрыв комсомольцев чистым рядом, крестьяне бросили в могилу под пригоршне земли. Старческий женский голос сказал:

— Спите, сынки...

— Спите, сынки, — повторили мужские голоса. — Спите, мы отомстим за вас, сынки...

Солнце взошло из-за сопок. Все вокруг засверкало. Золотистые лучи скользнули сквозь крону старого вяза и осторожно, ласково, нежно коснулись свежего холмика земли...

Над таежной деревушкой Мельники отгремел прощальный салют и затих где-то вдали, возможно докатившись до могилы на берегу Сучана. Лазо поднял опущенную голову и надел фуражку. Все бойцы увидели, как изменилось лицо Сергея Георгиевича, какая большая печаль таилась в его карих глазах. Тихо переговариваясь, партизаны расходились, а Лазо обратился к стоявшей рядом с ним усталой старой женщине:

— Пойдем присядем, мать. Скажи мне снова, как...

Он замолк. Женщина засемила рядом с ним натруженными ногами. Они подошли к завалинке, присели.

— Расскажите...

Сергею Георгиевичу не хотелось верить, что нет больше Миши, его адъютанта и друга. Вчера вечером он привел партизан от ущелья в Мельники. Все дальше

и дальше отступали в тайгу партизаны, и каждый шаг отступления требовал жертв. Напрасно всю ночь и этот день прождал Лазо комсомольцев. Они не вернулись. Вместо них пришла вот эта измученная непосильной дорогой старая женщина и принесла страшную весть. Как так могло случиться? Почему Миша с другом попали в руки врагов? Лазо был глубоко несчастен. Горе захлестнуло его так сильно, что он с трудом заставлял себя слушать женщину.

— А щоб тому генералу лихо було, — заканчивала женщина свой рассказ, краем платка подбирая слезы. — Миша, сынку мой. Вии ни одного слова не казав про вас, партизан... И лютовали лихие люди над ним, ох, як лютовали... А як ушли вони, то мы узяли их обоих тай поховали вмисти... Ваш Миша гарний хлопец був...

И Лазо думает о том, что надо идти дальше. Уже разведчики донесли, что из Серебрянки выступил японский отряд с артиллерией. Надо уходить дальше от Мишиной могилы, но к ней еще вернутся партизаны.

— Спасибо, мать. И прощай, нам надо уходить.

— Идите, — ответила она и незаметно перекрестила его вслед.

В Мельниках поднялась суматоха, какая обычно возникает перед выходом отрядов. Цыганок рыскал по дворам, разыскивая Ольгу. Ему хотелось сказать ей что-нибудь утешительное, облегчить ее горе, но нигде ее не было, и никто не видел, куда она делась. Когда Лазо говорил о гибели Миши и Яши, она стояла недалеко от него, и комсомольцы видели, каким неподвижным стало ее лицо, а потом из глаз хлынули слезы. Ольга закрыла лицо руками. Тут загремел прощальный салют, и товарищи потеряли Ольгу из виду. Где же она?

Партизаны покидали село. Цыганок несколько раз проехал Мельники из края в край, но Ольги не нашел и столкнулся с Лазо.

— Не видели Ольгу?

— Нет, — пожал плечами Цыганок.

— Тяжело ей, — сказал Лазо. — Очень тяжело. Вот что, найдите ее и будьте рядом.

— Хорошо. — Цыганок поехал дальше. Он решил еще раз завернуть во двор, где стоял конь Ольги. Но

лошади не оказалось. Хозяйка, у которой ночевала Ольга, была во дворе.

— Кого шукаешь?

— Ольгу.

— А, дивчину вашу? Так ее нема. Вона вже уехала, — махнула рукой женщина и покачала головой. — Слова не сказала. Плачет, а глаза, як у тигрицы, горят.

Цыганок повернул коня, чтобы догнать партизан, среди которых, наверное, и находится Ольга, как его оклинула крестьянка:

— Слышь, хлопец. Ольга-то вон куда поехала. — Она указала в противоположную сторону, на дорогу, ведущую из села, по которой пришли партизаны.

— Туда? — недоверчиво переспросил Цыганок.

— Эге, я тож дивилась, — подтвердила женщина. — Чего ей вертаться, коли там лютые звери идут...

Цыганок огрел коня плеткой и помчался из деревни. Он должен догнать ее и вернуть. Цыганку не давала покоя мысль, что Ольга могла вернуться в Хмельницкую, чтобы отомстить за Мишу. Почему он пришел к такому выводу — Цыганок не мог бы объяснить, но он не ошибся.

Ольга, услышав о гибели Попова, была так ошеломлена, что в первые минуты у нее даже не было слез. Все ее существо противилось этой страшной правде. Ольге казалось, будто все происходит в кошмарном сне. И только когда заговорил Лазо, Ольга впервые глубоко поняла, что Миши нет и она его никогда больше не увидит.

Как слепая, не в силах оставаться среди людей, она бежала с траурного митинга по селу. Слезы лились из глаз, но она их не замечала. Какая-то огромная властная сила гнала ее вперед. Ее точно звал Миша, и его голос слышала только она одна. Оседлав коня, девушка выехала из села.

Ольга скакала, не разбирая дороги. Конь постепенно замедлил шаг. Когда на пути оказалась речка, один из притоков Сучана, он свернул к ней и потянулся к прозрачной воде. Ольга спешила и опустила на землю у самой воды. Обхватив руками колени и положив на них голову, она застыла в своем горе. Лошадь, шумно фыркнув и помотав головой, отошла и стала пастись, а

Ольга смотрела на струящийся поток и думала, думала...

Наконец она очнулась, оглянулась вокруг. Хорошо было в предвечернем лесу. Взгляд скользнул по темно-голубоватой, в тон небу, реке. Сквозь чистую, прозрачную воду хорошо было видно золотистое дно, устланное песком и камнями. Река поблескивала под солнцем, журчала, а над ней беззвучно, то снижаясь к самой воде, то резко взмахивая вверх, парили огромные, как яркие цветы, махаоны. Пробежал, точно искусный конькобежец, на высоких ножках по воде жук, сорвался с ветки нвы пожелтевший листок, плавно упал на воду, закрутился и поплыл вниз...

Глаза Ольги замечали все, что происходило вокруг. И всего этого больше не увидит Миша, не вдохнет этого воздуха. Они, они — звери! — отняли у него жизнь, отняли Мишу у нее.

Ольга в гневе вскочила на ноги: она отомстит им! Сделала шаг к лошади и вдруг почувствовала, что у нее нет сил. Ольга пошатнулась, обняла ближнюю березку и прижалась лицом к ее шелковистой белой коре. И горе, так долго давившее на сердце, прорвалось плачем. Ольга рыдала громко, с отчаянием, вся сотрясаясь. Она сейчас была так одинока, так несчастна. Ольга звала Мишу. Но почему же он оставил ее? Почему? Почему она не поехала рядом с ним? Она бы его защитила, спасла, закрыла бы от врагов. Ольга видела улыбку Михаила, ту последнюю улыбку, которую он ей послал, когда вместе с Байбородовым уезжал в Хмельницкую. Ольга заплакала еще сильнее. Этот плач услышал Цыганок. Он подъехал к ней, спрыгнул с коня и хотел что-то сказать, но не было слов, тех нужных, главных, верных, которые бы могли утешить Ольгу. Она только взглянула на товарища и вновь прижалась к березе, мокрой и горячей от ее слез.

Цыганок, нахмурившись, подошел к лошади Ольги, ослабил подпругу: пусть конь хорошо отдохнет. Ему предстоит большой и тяжелый путь.

Сумерки поползли из тайги. Ольга давно примолкла. У нее словно иссякли все слезы, и только время от времени внутренние рыдания сотрясали ее, и она судорожно вздыхала.

— Ты поедешь со мной? — наконец спросила Ольга.

Голос ее звучал глуховато, и в нем чувствовалось необыкновенное напряжение и решимость.

Цыганок не спросил, куда он должен ехать с девушкой. Он знал, о чем она думала, и ответил:

— Конечно.

Они направились к Хмельницкой, держа наготове винтовки. Кобуры с пистолетами были расстегнуты. Ночь застала их в пути. До Хмельницкой было совсем близко. Покинув дорогу, Ольга и Цыганок выбрали место для ночевки у речки, нарубили клинком ветвей для постелей, развели небольшой костер, приготовили ужин.

Глаза Ольги были устремлены на огонь. Она вспомнила, как вот так же у костра они сидели с Мишей, с товарищами, как они пели...

Цыганок протянул ей ломоть хлеба с кусочком сала.

Ольга покорно взяла, но тут же отдала назад:

— Не могу...

Проверив, надежно ли привязаны кони, Цыганок скоро задремал. Ольга продолжала сидеть, подбрасывая в маленький кустик огня ветки. Она почему-то боялась, что костер может погаснуть.

Так пролетела ночь. Перед рассветом Ольга ненадолго забылась беспокойным сном. Рано утром Цыганок терпеливо ждал, что скажет Ольга. Он не мог себе представить, как им удастся отомстить за Михаила, за Яшу, за их муки. Ольга хотела сделать это сама, своей рукой покарать тех, кто мучил Мишу.

— Надо узнать, что делается в Хмельницкой, — наконец произнесла Ольга. — Там ли они...

— А как? — почесал в затылке Цыганок, сдвинув на глаза фуражку. — В деревню не сунешься. Сразу прихлопнут беляки, не успеешь и затвором клацнуть. Свинцом накормят.

— Узнать надо, где те офицеры, что Мишу пытали, по деревне волокли, — не отвечая на вопрос Цыганка, продолжала Ольга. — Не жить им больше. Ночью пойду в село и гранатами их забросаю. А сейчас поедem к нему.

Цыганок не понимал, о чем говорит Ольга. Он уже хотел спросить ее, к кому же она собирается, но вовремя удержался, поняв, что Ольга говорит о Мише. «Как мы его могилу найдем?» — недоумевал он, но покорно

двинулся за Ольгой. А она словно хорошо знала дорогу и ехала вдоль Сучана, нетерпеливо погоняя коня.

Они ехали по утреннему лесу, где все дышало свежестью и тянулось навстречу только что всплывшему солнцу. Его лучи пронизывали утренний холодок и приятно ласкали лицо, руки, прогревали сквозь одежду. Через час всадники перешли реку и оказались у могилы под старым вязом.

Ольга медленно соскользнула с коня и так же медленно, точно ее оставили силы, подошла к невысокому холмику уже обветрившейся земли и долго смотрела на него большими остановившимися глазами. В них было недоумение и тоска. Неужели здесь, под этим холмиком, лежит ее Миша? У Ольги вырвался короткий, идущий от самого сердца крик, и она упала на холмик, расprostерла руки, словно хотела обнять его, и затихла.

Цыганок угрюмо сидел в седле. Он был настороже. Где-то недалеко, за деревьями, была деревня. Из нее доносились неразборчивые голоса, петушье пенье, мычанье коров. Оно приближалось. Послышалось звяканье ботала... «Стадо на водопой гонят», — догадался Цыганок. Ольга поднялась и, секунду постояв над могилой, подошла к коню.

— Вернемся за реку, поглядим, кто со стадом, — предложил Цыганок. Но Ольга с решительно сдвинутыми бровями отрицательно покачала головой:

— Нет. Постой тут.

Она тронула повод, и конь вынес ее с берега на тропинку, которая вела к деревне. Ольга остановилась у рощицы. Отсюда хорошо просматривалась деревня. От нее к реке брело стадо. Его подгоняли старик и подпасок. Они медленно двигались за коровами. Больше никого с ними не было. Ольга жестом подозвала Цыганка:

— Подождем пастухов.

Партизаны спрятались в зарослях.

Пропустив мимо себя коров, они окликнули пастухов:

— С утречком вас!

— Ой! — от неожиданности вскрикнул мальчик в рваной рубашонке и коротких с бахромой штанах. Он прижался к деду, втянув голову между плеч, словно над ним была занесена плеть для удара.

Старик положил морщинистую руку с искривленны-

ми болезнью и работой пальцами на белые волосы подпaska:

— Чего испужался?

Из-под старой солдатской фуражки старик посмотрел на всадников. На темном, как кора дуба, лице его появилась белозубая улыбка.

— Эге, знакомых бачу. — Тут он бросил тревожный взгляд на деревню и покачал головой. — Чего же вы тут? Тикайте. В деревне видимо-невидимо солдат, и колчаковских, и японских, и мериканцев. В каждой хате понапихано. Продыху нет. А вас я бачив. С Лазо в Хмельницкой третьего дня стояли.

— Дедушка, — заговорила Ольга, — те офицеры, что Попова пытали, в какой хате стоят?

— Не суйся в деревню, доченька, — посоветовал пастух. — Звери они, чистые звери. Такое творить над хлопцем... — Он вздохнул и внимательно, изучающе посмотрел на Ольгу, потом перевел взгляд бесцветных глаз на ее товарища и, видимо что-то решив, быстро сказал: — Генерала в деревне нема. На Сучан подался с японцами. А ахфицерия вчерась на пасеку гайворонскую медовуху поехала пить, та там и заночевала. Ось як!

Партизаны переглянулись. В словах деда явно был намек на то, чтобы они отправились на пасеку. Дед, очевидно подумав, что они колеблются, добавил:

— Медовуха у Тараса Гайворона дюже крепкая. Кажись, на пасеку подались ахфицеры те самые, что Мишу-гармониста терзали.

При имени Миши девушка едва удержалась от слез.

Пастух добавил:

— Пасечнику Тарасу Гайворону скажите, что, мол, вас Трофим Васильевич прислал, и кланяйтесь от меня.

О самом главном никто из них не произнес и слова, но они все хорошо понимали друг друга. Пастух знал, для чего необходима партизанам встреча с офицерами, комсомольцы знали, что в этом им дед очень хочет помочь.

— Где эта пасека? — быстро спросила Ольга. — Где?

— Недалече. — Старик поднял руку, чтобы указать направление, но тут же передумал и, взяв за плечо подпaska, подтолкнул его вперед. — Ось Федулка покаже.

Мальчик стоял, ковыряя землю пальцами босой ноги.

Он и боялся и хотел услужить партизанам. Партизан он узнал. Их он видел в Хмельницкой.

— Покажешь дорогу на пасеку? — наклонилась к нему Ольга.

— Можно, — важно произнес Федулка и тут же поставил условие: — На коня возьмете?

— Возьмем. — Цыганок посадил мальчика за спину. Старик сказал ему:

— Тропкой поезжай мимо горелого дуба. Так быстрее. — Потом попросил комсомольцев: — У пасеки Федулку назад погоните. Ему не треба ваш разговор с господами ахфицерами слухать.

— Хорошо, дедушка, спасибо вам. — Ольга нетерпеливо повернула коня. — До свидания, дедушка.

— С богом! — Старик смотрел вслед партизанам и, когда они скрылись за деревьями, повторил: — С богом.

...Пецкий шумно умывался из родника. Ледяная прозрачная вода выбивалась маленьким крутым фонтанчиком из-под обомшелого большого камня. От холода ломило в суставах пальцев, но Пецкий все черпал и черпал хрустальную воду и брызгал на себя, пытаясь прогнать боль, ломившую виски. Похмелье было тяжелым, но тем не менее настроение у Пецкого было превосходное. Задуманный им пикник удался на славу. Лучшего нельзя было и ожидать. У пасечника, малоразговорчивого старика, в омшанике оказалась зарытая в землю целая бочка ароматной и очень крепкой медовухи. Пастух был прав. Офицеры, которым медовуха пришлась по вкусу, провели на пасеке весь день и вечером уже были не в силах вернуться в село. Они заночевали на пасеке. Одни спали в глиняном домике пасечника, другие на траве, где свалили их хмель и сон.

Утром первым очнулся Пецкий. Умывшись, он шел в расстегнутом френче от родника и беззаботно напевал:

Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, да шарлатанка...

Пецкий оглянулся. Тихо и красиво было вокруг. Солнце блестело в бесчисленных росинках, усеявших траву, лежало на листьях. Доносилось деловитое гудение пчел. Где-то считала года кукушка. Круглые, выдолбленные

из стволов деревьев ульи стояли в глубине распада. Пецкий увидел пасечника и сурово сказал:

— А ты, наверное, и партизан угощаешь, старый хрыч? Ну, признавайся, не бойся, я тебя не трону.

— А чего мне бояться? — старик почесал свой поросший растрепанной бороденкой подбородок. — Я не боюсь. А чего же человека прохожего не угостить кружечкой медовухи? Пчелка для всех день-деньской гудит. Она не знает, кто там партизан или еще кто.

— Хитришь, старик, — погрозил пальцем Пецкий. — Ну-ка, вынеси мне кружечку освежиться.

— Это можно. — Старик вошел в омшаник и тут же вернулся с ведром густой золотистой жидкости.

— Гостеприимен ты, старый, — похлопал Пецкий старика по плечу. — Готовь закуску. Сейчас разбуду господ офицеров. Вчера мы у тебя кутнули изрядно.

Пецкий через край ведра сделал несколько глотков и отправился в домик, где спали Хэлридж и Езерский. По пути он разбудил двух солдат, лежавших у стены...

Цыганок и Ольга подъезжали к пасеке. Оставив у обгорелого дуба лошадей и убедившись, что провожатый Федулка побежал назад, они осторожно подобрались к пасеке. И хотя еще не видели людей, но уже слышали голоса. Держа наготове пистолеты и гранаты, они выглянули из-за кустов.

Белогвардейцы лежали вокруг ведра с медовухой, черпая золотистую жидкость кружками. Тут же, на тарелке, лежал нарезанный крупными янтарными ломтями сотовый мед.

Развалившись на разостланном поверх травы рядне, уже охмелевший Хэлридж блаженно шурился от яркого солнца.

— Вот в Техасе тоже такое же солнце, там я... — Он прищелкнул языком (Хэлридж говорил по-английски, и Пецкий переводил Езерскому), — ...двух мексикашек прищелкнул одной пулей. Поставил их вплотную друг к другу и в затылок одному, а пуля прошла обоих. — Он захохотал. — Из кольта бил.

Езерский усмехнулся:

— Из винтовки таким макаром можно пяток свобод-но прошить!

Дед Гайворон слушал, молчал и только зорко следил, когда опустеет ведро, чтобы принести из омшаника

новое, полное, но при последних словах гостя у него недобро двинулись брови:

— Я к пчелкам.

На него никто не обратил внимания. Дед ушел на пасеку.

— Я всегда восхищался американцами, — подобострастно заговорил Пецкий. — Сильный народ, стальные нервы и твердая рука.

— Новый Свет, — многозначительно и самодовольно проговорил Хэлридж. — Мы — новая раса, которая в себя вобрала только самое лучшее, что было у человечества. Нам предстоит омолодить мир, а для этого надо быть беспощадными. Вот здесь закончим работу, и тут тоже будет Америка, которая...

Он не договорил. Лицо у него вытянулось, стало бледным. Он выронил из рук кружку с медовухой и схватился за кобуру, закричал:

— Партизаны!

Колчаковцы хотели вскочить на ноги, броситься за винтовками, которые были прислонены к стене домика, но поднявшийся из-за кустов Цыганок, замеченный Хэлриджем, метнул гранату. Она упала рядом с ведром. Раздался взрыв. За ним грохнул второй. Это была граната Ольги. Два солдата и Езерский, хрипя, остались на месте.

Пецкий короткими, быстрыми прыжками бросился в лес и скрылся в нем. Цыганок дважды выстрелил в него, но пули прошли мимо. Ольга бежала к Хэлриджу, который, стоя на коленях с перебитой левой рукой и оцарапанным лбом, пытался достать из кобуры кольт. Рука никак не находила оружия. Хэлридж с ужасом смотрел на подбегавшую Ольгу. Девушка одним выстрелом уложила солдата, которому удалось добраться до винтовок, и остановилась перед Хэлриджем.

Майор все еще стоял на коленях. Увидев направленный прямо ему в лицо пистолет, Хэлридж поднял дрожащие руки, и Ольга увидела, как заблестели его хорошо отполированные розовые ногти. Кровь отхлынула от лица американца.

— Чего ждешь, бей! — крикнул подбегавший запыхавшийся Цыганок. — Ушел один!

— Ай... ай... — заикаясь, выговорил Хэлридж. — Я... Я...

У него появилась надежда на спасение. Эти неожиданно появившиеся оборванные молодые люди в него не стреляли. Они чего-то медлили. Цыганок ловко извлек из кобуры американца пистолет и недоумевал, почему медлит Ольга.

— Ну чего ты? Решай гада!

А Ольга смотрела на выхленные руки американца и думала о том, что вот эти руки и замучили ее Мишу. В том, что перед ней был один из убийц Миши, она не сомневалась. Да и пастух ведь сказал, что на пасеке те самые офицеры, которые... Ольга оборвала мысль и крикнула:

— За Мишу!

— Я американ... — закричал Хэлридж, но у него внезапно осип голос, и он стал жадно хватать воздух. Хэлридж видел в глазах девушки приговор себе.

— За Мишу, за Лизу, за Илью, за всех товарищей, — быстро, почти крича, перечислял Цыганок. — Смерть!

Он тоже направил на американца пистолет, но Ольга выстрелила раньше, и Хэлридж стал валиться на бок. Эхо выстрелов перекатывалось по распадку.

— По справедливости, — услышали партизаны голос и обернулись. Около них стоял пасечник. Он повторил: — По справедливости.

— Вам кланяется Трофим Васильевич, — вспомнил Цыганок просьбу пастуха.

— Спасибочко. — Пасечник строго взглянул на партизан. — А один-то ушел от кары справедливой.

— Убежал, гад, в лес, — подтвердил с огорчением Цыганок. — Промазал я.

— Догонять надо, — сказал пасечник, — убежал ахфицер. Лютый, все о партизанах у меня допытывался, с ним вот, — старик показал на труп американца, — по-ихнему калякал. Догнать бы надо.

— А где его найдешь? — безнадежно сказал Цыганок, бросив взгляд на тайгу.

— Ему никуда не податься, окромя как вниз по распадку, — уверенно объяснил старик. — Попробуйте. Ахфицер колчацкий...

Ольга не принимала участия в разговоре. «Вот и наказаны твои убийцы, Миша, — думала она. — Но разве это успокоит сердце, разве отмщена его смерть, его му-

чения?» В ней поднялась такая ненависть к врагам, какой она еще никогда не испытывала.

Она прислушалась к последним словам пасечника и решительно сказала:

— Догоним! — И, взглянув на трупы, обратилась к Цыганку: — Помочь надо убрать этих...

— Поезжайте, поезжайте, — замахал руками старик. — А этих я сам приберу. В жизни-то своей много пришлось с навозом возиться. Управляюсь, а вы вдоль дороги пошукайте.

Комсомольцы вернулись к лошадям, оставленным у обгорелого дуба, и начали поиски сбежавшего колчаковца.

Пецкий, очутившись в тайге, бежал несколько минут, не разбирая дороги, спотыкаясь, падая, разрывая одежду. Лицо его было покрыто царапинами. Им овладел ужас. Ему казалось, что за ним погоня, что за ним мчатся партизаны, чтобы отомстить ему...

Наконец Пецкий, обливаясь потом, упал на землю. Силы медленно возвращались к нему. Пецкий прислушался. Вокруг было тихо. Только кровь шумела в ушах да дрожь пробегала по телу.

Он поднялся на ноги. Скорее назад, в Хмельницкую! Взять солдат и сюда, поймать этих партизан. А может быть, их много? Может быть, они уже в Хмельницкой? Но тут же Пецкий успокоил себя. В деревне столько солдат, что партизаны не осмелятся на нее напасть. Да и вблизи не может быть никакого партизанского отряда. Это Пецкий хорошо знал. Он безошибочно догадался, что напавшие на пасеку партизаны — какая-то небольшая группка, может быть, оставшая от отряда и случайно набредшая на их пикник.

Немного поплутав, Пецкий увидел дорогу. Он облегченно вздохнул и несколько минут прислушивался. На дороге никого не было. Стояла обычная таежная тишина.

Пецкий выскочил на дорогу. До Хмельницкой было недалеко. Пецкий постепенно успокаивался, но тут страх, вызванный нападением партизан, сменился страхом перед новой опасностью. Как он объяснит в Хмельницкой свое спасение и гибель остальных участников пикника? И на кой черт он придумал эту поездку на пасеку? Могут подумать, что он нарочно заманил туда

офицеров, что он сообщник партизан. Пецкий застонал, схватился за голову. Фуражку он потерял где-то в лесу.

Пецкий уже не бежал, а шел, прихрамывая, в рваной одежде, висевшей на нем ключьями, с истощенным лицом.

Оглянувшись, он увидел всадников и, узнав в них партизан, с новой силой бросился вперед. Но сзади быстро приближался стук копыт. Поняв, что ему не уйти по дороге, Пецкий нырнул в кусты.

— Не уйдешь! — крикнул Цыганок и прищипил коня.

За ним последовала Ольга. Кони с разлета перемахнули канаву, и под копытами захлупала мокрая земля. Впереди, среди хилых кустов, мелькала фигура Пецкого. Он петлял, не давая в себя прицелиться. В лицо ударил запах сырости, гнили. Начиналось болото.

— Болотом хочет уйти! — крикнул Цыганок. — Но не уйдешь, не уйдешь!

Они уже настигли Пецкого, но он прыгнул в сторону и оказался на краю болота. Крик за спиной заставил его прыгнуть на кочку, с нее на вторую, третью. Они оседали под его тяжестью, слышалось чавканье, шипение, бульканье. Нога Пецкого соскользнула с кочки, и он стал быстро погружаться в трясину. Лицо его залила зловонная жижа. Пецкий почувствовал, как его тело охватили цепкие объятия трясины и тянут вниз. Он понимал, что ему нет спасения.

— Да это Пецкий! — воскликнул пораженный Цыганок.

Комсомольцы, не слезая с коней, стояли на краю болота.

— Он... — растерялась Ольга. — Он в офицерской форме, в погонах. Почему?

Ответил на ее вопрос Пецкий. Он закричал:

— Спасите!.. Я все расскажу!..

Над болотом виднелась только его голова. Руки предателя судорожно хватались за кочки, но в пальцах его оставались лишь пучки травы. Каждое новое движение только приближало конец.

— Спасите!..

— Как же это так? — произнесла Ольга.

— Предатель он, — с ненавистью сказал Цыганок. Только сейчас он понял, кто такой Пецкий.

— Спаси... — голос предателя оборвался.

Голова Пецкого скрылась в рыжевато-черной жиже. Над ней еще несколько раз судорожно задергались его руки. Затем исчезли и они, и на том месте, где только что бился Пецкий, стало спокойно. Над болотом снова застыла мертвая тишина.

— Собаке — собачья и смерти! — проговорил Цыганок. — Ну, поехали?

Комсомольцы повернули лошадей и поскакали к дороге. Их ждали товарищи по борьбе, новые боевые дела...

**ТУЧИ
ЗАКРЫВАЮТ
СОЛНЦЕ**

**книга
вторая**

НОЧНОЙ РЕИД

Набив патронами обойму, загнав ее в рукоятку браунинга, я потянулась за кобурой, которая лежала на столе у керосиновой лампы и блестела черным лаком. Кобуру мне подарил Цыганок, он ее принес из последней разведки, когда ходил за «языком». Тогда Цыганку не повезло: ему достался какой-то очень строптивый английский офицер. И какого черта он приехал на станцию Мучную? Да еще надумал прогуливаться вечером по полотну железной дороги. Там его и сцапал Цыганок, сволок с насыпи в кусты и повел к нам в отряд. Англичанин, вначале ошарашенный, покорно шел, но через несколько шагов вдруг так ударил ногой Цыганка, что тот свалился, скорчившись от боли в желудке, а офицер бросился бежать.

Тут уж не сдержался Цыганок. Кровь-то у него цыганская. Я представляю, как он рассвирепел. В несколько прыжков догнал англичанина и так тюкнул его, что офицер навсегда успокоился.

Моя рука лежит на прохладной лакированной коже кобуры. Я ее медленно подвигаю к себе и вкладываю браунинг. Вынимать его буду лишь для того, чтобы уничтожить еще одного врага, отомстить за все. Я слышала как-то случайно, что в нашем отряде партизаны поговаривают о том, будто я уж очень беспощадна и жестока.

Неужели мы можем быть иными? Разве те, в погонах, были ласковы, мягки, когда пытали отца? Когда вешали дедушку? Когда мучили, жгли раскаленными шомполами Мишу?.. Мы тоже должны быть жестоки и мстить, мстить беспощадно. Я дала клятву у могилы Миши, что отомщу за него сполна. И свою клятву я сдержу, что бы обо мне ни говорили товарищи.

Когда я вижу перед собой беляка или интервента, то мне кажется, что именно он издевался над Мишей, рвал и жег его тело, и моя пуля никогда не проходит мимо врага, какой бы он ни был — молодой или старый, пытающийся убежать или наброситься на меня, просящий пощады или остервенело ругающийся. Спасибо Мише, что он научил меня так метко, без промаха стрелять.

Я взглянула на наручные часы, которые подарили мне партизаны. Часы мужские, великоваты, но мне они дороже любых золотых дамских. Часы тоже трофейные. Такие же часы были у Миханла. Когда я смотрю на них, то всегда вспоминаю о Мише. А разве я забываю когда-нибудь о нем? Нет, никогда! Просто мне кажется, что он уехал куда-то далеко, на долгое время, по важному заданию, и я должна его ждать, ждать... Ждать терпеливо, взять себя в руки и думать о том, что наша встреча будет такой радостной...

Но я-то знаю, что этой встречи не будет. Никогда не будет. Миша лежит сейчас в мерзлой земле на берегу застывшего Сучана, и его могилу прикрывает толстый слой снега.

Зима нынче снежная и студеная. Я встала с лавки и подошла к маленькому оконцу. Оно покрыто толстым слоем пушистого инея, похожего на белый узорчатый бархат. На дворе глухая ночь, и нам эта темень на руку. Она нас прикроет и поможет незаметно подойти к самому Спасску.

За стеной, в большой комнате, которая была классом сельской школы, стоял неразборчивый говор. Там не спали, хотя Глазурин и приказал всем перед операцией как следует выспаться. Нет сна и у меня. Я слышно, чуть ступая черными, уже разбитыми валенками по домотканому, с розовыми полосами половику, прошла по маленькой комнатке. В ней жил старенький учитель. На ночь он ушел к кому-то из своих учеников, предоставив мне свое помещение. Большую часть квадратной комнаты занимают два шкафа с книгами. Я подошла к ближайшему. Не глядя, вытащила первый попавшийся под руку том. Он был в крепком зеленоватом, под мрамор, переплете с кожаным корешком. Я раскрыла книгу, от которой потянуло знакомым запахом старой бумаги: чуть затхлым, но в то же время по-

чему-то волнующим, точно ты стоишь перед каким-то занавесом, за которым скрывается нечто интересное, захватывающее. На пожелтевшем титульном листе было крупными буквами выведено: «Надсон. Стихотворения». Я была разочарована. Мне никогда не нравились стихи этого поэта, даже тогда, когда подруги в гимназии зачитывались им, были без ума от него. Уж очень он сентиментален и даже плаксив. Мне этот поэт всегда представлялся каким-то несчастным, вечно стонущим. А я не люблю людей, которые всегда стараются вызвать у окружающих жалость к себе, привлечь внимание к своим страданиям. Страдания эти в большинстве случаев бывают надуманными, наигранными.

Я захлопнула книгу и поставила ее на место. Вспомнились мужественные строки Байрона:

И вечно буду я войну вести
Словами, — а случится, и делами! —
С врагами мысли. Мне не по пути
С тиранами. Вражды святое пламя
Поддерживать я клялся и блюсти.
Кто победит, мы плохо знаем с вами,
Но весь остаток дней моих и сил
Я битве с деспотизмом посвятил.

Нет, не зря так любил Байрона Миша. Звонящие гневом, подобные набатному колоколу, долго будут еще звучать над миром эти строки, как призыв к борьбе и дерзанию.

В лампе замигало пламя. Маленький желтенький язычок задрожал, выкинул струйку копоти. Я подошла к столу, поправила фитиль и услышала, как за спиной отворилась дверь и голоса стали громче, разборчивее. Я обернулась, увидела входящего Цыганка. Он был в синей бекеше, отороченной серой смушкой, на голове папах, перехваченная алой лентой, на ногах — светлые фетровые бурки, обшитые коричневой кожей. Цыганок туго затянут, бекешу перехватывают ремни от маузера и шашки. В правой руке — плетка. Враг все-таки хорошо нас обеспечивает амуницией и оружием. Вон ведь каким франтом вырядился Цыганок. Сколько восторженных девичьих глаз смотрит на него, когда он проходит селом. Ничего не скажешь — Цыганок красив. Худошавое смуглое лицо, черные брови, изогнутые скобой, вороненый чуб, выбивающийся из-под папахи, небольшой с

горбинкой нос; в горячих глазах светится дерзкая смелость и веселая бесшабашность.

— Чего не спишь? — глянул на меня Цыганок из-под чуть нахмуренных бровей. Я сразу же поняла, что он зашел не просто поинтересоваться, почему я не отдыхаю, а сказать мне что-то другое, важное для меня и вместе с тем тревожащее и его. С тех пор как не стало Миши, цыган стал моим лучшим и верным другом. Он был как старший брат, который обо всем заботился, но, на правах старшего брата, частенько позволял себе и поворчать.

— А ты чего не спишь? — ответила я вопросом. — Чего бродишь?

— Слушай. — Цыганок перешел на шепот и, оглянувшись на дверь, подбежал ко мне на носках и тихо и быстро заговорил: — Тебя и меня Глазурин не хочет брать в Спасск.

— Что? — Мне показалось, что я ослышалась.

— Не сидеть мне больше верхом на коне, если вру! — сверкнул сердито глазами Цыганок. — Я сам слышал, как Глазурин с комиссаром об этом только что говорили.

Я с негодованием подумала о нашем новом комиссаре Ишлине. Он недавно у нас в отряде, только месяц, а все уже прибрал к своим рукам. И Глазурин слушается его, как гимназистка классную даму. И откуда у этого человека такая сила убеждения? Он ведь всего на четыре года старше меня, а мне неделю назад исполнился двадцать один.

— Почему? — Я была в недоумении.

Цыганок только развел руками. И тут в комнату вошли Глазурин и Ишлин. Комиссар рядом с маленьким, шупленьким нашим командиром выглядел настоящим гигантом. Высокий, с широкими плечами силача, с открытым, простоватым на первый взгляд лицом, которое всегда чисто выбрито. Черные, с синеватым отливом волосы зачесаны назад и открывают высокий выпуклый лоб. Толстоватые губы всегда сжаты, и около них залегли маленькие сердитые морщинки. Нос короткий и туп, глаза узкие и продолговатые, лежат под широкими бровями горячими угольками. Не скажешь, что наш комиссар красив, как Цыганок, но в нем есть одна особенность, которая дается очень немногим: Ишлин обла-

дает даром сразу расположить человека, и к нему про-никаешься каким-то особым доверием, тебя к нему тянет. Находясь около него, ты невольно чувствуешь себя и лучше и легче, и знаешь, что он — тот самый человек, которому ты можешь довериться.

Но сейчас я была настроена против него. И, наперное, походила на ежа, который выставил свои иголки в ожидании опасности. Глазурин перевел взгляд с моего лица на Цыганку и едва заметно улыбнулся. А Ишлин потербил медную, ярко начищенную пуговицу на своем поношенном бушлате, в котором он служил еще на миноносце (оттуда он и пришел к нам в отряд), укоризненно качнул головой, обратился к Цыганку:

— Успел наклепать?

Цыганок только хмурился и гнул в руках плетку. Глазурин тронул Ишлина за рукав, точно просил его быть помягче. Комиссар понял его. Он просто сказал:

— Мы, товарищи, можем с Глазуриным приказать вам остаться здесь, в Хвалынке, и ждать нашего возвращения из Спасска. Но приказывать не хочется. Вы должны понять нас и остаться здесь до...

— Нет! — не дала я ему договорить, и мой голос звучал, как тонкая, сильно натянутая струна. — Нет! Нет!

Ишлин поднял руку. Он хотел жестом остановить меня, чтобы закончить свою мысль, но я продолжала быстро, горячо и запальчиво:

— Мне надоела ваша забота обо мне! Как идти в горячее дело, так меня или на задах держите, или оставляете в резерве. Я не хочу такой заботы. Вы понимаете это? Не хочу! Она оскорбляет меня! Я партизанка. Я такой же боец, как вы все! Я девушка, но разве это дает вам право поступать так?

Тут у меня голос прервался, не хватило дыхания. Этим воспользовался Цыганок:

— А меня почему хотите от Спасска отставить?

Он яростно хлестнул воздух плеткой, что-то сказал по-цыгански. Но мы ничего не поняли. Глазурин снова тронул комиссара за рукав и, достав из кармана своего распахнутого полушубка кисет, занялся сворачиванием козьей пожжи, как бы показывая этим, что он устраняется от разговоров с нами и все предоставляет Ишлину. Тот провел ладонями обеих рук по своим гладко

зачесанным волосам (шапку он, видимо, забыл в соседней комнате) и сказал по-прежнему спокойно и даже как-то дружески:

— Авралите вы зря, кореши! Никто не хочет вас отстранять от боевого дела, а положение вот какое. После рейда в Спасск вам надо будет... — Он запнулся и опять потеревил пуговицу на бушлате, чуть помолчал и добавил: — В общем, будет вам ответственное поручение. А как вы выполните его, если вас в Спасске зацепит пулей или...

— Не зацепит! — запальчиво вскинул голову Цыганок. — А задание и то и другое выполним. Верно, Ольга?

Он повернулся ко мне и, требовательно взглянув, точно приказал, чтобы я подтвердила его слова.

— Конечно не зацепит! — коротко подтвердила я и, взяв с лавки свой полушубок, словно давая понять, что наш разговор с комиссаром окончен и мы не принимаем его предложения остаться в Хвалынке, стала одеваться. Это как будто окончательно убедило Ишлина в нашей непреклонности. Я с тревогой ждала решения командира и комиссара. Махнув рукой, Ишлин вдруг весело расхохотался:

— Ну и салажата! — Он смеялся от души, обнажая крепкие белые зубы. Крутнув головой, Ишлин посмотрел на Глазурина, который сердито попыхивал сигаркой, окутываясь клубами едкого махорочного дыма: — Ну, как твое мнение, Иван Федорович? Пусть идут со всеми?

— Пойду поднимать ребят. — Глазурин, даже не взглянув на нас, вышел из комнаты, и мы услышали его хриловатый голос: — По коням!

За дверью зашумели сильнее. Ишлин, следя за тем, как я, застегнув полушубок, надела пояс с кобурой, очень мягко, по-товарищески попросил:

— Осторожнее будьте... Не рискуйте. Помните, что вас ждет ответственное задание...

— Ладно. — Цыганок повеселел и подмигнул мне. — Мы с Ольгой знаем заговор от пуль. Хочешь, комиссар, послушать? Запомни, пригодится. — И Цыганок, наклонив голову и закрыв лицо руками, быстро зачистил:

Ладо, цвели, вари, мир.
Бура, тори, отек, чир.

Со стороны казалось, что Цыганок молится. Ишлин с нескрываемым любопытством смотрел на Харся. Была удивлена и я. Мне еще никогда не приходилось видеть Цыганка в такой позе, слышать от него эти непонятные слова. Цыганок отнял руки и, подняв голову, сказал Ишлину:

— Верная старая цыганская приговорка. Спасает от несчастий.

Ишлин прищурился так, что его глаза совсем исчезли под низко нависшими бровями. Потом он хлопнул Цыганка по плечу, отчего тот едва устоял на ногах, и засмеялся:

— Наверное, врешь, а?

Цыганок прижал руку к груди:

— Провалиться мне на этом месте!

— Ну ладно! — Ишлин весело подмигнул мне и вышел из комнаты, крикнув нам с порога: — Не задерживаться! По коням!

Я схватила свою шапку из беличьего меха и, натягивая ее на голову, спросила Цыганка:

— Что значат эти твои слова: «ладо, чир»... Как там еще?

— А черт их знает! — пожал плечами Цыганок и засмеялся. — Складно получилось? Только что придумал...

За окном слышалось поскрипывание снега под копытами лошадей и фыркание, людские, сразу осипшие от мороза голоса. Я пристегнула клинок, забросила за спину карабин. В классе было пустынно, только плавали облака махорочного дыма, валялись обрывки бумаг. Под потолком горели две большие керосиновые лампы. Я потянулась к ближней, чтобы ее погасить, но меня остановил голос учителя. Он, окутанный клубами морозного пара, входил в класс:

— Не затрудняйтесь, я сам все сделаю.

— Мы тут насорили... — начал Цыганок, но учитель, стаскивая ушанку с потертым кожаным верхом и облезлым рыжеватым мехом, перебил его:

— Этот сор легко убрать. Вам вот потяжелее грязь с земли-то нашей выметать. Учитель по-отцовски улыбнулся нам и кивнул: — Ну, счастливо! Как говорится, ни пуха ни пера!

— Спасибо, — сказала я и почувствовала, что мой

голос дрогнул. Во взгляде учителя, в его обращении мне почудилось что-то близкое, родное — отцовское. Я быстро повернулась и вышла из школы. Цыганок следовал за мной.

Глазурин в темноте спрашивал:

— Все на месте?

Мы с Цыганком подбежали к своим коням, которых держал в поводу Гриша Царужный. Сесть в седла было делом одной секунды. Гриша сердито прошептал:

— Чего замешкались?

— Богу молились, — ответил так же шепотом Цыганок и похлопал Шайтана по шее. — Замерз, дорогой? Сейчас мы с тобой согреемся.

Я прислушалась к тому, что говорил Глазурин. Он давал последние наставления:

— Как выйдем из села — забыть, что у вас есть языки, махорка и спички. Врываемся с ходу через переезд — и прямо к управе. Каждый знает, что ему делать. Стрелять в крайности.

— А ежели с противником впритык сойдемся? — спросил кто-то в темноте.

— Класть его намертво! — ухмыльнулся Глазурин и командовал: — Пошли!

Наша штурмовая группа, составленная из партизан, которым уже приходилось бывать в Спасске, двинулась с места. Звонко и визгливо скрипел снег под копытами. Была темная, безлунная и беззвездная, ночь. Небо, очевидно, затянули снеговые тучи, потому что мороз становился слабее, как обычно перед снегопадом.

Село лежало темное, тихое, притаившееся. Только собаки, встревоженные и напуганные, заливались лаем. Мы быстро выехали из Хвалынки и оказались на дороге, ведущей к Спасску. В темноте передо мной и позади угадывалась масса людей, сидящих в седлах, но рассмотреть я могла лишь Цыганка и Гришу Царужного, ехавших по сторонам в одном ряду со мной. Остальные сливались с непроглядным мраком. Кони наши повеселели, разогрелись, и, когда Глазурин перевел отряд на рысь, мы с удовольствием закачались в седлах. Все молчали. И чем ближе мы подходили к Спасску, тем значительнее, суровее становилось это молчание. Каждый понимал, что впереди предстоит серьезное дело. И кто знает, какие встретятся препятствия и все ли вер-

нутя назад. Примерно в версте от Спасска Глазурин остановил нас, приказал всем проверить оружие и предупредил:

— Держаться друг друга! Не теряться!

Мы снова двинулись вперед. Где-то справа появились слабые огоньки. Это смотрела в ночной мрак станция Евгеньевка. Прокричал одиноко и тоскливо паровоз. Эхо прокатилось над застывшей землей и растаяло.

Я, как и все бойцы, переместила карабин со спины на грудь, раскрыла кобуру, проверила, свободно ли вынимается из ножен клинок. Из темноты выступили первые постройки Спасска. Глазурин опять остановил нашу группу. Впереди слышались приглушенные голоса, и по отряду прошел шепот:

— Наши сняли охрану у переезда...

Я обрадовалась. Значит, в город войдем без боя. Осторожно тронулись дальше. Нам было известно, что в Спасске много колчаковцев и японцев. Правда, колчаковцы стоят в казармах у вокзала, а японцы — у цементного завода, на высоте, с которой хорошо просматривается город. Прежде чем они смогут по тревоге выйти нам навстречу, мы успеем покинуть Спасск. Но все же опасность была слишком велика. Втянувшись в окраинную улицу, наш отряд медленно продвигался к центру города. Мне даже как-то не верилось, что вот мы спокойно едем по занятому противником Спасску и никто не поднимает тревогу. Видно, колчаковцы и японцы слишком уверены в своей безопасности.

Вот и двухэтажное белое здание земской управы. В здании все окна темные. Кажется, что оно пустынно и около него никого нет. Но мы-то знаем, что его охраняют, а сегодня, наверное, особенно. Там, в здании, в каком-то сейфе управы лежат двести тысяч рублей золотом. Ради них мы и пришли сюда. Едва наш отряд поравнялся с земской управой, послышался настороженно-испуганный голос:

— Стой! Кто идет?

— Дурак, — прошептал Гриша. — Мы же все на конях.

Я толкнула его, чтобы он замолчал, а от здания управы еще громче несло:

— Кто такие? Отвечай! Стрелять буду!

Было слышно, как клацнули затворы винтовок, и по

этим звукам стало ясно, что охрана управы большая. Нам молчать больше было нельзя, и Ишлин ответил нарочито грубо, насмешливо:

— Спали, дьяволы сиворылые! А теперь на своих винтовки поднимаете? Я вас, ублюдков, без штанов на снег всех посажу. А ну, смирно!

Я удивилась, как Ишлин изменил свой голос. Сколько в нем было уверенности и пренебрежения.

Среди часовых, охранявших управу, произошло замешательство. Но службу они знали хорошо и поэтому потребовали:

— Проезжайте, иначе мы обязаны...

Голос часового потонул в грохоте копыт лошадей, которых партизаны с места бросили рывком на колчаковцев. Хлестнул один, затем второй выстрел, послышались глухие удары, кто-то застонал, охнул, — и снова стало тихо. Нападение партизан было таким неожиданным, внезапным, что колчаковцы даже не успели опомниться. Но тревога, несомненно, была ими поднята. На выстрелы должны прибежать солдаты из охранного батальона.

Мы с Цыганком и Гришей были почти в конце колонны и не успели обнажить клинки, как все было кончено.

— Силина, к командиру! — услышала я крик.

— Я с тобой, — сказал Цыганок и бросил Грише: — Держи наших коней!

Мы с Цыганком подбежали к входной двери управы, которая уже была взломана. Около крыльца лежал зарубленный часовой. Я перешагнула через него и поднялась к Глазурину и Ишлину. Иван Федорович сказал мне:

— Иди с комиссаром, покажи, где кабинет председателя управы.

— На втором этаже, — ответила я и шагнула в темный вестибюль, но меня обогнал Цыганок и пошел впереди. Ишлин включил карманный электрический фонарик и протянул его мне:

— Прокладывай курс.

Я отстранила мешавшего мне Цыганка и, освещая путь, почти побежала через полукруглый вестибюль к лестнице, ведущей на второй этаж. Три дня тому назад я была здесь, но сейчас управа мне казалась иной, не-

знакомой. Небольшая группа партизан следовала за нами. Цыганок шагал рядом, держа в руках револьвер. Мы поднялись на площадку с полукруглым окном, а с нее на второй этаж и по коридору добежали до кабинета председателя управы.

Здесь я указала на дверь. Ишлин тут же нажал на нее плечом. Она моментально распахнулась. Замок вылетел из гнезда с коротким, но громким треском, точно разом переломили охапку сухой лучины.

Я обшарила фонариком кабинет, вырывая из темноты длинный стол, покрытый зеленым сукном, портрет Колчака на стене, диван, кресла у стен, и остановила луч на сейфе:

— Наверное, здесь.

— Уточкин, — позвал Ишлин нашего подрывника. — Открой-ка его.

Партизаны, вошедшие с нами в кабинет, только протяжно присвистнули. Кто-то сказал:

— Сам сатана его без ключа не откроет! До утра с ним колупаться будем.

— Может, увезем, а потом откроем? — предложил один из бойцов. Но его оборвали:

— Дурак! С этой тяжестью все жилы порвешь.

А Уточкин, коренастый, молчаливый, не улыбочный человек с рыжей неопрятной, точно выщипанной бородкой, уже копошился около сейфа. Ишлин взял у меня фонарик и приказал:

— Всем выйти.

Мы оказались в коридоре, по которому сновали партизаны. Они выносили пишущие машинки, бумагу, шаржи по кабинетам. Вдруг где-то внутри здания послышались крики и ругань. Чей-то голос, прерываясь от страха и часто переходя на визг, тараторил:

— Я... я... я... не офицер... не военный... я... Тут спал... Я... я...

— Молчи, гад! — прикрикнул кто-то из наших, и в коридор, в котором уже засветили лампу, обнаруженную партизанами, из дальнего кабинета вывалилась группа бойцов. В руках у них отчаянно бился человек. Он, видно, спал и его разбудил шум нашего нападения. Человек успел надеть брюки и ботинки, но был в нижней белой рубашке, на которой выделялись яркие красные подтяжки. Волосы на его голове растрепались и упали

на лоб, прикрывая глаза. Он силится вырваться, сучил ногами:

— Пустите-е... Я не колчаковец. Я... я не виноват... Не убивайте!

На шум из кабинета председателя управы вышел Ишлин и, увидев быющего в руках партизан человека, спросил:

— Кто такой? Где взяли?

— В комнате, спал на диване, — ответили разом два партизана.

— Отпустите его! — приказал Ишлин. — Пусть сам расскажет.

Человек едва стоял на ногах от страха. Покачиваясь, он дрожащей рукой убрал с лица пряди длинных волос, и я изумленно воскликнула:

— Гоша?!

Я смотрела на бледное, как известь, лицо Немчецкого и не верила своим глазам. А он, уставившись на меня круглыми от страха виноватыми глазами, вдруг упал на колени, схватил меня за полу полушубка и закричал:

— Спаси меня, Ольга! Олюша, спаси! — Он задыхался от ужаса, и на его губах выступила пена. — Я же... Ты знаешь... Я не колчаковец, я же... анархист! Спаси... Я же против всех... Всей власти...

Как ни была напряжена и опасна обстановка, как ни были натянуты нервы у партизан, — многие разразились смехом, другие улыбались. Уж слишком нелепо прозвучали слова Немчецкого о том, что он анархист, что он против всех, против любой власти. А он, еще более испуганный смехом, не поняв, чем он вызван, не отпускал моего полушубка и молил:

— Спаси меня, Ольга! Скажи им...

— К стенке подлюгу колчаковскую! — загремел какой-то партизан.

— Да не видишь, что это дружок Сибиной? — возразил рядом стоявший.

— Вы знакомы? Вы его знаете? — спросил меня Ишлин.

Я кивнула, все еще охваченная удивлением. Вот так встреча! Гошку Немчецкого я знаю уже три года, он учился в мужской гимназии во Владивостоке и ухаживал за моей подругой Женечкой Козодоевой. Мы все посмеивались над Гошкой и не принимали его всерьез.

потому что знали, что он плохо учится и переходит из класса в класс благодаря своему отцу, который буквально засыпал учителей, особенно директора гимназии, окороками и колбасами из своего магазина. За глаза мы называли Гошку «колбасный балбес». Трудно было сказать — не способен учиться был Гошка или просто лентяйничал, уверенный во всемогуществе отцовских колбас. Но парень он был представительный. Стройный блондин, с зеленоватыми, как говорила Женечка, «демоническими» глазами. Гошка был первый танцор на балах и домашних вечерах. Потом он за год до окончания гимназии исчез. Прошел слух, что Гошка обокрал своего отца, чтобы рассчитаться по карточному долгу, снова проигрался и удрал из Владивостока. Мы немного об этом посудачили, Женечка всплакнула, и Гошка был забыт. Разве лишь вспоминали о нем, когда проходили мимо магазина его отца на Светланской улице. И вот Гошка передо мной. Как же он здесь очутился? Что делает? Я ответила Ишлину:

— Я знаю его по гимназическим временам. Плохой был ученик. И все.

— Вы офицер, колчаковец? — строго уставился Ишлин на Гошку и брезгливо добавил: — Да встаньте же! Не ползайте на коленях!

Гошка послушно встал. Видя, что его не тащат на расстрел, он уже немного овладел собой и торопливо заговорил:

— Я... я... сотрудник Интернационального союза рабочих молодежи города Владивостока. Его крайнего левого крыла. Анархистского. Вот мой документ, который... — Гошка поискал на груди карман пиджака, которого на нем не было: — Мой пиджак...

— Принесите, — сказал Ишлин рядом стоявшему партизану и продолжал допрос Гошки: — Что вы здесь делаете? Как тут оказались?

— Я приехал создать... организовать здесь, в Спаске, анархистов... В гостинице нет мест, там офицеры. Меня поместили тут...

Гошка говорил правду. Я видела это. В это время вернулся партизан с пиджаком Гошки. Отсутствие военной формы, погон разочаровало партизан, и они, потеряв к нему интерес, стали расходиться.

Гошка быстро схватил пиджак:

— Сейчас я докажу...

Он нашел свое удостоверение и протянул его Ишлину. Комиссар, мельком взглянув на бумагу и вернув ее Немецкому, сказал:

— Вы свободны.

— О, спасибо!.. — Гошка кланялся, но Ишлин повернулся к нему спиной и исчез в кабинете. Немецкий обратился ко мне. Сейчас, когда миновала опасность, к нему вернулось некоторое спокойствие. Он, облизав губы, покачал головой: — Ну, Ольга, тебя не узнать.

— Однако ты сразу узнал, — не удержалась я от колкости.

Гошка пропустил мимо ушей мои слова и покосился на Цыганка, который подошел ко мне.

— Я не знал, что ты в партизанах, — продолжал Немецкий.

— А я — что ты в анархистах, — в тон ответила я и засмеялась. — Что ж это ты: против всех, а в управе устроился ночевать?

— Анархист может жить где угодно, — вскинул голову Гошка и предложил мне с удивившей меня наглостью: — Переходи к нам! Анархизму принадлежит будущее.

— Беру тебя к себе в разведчики, — нарочно сказал Цыганок, но Гошка это принял всерьез и испугался. Пряча свой страх, он почти с вызовом сказал:

— Анархист свободен, и его нельзя заставить.

— А я бы тебя заставил. — Цыганок недвусмысленно взмахнул плеткой, и Гошка отскочил как ужаленный. — Возьмем его, Оля?

— Нет, — ответила я. — Пусть Гошка, то есть анархист, сам решает свою судьбу.

— Вот это правильно, — обрадованно подхватил Гошка. — Человек свободен по своей природе, и его нельзя заставлять поступать против своей воли и желаний, призыва и мечты.

— Мы сейчас уходим, — сказала я. — Смотри, как бы тебе не попало от колчаковцев и японцев.

Гошка задумался. Белые и японцы могут посчитать, что он действовал как разведчик партизан: открыл им двери управы, для чего и устроился ночевать здесь. Гошка просительно посмотрел на Цыганка:

— Я прошу вас... — он замялся. — ...Свяжите меня так, чтобы я не мог развязаться... Когда придут утром...

Гошка покраснел от стыда за свою просьбу, но с мольбой продолжал смотреть на Цыганка. Цыганок весело сверкнул глазами:

— Пошли!

— До свиданья, Оля. Я никогда не забуду твоей помощи, и если когда-нибудь представится случай оказать тебе услугу, я...

Они скрылись в кабинете. Я вернулась к Ишлину. Уточкин уже заканчивал подготовку к взрыву сейфа. Комиссар смотрел на часы и нервно притопывал ногой — время летело быстро. Уточкин тянул от сейфа к двери бикфордов шнур. Он поджег его и сказал нам:

— Отойдите подальше от дверей.

Мы пошли по коридору и в его конце услышали шум и какое-то мычание. Я вспомнила о Гошке и подбежала к двери комнаты, где был обнаружен Немцевский. Ишлин последовал за мной. Он первым оказался на пороге и осветил комнату. Сначала я не сразу сообразила, что здесь происходит.

На полу лежал связанный ремнями и какими-то тряпками Гошка. В рот его был забит кляп, который он не мог вытолкнуть, так как его придерживала тряпка, завязанная на затылке. Над скорченным Гошкой стоял Цыганок и, с силой взмахивая плеткой, опускал ее со свистом на Немцевского и приговаривал:

— Не будь анархистом, не будь анархистом, не будь анархистом!

В круге света, направленном Ишлиным на Немцевского, мы увидели его лицо, мокрое от слез. Гошка плакал, извивался под ударами Цыганка.

— Хватит, Цыганок! — сердито потребовал Ишлин, но чувствовалось, что он едва сдерживал смех. — Пошли!

Цыганок неохотно прервал свою экзекуцию и вышел к нам в тот момент, когда раздался оглушительный взрыв. Все здание дрогнуло, и на нас с потолка посыпалась штукатурка. Где-то со звоном вылетели стекла окон. Пыль от извести наполнила коридор и запершила в горле. Многие закашлялись. Мы вбежали в кабинет и увидели, что дверка сейфа вырвана и висит на одной петле. Ишлин направил свет в нутро сейфа. Там лежали

друг на друге аккуратные мешочки, в которых было золото. Один из них от взрыва лопнул, и золотистая струйка монет со звоном стекала на пол.

— Сумку! — приказал Ишлин.

Партизаны подали два кожаных крепких ранца, и в них было переложено золото и другие ценности. Ишлин осмотрел сейф и приказал:

— По коням! Пора уходить!

Мы сбежали вниз и оказались на улице. Глазурин уже командовал:

— По коням! По коням! Оружие наизготовку!

Его предупреждение не было лишним. Едва мы вскочили в седла, как услышали дробный конский топот. Он быстро приближался к нам по улице, ведущей от вокзала.

— Беляк! — воскликнул кто-то.

— Рысью, марш! — закричал Глазурин. — Отстреливаться по моей команде.

Наш отряд с места взял в галоп, и мы помчались по темным улицам. Но теперь вдоль них стояли не спящие, а разбуженные дома, хотя окна по-прежнему были слепые. Собаки заливались истошным лаем. Мы мчались к переезду. Едва свернули с центральной улицы, как натолкнулись на конный разъезд колчаковцев. Это было неожиданным для них и для нас. Шесть всадников буквально были сметены с дороги ударами наших клинков. Один увернулся от нас и, пригнувшись к шее лошади, погнал ее в сторону вокзала. Я вскинула карабин и, почти не целясь, выстрелила. Всадник привстал на стремянах и, высоко вскинув руки, свалился с седла. Но на землю не упал. Одна его нога застряла в стремях, и он, волочась головой по мостовой, исчез в темноте.

— Хорошо выстрелила, — одобрил Цыганок, но я почему-то не узнала его голоса, и мне показалось на мгновение, что рядом скачет Миша.

Вот и еще один враг сражен моей пулей, моей метью. Так будет всегда, пока я держу в руках оружие, пока бьется мое сердце.

Послышалась команда Глазурина:

— За переездом залечь второму взводу!

Жаль, что я не во втором взводе. Мы мчались, а за нами уже началась погоня. Свежие лошади врагов

быстро настигали нас. Беляки или японцы — мы еще не могли определить это точно — уже открыли огонь и стреляли наугад, так как плохо видели нас в темноте. Пули взвизгивали тонко и противно то над головой, то где-то совсем рядом. Все же между нами было большое расстояние. Вот и переезд. Мы проскочили его и помчались по дороге к Хвалынке. Нас осталось мало. Второй взвод залег за насыпью, чтобы задержать погоню. Оттуда доносилась ружейная перестрелка, взрывы гранат. Теперь погоня остановлена. Наши товарищи скоро присоединятся к нам. Мы мчались и мчались по дороге, и ветер обжигал нам лица. В Хвалынку мы вернулись перед самым рассветом. Ишлин сказал:

— Цыганок и Силина! Срочно к командиру!

Партизаны спешили, обтирали взмыленных лошадей, разводили их по крестьянским конюшням. Царужный принял наших коней, и мы вошли в школу, недоумевая, зачем так срочно понадобились Глазурину. Мы вчетвером оказались в комнатке учителя, который снова ушел. За время нашего отсутствия он навел порядок в школе. Я сняла шапку и присела. Цыганок прислонился к косяку двери. Глазурин и Ишлин сидели за столом. Они еще не разделились. Ишлин что-то быстро писал на небольшом листке, вырванном из блокнота, а Глазурин занялся своим обычным любимым делом — свертыванием гигантской сигарки. Кожаные ранцы с золотом лежали на полу у книжного шкафа, стекло в дверце которого было разбито.

В комнате стояла тишина. За окном и в соседнем классе слышались возбужденные голоса партизан, обсуждавших только что пережитые события. Ишлин закончил писать. Аккуратно сложил листок в маленький тугой квадратик и протянул мне:

— Передать лично Сергею Георгиевичу.

— Кому? — переспросила я с изумлением, не уверенная, что правильно поняла комиссара.

— Товарищу Лазо, — пояснил Ишлин. — Вы с Цыганком должны как можно быстрее добраться до Владивостока и встретиться с ним. Место явки тебе знакомо — магазин Борзова.

— Мы едем во Владивосток? — проговорила я и поняла, что это неизбежно. Сколько раз я уже отказывалась от переезда во Владивосток. И вот опять! Нет, я

чем он. Теперь Елкин должен был доставить нас в Свиягино и обеспечить нашу посадку на поезд.

Я посмотрела на передок саней. Там лежало два мешка с овсом, мой баульчик и сумка Цыганка. Если нас при въезде в Свиягино будут обыскивать, то, конечно, первым делом полезут в баул и чемодан, а на мешки с овсом не обратят внимания. А в одном из них и лежит золото. Если японцы — они стоят гарнизоном в Свиягино — обнаружат золото, то тогда Цыганок и я выхватываем револьверы, Елкин бросает гранаты, и мы отбиваемся, поворачиваем назад и пытаемся уйти. Такой план мы разрабатывали на всякий случай. Но он едва ли понадобится. Мы надеемся на лучшее. Я схожу с саней и иду рядом с Елкиным. Все-таки сказывается волнение, а мысль все об одном — как пройдет встреча с первым японским патрулем. А она обязательно будет. По нашим саням, по всему нашему виду японцы сразу же поймут, что мы приезжие, и обыск сделают тщательный.

Я с удовольствием шагаю по дороге, вдыхаю морозный свежий воздух. Вокруг лежат заснеженные поля, слева, с севера, они упираются в сопки, покрытые черной щетиной зимней тайги. Тишина такая, что, кажется, воздух чуть-чуть звенит. Низко над землей пролетел черный ворон, недовольно каркнул, словно пообещав что-то нехорошее, и скрылся за рощицей ивняка, окружившей замерзшее маленькое озеро. Мне оно показалось тусклым глазом земли, с грустью и тоской смотрящим в небо.

Мы миновали рощицу, и за ней открылась станция Свиягино: темные постройки, желтеющая коробка вокзала, высокие тополя и четкая линия железной дороги, как бы разрезающая долину на две половины. У станции виднелись темные фигурки людей. Елкин скосил на меня светло-синие молодые глаза:

— К пирсу причаливаем. Смотри, как бы с ходу в него не врезаться. Спокойно надо подходить. Спокойно.

Видно, и он волновался. Я заметила, что Кирилл Мефодьевич быстро осмотрел меня, точно проверяя, как я выгляжу. Теперь на мне не было полушубка и шапки. Их сменили пальто городского модного покроя, пуховый платок и ботинки. Гимнастерка и ватные брюки уступили место аккуратно отглаженному платью. Надев

на пальцы два тонких золотых колечка, я сунула руки в белые с зелеными узорами варежки. Ну чем не городская барышня, невеста молодого офицера, который сейчас спит под тулупом в санях!

Елкин пристально смотрел вперед, туда, где дорога врезалась между двумя большими сараями, обнесенными полуразрушенной изгородью: Рядом с одним сараем стоял стог сена в белой шапке снега. Редкие жерди прижимали сено от ветра. У другого сарая возился около опрокинутых саней крестьянин, чинил их. При нашем приближении он разогнулся, приставил козырьком руку ко лбу и стал нас рассматривать так внимательно, точно мы представляли очень интересное зрелище. А может быть, мне просто так казалось? Странное в это время было у меня состояние: я все видела необычно отчетливо; помню, что на рыжевatom полушубке крестьянина выделялась черная заплатка, пришитая крупными стежками светлой дратвы; шапка его из волчьего меха сдвинулась на затылок, открыв белый лоб и прилипшие к нему потные волосы; лицо морщилось от яркого солнца, а за ухом торчала недокуренная погасшая сигарка. Видела я и пролегшую через село дорогу, людей на ней, ползущие розвальни с сеном, обогнавшие их маленькие легкие санки, которые тащил гнедой рысак, круто изогнув шею с подстриженной гривой. Из-под копыт его летели кругляши опрессованного снега. Кто сидел в санках, я не успела рассмотреть. Откуда-то со стороны к нам неожиданно подбежали японские солдаты с офицером. На всех были длиннополые шубы с матерчатым верхом зеленовато-желтого цвета, пушистые, кажется лисьи или собачьи, большие шапки. У офицера поверх шапки был еще натянут башлык. Его маленькое круглое темное лицо напоминало чем-то испуганного хорька. Редкие усики над верхней короткой губой, открывавшей неестественно большие, кривые и желтые зубы, торчали жалкой щеточкой. Солдаты, спрятав руки в рукава, прижимая к себе винтовки, стояли нахохлившись, молчаливые и как будто равнодушные ко всему, что происходило.

— Стой! — выкрикнул офицер, точно выплюнул слово, таким оно у него вышло коротким и отрывистым. — Какой поехал? Бумага, паспорта надо.

— Здравсти, ваше благородие, — закланялся Елкин

и приподнял свою шапку, но не снял ее, а надел еще глубже. — Я это вот везу господ до станции...

— Бумага! — с криком прервал его офицер и, требовательно протянув вперед руку, что-то сказал своим солдатам, указывая на наши сани.

Солдаты окружили их и потянулись к баулу и сумке Цыганка. Один штыком стал разгребать сено, а другой отвернул полу старого тулупа и тут же с испугом отскочил назад, вскинул винтовку. Из-под тулупа, отшвырнув его, приподнялся Цыганок. Он сел и громко, раздраженно закричал:

— Какого черта меня беспокоят!

Он развернул плечи, провел рукой по глазам, словно только что проснулся, но я-то знала, что Цыганок давно не спал. Японцы ошалело смотрели на него — на синей бекеше Цыганка светились погоны поручика, на папахе горела кокарда. Осмотревшись и точно только сейчас заметив японцев, Цыганок соскочил с сани отряхивая соломинки, прилипшие к бекеше и галифе, и небрежно, но в то же время лихо козырнул офицеру.

— Здравия желаю, господин офицер! — Цыганок взглянул на погоны японца и улыбнулся дружески, приветливо: — О, да мы с вами одного звания!

Я даже в эту напряженную тревожную минуту любовалась Цыганком. Подтянутый, смуглый, улыбающийся, он и впрямь походил на разудалого поручика, которому все на свете трын-трава. Увидев так неожиданно появившегося возле них колчаковского офицера с кобурой на поясе, японцы растерялись. Цыганок ошеломил их. Указывая на меня, он говорил офицеру быстро и весело:

— Моя невеста. Понимаешь, невеста. Будет жена! Жена. Едем мы во Владивосток. Там и свадьба будет. Эх, поручик, был бы ты во Владивостоке на моей свадьбе, ох и угостил бы я тебя!

Цыганок перешел с японцем на ты и, как мне показалось, уже перенгивал. Я поспешила ему на помощь:

— Господин офицер требует показать документы.

— Бумаги, — закивал японец и заулыбался.

У меня polegчало на душе. Настороженность, подозрение у офицера, кажется, исчезли. Вид Цыганка и его свободное, даже развязное поведение были убедитель-

нее всего, и японец уже спрашивал документы ради формы, без прежней угрозы в голосе:

— Смотреть буду.

— Ох уж эта дисциплина, — сокрушенно вздохнул Цыганок и достал из внутреннего кармана удостоверение колчаковского поручика Говядина, которого две недели назад мы взяли в плен. Поручик пытался бежать — и вот от него осталось только удостоверение. Оно было настоящим, и я за Цыганка сейчас была спокойна, как и за себя. Мои бумаги тоже в порядке. Дочь сельского учителя, выпускница Владивостокской Коричневой гимназии.

— Вот, смотри, — Цыганок протянул офицеру свой документ.

Японец взял его, долго рассматривал, повертел в руках и вернул Цыганку, кивнув, показывая еще больше свои желтоватые зубы:

— Хорошо, можно ехать.

— А тут посмотрите, — Цыганок указал на баул, приглашая осмотреть его, но офицер махнул рукой:

— Не надо. Твоя хорошо, нету бурсовика! — Тут японец посмотрел вдоль дороги, по которой мы приехали, и спросил: — Там есть бурсовика, партизанка?

— А черт их знает! — пожал плечами Цыганок. — Я не видел. — Он козырнул японцу: — Ну, прощай, поручик. Когда-нибудь встретимся. А ты, Ольга, садись в сани. Я пройду.

Я поспешила выполнить его совет, потому что ноги меня едва держали, а нервная дрожь буквально трепала, как ветер осенний лист. Я просто не могла поверить, что все произошло так просто и легко при первой встрече с врагом. Цыганок еще раз поднес руку к папахе, и японец любезно ответил тем же. Елкин стегнул лошаденку, и мы поехали к центру села. Я с трудом сдерживала себя, чтобы не оглянуться назад, не посмотреть на патруль японцев. Цыганок шагал за санями и что-то насвистывал. Я прислушалась — это был мотив его любимой песенки: «Ехал цыган на коне верхом...» Ко мне вернулось спокойствие, и я с любопытством осматривала село. Оно большое, тянется версты на две. Мы миновали несколько колодцев, окруженных горками намерзшей воды; с них на санках скатывались ребятишки. Мимо нас проезжали подводы, проходили японские

солдаты и офицеры: они встречали и провожали наши санки равнодушными взглядами и тут же забывали о нас. Ехать на станцию к поезду было еще рано. Нам требовалось переложить золото из мешка с овсом в мой баул. Это мы должны сделать у товарища, о котором нам говорил Глазурин. Где он живет — знает Елкин. Я взглянула на него, и Кирилл Мефодьевич, догадавшись о моем нетерпении, сказал:

— Сейчас станем на якорь в тихой гавани. — Несмотря на то, что прошло много лет с тех пор как Елкина увезли от моря на каторгу, он не смог забыть морского словаря. — Первый риф миновали, дай-то бог и другие так же пройти.

Мы проехали несколько мелочных лавочек, один большой магазин с громадной вывеской и приближались к окраине деревни. Тут Елкин повернул лошаденку в едва приметный проулок, и мы оказались перед двором с распахнутыми воротами. Я соскочила с саней. Двор был пустынный, без обязательной для деревни собаки. Около крыльца валялась колода с воткнутом в нее топором, снег усыпали свежие щепки. Видно, недавно кто-то колот дрова. Сарай, приземистый, обмазанный глиной, примыкал к дому. Глина потрескалась, кое-где обвалилась, и дранка выступала наружу, как обнажившиеся ребра. Оконца дома замерзли, и через них ничего нельзя было рассмотреть. На всем был отпечаток запустения, бесхозяйственности. Елкин недовольно крутнул головой:

— Никак хозяина нет?

— Ошибаешься, друг милый, — раздался веселый голос, и мы, обернувшись, увидели входившего во двор следом за нами человека в старенькой борчатке и шапке, сдвинутой на затылок. Лицо крепкое, молодое, с маленькой аккуратной бородкой и английскими усиками. Серые небольшие глаза внимательно осматривали нас, в то время как человек весело говорил:

— Рад гостям! Скучновато одному. Хозяева уехали к родне в Уссурийск, а я тут и квартирант и сторож.

Человек говорил это неспроста: он успокаивал нас. Он достал из кармана ключ, отпер дверь и пригласил войти. В маленькой кухоньке, как и в двух комнатах, оказалось на удивление чисто, уютно и тепло. Пахло чем-то вкусным, сытным, и я почувствовала голод: ведь

перед отъездом из Хвалынки мы просто забыли перекусить. Елкин, осмотревшись, спросил хозяина:

— Гости с желтыми зубами не заглядывают?

— Бывает, — кивнул с улыбкой хозяин. Он снял борчатку и остался в куртке железнодорожного служащего. — Ну, давайте знакомиться. Шуранов, Василий Васильевич. Легко запоминается, верно?

Мы назвали себя. Я с удивлением увидела, что Шуранов не такой уж молодой, как мне вначале показалось. Ему было лет пятьдесят. Высокий, крепкий, с первой седinou в коротких, аккуратно причесанных волосах. Все в его внешности и одежде было аккуратно, негде взгляду зацепиться, и это не позволяло хорошо запомнить его облик. Если отведешь от него глаза, то сразу же его образ тускнеет в памяти, стирается. Он помог Елкину и Цыганку внести в дом поклажу и мешки с овсом. Лошадь завели в сарай. Я умылась, причесалась. Шуранов попросил меня:

— Хозяйничайте. Посуда в шкафчике, варено в печке.

Елкин укоризненно заметил:

— О еде потом. Давай о деле потолкуем.

— На голодный желудок хорошие мысли не приходят, — отшутился Шуранов и взглянул на часы-ходики, которые висели на стене. — Поезд будет через три часа.

Мы уселись за стол. Василий Васильевич подготовился к нашему приезду: он сварил большой чугунок чудесных щей, нажарил картошки со свиной. На столе появилась миска с солеными огурцами и помидорами, нарезанное тонкими ломтиками сало с розоватой серединкой. Тут же выросла и бутылка водки. Елкин неодобрительно покачал головой:

— Это уж ни к чему.

— А если гости с желтыми зубами войдут, то увидят, что Шуранов рад встретиться со своей племянницей и ее женихом и отмечает это, — улыбнулся Василий Васильевич. — Эх ты, моряк.

— Ну, тогда наливай, — и Елкин первый потянулся к стакану, и разгладил бороду и усы. — С морозцу, с дороги горячее даже полезно.

— То-то, — улыбнулся Шуранов и ловко открыл бутылку.

Мужчины выпили, и мы занялись едой.

— Для вас, товарищи, уже есть билеты в мягкий вагон. — Шуранов больше не улыбался, а говорил строго, сдержанно и точно. — Проводник — наш человек. Чемодан с... грузом передадите ему, а он во Владивостоке вернет. Это на случай обыска поезда. Он возможен. По всей линии дан приказ и колчаковцам и интервентам вести поиски подозрительных лиц, задерживать их. Документы у вас в порядке? Покажите! — Василий Васильевич долго и внимательно изучал наши бумаги, потом вернул и сказал: — Я бы рекомендовал поручику Говядину сделать перевязку руки или головы.

— Зачем? — Я была удивлена предложением Шуранова.

— С сегодняшнего дня, после событий в Спасске, все отпуска офицерам отменены и выдаются только по особым причинам. — Шуранов посмотрел на Цыганка, и в глазах его было сомнение. — И к тому же поручик Говядин может при расспросах сказать что-нибудь не так.

Цыганок надулся. Слова Шуранова его обидели. И когда мы решили, что ему лучше всего забинтовать половину лица, прямо-таки взбунтовался:

— Не буду заматываться! Я знаю, как отвечать!

Цыганок явно гордился тем, как он провел сцену с японцами, но Шуранов был тверд и строг.

— Мы тебя забинтуем, товарищ. И так будет легче. Ты не имеешь права рисковать тем, что тебе доверено. Ясно?

Я ожидала, что Цыганок вступит в спор, и готова была уговаривать его, но, к моему удивлению, Цыганок только нахмурился и пробурчал:

— Ладно.

— А его же видели без бинтов, — вспомнила я про японцев, встретивших нас.

— Японцы из села на станцию не ходят. Там несут охрану американцы, — успокоил нас Шуранов. — Ну, будем готовиться... Золото мы положим в чемодан, который я уже приготовил.

Василий Васильевич достал из-под кровати желтый, тисненной кожи, потрепанный чемодан с большими медными замками и двумя ремнями. В него мы и уложили золото, деньги, а сверху наши вещи. Дальше все произошло так, как и говорил Василий Васильевич. Мы подъехали к станции в тот момент, когда к ней подходил

поезд. Елкин и Шуранов с моим баулом и чемоданом подошли к мягкому вагону, а мы с Цыганком — за ними.

Шуранов разговаривал с проводником — пожилым человеком с корявым лицом:

— Господина поручика и его невесту встретят родные во Владивостоке. Я уж прошу вас, если им что-нибудь понадобится в дороге... Они отблагодарят.

Шуранов говорил спокойно и достаточно громко, чтобы его слышали вышедшие из вагона на платформу пассажиры мягкого вагона, среди которых было много офицеров. Они с любопытством нас разглядывали. Проводник сказал:

— Все сделаю, господин. Прошу вас, — это уже относилось к нам. — Входите, пожалуйста. Ваше третье купе, там свободно.

— До свиданья! — крикнул нам Шуранов, когда мы поднялись в тамбур. — Передайте привет Сергею Георгиевичу. А я сейчас вашим отстукаю телеграмму, чтобы встречали.

Цыганок молча помахал рукой, а я ответила:

— Спасибо за помощь, привет обязательно передам. До свиданья!

Елкин, уже далеко отошедший от перрона, приподнял своим обычным жестом шапку. У меня что-то тоскливое и грустное шевельнулось в груди. Эти люди, знакомство с которыми продолжалось так недолго, уже стали близки мне, и расставаться с ними было жаль. Раздался свисток паровоза, и прогуливавшиеся по перрону пассажиры бросились к вагонам. Мы с Цыганком прошли в свое купе. Здесь я обнаружила только свой баул. Чемодана не было.

— Будем располагаться, — сказала я, чтобы что-то сказать, как-то нарушить молчание. Теперь мне придется говорить вдвое больше — за себя и Цыганка. Среди биштов ему оставили небольшую щелку, чтобы он мог есть и курить. Но последнее ему едва ли удастся сделать — Цыганок курил только самокрутки, а офицеру полагаются папиросы или сигареты. Но Цыганок с ними не умеет обращаться так же привычно, как с самокруткой. И мы решили, что до Владивостока он потерпит, обойдется без табака.

— Я сняла пальто и шаль, Цыганок — бекешу, остав-

шись во френче. Я придирчиво осмотрела его, но ничего вызывающего подозрение не заметила. С нами в купе еще кто-то ехал — большой сперток и два чемодана лежали в багажнике. На столике — небольшой пакет с масляными пятнами и коробка с конфетами. На пестрой этикетке плясали розовощекие разжиревшие ангелята с большими леденцами в руках. Они исполняли какой-то танец, очевидно в честь конфетного фабриканта В. Ткаченко. Его фамилия была выведена яркими красно-зелеными красками на крышке коробки. Мне неожиданно захотелось попробовать хоть одну конфетку. Это желание было настолько сильным, острым, что рука сама потянулась к коробке. Я едва совладала с собой, а во рту появилась слюна. Как давно я не ела конфет, сладкого! И тут я рассердилась на себя: стоило увидеть леденец, и я уже разжигалась. Я отвернулась от конфет и сказала Цыганку:

— Будем как можно больше спать, чтобы не вступать в разговоры, не отвечать на расспросы. Я буду говорить, что у тебя страшно болит голова. И ты кивай, подтверждая это.

Цыганок кивнул и, дурачась, взялся за голову обеими руками, закатил глаза. Я ударила его по колену, чтобы он прекратил кривляние. Если бы сейчас кто-нибудь из пассажиров увидел Цыганка, то несомненно у него появилось бы подозрение: так ли уж тяжело ранен поручик?

Поезд мчался, перестукивая колесами на стыках рельсов. Кто-то с обратной стороны взялся за ручку двери, и она откатилась. На пороге появился проводник:

— Прошу-с, господа, ваши билеты. — И добавил: — У нас в поезде есть вагон-ресторан. Я мог бы принести, что прикажете. Может, чаю или вина?

— Чаю, будьте любезны, — попросила я.

— Сейчас. — Проводник отошел от двери, и в проеме оказался сухонький седой человек в темной тройке, с синим галстуком в горошек. В галстук блестела золотая с жемчужиной булавка. Редкие седые волосы были тщательно расчесаны на пробор. Серая нездоровая кожа собралась на лице в многочисленные морщины. Большие губы выдавались вперед, и мне подумалось, что они живут у человека на лице как-то сами по себе.

Человек вошел в купе бочком и рывком поклонился, точно кто-то невидимый толкнул его сзади:

— Разрешите представиться. Цицерон Аркадьевич Бог.

Цыганок и я не могли скрыть своего удивления. Уж очень необычны были у нашего попутчика и имя и фамилия. Его большие губы зашевелились и зашлепали, точно резиновые. Путник не смутился и не обиделся на наши взгляды, а лишь горестно вздохнул и покачал головой:

— Да, да, Цицерон и Бог. Что поделаешь? Мой папа был оригинальный человек. Мою младшую сестру он назвал Селеной, что значит Луна. А братишку — Гелносом, что значит Солнце. А фамилию нашу придумал шутник-писарь, когда нашему дедушке выписывали паспорт. Фамилия у него была Бок, а писарь, очевидно, был пьян и переправил только одну букву. Только одну букву — и вот мучаемся всю жизнь. О-хо-хо!

Бог так горестно вздыхал, что я даже прониклась к нему сочувствием, представив себе, сколько неприятностей, насмешек, издевок пришлось перенести этому маленькому человечку из-за своей фамилии. Он поглядывал на нас водянистыми, когда-то голубыми, а сейчас блеклыми глазами, почесывал редкие седые брови длинным ногтем мизинца, и вдруг почти вплотную приблизив свое лицо к Цыганку, спросил быстро и отрывисто, точно приказывал:

— Где это вас так тяжело ранило?

Я от неожиданности вздрогнула, а Цыганок отшатнулся, и мне показалось, что он тихо выругался. У Цыганка яростно заблестели глаза — выходка нашего попутчика привела его в негодование, и я побанвалась, как бы Цыганок не сорвался и не ударил человечка. Сквозь смуглую кожу на лице Цыганка проступил румянец. Я укоризненно сказала попутчику:

— Господин Бог, разве так можно? Вы так меня напугали. Поручик говорить не может, у него ранение в челюсть.

— Как же это произошло, где? — Бог даже не нашел нужным извиниться. Он не обратил внимания на мои слова. — Кто ранил поручика? Когда?

Я хотела ответить Богу резко, чтобы отвязаться от него разом, на всю дорогу. Но что-то меня удерживало.

Я придала своему лицу печальное выражение и заговорила:

— О, это ужасная история, господин Бог. Неделю назад Виктор (так звали поручика Говядина, а теперь — Цыганка) подвергся нападению каких-то злоумышленников. И вот... Это произошло у нас в деревне. Виктор приехал к нам навестить меня, он мой жених, — тут я потупила глаза, разыгрывая смущение. — Мы думаем, что на Виктора напали партизаны.

— Поймали их? — Бог уставился теперь на меня.

— Да, японский отряд схватил подозреваемых в преступлении, — ответила я и почувствовала приближение опасности. Но какой, откуда? От этого человечка? Почему? Кто он такой?

А Бог не отставал от меня, продолжал засыпать вопросами. Я отвечала осторожно, неторопливо, чтобы ни в чем не запутаться, не вызвать подозрения. И, видно, мне это удалось. На какой-то очередной вопрос Бога я ответила:

— Ах, как мне неприятно об этом говорить, а Виктору слушать! Вы извините меня, но мне бы не хотелось вспоминать больше об этом. Да к тому же у Виктора так болит голова...

Цыганок подтверждающе кивнул головой. Бог согласился со мной и, взяв со стола коробку с конфетами, раскрыл ее и протянул мне:

— Угощайтесь.

Передо мной лежали прозрачные разноцветные леденцы, и я снова почувствовала сильное желание их попробовать и не могла устоять перед угощением. Я взяла верхний красноватый леденец и положила в рот. Он был прохладный и ароматный. Бог протянул коробку Цыганку, и я вся похолодела: неужели сейчас Цыганок загребет целую пригоршню и сунет в рот? А он уже поднимал руку. Я схватилась за нее и торопливо произнесла:

— Что вы, что вы, господин Бог?! Разве ему можно? У него же еще рана открыта.

— Пожалуй, — согласился Бог и, выбрав себе леденец, тщательно закрыл коробку и поставил ее на стол.

В купе наступила тишина. Бог опять почесывал брови большим ногтем, потом вышел из купе. Мы с облегчением вздохнули. Цыганок прошептал:

— Морду набить этому Богу.

Я сделала предостерегающий жест, указывая на дверь, и Цыганок замолк. Тут вошел проводник и, ставя на стол стаканы с чаем, металлическую вазочку с сахаром и сухарями, тихо произнес очень быстро и разборчиво:

— Будьте осторожны. Ваш попутчик подозрителен. В Хабаровске его провожали офицеры. — А затем, уже громче, чтобы было слышно в коридоре, добавил: — Скоро Спасск, а во Владивостоке будем часов в десять вечера. Спасибо.

— Сдачи не нужно, — сказала я, протягивая проводнику иену.

Предупреждение проводника о Боге не так сильно взволновало нас, как сообщение о том, что скоро будет Спасск. Мы как-то про него забыли. События минувшей ночи снова встали перед нами. Вспоминая о них, мы неторопливо пили чай. Цыганок глотал маленькими порциями с ложечки. Видно, это сильно раздражало его, и он скоро отодвинул от себя стакан, который остался больше чем наполовину недопитым. Теперь мы смотрели в окно не отрываясь. Вспомнили слова Шуранова о том, что по дороге идут обыски и проверка людей. Будет ли обыск в нашем вагоне?

Чтобы как-то отвлечься от беспокойных мыслей, я достала из баула книжку, которую мне дал на дорогу старенький учитель из Хвалынки. Я тогда даже не взглянула на титул и не знала, что это за книга. Маленький томик в черном коленкоровом переплете я раскрыла наугад и прочла первую попавшуюся мне на глаза строфу:

Зачем цену утраты на земле
Мы познаем, когда уже в вечерней мгле
Сокровище потонет, и никак
Нельзя разогнать его покрывший мрак?

Я прикрыла глаза. Как близки мне эти строки. Чьи они? Я хотела посмотреть на титул, но не успела. С грохотом откатилась дверь, и голос Бога произнес:

— Спасск, господа, Спасск!

Я отложила книгу на столик и медленно открыла глаза. За окном уже проплывали окраины города. Я боялась посмотреть на Цыганка, пока в купе находится

Бог, и смотрела в окно, а поезд уже мчался среди станционных построек, пакгаузов, мимо товарных вагонов и платформ, на которых под брезентом стояли пушки и какие-то нескладные металлические сооружения.

— Прекраснейшее изобретение англичан, — раздался над моей головой голос Бога. — Танки это. Стальные движущиеся крепости. Они пройдут везде и проложат нам путь до Москвы-матушки белокаменной. Да-то бог!

Цицерон Аркадьевич перекрестился. Мы с Цыганком молчали и во все глаза рассматривали танки. Цыганок их видел впервые. Бог надел богатую шубу с выдровым воротником, шапку «пирожком» и вышел из купе. Цыганок прошептал:

— Что это за птица?

— Молчи, — рассердилась я. — Откуда мне знать?

— Видно, важная, — опять прошептал Цыганок.

Поезд замедлил ход и, скрипя тормозами, остановился. Против нашего вагона оказалось здание вокзала. Мы смотрели в окно на перрон, по которому сновали люди. Здесь было больше колчаковцев и японцев, изредка проходили американцы — их в последнее время становилось все меньше на железной дороге, которую они охраняли. По приказу Грэвса американские части стягивались во Владивосток. Уже начали ходить слухи, что американцы готовятся к эвакуации с нашего Дальнего Востока.

Перрон и станция были залиты солнцем. Меня в плечо толкнул Цыганок, и я услышала:

— Смотри, твой анархист!

Я отпрянула от окна, меня словно обдало жаром: прямо перед нашим окном стоял Немчецкий. Он был в черном пальто с каракулевым воротником. В руках — клетчатая сумка с ремнями и никелированными замками. Немчецкий смотрел, как мне показалось, на наше окно. Вид у него был сумрачный, убитый. Через левую щеку шел багровый шрам, а правая скула была залеплена пластырем.

— Помнит он мою плетку, — прошептал, усмехаясь, Цыганок.

Я не сделала ему замечания. Сейчас я лихорадочно

думала о том, что делать. Если Немчецкий сядет в наш вагон, то мы будем немедленно опознаны им и схвачены. Гошка не простит Цыганку, что он выходил его плеткой, и выдаст и меня и Цыганка. От него всего можно ожидать. Что же делать? Я не видела выхода. Сколь скрупулезной ни была подготовка нашей поездки, мы не могли предвидеть такой ситуации. Гошка, несомненно, собирался ехать этим же поездом. Почему? Ведь он сам мне сказал, что ему надо создать отделение Интернационального союза молодежи здесь, в Спасске.

Тут я увидела, что к Немцецкому подошел колчаковский офицер в погонах капитана и что-то сказал ему строго и наставительно. Гошка только кивнул, соглашаясь. Видно было, что ему не особенно приятно слушать офицера. Наконец они обменялись рукопожатием и Немчецкий пошел вдоль вагона. Неужели в наш?

На станции проплыл звон колокола — раз, второй, третий. Паровоз откликнулся гудком, люди засуетились, забегали по перрону, а поезд, лязгнув буферами, двинулся. Я сидела ошеломленная, у меня не было сил пошевелиться. Цыганок, расстегнув кобуру, шепнул мне:

— Если он войдет в наше купе, я его пристрелю. Потом буду объяснять, что узнал в нем партизана, который стрелял в меня.

Я ничего не ответила. Может быть, так лучше будет. Во всяком случае, никто не узнает, что мы принимали участие в нападении на управу. А золото проводник все-таки передаст нашим. С этой мыслью я подвинула к себе ближе баул и раскрыла его. Там в кармашке лежал мой маленький браунинг, который мне еще летом подарил Миша. Мы прислушались к тому, что делалось в коридоре. У двери послышался голос Бога. Он сердито, с возмущением говорил:

— Поразительно, до чего безответственны наши люди. Нет, тут явно сговор, сговор! Это же ясно!

Дверь откатилась, и мы вздрогнули, ожидая, что сейчас увидим Гошку. Бог вошел и яростно захлопнул дверь. Немчецкого не было видно. Значит, он или в другом купе, или в другом вагоне. Бог энергичным движением сорвал с себя шубу. Вот тебе и сухонький старичок! А я-то думала, что он слабый. В нем, оказывается, много силы и злости. Вон как покраснело его лицо и блестят водянистые глаза, наполненные яростью и не-

навистью. Я уже догадывалась, что могло так разволновать Бога, и спросила его, чтобы удостовериться в своей догадке и узнать что-нибудь новое:

— Что-то случилось?

— А вам что известно? — Бог уставился на меня. — Откуда вам известно? Вы же сели на предыдущей станции!

— Мне ничего не известно, — пожалала я плечами, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Но это можно было отнести к смущению. — Просто вижу, что вы чем-то расстроены.

— Партизаны ограбили управу. Бандиты!

— Да какие же партизаны могли ограбить в городе управу? — с деланной наивностью спросила я. — Везде же наши войска и союзники.

— Лопоухие дураки тут сидят! — злился Бог, шлепая своими большими, вытянутыми вперед губами. — Нет, надо, надо наводить порядок! Иначе мы погибнем. Погибнем! Надо расстрелять всех, кто виноват в этой оплошности. Бог ты мой — держать золото в управе! Какие идноты!

Бог сел рядом со мной и начал качать головой, как китайский болванчик. Потом он потянулся к коробке с леденцами, взял ее, но не открыл, а швырнул на столик, сказав мне:

— Угощайтесь.

Тут же Бог сорвался с дивана и выскочил из купе. Мы с Цыганком переглянулись и чуть не рассмеялись. В душе мы ликовали. О нашем налете на управу говорит весь Спасск. Но тут же наше хорошее настроение омрачилось — мы вспомнили о Немцецком. Где он сейчас? Может быть, в соседнем купе?

Но наши волнения были напрасными: до самого Владивостока мы больше не видели Гошку. В дороге дважды проверяли документы, но в наше купе даже не заглянули, потому что, как я потом узнала, проводник предупреждал, что тут едет тяжело раненный офицер, а документы, которые Бог предъявлял проверяющим, производили на них большое впечатление, и они проходили мимо нашей двери, даже не открывая ее.

В десять часов вечера мы подъезжали к Владивостоку. Когда поезд остановился на станции Первая Речка, мы стали одеваться. Бог удивился:

— Вы выходите здесь? Почему? Кто у вас здесь живет?

— Моя старшая сестра, — ответила я. — Отдохнем с дороги у нее, а Виктор уже завтра явится в штаб.

— Какой штаб? Чей? Где он расположен? — встретился Бог. Он наклонился ко мне и в эту минуту походил на большую неприятную хищную птицу, которая, казалось, прицеливалась клонуть меня.

Я поняла, что сказала лишнее, но выкрутилась:

— Военные тайны не выдаются даже самому Богу.

Он оценил мою шутку и засмеялся мелким рассыпчатым смехом. Мы с Цыганком вышли из купе, и Бог последовал за мной. Я не могла от него отвязаться. Как же мы возьмем у проводника чемодан? В вагоне, как это бывает перед приходом на станцию назначения, была суматоха. С трудом мы пробрались к выходу между заранее выставленных чемоданов и одетых людей, которым надо было выходить не на Первой Речке, а во Владивостоке. Мы с Цыганком опасались, что сейчас, в последнюю минуту, столкнемся лицом к лицу с Немчецким, но его, кажется, не было в нашем вагоне. И вот, когда мы проходили мимо последнего купе (я шла впереди, за мной Цыганок в сопровождении Бога), мне дорогу преградил вышедший из него человек в черном пальто.

— Разрешите пройти, — попросила я, опасаясь, что поезд вот-вот тронется.

— Пожалуйста, — ответил человек, уступая мне дорогу и поворачиваясь ко мне лицом.

Я чуть не закричала. Немчецкий! Мы стояли так близко друг к другу, лицом к лицу, что я чувствовала его прерывистое дыхание. На мгновение нас обоих охватил ужас. Цыганок еще не видел Немчецкого. Я почему-то протяжно спросила Гошку:

— Вы-ы?

— Да-а, — заикаясь, выдавил он из себя и вдруг, приложив к губам палец, смотря на меня умоляюще и испуганно, бросился обратно в купе. Я поняла, что он испугался нас больше, чем мы его. Цыганок уже успел заметить Немчецкого и повернулся к нему в дверях, заслонив собой вход в купе, из которого уже все вышли. Как потом мне рассказал Цыганок, Немчецкий, увидев Цыганка в офицерских погонах, заулыбался, закланял-

ся и прикрыл рот ладонью, показывая, что он будет молчать. Лицо Гошки побледнело, а багровый шрам от плетки Цыганка стал еще ярче. Цыганок только кивнул Гошке и поспешно двинулся за мной. Я тащила его за руку, а Бог заметил какое-то замешательство, но, не поняв, почему оно произошло, спрашивал:

— Что случилось? Что произошло? Знакомого встретили?

— Ошиблись, — ответила я, и мы торопливо вышли в тамбур.

Проводник сказал мне:

— Мадемуазель, ваша поклажа уже на перроне.

Я поблагодарила его, и мы с Цыганком, прыгнув с подножки, оказались рядом с чемоданом. А Бог кричал из тамбура:

— До свиданья, господа. Скорейшего выздоровления поручику!

— Спасибо! — прокричала я в ответ.

Поезд тронулся и покатил в темноту. Едва Цыганок нагнулся, чтобы взяться за ручку чемодана, как к нам подошли двое. Один из них сказал:

— С приездом. -- В нем я узнала Борзова. Но тут увидела Немцецкого, который, прижавшись лицом к стеклу, смотрел на нас из вагона уходящего в темноту поезда...

Глава третья

ПОРТФЕЛЬ ПОЛКОВНИКА ДЮРАСОВА

Неужели в жизни многое должно повторяться и обязательно напоминать о трудном, тяжелом, печальном? Со мной сейчас происходит то же самое, что в прошлом году с Мишей. Я живу в маленькой комнатке за магазином на Северном проспекте, слышу, как торгует Борзов своей галантереей, как позвякивает колокольчик при входе и выходе каждого покупателя...

День выдался серый, пуржистый, невеселый. Я подумала: «Опять томиться в этой низкопотолочной каморке? И ждать, ждать!» С ненавистью смотрела я на свою маленькую комнатку, словно она была моим злейшим

врагом, и невольно рассмеялась. Это же друг, хороший, верный друг, который надежно укрывает от колчаковцев, от всех подозрительных взглядов. И все-таки я больше не в силах сидеть без дела.

Я причесалась, прибрала в комнате и подошла к оконцу. Густая пурга наотмашь хлестала по стеклам, сотрясая весь дом. В тот вечер, когда мы с Цыганком вышли из поезда на Первой Речке, Борзов поместил меня здесь, а Цыганка увел с собой второй встретивший нас товарищ. Они же унесли и чемодан с золотом. Я рассказала Борзову о встрече с Немцецким в Спасске и в вагоне. Это его очень обеспокоило. Он сказал мне, недовольно хмурясь:

— Это плохо, Ольга. Я знаю, что тебя хотели оставить здесь для работы во Владивостоке. А теперь... — Он пожал плечами. — В общем, придется тебе пока сидеть и носа на улицу не показывать. Ждать, что решат в комитете.

Вот я и сижу. В комнате сумрачно. Снег с сухим шорохом трется о стекло. Я ложусь на кровать и с тоской продолжаю смотреть на окно. Рядом со мной раскрытый томик стихов. Книга, которую мне дал на дорогу учитель, оказалась сборником стихотворений Лермонтова. Я вспомнила, как Миша мне рассказывал о своем «великом сидении» в забайкальском селе после ранения, где он выучил на память поэму Байрона. Последую его примеру. Я беру томик и листаю страницы, выбираю стихотворения, которые бы стоило выучить. Впрочем, каждое стихотворение Лермонтова хорошее. Но одно нравится больше, другое меньше. Ага, вот это выучу! «Корсар».

Друзья, взгляните на меня!..

Я отбрасываю книжку. Нет, стихи мне сейчас не запомнятся, в голову идут другие, далекие от поэзии мысли. Немецкий, наверно, уже доложил колчаковской разведке о нашем приезде во Владивосток. Возможно, сейчас белые ищейки рыщут по городу, обшаривают дом за домом. Может быть, они сейчас где-то рядом. А быть может, сейчас ворвутся во двор и я услышу, как загромяхают их сапоги на крыльце, как они забарабанят в дверь.

Я так явственно себе это представила, что моя рука

скользнула под подушку и привычно сжала рубчатую рукоятку браунинга. Вот он, мой верный друг и защитник. Беляки взбешены нашим налетом на управу. И, конечно, не могут успокоиться. А тут сообщение Немецкого, что мы в городе. Если они ворвутся ко мне, то я буду стрелять в их лица, пока не кончится обойма. Как бы они потом ни издевались надо мной, как бы ни пытали, я так же стойко вынесу все это, как вынес Миша, и покажу, па что способны коммунисты.

Где сейчас Харсь? Вероятно, как и я, томится в какой-то каморке и проклинает все на свете. Может быть, меня никто не посещает столько дней потому, что мы с Харсем уже не годимся для работы во Владивостоке и товарищи выжидают удобного момента, чтобы отправить нас назад, в тайгу, к Глазурину? Как бы я хотела быть сейчас там!

Чтобы отвлечься от тоскливых мыслей, я прислушалась к тому, что делается в магазине. Сегодня, в непогоду, покупателей заходит мало. Это я знаю по редкому позвякиванию колокольчика. Борзов внешне спокойно и флегматично ведет свою роль торговца средней руки, хотя над ним все время висит опасность. Ведь любой очередной звонок у двери может означать приход колчаковцев.

Вот у кого мне надо поучиться терпению, умению держать себя в руках. Я-то знаю, что роль купца Борзову осточертела не меньше, чем мне мое одиночество, что он мечтает об открытой борьбе с врагом. В первые дни Борзов расспрашивал меня о партизанской жизни, и я видела, как загорались его глаза. В эти минуты он был там, среди моих товарищей, неся в атаку, рубил беляков, лежал в цепи, закладывал взрывчатку, уходил в разведку...

Дверь негромко скрипнула, и вошла Марфа Егоровна, старая, преждевременно располневшая женщина с добрым и усталым лицом. Она живет во дворе, в маленьком флигеле, со своим безпогим мужем-железнодорожником. Держит корову и этим перебивается кое-как. Борзов старается им помочь. Просто денег или что-нибудь из товаров Марфа Егоровна не берет. Ей строго-настрого запретил это делать муж, который сидит целый день у окна и за своим маленьким верстаком мастерит игрушечные паровозики и вагоны. Жена про-

дает их через наш магазин. Игрушки сделаны неумело, грубовато, и за них дают гроши. Но Борзов обманывает Марфу Егоровну и ее мужа и выплачивает в несколько раз больше. Я часто вижу за окном склоненную голову мужа Марфы Егоровны. Он трудится весь день, не дает себе отдыха. Видно, ему так легче забыть о своем несчастье. Но он лишился во время работы, когда формировал состав. Машинист-американец не так понял его сигнал, а быть может, нарочно тронул состав в то время, когда сцепщик был еще между вагонами.

— С добрым утром, — говорит Марфа Егоровна и семенит к столу. Она держит перед собой небольшой узел. Потертое пальто черного дешесенького плюша и платок, повязанный по-деревенски, запорошены снегом. Дряблые щеки женщины размяклились от мороза. Марфа Егоровна осторожно опускает на стол узелок, и я, с трудом сдерживая улыбку, смотрю, как она разворачивает одеяло и достает коричневую кастрюльку, снимает с нее крышку и настойчиво говорит мне: — Попей-ка, доченька, горячего, с пенкой. Оно очень полезно. Вечерком я и медку пару ложечек положу. Выпьешь на сон. Это очень здоровью поможет.

Борзов попросил Марфу Егоровну носить мне молоко. После первой встречи со мной женщина решила, что я сильно простужена — так поразил ее мой низкий голос, и она принялась лечить меня горячим молоком по утрам и вечерам. Никакие объяснения, что у меня от рождения такой голос, не могли ее разубедить. Для Марфы Егоровны и ее мужа я — племянница Борзова, которая приехала из Хабаровска погостить к дядьке. Я поблагодарила женщину, она вздохнула и покачала головой:

— Все сидишь одна-одинешенька. Скучно, поди? Зашла бы к нам. Все-таки живые люди. И поболтали бы. А то твой дядя все коммерсует, все деньгу заколачивает. Хмурый человек.

Приглашение Марфы Егоровны меня обрадовало, и я охотно откликнулась:

— Сегодня же приду.

— Вот и хорошо, — кивнула женщина. — И моему будет веселее. А то все точит и точит свои железяки. Молчит, как суч. А что ему со мной говорить, когда в жизни все уже переговорено. — Она поправила на голо-

ве платок и, спернув одеяло, кивнула на кастрюлю: — Пей, пей, пока не остыло.

Марфа Егоровна ушла, и я вновь осталась одна. Молоко было действительно вкусным, с поджаристой пенкой. Едва допила последний глоток, как услышала в магазине громкие голоса. Я насторожилась, прислушалась, но слов разобрать не могла. «Неужели беляки?» — пронеслась у меня тревожная мысль, и я осторожно, чтобы не шуметь, поставила на стол кастрюлю, метнулась к подушке и схватила браунинг. Я оглянулась, словно что-то ища, но тут же поняла, что смотрю в окно и думаю о том, бежать мне или нет. Нет, бежать нельзя. Могу подвести Борзова. Но и оставаться нельзя, мои приметы Немцевский, наверное, отлично и точно расписал контрразведчикам. Буду стрелять, если меня попытаются арестовать. А пока надо спрятать браунинг где-то поблизости, чтобы в любое мгновение он мог оказаться у меня в руке.

Еще раз оглядев комнату, я сунула браунинг на подоконник, за занавеску, которая опускалась ниже его, а сама села к окну спиной на венский скрипучий стул. Он качнулся подо мной, и мне показалось, что его жалобный скрип слышен в магазине. Там голоса смолкли, хлопнула дверь, ведущая в коридор, затем послышались быстрые шаги. Они приближались к моей двери. Шел не один человек, а двое. Но вот один остановился. Это, наверно, для осторожности, на всякий случай. Второй подошел к моей двери и широко распахнул ее. Сердце мое сжалось в тугой комок и билось сильно и громко. Я ожидала увидеть на пороге офицера в шинели с погонами, с револьвером в руке, но увидела, что в комнату шагнул человек в стареньких латаных-перелатанных сапогах, мокрых от снега, в ватной коричневой куртке до колен. В руках он держал шапку-ушанку. Человек улыбался.

— Здравствуй, Ольга. — Вошедший чуть картавил.

— Сергей Георгиевич! — Я не помнила, как бросилась к нему. А он, протянув руки, крепко обнял меня: — Здравствуй! Заждалась?

— А вас сразу-то и не узнаешь, — сказала я, улыбаясь. Я очень обрадовалась приходу Лазо, но тут же сказала, что он напрасно рискует, расхаживая по городу, — все же опасно.

— Опасно даже спать в своей постели, — засмеялся Лазо. — Потолок может обвалиться.

Мы оба весело рассмеялись и почувствовали себя так, словно и не расставались в таежном селе Белая Падь два месяца тому назад, когда Сергей Георгиевич, разработав план подготовки восстания против колчаковцев, был вызван подпольным комитетом партии во Владивосток. Как давно это было! Я, обрадованная встречей, призналась Сергею Георгиевичу:

— Уже и не надеялась вас увидеть.

— Что так? — Лазо снял тужурку, аккуратно повесил ее на гвоздь у двери и остался в простой черной сатиновой косоворотке, поверх которой был надет старенький дешевый пиджак в белую полоску. Этот наряд не очень шел Сергею Георгиевичу, придавая ему какой-то чужой и неопрятный вид. Лазо заметил мой укоризненный взгляд и усмехнулся, присаживаясь к столу: — Я теперь грузчик на мельнице.

— Работаете? В самом деле? — удивилась я.

— А то как же? — Лазо с усмешкой развернул плечи. — Ноют, окающие. Не могут к пятипудовым мешкам привыкнуть. Ты бы как-нибудь подошла к мельнице и взглянула на меня.

— Так мне же нельзя выходить на улицу, — сказала я.

— Что так? — повторил свой вопрос Сергей Георгиевич, и его глаза требовательно уставились на меня. — Объясни.

— Немчецкий же нас с Цыганком видел! — Я была удивлена, что Лазо не знает об этом, и уточнила: — Он нас в поезде видел.

— Ну и что? — пожал плечами Лазо. — Насколько нам известно, он о вас никому не сообщал. А тем более контрразведке. Так что твои страхи напрасны.

Лазо чуть свел брови. Так бывало у него всегда, когда к нему приходила неожиданная, очень заинтересовавшая его мысль. Не нарушая его молчания, я ждала, что скажет Сергей Георгиевич. Вдруг он улыбнулся:

— Надо будет узнать, где этот Немчецкий. Может быть, он нам еще пригодится.

Я не понимала Лазо, а он, не досказав своей мысли, заговорил о другом:

— Не сердись, что вызвал тебя из отряда. Ты тут

нам очень нужна. Хорошо отдохнула? Не беда, что посидела несколько дней в одиночестве. Иногда это полезно. И вид у тебя сейчас стал более городской. Не такой уж партизанский.

— Лучше бы я там была, с партизанским видом, — обиделась я.

— Ладно, ладно, — примирительно взял меня за руку Лазо. — Вот слушай меня. Подготовка восстания против остатков колчаковщины подходит к концу. Хотелось бы сразу после разгрома Розанова восстановить Советскую власть. Но обстановка не позволяет. Американцы и японцы не дадут нам сделать этого. Дальневосточный обком партии, ввиду наличия крупных интервентских сил в городе, намеряет провести восстание под лозунгом временной передачи власти земской управе. Но об этом еще будет принято решение. Я буду настаивать на лозунге перехода власти прямо к Советам. Впрочем, как бы там ни решили, восстание состоится в срок. И тебе надо принять участие в его подготовке.

— Какое? Я готова! — обрадовалась я и не спускала глаз со смуглого, чуть одутловатого лица Сергея Георгиевича. У него, наверное, опять начали болеть почки, а он это, как всегда, скрывает.

Тут я увидела, что в глазах Сергея Георгиевича мелькнули лукавые огоньки. Он сказал:

— Тебе, Ольга, придется сыграть роль буржуа, невесту барчонка.

— Опять невесту? — засмеялась я. — А кто же будет моим женихом? Все тот же Цыганок? — Мне стало весело.

Лазо не ответил. Он обернулся к двери и громко позвал:

— Шандор!

У меня дрогнуло сердце. Почему так неосторожно ведет себя Сергей Георгиевич? Ведь в магазине кто-нибудь есть. Могут услышать его голос. И какого Шандора он зовет? А Лазо, искоса смотревший на меня, качнул головой:

— Не будь трусихой. В магазине, когда мы вошли, никого не было. А если кто появится — Борзов даст знать. А сейчас встречай своего нового жениха.

Я с любопытством уставилась на дверь. Она отворилась, и через порог, чуть пригнув голову, чтобы не за-

деть низкую притолоку, вошел французский офицер. На нем была голубоватая шинель, меховая шапка, к которой он поднес руку, затянутую в коричневую лайковую перчатку:

— Стайствуйте!

«Здравствуйте», — перевела я для себя и невольно улыбулась тому удивлению, которое отразилось на смуглом, с тонкой ниточкой черных усов, лице Шандора. Очевидно, то же самое он прочитал и на моем лице, потому что в сдержанной улыбке показал свои белые ровные зубы. «Красавчик», — подумала я с непонятным для меня приглушенным раздражением. Шандор действительно был красив: черные горячие глаза в густых ресницах, над ними в смелом разлете — смоляные брови, правда, чуть широковатые; нос с заметной горбинкой и красивым вырезом ноздрей; упрямый подбородок. Лицо выдавало в Шандоре человека решительного, смелого.

— Знакомьтесь, знакомьтесь, — предложил Сергей Георгиевич и представил нас: — Ольга Силина — Шандор Палаи.

Шандор привычно-ловко стянул с руки перчатку, и на его мизинце сверкнул перстень. Мы пожали друг другу руки. Сергей Георгиевич жестом пригласил нас сесть. Шандор снял шапку, открыв густые черные волосы, аккуратно расчесанные на пробор, и опустил на стул.

Лазо посматривал на нас с лукавой усмешкой в карих глазах. Потом рассмеялся и сказал:

— А вы подходите друг другу!

— Это и есть мой новый жених? — язвительно спросила я. — Красавчик!

— Не злись, не злись, — дружески дотронувшись до моего плеча, произнес Лазо и, уже переходя на деловой тон, спросил: — Ты как, не забыла то, чему тебя учила француженка в гимназии?

Я вскинула голову. Для чего ему понадобился мой французский язык? Сергей Георгиевич объяснил:

— Шандор очень плохо понимает русский, а говорит еще хуже. Он венгр, но служит во французской миссии. Наш товарищ.

Шандор внимательно прислушивался к тому, что говорил Сергей Георгиевич, и при слове «товарищ» кивнул, улыбнулся и произнес:

— Товалис.

— Ну, переводи, — попросил Сергей Георгиевич.

Я снова вопросительно и удивленно посмотрела на Лазо. Он же отлично знает французский язык, так почему же я должна быть для него переводчицей? Может быть, он хочет скрыть от Шандора свое знание или же...

Лазо прервал мои размышления и уже настойчиво повторил:

— Переводи. Я с ним. Шандором, встречаюсь в первый раз. Пусть он мне сейчас поподробнее расскажет о себе.

Я, волнуясь, поймет ли меня Шандор, перевела просьбу Сергея Георгиевича и, к своему удивлению, увидела, что Палаи меня понял, даже хорошо понял, потому что не переспросил, а быстро, почти без пауз, загворил, так что мне приходилось его время от времени останавливать.

С какой благодарностью я вспомнила сейчас нашу учительницу французского языка в гимназии Жаннету Корсо — старую желтощекую даму с быстрыми, точно у непоседливой девчонки, движениями. Мы все в гимназии дружно и искренне ненавидели ее, дав ей прозвище «Грызетта». Она очень редко кому ставила высокие баллы и все время была недовольна нашими успехами, нашим прилежанием. А эти бесчисленные упреки! А эти придирки из-за произношения! Но больше всего нас бесило начало каждого ее урока. Жаннета-Грызетта неизменно начинала его фразой: «Только знание языка великого французского народа может приблизить любого человека к культуре и сделать его настоящим человеком. Знать французский язык — большое счастье». Она, сама того не понимая, оскорбляла этим нас.

Я не выделялась среди других девочек и считалась средней ученицей. Жаннета была строга и ко мне, но сейчас я с теплотой и чувством вины вспоминала о ней. Спасибо тебе, старая строгая учительница!

Я с удовольствием переводила рассказ Шандора. Он, сын учителя из маленького городка у озера Балатон, в начале войны был призван в австро-венгерскую армию, закончил военное училище и был выпущен младшим офицером.

Мне было очень приятно, что Шандор — сын учи-

теля. Это нас сближало. Мой отец тоже был учителем. Шандор сразу же попал на фронт и там, в окопах, понял, что война народу не нужна. Потом он оказался в русском плену и попал в Сибирь, в лагерь военнопленных. И вот — революция в России. Шандору сразу не удалось найти дорогу к большевикам, и он из-за хорошего знания французского языка оказался на службе во французской военной миссии.

— Спроси-ка его, — сказал мне Сергей Георгиевич, — знает ли он, что позавчера в Иркутске расстрелян Колчак?

— Колчак расстрелян?! — воскликнула я обрадованно.

— Да, Сибирь почти вся — советская. — Лазо поднялся, зашагал по комнатке. Голос его звучал восторженно: — Сибирь — советская! Скоро и здесь будут Советы. Скоро, скоро!

Он остановился, вскинул голову. Его взгляд был устремлен куда-то за окно. Он словно уже видел Владивосток советским, видел наши алые флаги на его улицах. Я сказала о Колчаке Шандору, и он кивнул:

— Адмирал расстрелян рабочими.

Он знает. В военной французской миссии об этом много разговоров. Там считают, что Колчак — давно уже битая карта и напрасно его так долго поддерживали американцы. Сейчас надо искать сильную фигуру против большевиков.

— Кого имеют в виду? — спросил Сергей Георгиевич.

Шандор пожал плечами. Называют имена многих генералов, но ни один не устраивает. Японцы, очевидно, будут по-прежнему поддерживать Семенова.

При упоминании о Семенове по лицу Сергея Георгиевича прошла тень. Он, конечно, вспомнил, как дрался с ним в Забайкалье. И сейчас, пожалуй, этот палач — самый опасный враг. За его спиной американцы и японцы. Лазо тряхнул головой, точно прогоняя какие-то тревожные мысли, и немного помолчал. Мы с Шандором терпеливо ждали, когда он заговорит.

Сергей Георгиевич вернулся к столу, и наш разговор продолжался. Лазо сказал:

— Товарищи мне передавали, что Палаи решил уйти из французской миссии.

— Состав миссии сокращается, — уточнил Шандор, — и все нефранцузы из нее увольняются. Я свободен.

Сергей Георгиевич очень пристально, изучающе смотрел на офицера. Мне даже показалось, что он не доверяет Шандору или сомневается в нем. Может, поэтому скрывает, что понимает его по-французски? Лазо обратился ко мне:

— Спроси его, готов ли он к выполнению очень серьезного и опасного нашего задания?

Шандор ни секунды не колебался. Он еще больше выпрямился на стуле и коротко ответил:

— Да! К любому!

Я увидела, каким огнем полыхнули глаза Шандора, как порозовели его скулы, и поняла, что этот человек говорит правду. Он жаждет сделать что-то очень нужное и большое для нашего общего дела. Я ни на мгновение не сомневалась в его искренности и уже забыла о своем легком раздражении при встрече.

— Сегодня ночью вам предстоит довольно сложное и трудное дело. Опасное, — сказал Сергей Георгиевич.

— Я готов! — опять коротко, но убежденно произнес Шандор. — Какое?

Лазо молчал. Возможно, что он колебался — сказать или не сказать сейчас Шандору о предстоящей боевой операции. Палаи без обиды, но с некоторой горечью, которую он и не думал скрывать, проговорил:

— Вы опасаетесь сейчас мне сказать?

— Осторожность — залог успеха, — ответил Лазо, и Шандор в знак согласия нагнул голову:

— Вы правы.

— Могу сказать одно. — Лазо смотрел прямо в глаза Шандора: — Мы очень рассчитываем на вас и верим вам, особенно после того, как вы нам сообщили о... многих интересных вещах.

Сергей Георгиевич что-то скрывал от меня, но с Шандором они отлично поняли друг друга. Я не обиделась на Лазо за скрытность. Значит, мне это не обязательно знать. У Шандора же довольно затеплились глаза. Лазо встал и протянул ему руку:

— Будьте здесь в десять часов вечера!

Это он уже произнес тоном приказа, и Шандор козырнул:

— Есть быть в двадцать два ноль-ноль!

Мы распрощались, и Шандор вышел из комнатки. Сергей Георгиевич и я прислушались к его удаляющимся шагам. Дважды звякнул колокольчик выходной двери, и мы облегченно вздохнули. Значит, в магазине никого не было и Шандор сразу же вышел из него. Сергей Георгиевич сказал:

— Молодец Борзов. Зная, что я должен встретиться в магазине с Шандором, он сразу же после прихода офицера повесил объявление «Закрыто». Какое впечатление на тебя произвел Шандор?

— Думаю, не ошибусь, если скажу, что Палаи искренне хочет принять участие в нашей борьбе, — ответила я не задумываясь.

— И у меня сложилось такое же мнение. Магьяры и чехи, японцы и американцы проходят у нас университет революции и вернутся к себе на родину, чтобы использовать наш опыт! Верю я, Оленька, очень верю, что наступит время, когда на всем земном шаре будет одна человеческая семья очень счастливых и свободных людей! Будет!

В комнату заглянул Борзов:

— Цыганок пришел!

— Пусть проходит, — сказал Лазо.

Я обрадовалась, что увижу товарища. Кажется, мое одиночество окончилось. Сергей Георгиевич похвалил:

— А ты, Ольга, неплохо французским владеешь.

— Потому вы и сделали меня своим переводчиком? — засмеялась я.

Лазо понял мой намек и пояснил:

— Хотелось послушать, как вы с Шандором разговариваете. Это вам сегодня понадобится. А-а, вот и наш Марко!

Я заметила еще в тайге, что Лазо всегда называл Цыганка только по имени. В комнату вошел Марко, и я с трудом узнала его. Он сменил офицерскую форму на скромное пальто с вытертым меховым воротником и простую шапку.

— Цыганок! — бросилась я к нему.

— Здравствуй, Оля. — Марко широко улыбнулся.

— Вот что, товарищи, — деловито заговорил Лазо. — Слушайте и запоминайте, что вам предстоит сде-

лать. Да ты, Марко, раздевайся. Уже до вечера не выйдешь отсюда.

Цыганок оказался в рубашке, подпоясанной узеньким ремешком. Походил он сейчас на простого рабочего паренька. Сергей Георгиевич очень торжественно поблагодарил нас за доставку золота и добавил:

— У вас все очень ловко получилось. Вот почему мы решили и дальше вам, друзья, поручать дела, которые требуют сообразительности, смелости и ума. Только чур, не зазнаваться, — он засмеялся, — не задирать носы! Запомните, едва человек начинает зазнаваться, как он уже теряет многие и самые лучшие качества и в конце концов приносит вред. — Сергей Георгиевич улыбнулся: — Прошу не обижаться на меня за прописные истины, но иногда мы о них забываем. И это очень плохо.

Лазо пристально посмотрел на каждого из нас и негромко произнес:

— Слушайте, что вам предстоит сегодня сделать. Курьерским поездом из Владивостока в Хабаровск выезжает полковник Дюрасов из штаба генерала Розанова¹. С ним важнейшие документы о расположении колчаковских и интервентских войск в крае, сведения о складах с боеприпасами и амуницией и многое другое. Эти документы должны быть завтра у нас. Взять их у полковника, а лучше всего захватить их вместе с полковником предстоит вам.

— Как? — в один голос произнесли Цыганок и я.

Мы уже были очень заинтересованы предстоящим делом. Я увидела, как ярко загорелись глаза Цыганка, да и сама я почувствовала в душе большой подъем и нетерпение.

— Сейчас расскажу коротко, а когда придет Шандор, мы более подробно обсудим всю операцию. — Лазо откинулся на спинку стула и продолжал: — Ты, Ольга, с Шандором окажешься в том самом купе, в котором будет находиться полковник Дюрасов. Ты будешь по документам женой Шандора Палаи, который вне подозрений у колчаковцев.

— Какой Шандор? — нахмурился Цыганок.

¹ Генерал Розанов — наместник Колчака на Дальнем Востоке.

Тут я уловила, что Цыганок не просто хочет узнать о Шандоре, а недоволен тем, что я буду считаться женой этого неизвестного Палаи. Лазо коротко ответил Цыганку и продолжал:

— Проводник вагона — наш человек. Теперь слушайте, как лучше все сделать...

Лазо провел с нами весь день. Нам едва хватило времени, чтобы подготовиться к столь необычной для нас операции. Борзов принес для меня и Цыганка новую одежду. Цыганок надел форму солдата французской армии. Мне пришлось ее немного подогнать, потому что она оказалась широковатой. А я превратилась в этакую расфуфыренную даму с опущенной на лицо вуалью.

Нарядившись, мы весело рассматривали друг друга, а Лазо и Борзов — критически. Они придирались к каждой мелочи. Наконец, когда все было сделано, Сергей Георгиевич удовлетворенно вздохнул:

— Теперь, кажется, сам Бог к нам не придерется.

— Цицерон Аркадьевич? — вспомнила я о странном и подозрительном нашем попутчике по купе. — Вы его знаете?

— Старший следователь русского отдела японской контрразведки, — сообщил Лазо. — Вот с кем вы ехали в поезде!

— Фью-ю-ть! — присвистнул Цыганок. — А мне так хотелось ему в морду дать!

— Богу-то? — захохотал Сергей Георгиевич, и к нему присоединились все мы.

Когда стемнело, кто-то пришел к Борзову и передал для нас документы. Я уже без особого интереса узнала свое новое имя. Как быстро привыкает человек даже к самому необычному! Цыганку дано венгерское имя. Он должен был ехать с нами в качестве вестового Шандора.

— Но как же они поймут друг друга? — удивилась я.

— А ты, как это часто бывает, будешь сама распоряжаться вестовым, а не офицер, — засмеялся Лазо.

Цыганок эти слова принял с облегчением. Он был

настроен против Шандора, это я хорошо заметила. Мы поужинали в моей комнатке, и вскоре явился Шандор с покрасневшим от мороза лицом. Пурга не прекращалась весь день, к вечеру она усилилась, злее завывала за окном. Палаи выслушал Лазо спокойно, словно речь шла о самом обыкновенном, и это мне очень понравилось. Цыганок хмуро смотрел на Шандора, но тот словно не замечал его ершистого настроения и дружелюбно с ним заговорил по-венгерски. К всеобщему нашему удивлению, Цыганок не только понял его, но и ответил что-то.

— О-о, да это же прекрасно! — удовлетворенно сказал Лазо и, справившись у Борзова о времени, поторопил нас: — Пора, пора на вокзал!

Мы распрощались с Сергеем Георгиевичем и, проверив оружие, вышли на улицу через двор. Пурга не унималась. У самой калитки стояла пролетка с поднятым верхом. На козлах темнела фигура извозчика. Мы с Шандором и Цыганком забрались в экипаж. В ноги к нам Борзов установил два небольших чемодана и пожелал:

— Счастливого пути.

Пролетка тронулась, и Борзов исчез за бушующей стеной снега...

...Поезд Владивосток—Хабаровск отходил ровно в десять часов. Мы, как было условлено, подошли к спальному вагону за две минуты до отхода. Цыганок внес наши чемоданы в тамбур. Проводник недовольно заворчал:

— Колокол уже пробил. Сейчас тронемся.

Около вагона, пряча лица в воротники от порывов ветра, засыпавшего глаза колючим снегом, толпились провожающие — офицеры, какие-то богато одетые господа.

Мы вошли в вагон, и поезд тронулся. Проводник, захлопнув двери, обратился к нам:

— Прошу, господа, ваши билеты.

Шандор небрежным жестом сунул ему три билета, которые получил от Борзова. Едва увидев номер купе, проводник с изумлением и растерянностью бросил на нас быстрый взгляд и произнес:

— Прошу господ в купе. Вестовой поедет в служебном, то есть со мной.

Шандор держался спокойно, уверенно, любезно отдавал честь другим офицерам. Я с изумлением и одобрением следила за Палаи, и мне передалось его спокойствие. Проводник осторожно постучал в четвертое купе, и оттуда донесся недовольный ленивый бас:

— Да! Войдите!

Проводник откатил дверь, и я увидела, что в хорошо освещенном купе сидит в одиночестве полковник. Я вспомнила его фамилию — Дюрасов. Китель по-дурасстегнут. На холеном лице — недовольная гримаса:

— Черт знает, что такое! — раздраженно начал полковник. — Я же просил, чтобы мне было отдельное купе. Черт знает, что та...

Тут Дюрасов увидел меня за спиной проводника, прервал себя, вскочил, быстро застегнул на все пуговицы китель и, улыбаясь, вежливо пригласил:

— Прошу вас, мадемуазель!

— Мерси, — постаралась я сказать с самым настоящим французским прононсом. — Я огорчена, что мы вынуждены вас беспокоить.

Мой французский язык явно произвел на полковника впечатление. Он забыл о своем раздражении, и только появление Шандора его разочаровало. Явно Дюрасов в первое мгновение моего появления рассчитывал на то, что в купе мы будем вдвоем. Однако он очень вежливо поздоровался с Палаи. Цыганок уложил наши чемоданы и, кинув взгляд на полковника, молча вышел из купе. Скоро мы все непринужденно болтали о пустяках. Полковник хорошо говорил по-французски. Как было указано в наших документах, мы, молодожены, ехали к моим родственникам в Хабаровск, о чем мы и сообщили Дюрасову. Он поздравил нас и пожелал нам счастливой жизни и большой любви.

Дюрасову было за сорок. Стройный, поджарый, с волевым лицом, на котором горели умные серые глаза, он показался мне опасным противником, и я с тревогой спросила себя, как же мы с ним справимся. Портфеля, о котором нам говорил Лазо, не было видно. Возможно, он в черном лакированном чемодане, что лежит на полке для багажа?

После чая мы готовились лечь спать. Шандор и Дюрасов вышли, оставив меня одну. Меня так и подмывало

заглянуть в чемодан полковника, но я все же удержалась и легла.

...Поезд мчался сквозь пуржистую ночь. Иногда наше темное купе освещалось станционными фонарями, и снова наступал мрак. Я не спала. Не спал и Шандор. Это я хорошо знала, но у меня мелькнула глупая мысль: «Как бы Палаи не заснул». Полковник скоро начал похрапывать. Шло время. Часа через четыре проводник негромко дважды стукнул в дверь. Пора! Шандор бесшумно спустился с полки и включил свет. Полковник спал. Мы оделись тихо, осторожно, и тогда Шандор вытащил браунинг и, направив его на Дюрасова, кивнул мне. Я осторожно тронула полковника за плечо, потрясла его. Дюрасов не сразу проснулся, я потрясла его сильнее. Наконец он поднял голову:

— А? Что? — Тут он увидел перед собой пистолет Шандора и крикнул: — Что такое?!

— Тихо, полковник, — потребовал Шандор. — Вы арестованы! Для вас лучше не сопротивляться, иначе я буду вынужден... — Палаи не договорил, но Дюрасов понял. Лицо его стало серым, но он держал себя в руках. Полковник спросил:

— А если я закричу? Или брошусь на вас?

— Я буду стрелять, — сказал Шандор.

— Я тоже, — добавила я. У меня в руке был маленький браунинг. — Я стреляю метко.

— Что вам от меня надо? — Полковник прислушался к ходу поезда.

Колеса стучали все тише. Значит, нам скоро сходить. Надо было торопиться. Я спросила:

— Где портфель с документами, которые вы везете в Хабаровск?

— Я не знаю, о каких вы говорите документах. — Колчаковец явно затягивал время.

Тогда я сказала:

— Одевайтесь!

— И не подумую! — заартачился Дюрасов.

— Ну, что же... — Шандор усмехнулся и сделал вид, что хочет ударить полковника по голове пистолетом. Поэтому я торопливо сказала Дюрасову:

— Плен или смерть? Выбирайте!

— Я одеваюсь. — Полковник был готов через минуту. Портфель оказался у него под подушкой.

Мы для верности вбили Дюрасову кляп в рот, связали руки, нахлобучили на самые глаза папаху, подняли воротник его шинели и приоткрыли дверь. В коридоре было пустынно. Все пассажиры спали, лишь у двери купе стоял Цыганок, а в конце маячила фигура проводника. Он сделал нетерпеливый жест.

— Пошли, — шепнула я. Портфель Дюрасова был у меня в руках.

Шандор подтолкнул полковника, и мы быстро прошли мимо всех купе и оказались в тамбуре. Сзади Цыганок нес наши и Дюрасова чемоданы. Проводник распахнул дверь, и нам в лицо ударил ветер со снегом. Поезд шел очень тихо. Тут был подъем. Полковник задержался на пороге, но Шандор развязал ему руки и приказал:

— Прыгайте!

Дюрасов исчез в белесой темноте. Цыганок швырнул следом чемоданы. За ними прыгнула я и упала в глубокий сугроб. Едва я поднялась на ноги, как около меня появились какие-то люди и кто-то спросил:

— Не ушиблась?

Я узнала по голосу Ишлина.

— Нет! Где полковник? Цыганок? Шандор? — спросила я быстро.

Мимо прошел последний вагон поезда, и его красный фонарь исчез за стеной пурги. Дюрасов, стоя в окружении партизан, смотрел ему вслед.

К нам подошли Шандор и Цыганок. В руках их были чемоданы. Проваливаясь по колено в снег, мы вышли к дороге, где нас ждали кони. Портфель полковника был у нас в руках. Завтра портфель уже будет доставлен Лазо. Я испытывала огромную радость.

Меня и Дюрасова усадили в розвальни. Шандор и Цыганок получили коней. Окруженные верховыми, сани двинулись по дороге. Полковник долго молчал, потом спросил меня:

— Что со мною сделают? Расстреляют?

— Все зависит от вас, — ответила я.

— Война не для девушек, — отечески-осуждающе сказал Дюрасов.

Я не стала ему возражать. Он бы все равно ничего не понял.

**«ТЫ ЧЕЛОВЕК,
ЕСЛИ ВЕРЕН РОДИНЕ!»**

В первых проблесках рассвета мы въезжали в маленькую долинку, которая была сжата высокими заснеженными сопками. Они, как суровые неподкупные стражи, охраняли заимку Трех ключей (две-три избы, сложенные из могучих стволов кедра, сарай, амбары). Сейчас в густой предутренней полутьме я не могла их хорошо рассмотреть. Здесь я была только один раз — прошлым летом. Тогда тут был таежный партизанский лазарет.

Строился здесь хозяйственный мужичок из переселенцев с Орловщины, но не он был хозяином, а владелец винокуренных заводов Куньков. Кажется, и тут он хотел построить новый заводик, да война помешала. Старательный мужичок-строитель оказался на фронте и пропал без вести, а голодавшая семья покинула долину. Эту долину и облюбовали партизаны. Подходы к ней были трудные — единственную дорогу легко было защищать от сильного врага даже небольшому заслану. До сих пор сюда ни белаяки, ни интервенты не осмелились сунуться. На заимке стоял отряд Глазуринна.

Ударивший после метели мороз к утру так покрепчал, что пробивал сквозь толстый пушистый тулуп, в который я была укутана. Снег пронзительно скрипел, повизгивал под копытами лошадей и полозьями саней. Я искоса взглянула на сидевшего рядом со мной Дюрасова. Полковник глубоко втянул голову в высоко поднятый воротник своего тулупа. Глаза его были закрыты, на ресницах и бровях белела изморозь. Мне показалось, что Дюрасов спит. Но вряд ли он спал на самом деле. Человек, попавший в плен к врагу, не может быть спокойным. Просто он умеет держать себя в руках.

Наш небольшой отряд подъехал к высокому крыльцу ближней избы. Ее темные оконца, казалось, подозрительно смотрели на нас из-под толстой белой шапки снега, накрывшей избу. Сопровождавшие нас партизаны не успели спешиться, как отворилась дверь и на крыльцо в облаке пара выскочил низенький, полный че-

лове́к в овчинной жилетке, разношенных валенках. Голова его была обнажена.

— С приездом! С возвращением! — весело и приветливо закричал он. — Ждем, ждем!

— Принимай гостей, Ефимович! — сильным от мороза голосом откликнулся Ишлин.

Я с трудом сошла с саней — ноги затекли от долгой неподвижности. Путаясь в длинном тулупе, я поднялась на крыльцо и, прежде чем войти в избу, оглянулась. Стало совсем светло. Правда, снег еще казался синим, а небо тяжелым, серым, но на нем уже погасли последние звезды. В долине было очень тихо, и голоса людей от этого звучали особенно громко, чисто, отчетливо. Занимка стояла на возвышенности, привалившись к подножию обрывистого склона одной из сопок, и долина лежала перед ней, как раскрытая книга.

— Заходи, заходи, выступишь жилье-то! — подтолкнул меня в плечо Ефимович, и я вошла в избу.

Здесь было очень тепло. В открытом зеве русской печи пылал огонь, пахло вареной картошкой и еще чем-то очень вкусным. Я почувствовала, что очень проголодалась.

— Здравствуй, дочка. — Мне навстречу из комнаты шел Глазурин, как всегда с дымящейся самокруткой в руке. Он улыбался по-отцовски тепло и открыто. — Не отморозила нос?

Я сбросила с плеч тулуп на лавку у стены, и Глазурин, окинув меня быстрым, взглядом, раскинул руки в изумлении:

— О-о-о! Барышня-то из тебя какая получилась!

Я покосилась на Глазурина — не посмеивается ли он надо мной, но командир был искренен. Его действительно изумило мое перевоплощение. Тут в избу вошли Дюрасов, Ишлин, Шандор, Цыганок и еще несколько партизан. Глазурин сразу же забыл обо мне. Нахмурившись, он в упор смотрел на полковника, который, освободившись от тулупа, перчаткой растирал примороженную щеку. Партизаны снимали одежду, толпились у печки, грели руки, сворачивали сигарки.

— Значит, все в порядке? — перевел Глазурин взгляд на Ишлина.

Комиссар кивнул, с трудом улыбнулся затвердевшими на морозе губами и, расстегнув чемодан полковника,

достал из него тот самый портфель, ради которого была устроена вся эта экспедиция. Ишлин протянул портфель Глазурину:

— Держи и смотри.

— После, — отвел рукой портфель Глазурин и пригласил всех: — За стол, молодцы. Пора подкрепиться. — Он повернулся, чтобы идти в комнату, но тут же обратился к Дюрасову: — И вас прошу.

Полковник привычно поклонился:

— Благодарю...

На его осунувшемся за ночь лице отразилось удивление. Что сейчас происходит в его душе? Ведь он, несомненно, ожидал, что, как только его привезут на базу партизанского отряда, начнутся допросы с пристрастием, начнутся те самые ужасные кровавые пытки, о которых ежедневно трубят белогвардейские газеты и прессы интервентов, а затем, конечно, расстрел. И вдруг его приглашают к столу вместе с партизанскими командирами.

Появление Дюрасова только в первые минуты вызвало какое-то любопытство у партизан, но оно скоро прошло, и теперь на полковника почти не обращали внимания. Дюрасов снял шинель, одернул на себе френч, пригладил густые черные волосы, которые крупными волнами бежали к затылку.

— Проходите, проходите, — пригласил его Ишлин.

Мы с Дюрасовым оказались рядом за большим столом, над которым поднимался аппетитный пар от картошки и вареного мяса. Прохладно поблескивали соленые огурцы. Ломтем солнца желтело масло. Ржаной хлеб был еще теплый и казался необыкновенно вкусным. За столом было шумно и весело, как всегда после боевой удачи.

Едва я уселась за стол, как Глазурин обратился ко мне:

— Ну-ка, Олюша, повествуй, как прошла операция?

При этих словах лицо Дюрасова вспыхнуло, а серые глаза под черными бровями налились не то гневом, не то обидой. Он отложил ломтик хлеба, который приготовился намазать маслом, встал:

— Простите, но я...

— Сидите, — спокойно произнес Глазурин. — Держите себя в руках.

Дюрасов покорно опустил на свое место. Больше никто не сделал ему замечания, даже не бросил на него насмешливого взгляда. Я подумала о том, что наши люди очень отходчивы. Ведь Дюрасов — враг, офицер, один из тех, кто вел против нас боевые операции. В бою любой из нас, не задумываясь, пристрелил бы его, а вот сейчас, кроме обычной и понятной отчужденности, у нас к нему ничего нет.

Я начала рассказывать о событиях в поезде. Партизаны внимательно слушали. Изредка Глазурин удовлетворенно кивал головой, точно подтверждая мой рассказ. Когда я умолкла, наш завтрак уже подходил к концу. Дюрасов сидел, низко наклонив голову. Ел он неохотно. Лицо его было в багровых пятнах.

— Ну, — Глазурин первый поднялся из-за стола, давая всем знак, что завтрак окончен, — время терять не будем. Здесь останутся Ишлин и Ольга. Остальные — в другие избы. — Глазурин обратился ко мне: — Скажи это и своему мадьяру.

Палак вышел со всеми. Глазурин задымил сигаркой и сквозь дым смотрел на Дюрасова, который оставался на своем месте. Полковник точно окаменел. Чуть склонив голову к левому плечу, он уставился немигающими глазами в разрисованное морозом маленькое оконце. В избе наступила тишина. Ее нарушали только мягкие, точно крадущиеся шаги Ефимовича.

— Михальченко! — сердито пыхнул голубым дымом Глазурин. — Не мешкай.

— Так я вот убраться... — Ефимович остановился около стола с грудой мисок. — Беспорядок...

— Успеется. — Глазурин нахмурился. Наш командир не любил повторять приказы.

Ефимович потоптался на месте и медленно направился к двери. Ему явно не хотелось уходить. Ишлин расчистил перед собой место на столе и, раскрыв блокнот, достал карандаш, аккуратно заточил его. Глазурин привалился боком к столу и в упор посмотрел на Дюрасова:

— Полковник! У нас мало времени. В обрез. Будем говорить откровенно. Все, что вы знаете, — очень важ-

но для нас. Прежде всего скажите, когда вас могут хватиться в Хабаровске?

Дюрасов медленно, точно это стоило ему большого труда, повернул лицо к Глазурину и глухо сказал:

— Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы.

— Почему? — Глазурин, казалось, был искренне удивлен ответом Дюрасова.

— Я офицер и давал клятву! — Дюрасов выпрямился и смело посмотрел в глаза Глазурина.

Какие они были разные. Маленький щупленький, на вид, обросший Глазурин и этот лохотный, с прекрасной выправкой полковник. Глазурин, не повышая голоса, продолжал:

— Кому вы давали присягу? Царю? Он расстрелян народом! Колчаку? Он расстрелян народом! Может быть, господам интервентам?

— Прошу меня не оскорблять! — Дюрасов вновь побагровел.

Нет, он не был трусом, и тот вопрос, который он мне задал, когда мы уселись в развалы, вырвался у него случайно. Наверняка Дюрасов сожалеет о нем.

— Я просто хотел уточнить. — Глазурин словно и не замечал гнева Дюрасова. — Действительно, полковник, кому вы сейчас служите?

— Ты человек, если верен Родине! — вмешался в разговор Ишлин. — А разве вы верны Родине, своему народу? Вы же воюете против своего народа, и так как сил у вас нет, то призвали интервентов и служите у них на побегушках и в качестве палачей.

— Можете расстрелять меня, но я верен, верен присяге, и я... — Голос у Дюрасова сорвался, и он вдруг, облокотившись о стол, уронил крупную голову на руку, крепко сжал длинными холеными пальцами лоб.

Глазурин и Ишлин переглянулись. Глазурин покусывал коричневыми от табака зубами кончик самокрутки, потом отложил ее, встал из-за стола, прошелся по комнате в старых, уже не раз подшитых валенках. Шли секунды, минуты, и шла какая-то невидимая, незримая борьба, поединок между Глазуриным и полковником. Иван Федорович вернулся к столу:

— Мы пленных не расстреливаем, тем более тех, кого взяли без оружия. После того как партизаны займут все города области, мы вас освободим, и вы посту-

дите так, как найдете правильным, нужным: можете бежать за границу от своего народа, а можете остаться с ним и служить ему. Вы русский, так будьте же с русским народом, а не с американцами, не с японцами. — В голосе Глазурина звучал гнев. — Как можно разрешить себе поднять руку против своего народа?!

— Я офицер, — негромко повторил Дюрасов.

— Лазо тоже офицер, — напомнил Глазурин. — И дело не в звании, а в сущности человека. Наш комиссар, товарищ Ишлин, верно говорит: «Ты человек, если верен Родине». Можете ли вы так сказать о себе и быть спокойным, чувствовать себя честным? Я не хочу оскорблять вас, но взгляните на себя. На вас форма английская, а браунинг, который у вас взяли, американский. В вашем кошельке — ни одной русской монеты, а доллары и пены. Если бы не войска интервентов, то вы бы...

— Что вы хотите от меня? — глухо спросил Дюрасов. Он по-прежнему сидел, опустив голову на руку, и его ладонь прикрывала глаза.

— Чтобы вы помогли нам занять города с меньшим числом жертв. — Лицо Глазурина дрогнуло. Он крепко сжал зубы, и на его щеках выступили желваки. Иван Федорович, точно переборов в себе что-то, тише добавил: — Их и так уж много...

— Хорошо. — Дюрасов вскинул голову, и я увидела перед собой совершенно другого человека. Лицо полковника было бледным. Положив перед собой руки, Дюрасов незаметно для себя постукивал крепкими ногтями по доске стола. Глотнув слюну, он повторил: — Хорошо. Я скажу все, что знаю и что будет вам полезным, но вы должны снять с меня... — Он сделал паузу. Было видно, с каким трудом давались ему эти слова. — Вы должны снять с меня... погоню...

В глазах Глазурина промелькнула едва заметная улыбка.

— Правильно поступаете, гражданин Дюрасов, — одобрил Ишлин.

Он сорвал с плеч полковника погоню и, подойдя к печке, швырнул их на пылающие угли. Затем быстро вернулся к столу и взял карандаш:

— Итак, начнем с первого нашего вопроса. Когда вас начнут искать в Хабаровске?

— Дня через два. — Дюрасов говорил твердо, с видом человека, принявшего окончательное решение. — После второго поезда из Владивостока, которым я мог бы прибыть.

Иван Федорович сидел за бумагами, которые достал из портфеля Дюрасова. Рассматривая их, он время от времени задавал вопросы полковнику, но в основном допрос вел наш комиссар. Он же вел очень подробный протокол. Неожиданно Дюрасов, когда Ишлин спросил о расположении войск интервентов, попросил карту и быстро нанес на ней многочисленные пометки. Было видно, что эта работа ему хорошо знакома.

— Я на месте вашего командования взял бы Владивосток с двух сторон. Вот отсюда — с улицы Луговой, частями, которые бы подошли с Первой Речки таежной дорогой. Там у нас нет застав. И перебросил бы части по железной дороге, но это сложнее. Было бы прекрасно, если бы вначале прошел бронепоезд, но где вы его возьмете?..

Глазурин и Ишлин переглянулись. Глазурин с плохо скрытым нетерпением спросил:

— Предположим, у нас будет бронепоезд. Как его лучше использовать?

— Тогда надо поступать так. — Дюрасов стоял над картой. Вид у него был сосредоточенный, и в эти минуты, мне кажется, он был просто штабник, решающий сложную, но интересную тактическую задачу. Дюрасов погладил указательным пальцем бровь над левым глазом и, наклонившись, положил руку на карту. — Надо перерезать дорогу вот в этом пункте.

Я увидела надпись «Угольная». Это была узловая станция. Глазурин удовлетворенно кивнул, не выпуская из губ самокрутки. Он уже докуривал вторую.

— Верно, полковник. Мы так же думали.

— А? — Дюрасов поднял голову и тут вспомнил, что он не в штабе генерала Розанова, а в плену у партизан, и его лицо порозовело от смущения и досады. Он бросил карандаш на карту и опустил на лавку.

— Так, все! — Ишлин вырвал из блокнота исписанные его плотным мелким почерком листки и завернул их в карту, на которой делал пометки Дюрасов. Получился небольшой тугий пакет, который Ишлин убрал в порт-

фель полковника. Застегнув его, Ишлин посмотрел на Глазурина, погруженного в раздумье. — Выступаем?

Иван Федорович достал из кармана большие старые часы, взглянул на циферблат:

— Пора. — Потом перевел взгляд на меня и спросил: — Устала, дочка?

Взгляд его был участливый, заботливый. Он, конечно, догадывался, что на мне сказывались и бессонная ночь и пережитые в поезде волнения, но предложить мне отдыха не мог. Он тряхнул головой, точно взбадривая меня:

— Придется, Ольга, еще не поспать. Мы сейчас выступаем.

— Куда? — непроизвольно спросила я.

— К Майхэ. — Глазурин совершенно не опасался Дюрасола и говорил при нем о направлении похода. — Там нам надо быть завтра к утру.

— Поспеем. — Ишлин натянул полушубок. — Ну, я пошел поднимать отряд.

— Ага, — кивнул Глазурин и снова обратился ко мне: — Пойдем все седлами. Через хребет. Тебе бы одежду сменить надо.

— Я сейчас, — вскочила я на ноги.

Слова Глазурина обрадовали меня. Значит, я снова остаюсь в отряде. Хватит с меня маскарадных костюмов, хватит всяких переодеваний. Я хочу быть бойцом в шеренге атакующих. Но Глазурин тут же остудил мой пыл:

— А эту городскую одежду аккуратнее сверни. Она тебе еще понадобится.

— Зачем? — растерялась я. — Ведь я уже выполнила...

— Сохрани, да побережливее, — строго произнес Глазурин и махнул рукой в сторону двери, предлагая поторопиться. Когда я взялась за ручку двери, то услышала, как Глазурин сказал полковнику:

— Придется и вам ехать с нами. Во Владивостоке мы вас освободим.

— Мне все равно, — с безразличием произнес Дюрасов.

Иван Федорович ответил:

— Как знать. Поживем — увидим...

На заимке было шумно. Поднявшееся из-за сопок

солнце разогнало морозную дымку, и в воздухе заметно потеплело. Долина сверкала, точно усыпанная бесчисленными драгоценными камешками. Раньше мне почему-то всегда казалось, что снег блестит под солнцем только одними белыми искрами, а сейчас увидела, что ошибалась. Снег искрился и голубоватыми, и золотистыми, и зеленоватыми, и оранжевыми огоньками. Надо было только очень внимательно присмотреться.

Необыкновенно зелеными казались ели, синела пихта, и над всем этим — высокое мягко-голубое небо. Ни единого облачка. И только в лучах солнца плавно, будто купаясь в них, парил орлан. Я никогда не видела орлана зимой и сейчас, закинув голову, с интересом следила за могучей птицей, а она спокойно и даже важно плыла над долиной. Наверное, хорошо быть птицей. Раскинешь крылья и летишь навстречу солнцу и ветру, и далеко-далеко видишь, и никто тебя не остановит, никто тебе не свяжет крылья. В памяти всплыли слова: «Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный». Я вспомнила, как мы тайком от учителей читали горьковские песни о Соколе и Буревестнике и мечтали о битвах за светлое дело, но никто из нас тогда не мог предполагать, что многие очень скоро станут бойцами, что революция разделит нас на два враждебных лагеря. Хотя бы этот Немецкий. Я вспомнила сцену в Спасской управе, когда Цыганок стоял над связанным Гошкой, и рассмеялась.

— Что там веселое видишь? — раздался около меня голос Цыганка. — Расскажи. Я тоже смеяться буду.

— А ты что подсматриваешь? — сделала я сердитое лицо.

— Шел — увидел. — Цыганок покосился на меня, действительно ли я рассердилась, и примирительно сказал: — Коня тебе приготовил.

— Вот за это спасибо, Марко. — Я знала, что Цыганку всегда приятно, когда его называют по имени. На его смуглом лице появилась улыбка, и он добавил:

— Оружие тоже нашел. Твое же!

— Спасибо, Марко, спасибо. — Я сбежала с крыльца и направилась к соседней избе, чтобы переодеться.

На улице партизаны оживленно переговаривались, проверяли оружие и снаряжение. Пар от дыхания белы-

ми клубочками вспыхивал и таял. Лошади нетерпеливо переступали с ноги на ногу, фыркали, и над всем этим стоял веселый скрип снега. Кто-то тронул меня за плечо. Я обернулась и увидела перед собой партизана в старом полушубке и облезлом треухе, на котором алела ленточка. Он по-французски спросил:

— Я очень изменился?

— Шандор! — воскликнула я, только сейчас узнав Палаи.

А он хохотал, довольный тем, что одежда так изменила его. Сквозь смех Шандор объяснил:

— Марко сказал, что меня могут свои же подстрелить в офицерской форме и дал мне вот это. Очень плохо?

Палаи указал на замасленный, в многочисленных заплатах полушубок и чуть сдвинул на затылок треух. Да, пожалуй, из всех бойцов нашего отряда Палаи выглядел хуже всех. Это не случайно. Цыганок умышленно разыскал Шандору самые поношенные вещи. Эх, Марко! Не ожидала я этого от тебя.

— Вы настоящий партизан, — успокоила я Шандора, который с нетерпением ждал моего ответа. — Сразу видно, что провели много времени в тайге, у костров, в боях.

— О-о! — Шандор был доволен, но тут же с сожалением произнес: — Плохо, что нельзя сфотографироваться. Я бы в Будапеште потом показывал!

— Во Владивостоке сниметесь, — пообещала я и рассталась с Шандором.

Надо было торопиться. Я едва успела переодеться, как Глазурин отдал приказ выступать. Партизаны вскочили в седла, и наш отряд длинной цепочкой потянулся из долины Трех ключей.

Я ехала рядом с Шандором, Цыганком и Гришей Царужным. Я искала глазами Дюрасова и наконец увидела его возле Глазурина. Полковник тоже был одет в обычную для партизан одежду.

Мы ехали по едва приметной таежной тропинке. Хорошо зимой в приморской тайге. Точно задумавшиеся великаны, стоят сопки, густо поросшие соснами, в долинах высятся лиственница, дуб. Стволы деревьев перебиты то серыми, то красноватыми, толстыми, как морские

канаты, лнанами. На фоне снега особенно яркими, точно бусы из коралла, кажутся кисти ягод лимонника...

Мы то взбирались по крутым склонам сопок, которые преграждали нам дорогу, то опускались в долины, на дне которых замерзшими извилистыми лентами лежали реки, то пробирались сквозь густые заросли. На снегу, точно на огромной карте, были выписаны зигзаги звериных следов. Гриша Царужный, который больше всех нас прожил в тайге, читал эти следы, как книгу:

— Вот пробежала лисица. А вот прошли два тигра за оленями.

— О-о! — только восклицал от удивления Шандор, которому переводили объяснения Гриши я и Цыганок.

Глаза у Палан блестели, и он оглядывался с надеждой, что вот-вот увидит тигров, лисиц, оленей. Зимний день короток, и скоро начало смеркаться. Снега поголубели. В тайге становилось все неуютнее. Заметно крепчал мороз. Шандор все чаще растирал лицо. Я следила, чтобы он не обморозился. Когда на небе вспыхнули первые звезды, мы выехали к маленькому таежному озеру. Глазурин отдал приказ сделать привал.

На снегу запылали костры. Вокруг них теснились люди. Из прорубей котелками черпали воду и вешали их над огнем. В морозном вечернем воздухе приятно пахло варевом. Мы, по обыкновению, прежде всего вскипятили чай, чтобы согреться, а затем стали ждать, когда сварится каша с кусками сала. Цыганок, признанный кашевар, помешивал в нашем общем походном котелке. Я смотрела в огонь, ощущала его горячее, ласковое дыхание на лице и с грустью вспоминала, как вот у такого же костра сидели Миша и Яша, как мы пели под гармошку. Вспомнила и о гитаре Цыганка. Потерялась она в наших походах, и Цыганок долго по ней скучал.

Сумерки перешли в густую темноту. Цыганок попробовал кашу и прищелкнул языком:

— Такой каши еще никто не ел. Хорошая каша — как хороший конь. Сердце радуется.

Шандор растерянно смотрел, как мы достали ложки, и сказал:

— А у меня нет ложки.

— Ложки нет — каши нет, — с самым серьезным видом заявил Цыганок и первый запустил ложку в котелок, достал ее полную дымящейся каши и протянул

Шандору, как маленькому: — Берн. Ты, наверное, из котелка никогда не ел. Да смотри не обожгись.

Цыганок явно старался обидеть Палан, но Шандор не принимал его вызова.

— Сейчас научусь.

Он стал с таким аппетитом уплетать, что мы только рассмеялись и постарались от него не отставать. Цыганок удивленно присвистнул и, вытащив нож, быстро вырезал себе какое-то подобие ложки.

Котелок скоро опустел. Из темноты крикнули:

— Цыганок, Царужный, к Глазуруну!

Товарищи ушли. Мы с Шандором ждали, когда вскипит новый котелок чая, но пить его нам пришлось вдвоем. Цыганок и Гриша быстро вернулись от командира и взнуздали коней. Я спросила:

— Опять в разведку?

— Опять, — вздохнул Гриша и покосился на котелок, в котором уже начал бурлить кипяток.

Цыганок покопался в своей переметной сумке и, достав из нее кружку, протянул Шандору:

— Пить чай из ложки долго. — Он хохотнул и птицей взлетел в седло. — Вперед, Шайтан!

Темнота поглотила наших товарищей. Шандор прислушался, как затих скрип снега под копытами лошадей, повертел в руках кружку Цыганка и улыбнулся:

— Веселый и хороший парень этот Марко. Только почему он все время сердится на меня? Не пойму. — Шандор пожал плечами. — А вот и чай готов.

Кипяток перехлестывал через край, шипел на углях. Я наполнила наши кружки, сказала:

— Вернутся ребята — напьются. Будем держать котелок на углях.

Но я ошиблась. Цыганку и Грише в эту ночь не пришлось больше согреться чаем. Через час после их отъезда Глазури поднял отряд, и мы снова оказались в дороге. Ехали всю ночь, сделав только однажды небольшой привал, чтобы покормить лошадей. Разводить костры Глазури не разрешил. Значит, мы были близко от противника. По отчетливо прозвучавшему паровозному гудку я догадалась, что мы подошли к железной дороге.

Перед рассветом мороз стал особенно злым. Я все чаще напоминала примолкнувшему Шандору, чтобы он

не забывал растирать лицо. Наконец Глазурин приказал остановиться, спешиться и соблюдать тишину. Мы чего-то ждали, говорили вполголоса. А где-то совсем рядом ровно вздыхал паровоз.

Вернулись Цыганок и Гриша. Я в это время была около Глазурина и Ишлина. Товарищи появились из темноты, как будто вынырнули из черной воды. Цыганок соскочил с коня и быстро доложил:

— Бронепоезд стоит. Чего-то ждет. Охраны снаружи мало. Замерзли.

— Тот самый? — спросил Ишлин.

— Какой? — не понял Цыганок и как-то беспомощно оглянулся на Гришу.

Царужный кивнул:

— Тот самый. Я прочитал название — «Великая Россия».

Тут только я догадалась, что наш Цыганок неграмотный, и мне стало стыдно, что я ни разу не подумала об этом. Я уже давно могла бы научить его читать и писать. Глазурин похвалил товарищей:

— Молодцы. Сейчас поведете Уточкина с его подручными. Заложите фугасы.

Уточкин выслушал наставление Глазурина и коротко ответил:

— Сделаю.

Цыганок и Гриша ушли с Уточкинным и его двумя помощниками в ночь. Глазурин приказал всем проверить оружие, и наш отряд, разделившись на две группы, тронулся с места. Я с Шандором оказалась в группе, которой командовал Глазурин. Мы осторожно проехали еще почти полверсты и спешились. Лошади были переданы коноводам, а мы пешком направились к железной дороге. Едва брезжил рассвет. Между голыми ветвями деревьев просвечивало небо. Звезды бледнели и как будто уходили куда-то в глубину. Лес редел все больше, и мы оказались у самого полотна железной дороги. Прямо против нас стояла темная масса бронепоезда. Я узнала, что мы находимся на разъезде Майхэ.

По сигналу Глазурина мы залегли. Наша группа была против паровоза и платформы перед ним, нагруженной мешками с песком. Мы держали под прицелом паровоз и два бронированных головных вагона. Остальные четыре были отведены группе Ишлина.

Я думала о том, как же нам удастся взять это бронированное чудовище. Ведь, кроме гранат, которые едва ли причинят какой-либо значительный ущерб бронепоезду, у нас другого, более мощного оружия нет. Партизаны терпеливо лежали на снегу, ждали приказа Глазурина. Уже отчетливо были видны часовые у вагонов и паровоза. Они топтались на месте, стараясь согреться.

Откуда-то сбоку появился Цыганок и прошептал Глазурину:

— Фугасы на месте. Теперь железного коня и спереди и сзади смерть ждет.

— Где Царужный? — спросил Глазурин.

— Тут я, — прошептал Гриша, который был не виден за Цыганком.

— Вы снимете часового у паровоза — и к машинисту! — быстро говорил Глазурин. — Чтобы не пикнул!

— Это можно, — пообещал Гриша. Он, как всегда, был спокоен. Я еще ни разу не замечала, чтобы этот парень перед операцией, даже самой сложной, волновался.

Цыганок и Гриша исчезли. Глазурин привстал на одно колено и, приложив к губам ладони, негромко прокричал совой. Раз, второй... По-прежнему все было спокойно и тихо. Только мерно дышал паровоз. Его держали под парами. У маленького домика разъезда ничего не было видно. Глазурин вслушивался в напряженную предрассветную тишину. Ему откликнулась другая «сова». Она прокричала всего один раз. Глазурин прилег за дерево, выставив из-за него винтовку.

Мы продолжали держать под прицелом двери вагонов бронепоезда.

— А, черт! — выругался Глазурин. — Сорвется!..

Мы увидели, как открылась дверь на паровозе и на полотно прыгнул человек. Он что-то сказал часовому. Они сошлись, и мы увидели, как замигали два ярких огонька. Колчаковцы закурили. В тот же момент огоньки нелепо метнулись в стороны и упали на землю. У вагонов послышалась какая-то возня, приглушенные крики, которые тут же оборвались. Глазурин вскочил на ноги и приказал лежавшим рядом с нами бойцам:

— К поезду! В вагоны!

Меня точно подняла огромная сила. Рядом со мной бежал Шандор.

Острый и громкий, как удар хлыста, расколот тишину выстрел, но в этот момент я уже достигла паровоза, дверь которого была широко открыта. Из нее донеслись крики Цыганка:

— Не двигаться! Стрелять буду!

Гриша для убедительности добавил несколько ругательных слов. Я не помню, как оказалась в будке паровоза. Ее хорошо освещали две электрические лампочки. Два человека испуганно жались друг к другу с поднятыми руками. Видно, они спали и появление Цыганка и Гриши для них было неожиданным. Экипаж паровоза никак не мог понять, что произошло.

Отобрав оружие у команды паровоза, мы прислушались к тому, что происходит у вагонов. Слышались крики, ругань, время от времени раздавались выстрелы. В будке зазвонил внутренний телефон. Я сняла трубку:

— Алло!

— Давай вперед полным ходом! — закричал кто-то в трубку испуганным голосом: — Партизаны!

— Вам лучше сдаться, — ответила я, и мой неизвестный собеседник только сейчас разобрался, что ему отвечает женский голос. Он, видимо, еще сомневался, потому что спросил:

— Кто говорит?

— Партизанка Силина, — ответила я и услышала в трубке шум, крики. На том конце провода шла борьба. Послышались два выстрела. Я не отнимала трубку от уха. Наконец кто-то сказал:

— Кто слушает?

— Ишлин! — радостно воскликнула я, узнав голос комиссара. — Я, Ольга!

— Как там у вас?

Я рассказала, и Ишлин в ответ сообщил, что и у них все обошлось благополучно. Я облегченно вздохнула и выглянула из будки. Наступило утро, морозное, но безветренное, хотя вблизи и было море. Из вагонов выпрыгивали колчаковцы. Под направленными на них винтовками партизан они сбились в кучу, ожидая немедленной расправы. Я услышала чей-то крик:

— Не убивайте, братцы!

— Стройся! — прозвучал в ответ голос Глазурина.

Колчаковцы торопливо выстроились у поезда. Глазурин и Ишлин прошли вдоль их шеренги, всматриваясь в каждое лицо. Я прыгнула с паровоза, чтобы лучше было видно, что дальше произойдет. Глазурин о чем-то переговорил с Ишлиным, и комиссар наш выступил вперед:

— Солдаты! Внимательно слушайте меня! Мы, партизаны, захватили ваш бронепоезд! Он нужен революции, он нужен для освобождения нашего края от белогвардейцев и интервентов. Власти Колчака приходит конец. Вы свободны! Каждый из вас может идти и ехать куда угодно, и каждый из вас может остаться на бронепоезде, который отныне будет называться «Свобода» и будет служить революции. Решайте сами! Мы никого принуждать не будем. Мы освобождаем вас из-под стражи!

Колчаковцы сломали строй, снова сбились в тесный круг и заговорили, заспорили. Нам пришлось ждать недолго. Из круга вышел коренастый солдат, с лицом, на котором адел свежий кровоподтек. Он откашлялся и в наступившей тишине неторопливо, с твердым убеждением произнес:

— Мы согласны остаться на бронепоезде, кроме семерых. Они не желают больше воевать ни с Колчаком, ни с партизанами. Так что их надо отпустить. А мы согласны идти с партизанами, потому что они есть защитники народа.

— Правильно решили, — одобрил Глазурин. Он уже дымил самокруткой и с легкой улыбкой смотрел на солдат. — Правильно!

Пока Уточкин убирал свои фугасы, Глазурин с разезда связался по телефону со Шкотово. Оно уже было занято другим крупным партизанским отрядом. Колчаковский гарнизон перешел на его сторону. Ишлин с удовлетворением проговорил:

— Все идет по плану.

— Ты останешься на бронепоезде с десятком бойцов, — сказал Глазурин комиссару. — Немедленно иди на Угольную и стань там. Владивосток еще в руках колчаковцев... Силину надо отправить с портфелем Дюрасова к Лазо.

— Мне опять уезжать из отряда? — возмутилась я.

— Надо, дочка, — улыбнулся Глазурин. — Иди за

своим нарядом, барышня, и Шандор пусть прихватит свою офицерскую форму. Вместе с ним во Владивосток направитесь.

— И я с ними, — добавил Цыганок, но Глазурин покачал головой:

— Ты на бронепоезде останешься.

Цыганок вспыхнул. Его ноздри дрогнули, и он хотел что-то возразить, но Глазурин мягко сказал ему:

— Так надо, Марко. Понимаешь, так надо.

— Цыган все понимает, — буркнул недовольно Марко и пошел вдоль поезда.

Глава пятая

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

— Эй, залетные! — Наш кучер размашисто взмахнул кнутом, умело щелкнул им и опустил на поседевший от изморози круп лошади. Она дернула санки и побежала по накатанной дороге быстрее, а кучер обернулся к нам, предупредил: — Подъезжаем к деревне!

Вот уже несколько часов мы с Шандором сидим в маленьких расписных санках, одетые в тулупы и прикрытые пушистой медвежьей полостью. Так мы выехали из Майхэ. Тогда было утро, а сейчас день клонился к вечеру. Мы очень торопились. Надо было как можно быстрее передать Лазо документы, которые мы взяли у Дюрасова.

— Не закоченели? — допытывался возница.

Его большая рыжая борода была расписана морозным серебром, но, видно, этот человек привык к суровым зимам, потому что он всю дорогу то шутил, то рассказывал нам всякие веселые небылицы, то даже пел.

Мы с Шандором жадно смотрели вперед. Лес поредел, и дорога, вильнув у подножия невысокой сопки, пошла вниз. Мы въехали в маленькую деревушку у замерзшей реки. Хатки стояли нахохлившиеся, как птицы в непогоду. Под ноги нашей лошади бросилась с заливающим злобным лаем черная собачонка. Возница, нагнувшись вперед, достал ее кнутом, и собака, жалобно вой, отпрянула.

— На кого злобишься? — проговорил кучер. — На своих?

Меня охватила тревога. Вот-вот мы должны встретиться с колчаковцами или интервентами. И хотя документы у нас были надежные, все же беспокойство не покидало меня.

У одной из хат стояло несколько вооруженных японских солдат. При нашем появлении они все повернули к нам лица, но не сделали знака остановиться, не окликнули. У изгороди другого дома было привязано несколько оседланных лошадей, и около них топтался колчаковский солдат. Офицеры, очевидно, были в хате. Деревню проехали благополучно.

— Пронесло, — сказал, не оборачиваясь, кучер. — Для почину очень даже хорошо.

Мы выехали из деревушки. Я облегченно вздохнула и посмотрела на Шандора. Он улыбнулся мне. За все время, что ехали через село, мы не обменялись ни одним словом.

— Что-то уж очень беспечны наши враги, — сказал Шандор. — Уверенность в себе или же на все махнули рукой?

— Я бы хотела, чтобы было второе, — ответила я и воскликнула: — Смотрите! Мы уже у цели!

Рощица, через которую мы ехали, расступилась, и перед нами открылся широкий вид на замерзший, заснеженный Амурский залив. Над ним висела серо-синеватая предвечерняя дымка. Вот и станционные постройки. На путях стояло несколько товарных и пассажирских составов. День был безветренный, и в небо крутыми клубами поднимался дым из паровозных труб. Я насчитала шесть таких серо-грязноватых столбов.

Мы оказались около переезда. Путь нам преграждал черно-белый шлагбаум, но около него никого не было. Кучер натянул вожжи, остановил лошадь и крикнул во все горло:

— Эй, хозяин! Открывай ворота!

Из маленького, выкрашенного в желтую краску домика стрелочника вышел низкорослый человек в черном полушубке и молча поднял шлагбаум. Кучер наш крикнул ему:

— Как там на станции? Спокойно али шумно?

— Поезжай — увидишь, — последовал ответ.

Мы миновали переезд и повернули к белому одноэтажному кирпичному зданию станции Угольной. Чем ближе она становилась, тем сильнее меня охватывало волнение. Кучер, очевидно, почувствовал это и обернулся:

— Все обойдется, дочка! Обойдется!

— Спасибо, Кондратыч, — сказала я и подумала о том, что в жизни случаются странные вещи. Этого рыжебородого Кондратыча я не раз встречала летом в Майхе, но никогда не могла подумать, что он давнишний связной партизан. Когда встал вопрос, кому везти меня и Шандора на Угольную, он вызвался первым.

Слева от дороги потянулись пакгаузы, затем мы миновали небольшой, занесенный снегом сквер и оказались прямо перед дверьми вокзала. Кучер, казавшийся неуклюжим в своей черной борчатке, первый слез со своей скамьи, отстегнул нам полость:

— Пожалуйста, господа!

Как изменился, каким покорно-услужливым стал его голос. Кондратыч видел, что за нашим приездом наблюдает большое число людей. Около дверей толпились колчаковцы, японцы, какие-то штатские. Мы вышли из саней, и я сказала Кондратычу:

— Быстро вы нас довезли! За это получите на чай! — и обратилась к Шандору по-французски: — Заплатите кучеру щедрее.

— Конечно, конечно, дорогая!

Шандор достал бумажник и вынул из него несколько пен и долларов, к слову говоря, из тех, что мы отобрали у Дюрасова, и протянул Кондратычу. Тот приподнял свою шляпу, схватил деньги и закланялся:

— Премного благодарен, премного благодарен!

А Шандор, пренебрежительно махнув рукой, подхватил небольшой саквояж из саней, взял меня под локоть и повел прямо к дверям вокзала. Я шла, кажется что-то с улыбкой говорила Шандору, но не понимала своих слов. Я видела только любопытные лица. На них прямо-таки было написано: «Кто же это такие? Французский офицер и русская девушка. Ну, все понятно!» Глаза людей смотрели многозначительно и оскорбительно. Мне на это было наплевать. Пусть смотрят, как угодно, и думают, что угодно, лишь бы мы не вызвали подозрения.

Нам уступили дорогу, и мы вошли в помещение вокзала. Оно было забито солдатами интервентов. Стоял многоголосый говор. В воздухе густыми слоями плавал табачный дым.

Шандор подвел меня к окну, у которого стоял деревянный диван с высокой спинкой. Он был занят четырьмя японскими солдатами. Шандор показал жестом, чтобы они освободили для меня место. Я испугалась и схватила Шандора за руку:

— Не надо, Шандор.

У японцев были недовольные лица, и они не очень торопились выполнить приказ офицера. Шандор сказал:

— Вы здесь меня обождете, а я узнаю, когда будет на Владивосток поезд.

— Но вы же не знаете русского языка, — возразила я. — Пойдемте вместе.

— И я с вами, — раздался около нас чей-то веселый голос.

Мы невольно резко обернулись. Перед нами стоял французский офицер. Он воскликнул:

— Шандор!

— Морис! — в свою очередь изобразил радостное изумление Палаи. — Как вы тут очутились?

— Нет, уж вы расскажите, как вы тут очутились. — засмеялся офицер и взглянул на меня. Это был стройный молодой лейтенант с маленькими, закрученными в колечки усиками. — Я тут по делам службы, а вы вот откуда?

— Отрапортовать? — шутливо произнес Шандор и поднял руку к виску: — Это такая секретная миссия, что в данном месте...

— Миссия Амура, — засмеялся лейтенант и вдруг торопливо взглянул на ручные часы. — Вы во Владивосток? Поторопитесь! Через четверть часа поезд отходит.

Мы вышли на перрон. Здесь также было много колчаковцев и солдат интервентов. Все выглядели как-то взволнованно, беспокойно. В воздухе чувствовалась тревога. Знакомый Шандора любезно купил для нас билеты. Уже у подножки вагона, в который мы решили сесть, лейтенант, оглянувшись, вполголоса сказал:

— На Океанской гарнизон колчаковцев восстал и, объявив себя большевистским, ушел в сопки к партизанам.

— Не может быть! — вырвалось у Шандора с радостью, но лейтенант его возглас принял за испуг.

— Вы проедете благополучно: на Океанской высажен японский отряд. А в общем-то дела у генерала Розанова очень плохи. Кажется, ему придется бежать из Владивостока.

— Тогда и нам надо торопиться. — Шандор пожал руку лейтенанту.

Я тоже протянула свою в благодарность за хорошую новость. Мы поднялись в почти пустой вагон и заняли место в первом купе у самой двери.

Наконец послышался звон станционного колокола, и сразу же за ним — хриплый гудок паровоза. Вагон дернулся, закрипел. Поезд отходил от Угольной.

В нетопленном вагоне с замерзшими окнами было сумрачно и очень холодно. Я невольно поежилась, спрятала руки в рукава своей шубки. Шандор, на котором вновь была его щеголеватая с голубишной шинель французского офицера, озабоченно спросил:

— Очень вам холодно, дорогая?

— Чуть-чуть, дорогой, — насмешливо ответила я и, не удержавшись, спросила: — С каких это пор я вам стала дорогой?

— Простите, я оговорился, — извинился Шандор. — У нас так принято.

— А у нас — нет. — Мой голос прозвучал излишне резко, и мне стало неловко.

В вагоне, кроме нас, было всего несколько пассажиров — старик с большим узлом, женщина, погруженная в свои, как видно невеселые, мысли, какие-то чиновники. В это тревожное, беспокойное время люди без особой нужды не стремятся разъезжать, и только неотложные дела заставляют их пускаться в путь.

В дверь постучались. Я подняла голову и невольно как-то вся собралась. В эту секунду мне показалось, что все бумаги, которые я так тщательно спрятала под платье, выпирают сквозь шубку и каждый догадывается, что я везу. В вагон вошел военный патруль. Он состоял из американского, японского и английского офицеров. Их сопровождал колчаковский подпоручик. Он громко, чтобы слышали все, проговорил:

— Проверка документов! — Но тут, заметив меня и Шандора, добавил: — Господа...

У меня мелькали мысли одна тревожнее другой. Неужели выследили? Узнали, кто мы? Что делать? Сопровождаться, если нас вздумают арестовать? Нет! Держаться спокойно, независимо. Документы должны быть доставлены Сергею Георгиевичу.

— Прошу прощения за беспокойство, — обратился ко мне подпоручик. Будь на мне менее богатая одежда, у него бы не было такого вежливого голоса и такой сдержанной полуулыбки: — Вынужден вас потревожить. Положение сейчас напряженное.

— Да, да, конечно, — кивнула я и обратилась к Шандору: — Прошу тебя, дорогой, предъяви документы этому офицеру.

— Хорошо. — Шандор стал неторопливо расстегивать шинель, а я обратилась к колчаковцу:

— Простите, мой спутник не говорит по-русски. Он служит во французской миссии...

— Не стоит беспокоиться, — подпоручик козырнул. — Честь имею!

Патруль прошел дальше, а Шандор умышленно громко сказал:

— Как спокойно в этой стране!

Тут мы услышали грубый окрик колчаковца:

— Как ты смела ехать без всяких документов? Ты арестована!

Раздался женский плач. На первой же станции женщина была снята с поезда.

Мы до Владивостока доехали благополучно. Выходить на Первой Речке не решились, — в этом рабочем районе шпиков, конечно, много, и они следят за всеми, кто тут высаживается. А мы не должны выдать явку в магазине Борзова. Вот почему мы вышли во Владивостоке и сразу же смешались с толпой на перроне.

Поднявшись по гранитной лестнице на привокзальную площадь, мы с трудом разыскали свободного извозчика. Наступил вечер, и, как обычно, были ярко освещены витрины магазинов, подъезды ресторанов, по тротуарам текла густая толпа, а по мостовой, тесня друг друга, катили автомобили и пролетки. Мы обратили внимание на какую-то нервозность, настороженность, — она чувствовалась во всем.

То и дело попадались отряды колчаковцев и интервентов, которые куда-то спешили. На углу Светланской

и Алеутской нам встретился броневик, а когда мы подъезжали к «Иллюзиону», у которого я когда-то застала Мишу за чтением листовки, нас задержала большая колонна японской пехоты. В полном вооружении она шла по Северному проспекту.

В этой суматохе едва ли кто за нами следил, но мы все же объехали два квартала и затем пешком по узкому темному переулку добрались до магазина Борзова.

Витрины его были слабо освещены. Я с тревогой подумала: «Дома ли Борзов?» и осторожно открыла калитку, оставив на улице Шандора. Окно во флигеле Марфы Егоровны светилось. Сцепщик, очевидно, все мастерил свои немудреные игрушки. Я поднялась на крыльцо и позвонила.

Ждать мне долго не пришлось. Почти тотчас за дверью послышалось щелканье замка. Это Борзов открыл внутреннюю дверь. Я обрадованно улыбнулась. Значит, все в порядке. Послышался голос Борзова:

— Кто там?

— Я, Ольга, — с нетерпением произнесла я.

— Сейчас, сейчас открою. — Звякнул крючок, и Борзов приоткрыл дверь: — Проходи.

— Шандор на улице, — сказала я. — Сейчас я его позову.

Через несколько минут мы сидели в такой привычно знакомой комнатухе, отогревались и жадно пили чай, который принес нам Борзов. Он нас ни о чем не спрашивал и только сказал:

— Видно, намаялись. Отдыхать вам надо. Шандора я устрою в своей комнатке.

— Мы привезли важные документы для Сергея Георгиевича, — сказала я и, попросив мужчину отвернуться, достала бумаги. — Их надо ему немедленно передать.

Борзов задумчиво смотрел на пачку туго свернутых бумаг, которые я положила на стол. Потом решительно встал:

— Попытаюсь его разыскать. Ждите.

Он ушел. Как мы ни были утомлены, но приподнятое настроение от сознания того, что нам удалось добраться благополучно до Владивостока, было настолько сильным, что сон к нам не шел. Мы о чем-то с Шандором говорили, что-то вспоминали, а сами прислушивались, не идет ли Борзов с Лазо. Прошло часа полтора, пока

до нас не донесся скрип калитки, потом легкий шум осторожных шагов и негромкий стук дверей. Мы устремили глаза на дверь нашей комнаты.

Она дрогнула, растворилась, и на пороге появился Сергей Георгиевич. Он на мгновение зажмурился от света лампочки. Лазо был одет по-прежнему, только еще гуще стали его борода и усы. Мы вскочили с мест, а он протянул нам руки:

— Ну, здравствуйте, великие путешественники. С благополучным прибытием! — Он обнял нас за плечи и крепко прижал к себе: — Уже знаю, знаю, что вам все удалось. Где ваши трофеи? А, вот они, наверное?

Он снял руки с наших плеч и устремился к столу, на котором по-прежнему лежал тугой сверток бумаг. Сергей Георгиевич быстро развернул их и углубился в чтение. Его карие глаза скользили по строчкам, а широкие, густые черные брови то озабоченно сходились на переносице, то удивленно поднимались. Мы молчали, чтобы не мешать Сергею Георгиевичу. Он неожиданно вскинул голову и с широкой дружеской улыбкой посмотрел на нас:

— Молодцы, ну настоящие молодцы! Да это же, — он ударил ладонью по разложенным перед ним бумагам, — как раз то, чего нам недоставало. А мы-то думали, что в Хабаровске силы белых не так велики. Эх, как нас подводят тамашние товарищи! Всегда их информация не очень точная. Да, с Хабаровском у нас еще будет много затруднений.

И, охваченный новой мыслью, он вернулся к бумагам. Когда они все были просмотрены, Лазо облегченно вздохнул и с благодарностью произнес:

— Как вовремя вы все это доставили! Теперь нам будет значительно легче. Если колчаковцы вздумают оказать нам вооруженное сопротивление, то нам уже ясно, где и что может произойти. А это значит, что победа — в наших руках!

Мы с Шандором были по-настоящему счастливы. Я не удержалась и спросила:

— Значит, во Владивостоке скоро опять будет Советская власть?

— Ты неверно поняла мои последние слова. — Лазо сделал паузу, и по его лицу было видно, что он не совсем доволен ходом дел. — Нет, Советской власти мы

пока не можем здесь восстанавливать. В крае слишком много интервентов, и они не позволяют нам поднять красный флаг на этом берегу. Пока мы власть передаем Приморской областной земской управе, но голос наш там будет главным.

Я почувствовала себя так, словно меня кто-то обманул. Такое бывает всегда, когда не исполняются твои самые заветные мечты. Лазо заметил, как у меня переменялось настроение, и приободрил:

— Только не унывать! Не вешать нос! Нам сейчас главное надо сделать — разгромить наголову белогвардейцев, остатки колчаковцев, а там очередь и за интервентами.

Он хотел еще что-то добавить, но тут его взгляд задержался на карте с завернутым в нее протоколом допроса Дюрасова. Она лежала в стороне, и Лазо как-то вначале не обратил на нее внимания. Он развернул ее:

— Чья это карта?

Я рассказала о том, что произошло на заимке Трех ключей.

— Интересно, интересно. — Сергей Георгиевич углубился в рассматривание карты, и чем больше он читал ее, тем она сильнее его захватывала. Мы не отвлекали его и молчали. Наконец он оторвался от карты и переспросил меня:

— Эти пометки делал Дюрасов?

— Да, — подтвердила я. — Он сам попросил карту.

— Хм. — Лазо сел на стул и задумался. Взгляд его по-прежнему был устремлен на карту. Потом он сказал: — Дюрасов штабник опытный. Нам бы таких. Так где он сейчас?

— С Глазуриным.

— Значит, увидимся, — в раздумье произнес Лазо и быстро прочитал листки протокола допроса Дюрасова, потом аккуратно сложил их. — Ты присутствовала при допросе?

— Да.

— Как, по-твоему, полковник был вполне искренен или юлил, пытался что-то скрыть, ввести Ишлина и Глазурина в заблуждение в чем-то?

— Был искренен, — не задумываясь, ответила я, сразу же вспомнив поведение Дюрасова на заимке.

— И мне так кажется, — неторопливо произнес Ла-

зо. — Иначе бы он не говорил, как, по его мнению, лучше партизанам войти во Владивосток. Наш план во многом совпадает. Он только ошибается в сроках. Владивосток партизаны займут на днях. Партизаны сегодня вошли в Никольск-Уссурийск.

— Когда же наши будут здесь? — снова не утерпела я.

— Когда? — переспросил меня Сергей Георгиевич и обратился к Шандору: — У вас нет знакомых в школе Нокса?

Палаи подумал, потом покачал головой:

— Нет. Из французской миссии там никто не преподавал.

— Жаль, — вздохнул Сергей Георгиевич. — Вот орешек, который нам надо еще постараться раскусить. Иначе он нам многое может попортить.

Я знала, что на Русском острове есть школа младших офицеров колчаковской армии, которую обычно называли школой Нокса, так как ее шефом был английский генерал Нокс. В этой школе учились сынки коммерсантов, богачей, — всех тех, кто люто ненавидел нас. Теперь мне был понятен смысл вопроса Лазо. Как себя поведут курсанты во время прихода партизан во Владивосток? Их несколько сот человек, и если они завяжут бой, то интервенты придут им на помощь...

Сергей Георгиевич собрал бумаги, туго свернул их и спрятал во внутренний карман куртки, которую так и забыл снять.

— Вам отдыхать, друзья. Вон вид у вас какой усталый. Отдыхайте и набирайтесь сил, вам еще впереди предстоит многое сделать.

Лазо расстегнул ворот сатиновой рубашки, точно ему стало трудно дышать, уселся против нас и несколько секунд смотрел молча, словно видел нас впервые. Потом он хлопнул себя ладонями по коленям и заговорил строго:

— Слушайте внимательно. Об этом я вам собирался сказать после того, как наши отряды войдут в город. Но ладно, скажу сейчас, чтобы вы успокоились и знали, что вам предстоит делать. Ты, Ольга, и ты, Шандор, вне подозрений у контрразведок интервентов. Вы должны стать нашими глазами и ушами среди тех, кого мы никак не можем считать своими друзьями.

— Я не понимаю, — пожала я плечами.

— У тебя есть знакомые во Владивостоке, ну те, с которыми ты училась в гимназии? — спросил Лазо.

— Есть, конечно. — Я перебрала в уме многих одноклассниц, которые делили со мной дружбу.

— Так вот. — Лазо взглянул на Шандора и опять обратился ко мне: — Побывай у всех своих знакомых, особенно в семьях богатых, в семьях, из которых кто-нибудь служит в колчаковских войсках или у интервентов. Познакомь со своими подругами Шандора. Ну, выдавай его за своего кавалера, что ли.

— Вот еще! — вырвалось у меня.

— А я не против, — засмеялся Шандор и погладил свои уски.

— Я говорю очень серьезно, — предупредил Лазо. — Это для вас боевое задание. Вы должны стать разведчиками здесь, в городе, среди притаившегося врага. Как только партизаны будут в городе, во все темные щели попрячутся офицеры и все те, кто постарается исподтишка ударить нам в спину. Мы должны предупредить эти удары.

Мы с Шандором переглянулись. Ни он, ни я не ожидали подобного поручения. Оно не только разочаровало нас, но и как-то обидело. Сергей Георгиевич подождал, что мы скажем, но так как мы, ошеломленные, молчали, он продолжал:

— Я знаю, что это задание очень трудное...

— Не трудное, а обидное! — почти крикнула я.

Сергей Георгиевич нахмурился и вдруг как-то очень устало и разочарованно сказал:

— А я очень на тебя надеялся, Ольга, и на тебя, Шандор. В штабе есть план, о котором я вам сейчас не могу сказать, но в его выполнении и вам отведена значительная роль. Теперь, конечно, раз вы не согласны...

— Я согласен, — торопливо произнес Шандор и виновато посмотрел на меня. — Раз надо, я согласен. Только вот как Ольга?..

Что мне оставалось делать? И хотя предложение Сергея Георгиевича было мне совсем не по душе, я присоединилась к Шандору. Лазо как-то сразу повеселел:

— Ну, вот и прекрасно. Обещаю вам, что постараюсь как можно быстрее освободить вас от этого дела,

которое, как вижу, вам не совсем по сердцу. Ну, а сейчас слушайте и запоминайте...

...Все следующее утро я занималась своей внешне-стью. Сидя перед зеркалом, я вновь и вновь вспоминала вечерний разговор с Сергеем Георгиевичем и уже не находила в его предложении ничего обидного. Недаром же есть поговорка: «Утро вечера мудренее». Я даже составляла план, как взяться за новое для себя дело. Прежде всего я решила навестить Женечку Козодоеву. Она дочь богатого лесопромышленника, у которого в нашей тайге несколько лесопилок, к тому же ее отец играл какую-то роль в земской управе.

Правда, с Женечкой мы не виделись с прошлой весны, но я объясню ей, что все это время жила с дедушкой, пока он не погиб от случайной пули во время налета партизан на село, и только вот сейчас смогла вернуться во Владивосток, да и то только потому, что влюбилась во французского офицера, который оказался венгром.

Я улыбнулась себе в зеркало. Женечка всегда обожала романтические истории. А чем моя история не романтическая? Надо только придумать, как мы познакомились с Шандором. Может быть, сказать, что он спас меня от партизан? Или это будет слишком? Скоро за мной должен зайти Шандор. Он ушел в город проверить свою комнату.

Я взглянула на маленькие часики, которые мне дал Борзов. Их надо было носить по старинке, на тонкой цепочке на груди. Стрелки показывали уже полдень. Как долго я провозилась со своим туалетом! И все-таки мне не удалось скрыть, что лицо огрубело от мороза, от ветров. Впрочем, это можно оправдать тем, что я все время жила в деревне.

Деревня... Перед моими глазами вновь с необычайной ясностью встали картины недавнего прошлого. Приезд колчаковцев и американцев, встреча с Емельяновым у церкви, смерть дедушки.

Очень грустно, тяжело стало на сердце. Как болит оно, когда я думаю о Мише! Кажется, никогда не пройдет эта боль.

Я прислушалась. В магазине, как обычно, шла торговля. Время от времени позвякивал колокольчик входной двери, слышались приглушенные голоса. В коридо-

ре раздались шаги. Я безошибочно их узнала. Это Шандор. Я отворила ему дверь.

— Я немного задержался. — Лицо Шандора было розовым. Он потер уши. — Сегодня сильный ветер!

Глаза его весело поблескивали, а в уголках губ притаилась улыбка. Чему это он так радуется? Шандор сегодня хорошо выбрит, и вообще он светится весь, словно в какой-то праздник. Я не удержалась и спросила его:

— Видно, ветер настроил вас на веселый лад?

— Ветер, — закивал он и с пафосом добавил: — Ветер революции. Он принес хорошую весточку!

Шандор загадочно умолк и смотрел на меня, ожидая, когда же я потороплю его. Но я могу держать себя в руках, и хотя мне очень хочется узнать, что это за весточка, принесенная ветром, я отворачиваюсь и как можно равнодушнее говорю:

— Загадками-разгадками нам заниматься некогда. Пора идти к моей знакомой.

— О-о, — разочарованно протянул Шандор. — Вы совсем не любопытная.

— Ну говорите же! — вырвалось у меня, и мы оба захохотали.

— Бронепоезд наш на станции... как ее... Угольной! — торжественно произнес Шандор.

— Кто вам сказал? Откуда узнали? — наступала я на Палаи.

— Забегал во французскую миссию. — Шандор был рад, что первый мне сообщил эту приятную новость. — В городе переполох. При мне в миссию белый генерал приезжал. Просил поддержки против партизан. Ему вежливо отказали.

— Если бы во всех миссиях так было, — высказала я надежду.

— Французская отказала, потому что ее войск здесь нет. — Шандор стал серьезным. — А вот японцы и американцы могут двинуть войска против партизан. Мне сказали в миссии, что если между колчаковцами и партизанами начнутся бои, то колчаковцам помогут прежде всего японцы.

Я вспомнила наш ночной разговор с Лазо. Шандор не сообщил ничего нового; но все же то, что он узнал во французской миссии, надо передать Сергею Георгие-

вичу. Вот почему мы дождались, когда Борзов закроет магазин на обед, и я пересказала ему принесенную Шандором новость. Борзов слушал внимательно, запоминал каждую мелочь, а потом кивнул:

— Сегодня же Сергей Георгиевич об этом узнает.

Мы с Шандором вышли на улицу, и на нас набросился резкий порывистый ветер. Он нес с Амурского залива холод и мелкую снежную пыль. Извозчика нигде не было видно, и мы, добежав до трамвайной остановки, с трудом втиснулись в переполненный маленький вагончик. Здесь были и солдаты, и офицеры, и горожане. Все молчали, занятые своими невеселыми думами. Вагончик быстро катил под гору, шатаясь на рельсах, как пьяный. Порядком измятые, мы выбрались из трамвая в центре города. И здесь ветер был хозяином на улицах. Он свистел в проводах, крутил водовороты пыли, снега и мусора, рвал на заборах и рекламных тумбах афиши, гремел железом крыш.

Сегодня нам встречалось больше воинских частей, чем вчера. Почти непрерывно шли по Светланской колонны японцев. Проносились автомобили с ярко-пестрыми флажками на радиаторах, принадлежавшие консульствам и миссиям. Город походил на встревоженный муравейник.

Мы поднялись по Суйфунской улице к двухэтажному белому особняку Козодоевых. Высокие зеркальные окна изнутри были затянуты шторами. На парадной двери ярко блестела хорошо начищенная фигурная ручка из желтой меди. Я нажала на пуговку звонка, и через минуту дверь приоткрылась. Она была на цепочке. В образовавшуюся щель высунулось лицо горничной — узкоскулое, с бойкими синими глазами.

— Вам кого, барышня?

— Феня, разве ты не узнала меня? — засмеялась я. — А я тебя узнала.

— Оленька! — воскликнула Феня и сбросила цепочку. — А мы вас совсем потеряли. Входите, входите!

Она широко растворила дверь и замерла в нерешительности, увидев Шандора. Лицо ее стало настороженным. Феня явно колебалась — впустить нас или нет. Я сказала:

— Этот офицер мой кавалер, Феня. Я хочу с ним познакомить Женечку. Дома она?

— Дома... У нее... гости... — Феня все еще не знала, как поступить.

— Он француз и блестяще образован, — сказала я. — Женечка будет рада.

— Проходите, — решила Феня.

И вот мы в прихожей. Здесь ничего не изменилось. Большое трюмо. На столике перед ним аккуратно разложены щетки и расчески. На вешалке — офицерская шинель с погонами. «И кто бы это мог быть?» — обеспокоенно думаю я и вижу, что Шандор тоже заметил шинель. Мы переглядываемся, но отступать поздно, и Шандор помогает мне снять шубку.

— Феня! Кто там? — доносится из гостиной высокий, с картавинкой голос Женечки.

Горничная стоит в дверях. Она, не оборачиваясь, отвечает:

— Гости к вам, Женечка!

За спиной горничной появляется Женечка. Как она изменилась! Прежде всего очень вытянулась. Свет падает из гостиной, и я не могу рассмотреть ее лица, но зато она хорошо видит меня. Женечка удивленно-радостно вскрикивает:

— Оля! Оленька!

Она бросается ко мне и крепко обнимает, но тут же отстраняется, мгновенно смотрит в мое лицо и целует:

— Жива! Здорова! Оленька!

Женечка непритворно рада нашей встрече. Теперь и я могу ее хорошо рассмотреть. Женечка худоскава и поэтому носит закрытые пышные платья, которые не очень-то ей идут. Волосы у Женечки тонкие, рыжеватые, вьются, и кажется, что Женечка всегда не причесана. Ее коричневые глаза на бледном, с россыпью никогда не исчезающих веснушек лице делаются округлыми. Она смотрит на Шандора и заливается краской. Вот с ней всегда так. Как увидит красивого мужчину, так и покраснеет. Что за чудачка! Я знакомлю Женечку и Шандора. Женечка неважно говорит по-французски, но все же они понимают друг друга. Женечка говорит:

— А у меня есть для вас сюрприз!

Честно сказать, я и удивлена и даже чуть-чуть уязвлена. Я была уверена, что Женечка с первого взгляда сразу же влюбится в Шандора или же позавидует, что у меня такой кавалер. Она же вела себя совсем иначе.

Неужели так может измениться человек за короткое время? Я не узнаю прежней легкомысленной подружки, а она уже тянет нас в гостиную:

— Идемте, идемте!

Мы следуем за ней и входим в просторную гостиную, которая кажется тесной от множества бархата, диванчиков, огромного рояля, возвышающегося холодной черной глыбой в центре. Стены увешаны картинами в широких, под бронзу рамах. Мне показалось, что в гостиной душно и жарко. На диванчике у окна сидел офицер. Я взглянула на его лицо и невольно глубоко вздохнула. Передо мной был Немцевский. А он словно застыл. Гошка сидел, ухватившись руками за край дивана, и по его лицу расплзалась бледность. Гошка был испуган. Его глаза перебегали то с меня на Шандора, то на Женечку.

— Вы что, не узнаете друг друга? — спросила Женечка и засмеялась. — Это же Оля, а это Гоша. Ну!

— Здравствуй, Гоша. — Я подошла к Немцевскому, протягивая ему руку. Он медленно, точно это ему стоило большого труда, встал с дивана и подал свою. Я почувствовала, как она дрожит.

Я уже овладела собой и сказала:

— Как давно мы с тобой не виделись, Гоша! Откуда ты? Тогда ты так внезапно исчез. Как Женечка переживала!

— Ну вот еще! — Женечка кокетливо передернула плечами. — Ничего подобного.

Гошка понял меня: мы словно и не встречались в Спасске. Гошка почти облегченно вздохнул:

— Да я путешествовал... а как ты?..

— О, долго рассказывать, — отмахнулась я, но тут ко мне пристала Женечка:

— Расскажи, расскажи.

Мне ничего не оставалось делать, как пересказать придуманную историю о том, как я жила в деревне, а потом бежала от партизан и в пути познакомилась с Шандором.

— О, как интересно! — захлопала в ладоши Женечка. — Как романтично!

Во время моего рассказа Гоша тревожными глазами смотрел то на меня, то на Шандора. Я спросила его:

— А ты стал офицером, Гоша? Где же служишь?

— Я еще учусь в школе Нокса. — Немчецкий почему-то покраснел.

— В школе Нокса? — повторила я, вспомнив слова Сергея Георгиевича об офицерской школе на Русском острове, и посмотрела на Шандора. Он не понимал, о чем мы говорили с Немчецким, но имя Нокса уловил и спросил меня:

— Я не ошибся, что этот офицер — из школы Нокса?

— Да-да! — Мы встретились с Шандором глазами. Он тоже вспомнил слова Лазо об офицерской школе. И вот перед нами один из ее курсантов. Я лихорадочно думала, какую можно извлечь пользу из знакомства с Немчецким, но на ум ничего не приходило. Наконец я спросила Гошку:

— Ты надолго в город приехал?

— У меня три дня отпуска, — ответил он. Тут мне надо уладить кое-какие дела с Интернациональным союзом, в котором я до школы работал.

Гошка опять покраснел, и я поняла, что после случившегося в Спасске его просто заставили поступить в школу, чтобы искупить свое невольное свидетельство ограбления управы. Надо о Гошке рассказать Лазо, подумала я, только где мы снова встретимся с Немчецким? Тут неожиданно мне на помощь пришла Женечка:

— Гоша живет у нас... Он, он... снимает у нас комнату.

Она смутилась. Я поняла, что Женечка по-прежнему влюблена в Гошку и мечтает выйти за него замуж. Ну что же, это для нас лучше. Я сказала:

— Надеюсь, что мы теперь будем чаще встречаться. Верно?

— Конечно, конечно, — обрадовалась Женечка. — Вместе и в кафешантан ходим.

Мы начали болтать о всяких пустяках, пока Шандор не попросил разрешения Женечки поиграть на рояле.

— У меня есть хорошие ноты, — похвасталась она и подбежала к роялю. Шандор последовал за ней. Мы с Гошей остались вдвоем на диване.

Немчецкий тихо, не глядя на меня, попросил:

— Не проговорись, Оля, о том, что случилось в Спасске.

— Что ты! — успокоила я его. — Да там ничего и не было. Я тебя не видела, ты меня.

Шандор начал наигрывать какую-то мелодию. Гошка еще тише сказал:

— Я знаю, ты из шайки «Двадцать одно».

Я чуть не прыснула. Вот балбес! Он нас, партизан, принял за какую-то банду. Уже полгода, как о шайке «Двадцать одно» ходят прямо легенды. Время от времени какие-то люди врываются в дома богатых или в конторы, банки с оружием в руках и масками на лицах. Они забирают ценности и исчезают, оставляя после себя визитную карточку, на которой красным отпечатана цифра «21». Международная полиция не может их поймать, и вот об этой банде рассказывают самые необыкновенные истории. Одни утверждают, что это студенты, которые помогают бедным, другие — что эти грабители приехали из Америки...

Как бы там ни было, а заблуждение Гошки нам на руку, и я не стала его разубеждать. Женечка нас напоила чаем. За столом я осторожно завела речь о том, что партизанские отряды занимают деревни и города и что, наверное, скоро будут во Владивостоке.

— Нет, не будут! — горячился Гошка. — Мы не отступим перед варварами. Вся наша школа полна решимости драться, и нам всем выдали оружие и большое количество патронов.

Это было что-то новое. Я Шандору переводила слова Гошки и продолжала спорить с Немцецким, чтобы больше узнать. Немцецкий распалялся:

— Союзники не позволят, чтобы партизаны взяли власть!

Больше ничего интересного для нас он не сказал, и мы с Шандором распрощались и ушли, условившись с Женечкой и Гошкой пойти на следующий день в кафешантан «Голубой шар». Мы торопились рассказать Лазо о нашей встрече с офицером из школы Нокса.

Глава шестая

В ЗАПАДНЕ

— Умники, умники, — похвалил нас Борзов, когда узнал о нашей встрече с Немцецким. Его обычно озабоченное, даже хмурое лицо расплылось в довольной улыбке.

ке. Я только сейчас увидела, что у Максима Трофимо-
вича очень голубые, молодо поблескивающие глаза.

Борзова очень рассмешило то, что мы встретились
с Гошкой и он нас принял за членов шайки «Двадцать
одно».

— Хорошо, что ты не стала разубеждать его. Может
быть, это нам и пригодится. В общем, вот что, товарищи:
сидите здесь и ждите меня.

— А мы с Сергеем Георгиевичем не увидимся? —
спросила я неуверенно.

— Если он найдет необходимым, то увидите.

Мы с Шандором остались одни. Под окном в темно-
те проскрипел снег под ногами Борзова, негромко хлоп-
нула калитка, и все стихло. Я посмотрела на Палаи. Он
сидел у стола, положив подбородок на руку, и о чем-то
думал. Смуглое лицо венгра мне показалось печальным.
Может быть, он думает сейчас о своей родине, о близких.
Как они далеко от него! Чтобы отвлечь его от грустных
мыслей, я сказала весело:

— Сейчас мы будем пить чай!

Мне пришлось сбегать за кипятком и сахаром к Мар-
фе Егоровне. Соседи еще не спали. Марфа Егоровна
сидела за штопкой чулок, а ее муж, широкоплечий, с
густыми седыми волосами, мастерил на своем верста-
ке около окна миниатюрный паровозик. В маленькой
квартире было тепло, уютно, хотя нужда проглядывала
во всем — и в потертой шали, накинутой на плечи Мар-
фы Егоровны, и в побелевшей от частой стирки косово-
ротке мужа, и в лоскутном одеяле, прикрывавшем по-
стель, и во всей старенькой, дешевой и разнокалиберной
обстановке комнаты.

— Оленька! — приветливо воскликнула женщина,
когда я вошла к ним. — Как хорошо, что ты к нам за-
глянула. А то сидим, как два сыча, молчим.

Она, несмотря на свою полноту, проворно встала из-
за стола и, отложив штопку, засуетилась. От своей ра-
боты поднял большую голову ее муж. Я уже знала, что
зовут его Устин Поликарпович, и поздоровалась с ним.

— Добрый вечер, дочка, добрый вечер, — ответил он
глуховатым голосом, и я увидела приветливое живое
лицо с чуть лукавыми глазами. Они быстро и зорко
скользнули по мне, и я заметила, что выражение лица
Устина Поликарповича изменилось, стало строгим, даже

сердитым, настороженным. Я поняла, что ему не понравился мой вид. Действительно, я в своей шикарной шубке и шапочке, в модных ботах была чужой в этой рабочей квартире.

— Вот я тебя сейчас липовым отваром напою, — говорила Марфа Егоровна, что-то с грохотом передвигая на плите. — Горло-то твое все еще не отошло?

— Да нет, Марфа Егоровна, — засмеялась я. — Это голос у меня такой низкий.

— Говори ты мне, успокаивай, — отмахнулась женщина. — Все вы, молодые, себя не бережете, а потом доктора не помогут.

— Значит, ты и есть родственница нашего коммерсанта? — с усмешкой произнес Устин Поликарпович. — Оборотистый он у тебя. Не успел и вывеску приколотить, а уж и разбогател. Скоро рысаков заведет, шарарабной своей.

Я внимательно смотрела на железнодорожника. Что он хотел сказать? Я чувствовала, что за его словами прячется какой-то иной смысл, но какой? Осуждение, презрение, восхищение? Я почему-то почувствовала себя перед этим человеком маленькой, беззащитной, точно он все знал обо мне. Скуластое лицо Устина Поликарповича осветилось улыбкой:

— Обиделась за дядюшку своего? Я пошутил. Давно я тебя приметил — мне из моего окошка многое видно.

Я насторожилась: последние слова Устина Поликарповича мне не понравились, но я не подала виду и подошла поближе к его верстаку, заваленному напильниками, сверлами, обрезками жести, баночками с различными красками. Тут же лежало несколько паяльников. На подоконнике выстроился игрушечный состав товарного поезда: паровоз — черный, с красными колесами и золотом выведенным номером, красные вагончики...

— Выросла ты играть в такие бирюльки, — кивнул на свое изделие Устин Поликарпович. — А то бы подарил.

Он вдруг рассмеялся весело, громко, и совсем не походил сейчас на человека, сраженного горем, каким я его представляла со слов его жены. Передо мной сидел жизнерадостный, лукавый, умный человек, который мог так легко, заразительно смеяться, что я сама невольно улыбнулась.

— Снимай-ка свою шубку — да к столу...

— Нет, нет! — Я торопливо отошла от верстака. — У меня гость. Я к вам за кипятком и сахаром, если можно...

— Можно, можно. — Марфа Егоровна была огорчена, что я не останусь у них почаевничать. Лицо ее стало чуть обиженным. — Я тебе и молочка дам.

— Там где-то мед у нас был, — добавил Устин Поликарпович.

Я возвращалась к себе в странном состоянии, в котором не могла разобраться. Обижена ли я на Устина Поликарповича? Приятен он мне или нет? Я была в замешательстве, и это, очевидно, отражалось на моем лице, потому что, когда я вошла в комнату, Шандор, бросившийся взять у меня из рук чайник, встревоженно спросил:

— Случилось что, Ольга?

— Нет, — мотнула я головой, расстегивая шубку.

— Ты говоришь неправду, — резко произнес Шандор, и его глаза гневно уставились на меня.

— Ты прав, — кивнула я и за чаем пересказала все, что услышала от Устина Поликарповича, поделилась своими подозрениями.

Палаи возбужденно воскликнул:

— Может, он шпик?!

— Едва ли, — засмеялась я. — Борзов бы знал.

Так мы и не пришли ни к какому выводу. Когда чайник опустел и нас уже клонило в сон, вернулся Борзов. Мы даже не услышали, как он вошел в дом, а он, посмеиваясь и потирая красные от мороза щеки, говорил:

— Так вас, как цыплят, передушат. Конспираторы. — Борзов был в приподнятом настроении. — Ну-ка, наливай мне кружечку, да покрепче, Ольга. Что, чаю нет, все выпили? — Он увидел, как мы переглянулись с Шандором. — Ну, ничего, сейчас вскипятим новый.

— А как... — я хотела расспросить Борзова о результатах его встречи с Лазо, но он взял со стола чайник, направился к двери:

— Терпение, терпение.

По голосу было понятно, что Борзов принес хорошие вести. Мы с нетерпением ждали его возвращения. Скоро в коридоре загудел примус, и Борзов вернулся, присел на табуретку у печки, оглядел нас своими голубыми,

торжественно горящими глазами и вдруг вскочил на ноги:

— В Спасск вошли партизанские отряды! Гарнизон колчаковцев, даже школа летчиков перешли на нашу сторону!

— А японцы? — спросила я. — Там же их тысяч пятнадцать!

— Сохраняют нейтралитет, но спрятали у себя бежавших офицеров. — Борзов потер руки, негромко, но радостно засмеялся. — Такие-то дела, други вы мои!

Борзов на минуту о чем-то задумался, затем продолжал:

— Военно-революционный штаб поручил вам завтра же вновь встретиться с Немцевским и провести с ним вечер. Где это вы надумали?

— В кафешантане «Голубой шар», — сказала я.

— Очень хорошо, — кивнул Борзов. — Постарайтесь задержаться там подольше, чтобы Немцевский возвращался домой после полуночи.

— И все? — Я не могла скрыть своего разочарования.

— Да, все. — Борзов хотел что-то добавить, но не успел. В коридоре послышалось громкое шипение. Кипяток заливал примус.

Борзов быстро вышел, а я переговорила с Шандором. Он только проворчал, насмешливо фыркнув:

— Может, нам банкет для колчаковцев устроить?

— Не злись, — остановила я его. — Борзов еще не все сказал.

Я оказалась права. Борзов вернулся с чайником, наполнил нам чашки и, сделав несколько глотков, продолжал:

— Нам нужен пропуск на Русский остров. Школа Нокса очень серьезно охраняется. Проникнуть туда нам никак не удастся. Нам надо послать в школу своих людей, которые бы попытались сорвать выступление курсантов, если они решатся сделать это.

— Да, Сергей Георгиевич говорил нам об этом, — вспомнила я слова Лазо.

— У Немцевского есть пропуск, — продолжал Борзов. — Когда он у него кончается?

— Тридцатого января. — Я хорошо запомнила слова Гошки.

— Вот и отлично. — Борзов поставил чашку на блюдце. — Сегодня двадцать седьмое. Значит, у нас в запасе три дня. За это время мы можем многое сделать перед занятием партизанами города.

— Когда оно произойдет? — не удержалась я.

— Есть такая пословица. — Борзов склонил голову и с улыбкой посмотрел на меня: — «Много будешь знать — скоро состаришься».

Мне стало неловко, что я проявила неуместное любопытство. Борзов ждал, пока я закончу перевод Шандору, с удовольствием пил чай. Палаи, выслушав меня, опять вспыхнул:

— Мы сами можем у этого офицера забрать пропуск!

— Вы должны быть вне подозрения, — возразил Борзов, узнав о предложении Шандора. — Вам надо только зайти за Немчецким и его невестой и провести с ним весь вечер в «Голубом шаре». Больше ничего!

Голос его прозвучал твердо, даже жестко. Мы больше не решились ему возражать или высказывать свое недовольство. Борзов поднялся:

— Шандор переночует у меня...

...Когда мы с Шандором на извозчике подъехали к дому Женечки, над городом уже опускался вечер. Желтыми шарами вспыхнули огни и на улицах и на кораблях интервентов, которые точно вросли в ледяной панцирь бухты Золотой Рог. Они по-прежнему почти каждый день приходили с войсками, с военными грузами и уходили с нашим лесом, пушниной, углем, свинцовой рудой, рыбой... Нам везут смерть, а воруют богатства.

Немчецкий, кажется, был разочарован тем, что мы с Шандором оказались аккуратными: рядом со мной Гошка чувствовал себя тревожно, и, конечно, ему было чертовски стыдно за то, что произошло в Спасске. Вот душень! Он часто умоляюще смотрел на меня, явно просил, чтобы я не проговорила. Своего разочарования нашим приходом Гошка не смог скрыть, лицо его вытянулось и стало беспокойным.

Я не удержалась и спросила его с легкой насмешкой:

— Тебе, кажется, нездоровится, Гошенька?

— Нет, что ты! — Он развернул плечи, вскинул голову. — Я здоров...

Но это прозвучало у него не слишком убедительно. Зато Женечка сияла. На ней было умопомрачительное

пышное платье из розового шифона, волосы завиты в какие-то немыслимые локоны, и хотя Женечка отчаянно густо напудрилась, все же не смогла скрыть своих веснушек.

— О, ты очаровательна, — сказала я Женечке. — Просто прелесть.

— Ты находишь? — Женечка вертелась у трюмо. — Вот только не знаю, какие мне перчатки надеть.

— Конечно, белые! — посоветовала я.

Наконец мы выходим из комнаты Женечки. Шандор и Гошка ждут нас в молчании. Они не могут говорить между собой: в Гошкиной гимназии учили немецкий язык, а когда началась война, то перешли на английский, и теперь у Гошки в голове каша из немецких и английских слов.

— Мы готовы! — воскликнула Женечка.

Она была возбуждена, и ее лицо пылало. Еще был Женечка окажется в настоящем кафешантане, где много офицеров и, наверно, много красивых.

До кафешантана отсюда было недалеко. Мы спустились по Суйфунской улице на центральную Светланскую и оказались в густом потоке людей. Точно темная река, они двигались вдоль ярко освещенных витрин магазинов и окон ресторанов. Свет падал на людей, и я видела то смеющиеся, то высокомерные, то несчастные, то безразличные лица и слышала голоса, веселые и озабоченно-деловые, пьяные и барски-пренебрежительные, ленивые.

Кого только не было на этой улице! Американцы и японцы, чехи и филиппинцы, негры и англичане, французы и греки. Съехались, сбежались сюда со всего света, чтобы урвать кусок от русских богатств, нажиться, обокрасть, обмануть...

Наконец мы оказались у подъезда «Голубого шара». Над широкими зеркальными дверями висел стеклянный голубой шар. Внутри него горела лампочка. Шар вращался, и от него шло голубое сияние.

Мы вошли в вестибюль, сдали свои шубки и шинели в гардероб и прошли в зал. Он был чуть ниже вестибюля, и туда вело несколько ступенек. Таким образом, прежде чем выбрать столик и сесть за него, мы на какое-то мгновение оказались на виду всего зала. Овальный, с эстрадой в дальней стороне зал был тесно заставлен столиками.

В зале стоял невнятный говор, вились к высокому расписному потолку синеватые струйки табачного дыма. Между столиков скользили официанты с высоко поднятыми на руках подносами. Около нас появился пожилой лысеющий человек в белоснежной сорочке с высоким накрахмаленным воротничком и в черном фраке. Чуть наклонившись, он проговорил:

— Есть свободный столик у самой эстрады. Вам там будет удобно. Прошу.

Он повел нас через весь зал. Я видела багровые лица уже изрядно выпивших офицеров, слышала визгливый, неестественно-громкий смех их случайных подруг, видела, что многие сидят задумавшись и с каким-то отчаянием пьют. Кое-кто оглядывался на нас.

Мы уселись за столик. Человек во фраке ушел, пообещав прислать официанта. Женечка восторженно разглядывала посетителей за соседними столиками. Ее лицо порозовело от удовольствия. Шандор тоже рассматривал пирующих, но делал это очень незаметно. Немецкий держался свободно. Видно, бывать в подобных местах ему не в новинку. Он откинулся на спинку стула, закурил и придал своему лицу скушающе-безразличное выражение.

— Как здесь чудесно! — восторгалась Женечка. — Как изысканно! Я бы хотела бывать здесь...

Женечка мешала своей болтовней. Я старалась разобрать, что говорят за соседними столиками. Какой-то подполковник с остренькой бородкой басил своему собутыльнику:

— Розанов очень нерешителен. Надо было широко применять смертную казнь и железной рукой навести порядок.

— Теперь поздно, — уныло произнес штабс-капитан с маленькими ушами, которые были прижаты к черепу, как у зверя, готового прыгнуть на свою жертву. — Партизаны на Угольной...

— Ну и что? — Подполковник ударил кулаком по столу. — Пусть они будут даже во Владивостоке. Это тактика...

— Чья? — уставился на него собеседник.

— Наших союзников, — в голосе подполковника звучала уверенность. — Они заманят партизан и... — Он разжал кулак, ударил ладонью по столу и снова сжал

кулак. — Вот что они сделают с партизанами. Поверьте мне! Держу пари! Хотите?

— Давайте лучше выпьем, чтобы ваше предсказание исполнилось, — поднял свою рюмку штабс-капитан.

Они чокнулись и залпом осушили рюмки.

За другим столиком сидело трое штатских и один офицер. Он говорил довольно громко:

— Большевики — это как чума. Большевиков мы уничтожим, и снова все вернется!

Но в его словах я не уловила уверенности. Сомнение было написано и на лицах его слушателей. Меня отвлек Шандор:

— В зале чувствуется какая-то нервозность. Вы не находите? У этих офицеров обреченный вид.

Женечка не обращала на нас внимания. Она восторженно смотрела на Гошку, который отдавал распоряжения официанту. Он что-то спросил у меня, но я ответила:

— Делай по-своему. — И чуть польстила ему: — У тебя же и вкус есть и опыт.

— Да-а, — ответил он снисходительно. — В каких только ресторанах не приходилось бывать...

Он опять заговорил с официантом. Я почему-то почувствовала себя беспокойно. Шандор, не наклоняясь ко мне, тихо произнес:

— На тебя смотрит очень пристально офицер. Он сидит за четвертым столиком.

Я не изменила положения, не оглянулась. Теперь я поняла, почему ко мне пришло беспокойство. На меня кто-то уже давно и упорно смотрит.

— Может быть, нам лучше уйти? — приблизился ко мне Шандор. — Что-то мне не нравится офицер, который так пристально смотрит на тебя.

— Пустяки, — сказала я, хотя ощущение надвигающейся опасности не покидало меня. — Это просто тебе показалось. Пьяный офицер уставился на женщину, вот и все.

— Я бы предпочел уйти, — повторил Шандор.

Я знаю, он не трус. У него есть чутье, есть наметанный глаз, но не можем же мы сейчас бежать, оставить Немчецкого и Женечку одних. Их же поручено задержать как можно дольше. И хотя нам Борзов не сказал, для чего, мы догадывались — при возвращении

домой наши товарищи или заберут Немчецкого, или под видом грабителей отнимут у него пропуск, а его предупредят, чтобы он раньше тридцать первого января не заявлял о потере пропуска в школу Нокса. Я почему-то думаю, что Гошку заберут и спрячут где-нибудь в рабочем квартале. Он нашим товарищам многое сможет рассказать: и как на Русском острове расставлены караулы, и какое там вооружение, и многое другое.

Гошка трус и выболтает все. Вот почему мы не имеем права уходить из «Голубого шара», пока не выполним задания. Я так и сказала Палаи:

— А наше поручение?

— Да, ты права, — согласился Шандор.

— О чем вы там шепчетесь? — поинтересовалась Женечка, и я ответила как можно веселее:

— О том же, о чем вы шепчетесь с Гошей.

Женечка захихикала.

Я снова услышала шепот Шандора:

— Офицера нет.

— Ну, вот видишь, — засмеялась я. — У страха глаза велики.

Я посмотрела на Шандора и удивилась. Он как-то резко выпрямился на своем стуле. Лежавшие на столе его руки сжались в кулаки, а лицо стало суровым, как бы застывшим. Шандор смотрел мимо меня, через мое плечо на выход из зала, к которому я сидела спиной.

— Что с тобой, Шандор? — спросила я.

Мне еще никогда не приходилось видеть, чтобы вот так сильно изменился в мгновение Палаи. Тут я обратила внимание на Женечку. Глаза ее стали круглыми, как пятики. Немчецкий побледнел так, словно его припудрили. Рука с папирской, которую он подносил к губам, застыла на полпути.

— Спокойно, Ольга, — проговорил Шандор, едва двигая губами, чтобы не привлекать к себе внимания. — Не оборачивайся... К нам идут офицеры...

— Какие? — Вот и подтверждение тревоги, опасности, которые владели мной.

Шандор быстро спросил:

— Стрелять?

— Нет. — Я уже слышала за спиной быстро приближающиеся шаги. Они громко звучали в притихшем зале.

Теперь все, кто тут находился, смотрели на наш столик. Значит, нам угрожает опасность, может, арест... Я не стала гадать, а приказала Шандору: — Веди себя спокойно...

На мое плечо опустилась мужская рука и сильно сдавила его. Я еще не успела оглянуться, как услышала над собой насмешливо-торжествующий голос:

— Вот мы и встретились, дорогая Ольга Алексеевна! «Емельянов!» — я узнала голос. Меня точно пронзила горячая молния, но я смогла улыбнуться и поднять голову:

— Сергей Анатольевич! Какими судьбами? Я рада вас вид...

Сильный удар по лицу прервал меня. Я ощутила во рту солоноватый привкус крови. В тот же момент Шандор вскочил и, отшвырнув стул, бросился на Емельянова, но его сразу же схватили за руки подошедшие с подпоручиком офицеры. Женечка пронзительно, так, что больно стало в ушах, закричала, размахивая руками. Немецкий пытался ее успокоить, но она, широко раскрыв рот, кричала:

— А-а-а-а!

В зале все были на ногах. Я слышала, как люди спрашивали друг друга:

— Что случилось? Что там такое?

Нас окружало тесное кольцо людей. Емельянов все еще не убирал руки с моего плеча и не давал мне подняться. Меня словно подхватила буря. Я резким движением вырвала плечо, вскочила на ноги и, оказавшись лицом к лицу с Емельяновым, крикнула:

— Мерзавец!

Прежде чем меня успели остановить, я вернула пощечину подпоручику, и это неожиданно встретило одобрение зрителей:

— Молодец! Так его, хама! Как с барышней обращается!

Вторую пощечину я не смогла нанести. Меня уже держали за руки, как и Шандора. А Емельянов, у которого левая щека пылала, как распутившийся пион, поднял руку и громко, покрывая шум, кричал:

— Задержана опасная большевичка! Это разведчица Лазо! Это...

Его голос потонул в настоящем взрыве негодования.

Офицеры рвались к нам, у кого-то мелькнул в руках револьвер, кто-то кричал:

— К стенке ее! К стенке!

— Господа, господа! — Емельянов расчищал дорогу среди столпившихся, а за ним нас вели офицеры, трезвые, с мрачными, ничего хорошего не обещающими лицами. «Контрразведка», — подумала я и почувствовала слабость, но это продолжалось очень недолго.

Под негодующие крики, угрозы нас вывели из ресторана. Немчецкий вел Женечку, которая уже не кричала, а только всхлипывала. Против подъезда стоял большой, на высоких колесах, черный закрытый автомобиль. Здесь собралась уже толпа зевак.

Офицеры втолкнули нас в автомобиль. В руках офицеров угрожающе поблескивали револьверы. Автомобиль рванулся с места, громко рокоча мотором. Я быстро сказала Шандору вполголоса:

— Мы познакомились вчера в поезде!

— Молчи, сволочь! — заорал на меня Емельянов и хотел снова ударить, но Шандор заслонил меня плечом, и удар пришелся по нему.

Губы у меня болели. Они распухли от удара Емельянова. Каждое движение причиняло боль, но я все же сказала:

— Где же ваша любовь, Сергей Анатольевич?

Емельянов грязно выругался. Этот дурак подпоручик выдал себя. Он слаб, слаб. Сильные люди не ругаются, не ругаются и люди, одержавшие победу. Он же никогда ее не одержит! В углу машины тихо всхлипывала Женечка:

— Зачем, зачем я пошла с вами?..

— Это недоразумение, Женечка, все сейчас будет хорошо, — успокаивал ее Немчецкий, но голос его дрожал от страха.

«Нет, ничего не будет хорошего», — подумала я с удивившим меня спокойствием, и тут только вспомнила, что Немчецкий знает о моем участии в экспроприации золота в Спасской управе. Он, конечно, чтобы спасти себя, разболтает. Теперь-то не выдашь себя за участницу шайки «Двадцать одно».

Автомобиль круто свернул, и его мотор заработал с натугой. Я в боковое окошечко увидела, что мы едем по Китайской улице, и удивилась. Колчаковская контрраз-

ведка находится на Светланской, почему же нас везут не туда? Не могут же нас просто так расстрелять, сразу, без допроса.

Я терялась в догадках. В то же время ругала себя. Как я могла забыть о Емельянове? Может, потому, что это очень неприметный, пустой человек, какие обычно сразу забываются? А может быть, потому, что после уничтожения Пецкого и тех, кто с ним пировал на пасеке, Емельянов исчез из памяти? Мы ведь ни с Цыганком, ни с другими ни разу не вспоминали о Емельянове. И вот встреча. Может быть, не стоило ходить в «Голубой шар»? И тогда бы не было этой печальной для нас встречи. А кто может поручиться, что она не произошла бы на другой день на улице?

Так я философствовала, хотя на душе было очень плохо. Нет, я не боялась смерти, мучений, которые, несомненно, ждут и меня и Шандора. Я горевала о том, что рано выйду из боя, не достреляв своей обоймы, рано покину товарищей, не буду вместе с ними радоваться торжеству Советской власти на этой земле.

Автомобиль вновь круто свернул и помчался куда-то вниз. Улица была темная, без огней. Где же мы едем? Куда? Прошло еще минуты три-четыре. Автомобиль трясся по неровной мостовой. Наконец шофер остановил его. Емельянов угрожающе произнес:

— Приехали!

— Выходите! — грубо приказал один из сопровождавших нас офицеров.

Мы выбрались из автомобиля, и я увидела, что мы находимся около двухэтажного мрачного здания на углу Фонтанной и Алеутской улиц. Здесь же находится японская контрразведка! Вот куда нас привезли! Но почему к японцам? Мы стояли, окруженные вооруженными офицерами. Бежать было невозможно. Эх, если бы сейчас вместо Женечки и Гошки здесь были Цыганок и Царужный! Мы бы так покорны не были. От охватившего меня волнения я пошевелилась, и Шандор взял меня за руку, пожал ее, успокаивая.

Емельянов с каким-то офицером сразу же скрылись в здании. Их пришлось ждать довольно долго. Вернулись колчаковцы в сопровождении четырех японских солдат и одного японского офицера. Он что-то приказал солдатам, и те, подталкивая нас винтовками, повели в

здание. Женечка вновь громко заплакала, и ее голос разнесся по ночной улице.

Японский офицер подскочил к ней и ударил ребром ладони по горлу, что-то выкрикнув коротко и негромко. Плач оборвался. Женечка схватилась руками за горло, пошатнулась и упала бы, если бы ее не подхватил Шандор. Немецкий уже перестал обращать внимание на свою невесту, занятый только собой.

По широким ступеням мы поднялись к дверям, у которых стоял японский часовой. Мы миновали его и оказались в небольшом вестибюле, откуда нас повели по длинному коридору первого этажа. Под потолком горели небольшие лампочки. Наши шаги по паркетному полу гулко отдавались в коридоре. Мы шли мимо многочисленных дверей с непонятными надписями по-японски.

Сзади наших конвоиров шел Емельянов и еще один колчаковский офицер, остальных не пустили в здание контрразведки. «Почему мы оказались у японцев? Почему? — Эта мысль не давала мне покоя, не покидала меня. — Может, Емельянов служит у японцев?»

Японцы, как и другие интервенты, заявили о том, что в дела русских они не будут вмешиваться. Так почему же в отношении нас нарушен нейтралитет? Я сейчас заявлю протест и потребую немедленного освобождения. Но тут же в душе я посмеялась над собой. Что значит для японцев мой протест, когда мы в их руках и никто из наших товарищей не знает, где мы теперь находимся! Вот теперь-то я знаю, почему нас привезли в японскую разведку: чтобы скрыть следы.

Мои мысли прервались. Нас подвели к крайней, у глухой стены двери. Японский офицер скрылся за ней и почти тотчас же вернулся, оставив дверь широко открытой. Он махнул рукой, указывая на вход.

Мы оказались в довольно просторной, ярко освещенной комнате. В ней, кроме грубых скамеек, стоявших вдоль стен, и маленького стола в центре, ничего не было. Из комнаты вели две двери, расположенные друг против друга. Я обратила внимание, что левая дверь была около ручки в темных рыжеватых пятнах. Кровь! Да, это была засохшая кровь.

Нам жестом приказали сесть на скамейки подалеже друг от друга. Японские солдаты остались за дверью в коридоре. С нами были лишь японский офицер, Емелья-

нов и колчаковец, служивший переводчиком. Японский офицер, с безучастным видом сидел рядом со мной, положив руки на эфес сабли, которую держал между широко расставленных колен. Казалось, что офицер дремлет.

Емельянов стоял, чуть отставив одну ногу и упершись руками в бока. Он с кривой торжествующей улыбкой смотрел на меня и негромко притопывал носком хорошо начищенного сапога. По черному голенищу скользили световые блики. На Емельянове, как всегда, хорошо сидела шинель, перетянутая ремнями. Фуражка была лихо сдвинута набок, открывая рыжеватые волосы.

Я поймала взгляд его синих глаз. Он в упор уставился на меня, но не выдержал и отвел глаза. Он не вызывал во мне никаких чувств, кроме брезгливости.

В комнате было тихо. Только, уткнув лицо в ладони, плакала Женечка. Ее плечи судорожно вздрагивали. Шапочка у нее сбилась, и волосы растрепались. Немецкий нервно облизывал губы. Он сидел, прижав к груди руки, точно кого-то о чем-то молил. Взгляд его глаз был устремлен на сапог Емельянова, выбивавший мерные удары по паркету. Шандор о чем-то напряженно думал. Он то сводил брови, то хмурился, то начинал постукивать пальцами по скамье. Нервничает? Наверное. Мы все нервничаем, но каждый по-своему. Шандор, очевидно, почувствовал мой взгляд и, посмотрев на меня, ободряюще улыбнулся. Я ему тоже ответила улыбкой, и это взорвало Емельянова. Он закричал почти истерически:

— Улыбаетесь?! Скоро плакать будете!

Женечка испуганно вскрикнула, а Немецкий согнулся, втянул голову в плечи, точно ожидая удара. Шандор с любопытством посмотрел на Емельянова и сказал мне:

— Этот офицер плохо воспитан!

— Да, — опять улыбнулась я.

— Молчать! — Лицо Емельянова стало красным от натуги. Его взбесило, что мы не боимся его криков. — Молчать!

Еще не затих крик, как открылась одна из дверей и в коридор совершенно бесшумно выскользнул сухонький седой человек в темной тройке, с синим галстуком в горошек. Редкие волосы были тщательно расчесаны на

пробор. Я взглянула на морщинистое лицо человека, при появлении которого быстро поднялся японский офицер, и едва подавила возглас удивления.

Бог! Перед нами был мой попутчик по купе. Я не могла ошибиться. Большие губы Бога выдавались вперед. Золотая булавка с жемчужиной в галстук так и лезла в глаза. Я вспомнила имя Бога. Его зовут, как знаменитого древнего римлянина, Цицерон. А вот отчество я забыла.

— Кто здесь большевик? — зашлепал губами Бог.

— Вот она! — указал на меня Емельянов. — А это ее сообщники!

— Она? — Цицерон вытянул в мою сторону руку и, подбежав как-то боком, уставился на меня блеклыми глазками. На его лице не было удивления. Бог наклонился ко мне рывком и быстро спросил:

— Вы? Почему? Как? Где раненый жених? — Он приблизился ко мне так, что я на своем лице ощущала его дыхание. — Где поручик? Как вас звать?

— Ольга она! — неожиданно закричал Немцевский. — Она принимала участие в ограблении управы в Спасске. Она украла там золото!

— Что? Вы знаете? — Бог был перед Гошкой. — В Спасске? Она?

Бог вдруг отбежал от нас к столику и что-то по-японски сказал офицеру. Тот вызвал солдат, и, прежде чем мы сообразили, что происходит, по бокам каждого из нас стало по два солдата. Они взяли нас за руки и повели из комнаты. Мы снова оказались в коридоре, миновали вестибюль, пересекли новый коридор и по темной грязной лестнице спустились в подвальный этаж. Здесь я увидела длинный коридор, по сторонам которого было много железных дверей. Камеры! Бог, шедший за нами, опять что-то сказал по-японски, и меня первую повели по коридору. Мы остановились в самом его конце перед железной дверью. Появившийся надзиратель, японец с широким багровым шрамом на подбородке, отыскал ключ в большой связке, которая висела на его поясе, и, открыв замок, со скрипом распахнул дверь.

Бог, стоявший за мной, сказал:

— Входите! Быстро!

Я крикнула Шандору:

— Держись!

Меня втокнули в узкий камешный мешок так, что я не устояла на ногах и упала на бетонный пол, в кровь разбила колено. Следом за мной вошли два солдата и Бог. Он крикнул:

— Встать! Быстро!

Я поднялась на ноги. Бог снова подбежал ко мне вплотную и спросил:

— Большевичка? Где жених?

— Пошли вы к черту! — вырвалось у меня. — Что вам от меня надо? Какое вы имеете право меня здесь держать?

— Что? — Бог, казалось, был озадачен моими словами, но вдруг его лицо сжалось в комок, стало очень маленьким, и только губы по-прежнему выдавались вперед. Они вздрогнули, зашлепали. В эту минуту Бог очень походил на старую лягушку. Послышалось тонкое пошизгивание. Это он так смеялся. Его явно развеселили мои слова.

Неожиданно он оборвал смех и резко что-то сказал солдатам. Те подошли ко мне и сорвали с меня шубу. Потом один из них бесцеремонно обыскал меня, но ничего не нашел.

Бог, который держал в руках мою шубку, бросил ее мне и, круто повернувшись, вышел из камеры. За ним последовали солдаты. Железная дверь с грохотом закрылась. Заскрежетал замок, и я осталась одна. Я прислушалась к удаляющимся шагам. Наступила тишина. Теперь можно было осмотреть камеру. Она всего в три шага шириной и шесть шагов длиной. Стены выкрашены коричневой краской и испещрены надписями тех, кто находился здесь до меня. Я не стала сейчас разбирать их. Надо было успокоиться. Кровать, привинченная к полу, была покрыта тонким матрасом. Он оказался набитым соломой, которая уже превратилась в труху. Подушка в черной наволочке тоже была набита соломой. В углу стояло ведро, прикрытое деревянным кружком. От ведра шло зловоние. Это параша. Под потолком — небольшое, круглое отверстие. До него не добраться. Очевидно, через это отверстие поступает воздух. Маленькая запыленная лампочка тускло желтела под потолком.

Я подошла к двери, в которой было окошечко с глазком, закрытым снаружи. Я прислушалась, но, кроме

пробор. Я взглянула на морщинистое лицо человека, при появлении которого быстро поднялся японский офицер, и едва подавила возглас удивления.

Бог! Перед нами был мой попутчик по купе. Я не могла ошибиться. Большие губы Бога выдавались вперед. Золотая булавка с жемчужиной в галстук так и лезла в глаза. Я вспомнила имя Бога. Его зовут, как знаменитого древнего римлянина, Цицерон. А вот отчество я забыла.

— Кто здесь большевик? — зашлепал губами Бог.

— Вот она! — указал на меня Емельянов. — А это ее сообщники!

— Она? — Цицерон вытянул в мою сторону руку и, подбежав как-то боком, уставился на меня блеклыми глазками. На его лице не было удивления. Бог наклонился ко мне рывком и быстро спросил:

— Вы? Почему? Как? Где раненый жених? — Он приблизился ко мне так, что я на своем лице ощущала его дыхание. — Где поручик? Как вас звать?

— Ольга она! — неожиданно закричал Немцевский. — Она принимала участие в ограблении управы в Спасске. Она украла там золото!

— Что? Вы знаете? — Бог был перед Гошкой. — В Спасске? Она?

Бог вдруг отбежал от нас к столику и что-то по-японски сказал офицеру. Тот вызвал солдат, и, прежде чем мы сообразили, что происходит, по бокам каждого из нас стало по два солдата. Они взяли нас за руки и повели из комнаты. Мы снова оказались в коридоре, миновали вестибюль, пересекли новый коридор и по темной грязной лестнице спустились в подвальный этаж. Здесь я увидела длинный коридор, по сторонам которого было много железных дверей. Камеры! Бог, шедший за нами, опять что-то сказал по-японски, и меня первую повели по коридору. Мы остановились в самом его конце перед железной дверью. Появившийся надзиратель, японец с широким багровым шрамом на подбородке, отыскал ключ в большой связке, которая висела на его поясе, и, открыв замок, со скрипом распахнул дверь.

Бог, стоявший за мной, сказал:

— Входите! Быстро!

Я крикнула Шандору:

— Держись!

Меня втолкнули в узкий каменный мешок так, что я не устояла на ногах и упала на бетонный пол, в кровь разбила колено. Следом за мной вошли два солдата и Бог. Он крикнул:

— Встать! Быстро!

Я поднялась на ноги. Бог снова подбежал ко мне вплотную и спросил:

— Большевичка? Где жених?

— Пошли вы к черту! — вырвалось у меня. — Что вам от меня надо? Какое вы имеете право меня здесь держать?

— Что? — Бог, казалось, был озадачен моими словами, но вдруг его лицо сжалось в комок, стало очень маленьким, и только губы по-прежнему выдавались вперед. Они вздрогнули, зашлепали. В эту минуту Бог очень походил на старую лягушку. Послышалось тонкое повизгивание. Это он так смеялся. Его явно развеселили мои слова.

Неожиданно он оборвал смех и резко что-то сказал солдатам. Те подошли ко мне и сорвали с меня шубу. Потом один из них бесцеремонно обыскал меня, но ничего не нашел.

Бог, который держал в руках мою шубку, бросил ее мне и, круто повернувшись, вышел из камеры. За ним последовали солдаты. Железная дверь с грохотом закрылась. Заскрежетал замок, и я осталась одна. Я прислушалась к удаляющимся шагам. Наступила тишина. Теперь можно было осмотреть камеру. Она всего в три шага шириной и шесть шагов длиной. Стены покрашены коричневой краской и испещрены надписями тех, кто находился здесь до меня. Я не стала сейчас разбирать их. Надо было успокоиться. Кровать, привинченная к полу, была покрыта тонким матрацем. Он оказался набитым соломой, которая уже превратилась в труху. Подушка в черной наволочке тоже была набита соломой. В углу стояло ведро, прикрытое деревянным кружком. От ведра шло зловоние. Это параша. Под потолком — небольшое, круглое отверстие. До него не добраться. Очевидно, через это отверстие поступает воздух. Маленькая запыленная лампочка тускло желтела под потолком.

Я подошла к двери, в которой было окошечко с глазком, закрытым снаружи. Я прислушалась, но, кроме

ровных шагов часового, ничего не было слышно. «Как там Шандор?» — подумала я в тревоге за товарища.

Становилось прохладно или, быть может, мне так казалось. Я поплотнее запахнула шубку и прилегла. От подушки пахло застарелым потом. Я подняла воротник шубки и, прикрыв им подушку, легла на мех; запах, вызывающий тошноту, исчез. Я быстро согрелась и не заметила, как уснула...

Глава седьмая

ИСПЫТАНИЕ

Мне до сих пор не понять, как я могла так быстро и крепко уснуть без сновидений, точно провалилась в бездонную черную пропасть. И это в тюрьме, в подвале контрразведки, когда надо мной и Шандором нависла страшная опасность, а задание Лазо не было выполнено! Я вспомнила о Женечке и Гошке. Я была уверена, что они отделаются только испугом. Женечкин отец был в дружбе с японцами, вел с ними торговлю. Он, конечно, вызовет и свою доченьку и ее незадачливого жениха.

Очевидно, мой крепкий сон был реакцией на события и переживания, навалившиеся на меня в тот вечер, как из рога изобилия. Я проснулась от скрипа и грохота открываемой двери. Еще не соображая, где я нахожусь, я вскочила на ноги и растерянно оглянулась. Ничего в камере не изменилось, но она уже не показалась мне такой зловещей, как в первый момент, когда меня в нее втолкнули.

Я машинально взглянула на часики, которые по-прежнему висели на груди, и удивилась: стрелки показывали девять часов утра. Ого! Я спокойно провела ночь в контрразведке, хорошо отдохнула и чувствовала себя бодрой. Это поставило меня несколько в тупик. Где же ночные допросы, пытки, избиения, лишение сна, о которых я так много слышала?

Дверь распахнулась широко, и на пороге оказался надзиратель с отвратительным шрамом на лице и сол-

дат с винтовкой, на которой поблескивал широкий ножеобразный штык.

— Выходи. — Свой приказ надзиратель сопроводил жестом руки, показывая, чтобы я вышла из камеры.

Мне оставалось только подчиниться, но с какой яростью и ненавистью я посмотрела на его уродливое лицо. Оно казалось неподвижной маской. Надзиратель закрыл дверь и пошел впереди меня. Он был низкого роста, широк и крепок в плечах и чуть приволакивал ноги. Сзади равнодушно шагал молодой солдат.

В коридоре было тихо, но за некоторыми дверями улавливалось движение. Там, в камерах, заключенные шагали из угла в угол. Я смотрела на серые двери. За какой из них находится Шандор? Жив ли он?

Меня привели в ту же самую комнату с расставленными вдоль стены скамейками. Надзиратель движением руки приказал мне ждать, а сам скрылся за дверью старшего следователя.

Бог выскользнул из своего кабинета почти бесшумно. Он подскочил ко мне и шлепнул губами:

— Как спали? Отдохнули? А? Что?

Всякий раз при новом слове его губы издавали чмокающий звук. Я только пожала плечами:

— Разве это важно для вас?

— А? Что? — Цицерон Аркадьевич (наконец-то я вспомнила его отчество) отбежал от меня за столик и ладонью хлопнул по нему. — Говори правду! Я все знаю! Правду обменяй на свободу! Ложь принесет тебе смерть!

— Немедленно освободите меня! — Я даже в нетерпении ударила каблуком о паркет. — Вы не имеете права держать меня!

Бог, склонив голову к левому плечу, уставился на меня мутными глазами. Они были того же цвета, что и серый свет зимнего утра, сочившийся в комнату через высокое окно, забранное частой решеткой. Японский надзиратель стоял за моей спиной, и мне показалось, что он ждет сигнала Бога, чтобы ударить меня. Но я ошиблась. Бог указал на дверь кабинета:

— Входител

Он рывком открыл дверь, и я оказалась в квадратной комнате, обставленной так же скудно. У окна стоял продолговатый письменный стол. За ним кресло. По-

одаль от стола на привинченных к полу табуретках сидели Женечка и Гошка, а на маленьком диванчике, что стоял в дальнем углу, посасывал сигаретку Женечкин отец. Он сидел, небрежно опершись о твердый валик дивана. Дорогое серое пальто с воротником из выдры было расстегнуто. Шапка такого же меха лежала рядом на диване. В нее были брошены перчатки. Отец Женечки, худошавый, с впалыми щеками и маленькими усиками на английский манер, ленивым движением повернулся в мою сторону и укоризненно покачал головой, но так осторожно, точно боялся, что может испортить свои аккуратно причесанные седеющие волосы. Женечка, растрепанная, с опухшими от слез глазами, при моем появлении закричала истерически:

— Это все она! Она! — Женечка вскочила на ноги, словно собираясь броситься на меня, но тут же упала на табуретку и опять заплакала, закрыв лицо руками. Она выглядела так отвратительно, что я отвела от нее глаза.

Гошка неумело разыгрывал перед ее отцом нежного, заботливого жениха. Он подскочил к Женечке и, поглаживая ее по острым плечам, приговаривал хрипло:

— Ну, успокойся, дорогая. Ну, все уже прошло. Все уже хорошо...

Я чуть не улыбнулась, хотя мое положение отнюдь не располагало к веселью. Значит, мои предположения оказались правильными. Отец Женечки выручил и дочку и женишка. Бог прикрыл дверь, подошел к Козодоеву:

— Узнаете? — Он указал на меня своей сухонькой ручкой. — Ошибки нет?

— Нет, — неторопливо кивнул отец Женечки и поднялся с дивана. — Мы можем идти?

— Да! Да! — закланялся Бог. — До свидания!

— Спасибо. — Козодоев небрежно протянул следователю руку, и тот крепко пожал ее. — Ждем вас к ужину.

— Обязательно буду, обязательно, — растянул лягушечьи губы Бог и проводил до дверей Козодоева, Женечку и Гошку. Гошка старательно избегал встречаться со мной взглядом, как человек, сделавший пакость, но не до конца потерявший совесть. Женечка, прижавшись к нему, посмотрела на меня злыми глазами и крикнула:

— Подлая!.. Большевичка!..

— Не надо, Женечка. — Гошка вывел ее из комнаты, и мы остались с Богом наедине.

— Садись! — Цицерон указал мне на табуретку, на которой только что сидела Женечка. Но я села на другую.

Бог внимательно посмотрел на меня. Я отметила, что он имеет исключительную способность быстро меняться. Только что это был очень услужливый и вежливый человек с Козодоевым, и вот передо мной собранный в сухой жесткий кулак беспощадный враг. Изменилась и манера разговаривать. Он теперь произносил слова отрывисто, чуть даже выкрикивая их:

— Читай! — Бог бросил на край стола несколько листов. Я взяла их. Они были исписаны мелким остреньким почерком Женечки и размашистым — Гошки.

Я быстро прочитала их, и меня охватило негодование. В лицо ударила кровь, мне стало жарко. Я даже распахнула шубку.

— Сними шубу, — сказал Бог. — Тебе тут будет жарко!

Я машинально подчинилась его приказу, думая о прочитанном. Труссы! Жалкие труссы! Гошка выболтал все, что знал обо мне, то же самое сделала и Женечка. Женечка даже добавила: «Силина долго скрывалась в тайге у партизан, и ее дед был казнен как партизан».

— Ну? Верно? А? — когда я вернула листки, спросил Бог. — Подтверди!

— Нет! — Я решила все отрицать и бороться, насколько у меня хватит сил. — Мало ли что могут наболтать перепуганные дураки!

— Значит, это ложь? — Бог постучал пальцами по показаниям Гошки и Женечки, и я утвердительно кивнула:

— Да.

— Может быть, — шлепнул он губами, как будто в раздумье, и я попала на удочку: поверила, что следователь усомнился в правдивости показаний трусишек.

Он пошарил по столу, заваленному бумагами, и нашел круглую металлическую баночку с монпансье, открыл ее, выбрал желтую конфетку и, сунув в вытянутые губы, стал шумно сосать. Потом взглянул на меня. В руках у него все еще была плоская, разукрашенная

цветочками баночка. Бог вышел из-за стола, подошел ко мне и, приоткрыв крышку, предложил:

— Мятные! Бери! Освежают!

Я, как глупенькая, потянулась за конфеткой. Едва мои пальцы нащупали гладкую поверхность конфетки, как Бог ударил кулаком по крышке, и ее острый край врезался в мои пальцы до самой кости. Были порезаны пальцы и снизу. Я невольно закричала от сильной боли, а Бог уже был за своим столом и негромко повизгивал от удовольствия. Слезы выступили у меня на глазах. Я смахнула их и выхватила из рукава носовой платок, туго обернула пальцы, из которых хлестала кровь.

— Вратъ не надо! — Бог швырнул на бумаги коробочку с конфетами. — Где твой жених? Который был в поезде? Где ты живешь?

— Жених на фронте, — начала я, но Бог прервал меня:

— Врешь! Где живешь?

Что я могла ответить? Как же мои товарищи допустили ошибку и не обеспечили меня безопасной квартирой? Не могла же я выдавать конспиративную квартиру у Борзова. Это был просчет! Непоправимый просчет! До отъезда в тайгу я жила у одного из учителей, знакомого отца, но назвать его адрес не могла. Скромному учителю рисования это могло принести много неприятностей. Я молчала. Бог терпеливо ждал, потом спросил:

— Где взяла такую шубку? А платье? А часы? А?

Он забегал по кабинету, то дотрагиваясь до моего платья, то рассматривая шубку, которая лежала на диване. Я по-прежнему молчала. Сейчас это был единственно правильный прием в борьбе с Богом. Молчать, молчать, а позднее молчание можно будет объяснить по-всякому. Цицерон остановился около меня, сказал:

— Красивая ты девка! Хочешь хорошо жить?

Я подняла глаза на Бога. В его предложении было что-то новое. Он по-своему истолковал мое движение и продолжал:

— Расскажи все, что знаешь. Я прошу. Потом ты будешь работать у меня. Агентом! Ты девка красивая! Это хорошо!

У меня от негодования даже перехватило дыхание. Бог предлагает мне стать предательницей, стать плат-

ным агентом японской контрразведки. Да за кого же он меня принимает?! А Цицерон не умолкал:

— У тебя всегда будут красивые платья. Много платьев. Поедешь в Японию. Мужчин будешь выбирать, каких захочешь. А?

— И платить мне будете? — спросила я, потупив глаза, чтобы не выдать их выражения.

— Хорошо платить, — подтвердил Бог.

— Японцы холодам и предателям много платят? — спросила я прежним тоном.

— А? — воскликнул Бог и закричал: — Дура! Дура! Плакать будешь! Где золото, что стащили в Спасске?

— Я ничего о золоте не знаю, — пожалала я плечами. — Гошка наврал. Я ехала вместе с вами.

Бог молчал. Все-таки наше нахождение с ним в одном купе было неплохим алиби, и это ставило Бога в тупик. Но показания Емельянова, видимо, не вызывали у него сомнений. Да и мое молчание о месте жительства было подозрительным. Бог спросил:

— Где познакомились с Палаи? Он коммунист?

— Спросите его, — предложила я. — Он ухаживает за мной. Я познакомилась с ним в поезде.

— Ты... — Бог обозвал меня оскорбительным словом.

— Как вы смеете?! — закричала я и вскочила на ноги.

Тут в кабинет вошел японский офицер. На нем были погоны капитана. Держался японец начальственно. Не взглянув на меня, он что-то требовательно спросил у Бога. Тот, вытянувшись, торопливо заговорил:

— Господин Хосокава! Я сделаю все...

Офицер недовольно прервал его, и Бог перешел на японский язык. Говорили они минуты три. Я снова села. Потом Хосокава бесцеремонно стал разглядывать меня. Мелкими шажками он подошел ко мне и, взяв за подбородок, поднял голову:

— Разо знаешь? Где Разо?

Я пожалала плечами. Капитан сильно сдвинул подбородок, и из разбитых накануне Емельяновым губ снова выступила кровь. Хосокава отошел, что-то приказал Богу. Тот позвонил в маленький колокольчик, который взял со стола. Тотчас явился надзиратель. Получив от Бога приказание, он тут же ушел, а Бог сказал мне:

— Капитан Хосокава не хочет портить твою красоту. Но если ты будешь молчать, он будет выжигать на твоём лице узоры. Хочешь? А?

Я похолодела. Вот и наступает то самое страшное, что должно быть. Я знала, что это не пустая угроза. Смогу ли я выдержать мучения? Смогу ли перенести пытки так же стойко, как Миша? Мысль о Мише придавала мне силы, и я ощутила прилив какого-то удивительного спокойствия. Вдруг мне показалось, что все происходящее не имеет никакого отношения ко мне и я наблюдаю все это со стороны.

— Капитан дает тебе время подумать. — сказал Бог. — А чтобы ты не считала, что мы шутим, ты сейчас увидишь, как мы поступаем с коммунистами. Пошли!

Я продолжала сидеть. Бог подскочил ко мне и, схватив за руку, поволок к двери. Мы вошли в узкую комнату без окон. Я не удержалась и вскрикнула. На длинной скамейке лежал Шандор с привязанными руками и ногами. Спина его была обнажена и покрыта кроваво-красными полосами. Глаза Шандора были закрыты, но, услышав мой голос, он открыл их и сказал:

— Все хорошо, Ольга...

— Молчать! — закричал Бог, но я ему сказала:

— Господин Палаи не знает русского языка.

— Мы с ним беседуем по-французски, — вставил Хосокава, который вошел следом за нами и обратился к Шандору: — Вы по-прежнему будете упорствовать? Кто эта женщина и где вы с ней познакомились?

— В поезде! — Шандор это произнес таким тоном, что я поняла — он давно твердит одно и то же. За Палаи я не беспокоилась. Я знала, что он выдержит все и не предаст нас. — Она красивая девушка...

— Где она живет? — допрашивал капитан.

— У меня, — ответил Шандор.

Я чуть не закричала, что Палаи молодец. Ох, какой он умница! Он хочет спасти меня. Он знает, что нельзя привлекать внимание к магазину Борзова, особенно сейчас, когда, наверное, остались считанные дни до восстания. Если контрразведке удастся напасть на след Лазо, то все дело будет поставлено под угрозу, и нам этого никто и никогда не простит.

— Какой у него адрес? — обратился ко мне Хосо-

кава. Он говорил хорошо по-русски, только букву «л» произносил как «р». — Где он живет?

— Я бывала у него по вечерам и не помню адреса, — увильнула я от ответа, но Хосокава даже не обратил на него внимания.

Он повернулся к двум японским солдатам, которые стояли в стороне. На них не было мундиров. Рукава их рубашек были закатаны до локтей. «Палачи», — мелькнуло у меня. Они выслушали приказ Хосокавы. Один подошел к столу, схватил плетку, занес ее над Шандором и с силой опустил. На спине Палаи показалась кровь.

Я закрыла глаза, хотела отвернуться, но Бог закричал:

— Смотри! Смотри!

Истязание Шандора продолжалось.

Трудно мне передать состояние, которое тогда владело мной.

Наконец Бог и солдат выволокли меня из камеры пыток, и я снова оказалась в кабинете следователя. Я не могла стоять на ногах. Меня билась сильная нервная дрожь. Моментами мне казалось, что я вижу кошмарный сон и что все это не может происходить наяву. Голова чуть кружилась. Бог подошел ко мне и почти отеческим тоном произнес:

— Видела? С тобой еще хуже поступит капитан Хосокава, если ты будешь упорствовать.

— Пытайте меня! — кричала я. — Отпустите его! Он не виноват! Ни в чем!

— А ты в чем? — низко нагнулся к моему лицу Бог. — В чем? Ну, говори!

У меня уже было готово сорваться признание, что Гошика написал правду, — я принимала участие в нападении на управу в Спасске, и мне стоило большого труда не сказать об этом. Я знала, что первое же мое отступление может привести и к другим, более опасным признаниям. Я прикусила распухшую губу, а Бог теребил меня за плечо:

— Говори! Говори!

— Нечего мне говорить! — медленно произнесла я, и мне стало стыдно, что я так плохо владею собой, что я кричала. Это же признак слабости. Бог, разозлившись, так толкнул меня в плечо, что я упала с табуретки на пол. Следователь стал топтать меня ногами, бить с раз-

маху носком ботинка. Он старался попасть мне в живот, но я, скорчившись, как-то увертывалась от этих ударов. В то же время Цицерон избегал нанести мне удар по лицу. Я была в таком состоянии, что почти не чувствовала боли, точно она была загнана глубоко внутрь, и только один удар в бок потряс меня, и мне показалось, что у меня остановилось дыхание.

В этот момент на столе Бога резко зазвонил телефон. Он подбежал к столу и снял трубку:

— Алло! Да!

Бог довольно долго слушал, что ему говорили. Туман, наполнивший мою голову, постепенно проходил. Я уже могла сосредоточиться на разговоре Бога. Он отвечал в трубку:

— Да, господин генерал. Подпоручик Емельянов прав. Мы, кажется, держим ниточку в руках... Постарайтесь... Вы придете сами?... Хорошо...

Бог опустил трубку на рычаг аппарата и долго смотрел на него, о чем-то напряженно думая. Потом он сдвинул крышку с банки с конфетами и, достав одну, положил в рот, стал громко сосать. Я следила за ним, все еще не поднимаясь с пола и ожидая, когда боль окончательно пройдет. Следователь обернулся ко мне:

— Для начала хватит! Вставай!

Я медленно поднялась, отряхнула платье, которое в нескольких местах было разорвано. Часы оказались разбитыми, и я, сняв их с шеи, бросила на стол Богу:

— Возьмите на память...

— Надены! — Бог окрысился. Таким разозленным я его не видела еще ни разу. Он взял часы и надел мне на шею. — Тут воров нет! Ты получила хороший урок. Подумай, что тебя ждет дальше, если будешь упорствовать.

Я поняла, что истязания временно прерваны, и, очевидно, это связано с телефонным звонком. За мной явился надзиратель с солдатом, и меня повели назад. Когда я вышла из кабинета Бога, то сразу же взглянула на дверь камеры пыток. Она была приоткрыта, и в камере никого не было. Я облегченно вздохнула: Шандора больше не пытаются. Он, наверное, сейчас находится в своей камере. Как бы я хотела оказаться около него, помочь ему, перевязать его раны. Думая о нем, я совсем не заметила, как мы оказались у двери моей камеры.

Когда стихли шаги часового и надзирателя, я устало опустилась на кровать. Теперь я была без шубки. Она осталась в кабинете следователя. Тело болело от ударов. Мысли одна тревожнее другой осаждали меня. Контрразведчики что-то замыслили в отношении меня. По существу и допрос и избивание не были серьезными. А та старательность Бога, с которой он избегал ударить меня в лицо...

Неужели они всерьез думают, что я могу стать предательницей, что меня устроит то, что я видела? Что бы они со мной ни сделали, как бы это ни было страшно и мучительно больно, я не предаю товарищей, не предаю нашего святого дела, не предаю Мишу. Наверное, и он так думал, когда его пытали там, в Хмельницкой.

Я не могла сидеть спокойно и стала ходить по камере. Время точно остановилось для меня. Часы превратились в бесполезный кусок металла, и я сняла их с шеи, положила на кровать.

Странно чувствует себя человек, когда он один. Он словно на какой-то машине времени удаляется от людей. Мне стало казаться, что встреча с Лазо, нахождение в отряде Глазурина, захват бронепоезда, да и посещение «Голубого шара» были когда-то очень давно. Мне захотелось пить. Я оглянулась и увидела около двери жестяную кружку и кусок черного хлеба на ней.

Хлеб я не смогла есть. Он был сухой, да и жевать мне было больно, но воду, которая оказалась остывшим чаем, я большими глотками выпила и сразу же почувствовала себя лучше.

Я еще держала в руках пустую кружку и хлеб, когда глазок с легким стуком приоткрылся и кто-то прошептал:

— Надо морчать... морчать...

Глазок закрылся. Я стояла пораженная. Неужели мне все это не померещилось? Неужели это не галлюцинация? Я прижалась ухом к двери и услышала удаляющиеся шаги. Значит, правда, что кто-то мне советовал молчать. Да это же говорил японец! Но какой? Кто? А может быть, это провокация? Я и о таких вещах слышала, когда к арестованным подсаживали провокаторов, выдававших себя за друзей.

Я долго ходила по камере. Сколько прошло време-

ни — трудно сказать, но почувствовала, что отмерила в этом камешном мешке не одну версту, и, устав, прилегла на койку. Мысли о том, что наши товарищи не знают, где мы с Шандором находимся, не давали мне покоя и все время возвращались, как я ни гнала их.

Постепенно я задремала, но, видно, сон продолжался недолго. От скрипа двери и резкого окрика я вздрогнула и открыла глаза. Опять на пороге стоял надзиратель с замкнутым лицом. За его плечом был часовой.

Надзиратель жестом, ничего не говоря, приказал мне подняться и следовать за ним.

Меня ввели в кабинет Бога. Он был не один. Здесь находились Емельянов и генерал Смирнов. Я сразу же узнала генерала по аскетическому серому лицу и тонким белым пальцам.

Бог стоял у стола в очень почтительной и даже услужливой позе. При моем появлении он обернулся ко мне и, шевельнув вытянутыми губами, попытался улыбнуться. Японцы по его знаку удалились, но тут же в кабинет быстро вошел Хосокава. Все молчали. Генерал смотрел на меня тяжелым взглядом из-под опущенных бровей. Емельянов, стоявший за спиной генерала, который сидел на стуле у стола, следил за мной с насмешливой улыбкой, но я не обращала на него внимания.

— Она? — спросил Смирнов, и его голос прозвучал устало, с каким-то недовольством, которое ко мне не относилось.

— Она, ваше превосходительство, — кивнул Бог и посмотрел на Хосокаву, который присел на край дивана и картинно выпрямился. На взгляд следователя он никак не реагировал.

«До чего докатились господа колчаковцы! — подумала я с насмешкой. — Арестовывают коммунистку, везут в японскую разведку и допрос ее ведут в присутствии японского офицера. Сами совсем бессильны».

— Мы о вас все знаем, — заговорил неторопливо Смирнов. — Я бы хотел, чтобы вы чистосердечно нам сказали, где сейчас находится этот ваш... Лазо. — Пальцы генерала зашевелились быстрее. — Только это нам от вас необходимо. Больше ничего не надо. И мы вас отпустим.

Он замолк. В кабинете наступила напряженная тишина. Что я им могла ответить? Что не скажу, где Лазо?

Во-первых, я не знаю, где находится Сергей Георгиевич; во-вторых, если бы и знала, то все равно бы они не вырвали у меня ни одного слова. Генерал, видно, догадался, о чем я думаю, потому что добавил:

— Если вы сами не знаете, где прячется этот... Лазо, то дайте нам хотя бы один адрес, одну вашу явку, через которую мы могли бы установить его местонахождение.

У меня испуганно трепыхнулось сердце: «Неужели они что-то пронохали о Борзове?» Это, очевидно, отразилось на моем лице, потому что Бог подскочил ко мне и дернул за плечо:

— Говори! Говори!

Его губы шлепали у самого моего лица. Генерал остановил его:

— Не нужно...

Бог неохотно отошел. Смирнов снова обратился ко мне:

— Вы девушка разумная. Гимназистка... Не надо упрямиться. Я понимаю, что вы по молодости лет, по наивности оказались у большевиков. Вам ли, такой интересной и умной, быть с этими людьми, которые обманули русский народ, которые ведут Россию к гибели? Вы ошиблись, и мы готовы простить все ваши ошибки, если вы поможете нам...

Все происходит так, как я и предполагала. Что они думают обо мне? Принимают за дурочку или же только притворяются? А в общем, наплевать, что они думают. Это меня не касается. Я их ненавижу и презираю. Смирнов спросил:

— Вы так и будете молчать?

Я даже не шевельнулась. Тогда Смирнов пожал плечами и кивнул Богу, который стоял, опершись обеими руками о стол и уставившись на меня, как хищная птица. После жеста Смирнова он ринулся ко мне и закричал:

— Последний раз спрашиваю — будешь говорить? Ну! Говори же! — Он больно тряс меня за плечи. — Говори, или же ты получишь то, что и твой дружок!

— Лучше скажите, Ольга Алексеевна, — угрожающе проговорил Емельянов. — Вам лучше все сказать...

Он неожиданно оборвал свою фразу, и лицо его залилось краской. Бог рывком толкнул меня к двери. Я больно ударилась о нее, уцепилась за косяк. Бог оторвал

мою руку от косяка и выволок меня в соседнюю комнату. В ту же секунду он что-то прокричал по-японски.

Из камеры пыток выскочили японские солдаты, которые истязали Шандора. Они ринулись ко мне и, подхватив под руки, поволокли в камеру. Последнее, что я увидела, было уродливое лицо надзирателя. Он стоял у двери и смотрел на меня с безразличием. Но на какую-то долю секунды наши взгляды встретились, и мне показалось, что этот низкорослый мрачный человек смотрит на меня участливо и хочет сказать что-то ободряющее или что-то очень важное.

Меня бросили на широкую скамью и тут же руки и ноги привязали широкими ремнями. Я лежала лицом вниз и не могла даже двинуться. Один из солдат рванул за ворот платья и разорвал его. Моя спина оказалась оголенной. Мне предстояло сейчас перенести то же самое, что эти изверги проделали с Шандором. Я сжала губы. Нет! Нет! Никогда я не скажу врагам ни слова...

...Первое, что я почувствовала, когда сознание стало ко мне возвращаться, — холод.

Я как бы выплыла из тумана и поняла, что меня обливают ледяной водой. Она ручьями текла по моей голове, стекала по волосам на бетонный пол. На нем образовалась огромная лужа розового цвета. Я не сразу поняла, что это от моей крови. Я прислушивалась к тому, как холодная вода приятно успокаивала боль в спине.

— Ну?! — Бог схватил меня за мокрые волосы и рывком поднял мою голову, уставился яростным взглядом: — Ну?!

Я молчала. Бог рванул волосы, ударил моей головой о край скамейки и разбил мне подбородок. Кровь заполнила рот. Бог у самого лица зашлепал губами:

— Говори, если не хочешь сдохнуть, как собака! А?!

Что?!

С каким наслаждением я сейчас плюнула бы ему в лицо, но у меня не было сил, и я устало закрыла глаза.

— Сволочь! — тонким голоском взвизгнул Бог. — Сволочь!

В этом крике мне послышалось не только бешенство, а и плохо скрытое бессилие. Бог выходил из себя. Ему, очевидно, приказали во что бы то ни стало вырвать у

меня признание, и вот он старался. Бог что-то прокричал солдатам, и те загревели металлическими приспособлениями.

— Сейчас тебя поджарим, как котлетку, и ты... хе-хе-хе... Распоешься, как птичка певчая. Все, все расскажешь, красавица...

Я услышала, как зашипело что-то на моей спине, и от боли вновь лишилась сознания...

Зной стоял необыкновенный. С безоблачного неба большое солнце щедро лило жару. От нее я изнемогала. Я шла между деревьев, но они не могли прикрыть меня своими ветвями от нестерпимых огненных лучей. Мне трудно было дышать, и я жадно хватала горячий воздух широко раскрытыми губами. Они от зноя распухли, и я не могла ими двигать. Малейшее к ним прикосновение причиняло боль. Жажда становилась такой сильной, что я хотела закричать, чтобы мне дали попить те, кто шел за мной, но ни один звук не вырвался из моего горла. Если бы хоть капельку воды! Тогда бы я могла крикнуть тем, кто шел следом, они бы передали мне полную флягу. Я знаю, она висит на поясе у моего спутника... Я знаю, что это мой друг, но кто? Миша или Цыганок? Кажется, Царужный. Или же Глазурин? Кто-то из них. Если бы капельку воды — я бы смогла тогда обернуться и узнать, кто идет со мной по тайге. В ней очень тихо. Все от жары застыло, замерло, и не слышно ни птичьего писка, ни шороха... А солнце так припекает! Мы идем по долине Седанки. Сюда мы часто летом приезжали погулять. Пятнадцать верст от Владивостока. Выкупаемся в заливе и — сюда, собирать землянику, орехи... А потом мы устраивали пикник прямо на берегу речки. Седанка! Где же она? Я оглядываюсь и вижу ее. Она мелкая, на ее дне видны разноцветные камни и мелькающие между ними маленькие серебристые рыбки. Вода! Вода! Я знаю, что в Седанке вода всегда холодная и вкусная.

Я бегу к реке, но от жары у меня пропали все силы, и каждый шаг стоит многих усилий. Мучения от жажды такие, что я уже задыхаюсь... Но вот и берег. Мои ноги скользят по камням. Камни горячие и белые. Мне остается только нагнуться к воде — и я буду пить ее

большими глотками. Я наклоняюсь, но губы мои так и не касаются воды. Оказывается, я еще не дошла до нее и вода блеснит от меня далеко... Теперь я, наверное, не смогу доползти до речки. И я от бессилия плачу. Я совсем одна, где-то далеко остались мои попутчики... Мне страшно. Я хочу бежать, но из-под ноги вырывается круглый камень, и я падаю на горячие камни спиной. Они прожигают на мне платье и жгут мое тело...

...Ко мне вернулось сознание. Я лежала неподвижно на жесткой тюремной постели и, все еще терзаемая ужасом, прислушивалась. Понемногу я приходила в себя. Из-за двери доносились равномерные шаги часового или надзирателя.

Я пошевелилась, хотела повернуться, но острая боль впилась в спину сотнями крючков... Я охнула и осталась в прежнем положении. Теперь я вспомнила все, что со мной произошло. Там, наверху, в камере пыток, я потеряла сознание, и меня притащили сюда, бросили на тюфяк.

Жажда вновь напомнила о себе, и я осторожно повернула голову в сторону двери, вспомнив, что около нее должна была стоять кружка с холодным чаем. Где же она?

Я обшарила всю камеру взглядом, но жестяной кружки не было, и я, не в силах больше владеть собой, заплакала. Слезы принесли какое-то облегчение.

В камеру вошли Бог, надзиратель и капитан Хосокава. Бог что-то мне сказал, но я не разобрала его слов. Мои глаза были обращены на кружку, которую держал в руках надзиратель.

— Как себя чувствуем? — спросил меня Бог и, подойдя к койке, с фальшивым участием вздохнул: — Ай-ай, какая была спинка и какая теперь! Вот до чего глупость молодости доводит человека...

— Хорошо, — сердито перебил его капитан. — Хорошо. Надо делать много-много борно, очень борно! Еще борно!

Хосокава был сердит. Бог торопливо согласился:

— Да, да, господин капитан! Мы будем еще делать этой упрямыце очень больно, если она по-прежнему будет играть с нами в молчанку! Только пусть чуть в себя придет. Пить-то ты хочешь, Силина?

При напоминании о воде я чуть не закричала. Хоть

бы глоточек воды! Небольшой, совсем небольшой глоточек.

Бог сказал:

— Мы уходим. А ты еще подумай! Пока еще не поздно тебе спастись, или же ты так и слохнешь здесь!

Бог и Хосокава вышли. В камере остался только надзиратель. Я повернула к нему голову. Он неторопливо приблизился к койке и как-то очень странно посмотрел на меня немигающими глазами, точно хотел что-то сказать, в чем-то убедить меня. Мои глаза были прикованы к кружке, большой кружке, в которой была вода. Я протянула к ней руку, схватила ее и почувствовала, что надзиратель не дает ее мне. Я потянула кружку сильнее, и он ее как будто нехотя отпустил. Кружка была в моих руках! Я, приподняв голову, поднесла ее к своим распухшим губам и увидела, что кружка наполнена больше чем наполовину. От воды повеяло прохладой. У меня даже перехватило дыхание от счастья. Я припала к кружке и стала жадно пить, большими глотками. Я ощущала, что это вода, холодная вода. Какое наслаждение пить воду! Я сделала один глоток, второй... Я торопилась выпить всю жидкость быстро, но тут почувствовала остросоленый вкус. Палачи принесли мне соленую воду!

Я отшвырнула кружку от себя, и она покатилась по камере, обдав брызгами надзирателя. В ту же секунду я слышала квохчущий смех. Из-за двери показался Бог. Он почти захлебывался от душившего его смеха и, потирая руки, спрашивал меня:

— Хороша водичка? Приятная водичка? Может, еще принести водички?

Как мне сейчас нужен был хоть глоток настоящей пресной воды!

Бог спросил:

— Ну как, решила? Скажешь — получишь настоящую воду! А? Что?

Капитан Хосокава, вошедший в камеру позднее, отдал приказ надзирателю, и тот принес из коридора дружную кружку. В ней, я не сомневалась, была настоящая пресная вода. Бог сунул в кружку палец и мазнул меня им по губам. Я ощутила пресную воду и жадно слизала капельку с губы. Это усилило мои мучения. Бог заметил это:

— Говори — и получишь всю эту кружку и сколько еще захочешь!

— Подлец! — с трудом проговорила я и закрыла глаза. Мне казалось, что в горле, в груди что-то рвется, лопается.

— Та-ак, — протянул Бог. Он понял, что я не сломлена, и пообещал: — Больше я тебя, Силина, упрашивать не буду! То, что ты получила, — это только цветочки, шуточки. Подумай в последний раз...

Через некоторое время после их ухода в двери приоткрылось окошечко, и я услышала голос надзирателя:

— Бери... твоя... вода... хороша... вода...

Я не верила своим глазам. В окошечке была та самая кружка, в которой надзиратель приносил пресную воду. Что это? Хотят опять подсунуть соленую воду?

— Бери!.. Скоро надо...

Я, едва сдерживаясь от крика, такой была боль в спине, поднялась с койки и подошла к окошечку, схватила кружку и припала к ее краю, но первый глоток сделала маленький, осторожный. Вода, настоящая пресная вода!

Я пила ее, пила большими глотками, и радость наполняла меня. Я никогда не знала, что вода может быть такой вкусной, такой необыкновенной. Но тут надзиратель вдруг вырвал кружку из моих рук так быстро и так поспешно закрыл окошечко, что все происшедшее можно было принять за сон, если бы не ощущение почти исчезнувшей жажды и приятного облегчения.

Уже лежа на койке я задумалась над поведением надзирателя. Японский тюремщик, да к тому же и не простой тюремщик, а находящийся в контрразведке, вдруг проявляет такое удивительное участие к подпольщице-большевице. Тут что-то не так. Надо обо всем хорошо подумать и не спешить с выводами. Я не обольщала себя радужными надеждами. Просто глупо, наивно считать, что этот японский тюремщик может быть моим другом или просто человеком, который хочет как-то облегчить мои мучения. Скорее всего это «участие» — новый прием следователя. Если им не удастся от меня что-нибудь узнать при прямом допросе, то они, конечно, попытаются это сделать иначе. Надо быть начеку.

Мне стало зябко, и я попыталась натянуть на себя старое рваное одеяло, которое лежало у стены. Но пер-

вое же прикосновение грубого сукна к израненной спине вынудило меня отказаться от этого.

Я не могла уснуть. Снова появилось желание пить. Я посмотрела на пол, где уже почти высохла лужа соленой воды. Значит, в камере не так уж холодно и сыро, как мне кажется. Эти часто меняющиеся ощущения то озноба, то жары у меня вызваны ранами.

Кто-то осторожно снова распахнул дверцу окошечка. Я открыла глаза и увидела лицо надзирателя. Он помахивал меня пальцем, потом тронул свои губы, показывая, чтобы я соблюдала осторожность и тишину, и что-то бросил в камеру, закрыл дверцу, но наблюдал за мной в глазок. Я поднялась с койки, осторожно присела (согнуть спину я не могла) на корточки и подняла с полу что-то похожее на спичку. Это был туго скатанный в трубку лоскуток бумаги. Я развернула его и прочитала:

«Дорогая Ольга! Мы знаем, где ты и что с тобой. Мы сделаем все, чтобы выручить тебя. Будь такой, чтобы мог тобой гордиться Михаил. Грузчик».

А сбоку мелкими буквами было приписано: «Записку немедленно уничтожь». Я смотрела на маленький лоскуток бумаги и не двигалась. Меня захлестнуло счастье. По почерку я узнала, что записка от Лазо. Да, да, это его почерк! Я не могла ошибиться! В дверь осторожно стукнул надзиратель, и я поняла, что он подает какой-то сигнал. Я торопливо разжевала бумагу и проглотила ее.

Глава восьмая

СНОВА С ДРУЗЬЯМИ

Меня ненадолго оставили в покое. После того как я уничтожила записку, в коридоре послышался какой-то шум, приглушенные стоны, которые словно против воли вырывались у человека, желавшего их сдержать, ругань, возня. Я так обессилела, что не смогла снова быстро дойти до двери, чтобы лучше услышать, что за нею происходит, и только на локте приподнялась. Голоса звучали невнятно, и я не разобрала ни одного слова.

Может, Шандора снова потащили на допрос?

В коридоре стало тихо, и я, расслабив измученное тело, лежала и думала о полученной записке, о товарищах; это ободряло меня и придавало силы. Невольно вспоминались встречи с Лазо, разговоры с ним. Воспоминания перенесли меня в тайгу, и постепенно стены камеры исчезли и я забыла о них, а потом пришла дремота.

И опять грохот открываемой двери. Бог на этот раз был одет в защитного цвета френч, ноги его обтягивали блестящие коричневые краги. Он остановился в центре камеры, широко расставил ноги, заложил за спину руки и, как злая крыса, оскалил зубы:

— Ну-с, Силина, одумалась? — Он пошлепал губами, качнулся с носков на пятки и повторил: — Одумалась? А? Что?

На этот раз он не кричал, не злился, но мне впервые стало очень страшно. В дверях камеры, кроме надзирателя и часового, стояло еще двое, один из них — японец, другой — русский. Следовательно шагнул ко мне, и я торопливо попыталась прикрыться обрывками платья. Бог зашевелил губами и почти заговорщически произнес тихо:

— Осталась последняя минута. Последняя минута... жизни. Решай...

Я встретила взгляд мутных глаз следователя, и он, дернув губами, вдруг отскочил от меня, взмахнул вытянутой рукой, крикнул:

— Взять!..

Японец в темной тужурке и русский в черной фуфайке вбежали в камеру и, схватив меня за руки, стащили с койки и поволокли в коридор. Я едва успевала шагать рядом с ними. Японец, маленький, но крепкий, вцепился в мою руку, как клещ, и, чуть выворачивая ее, почти бежал. Русский, с плохо выбритым лицом, большими синеватыми мешками под глазами, был худощав, высок и страдал одышкой. От него шел сильный приторный запах дешевого одеколона. Из редких волос, чуть-чуть прикрывавших бледную кожу черепа, сыпалась густая перхоть. «Еще один продавшийся», — с омерзением подумала я.

В камере пыток нас уже ждал Хосокава. Едва меня перетаскили через порог, как он любезно по-французски поздоровался и осведомился:

— Как вы себя чувствуете?

Я видела, что камера прибрана, пол еще влажен после мытья. Палачи озабоченно возились у своих инструментов возле маленькой печки, от которой шел зной и запах угля. Хосокава о чем-то спросил вошедшего следом Бога, и тот отрицательно покачал головой. Хосокава с улыбкой посмотрел на меня, покачал головой:

— Не хотите говорить? Напрасно. Ваше морчание принесет вам много страданий.

Все это произносилось с улыбкой, вежливо, точно мне сообщали о какой-то приятной для меня вести. Хосокава поднял руку и бросил какое-то короткое слово. В тот же момент меня толкнули к стене, прижали к холодному цементу. Я как бы оказалась распятой на стене и могла двигать только головой.

Все находившиеся в камере были заняты какими-то делами, приготовлениями, но я уже плохо следила за ними. Меня наполнила огромная ледяная пустота, и я не могла понять своего состояния. Я больше не сомневалась, что сейчас враги применят самые изощренные пытки, чтобы вырвать у меня несколько слов, и я готовилась умереть, но не произнести их.

Я прикрыла глаза, чтобы сосредоточиться, но вдруг услышала шум, тяжелое дыхание людей и невольно повернула голову к двери. В нее втаскивали Шандора. Видно, Палаи очень ослабел, потому что он сам не мог идти и палачам приходилось его тащить.

Голову Шандор держал гордо, и на его измученном исхудалом лице я не увидела ни тени отчаяния, а только презрение к врагам и упорство. Мне сразу стало легче. Шандор все еще не замечал меня, и я окликнула его:

— Шандор...

Он взглянул в мою сторону, и я увидела, как в его глазах вспыхнули страх и боль за меня:

— Ольга!

— Морчать! — закричал Хосокава, и нам больше не дали говорить.

Шандора вновь бросили на скамью и привязали к ней. Боже, что палачи сделали с его спиной! Это же одна зияющая рана... Я невольно отвела глаза, не заметив, что за мной наблюдал Бог. Он подбежал, семеня ногами, потребовал:

— Смотри! Смотри!

Палачи не мешкали. Хосокава и Бог отошли в сторону, а русский в черной фуфайке деловито закатал рукава. На этот раз в камере не было тех японцев, которые пытали Шандора и били его. Бог сказал человеку в фуфайке:

— Начинай, Федор!..

Федор начал хлестать по истерзанной спине Шандора, которая сразу же покрылась кровью. Японец же не давал мне закрыть глаза, заставляя смотреть на мучения Шандора. Когда спина его превратилась в сплошную открытую рану, русский взял со стола небольшую бутылку и стал поливать из нее спину Шандора какой-то жидкостью. Шандор забился в судорогах, а в камере распространился едкий запах какой-то кислоты.

— Что... что вы делаете! — закричала я.

Бог оказался около меня:

— Скажешь?

По моему лицу бежали слезы, но они скоро иссякли, и я на все смотрела сухими глазами.

— Хватит! — приказал Бог.

Шандора долго приводили в себя. Последний его обморок был очень глубоким. Его не только обливали холодной водой, но и подносили к носу пузырек с нашатырным спиртом.

Умер! Я остановившимися глазами смотрела на распростертого Шандора. Неужели они замучили его? Мне хотелось кричать, но ни один звук не мог сорваться с моих губ. Наконец Шандор шевельнулся, застонал и открыл глаза. Он, очевидно, долго не мог понять, где находится и что с ним. Когда сознание его прояснилось, Бог сказал мне:

— Сейчас же говори! С тобой мы сделаем еще хуже! А? Что?

Поняв, что от меня ему ничего не добиться, Бог круто повернулся и подошел к Хосокаве. Они негромко заговорили. Капитан, не сходя с места, обратился к Шандору:

— Будете говорить?

— Нет... — едва слышно произнес Шандор.

Ах, Шандор, Шандор! Ну зачем ты с ними говоришь? Хосокава предупредил Палаи:

— Мы будем немножко наказывать вашу любовницу. Шандор молчал. Тогда по знаку Хосокавы ко мне по-

дошел низенький-японец и сорвал с меня всю одежду. Я оказалась обнаженной и увидела, как Шандор прикрыл глаза. К нему подбежал Бог и заставил Палаи смотреть на меня:

— Смотри, смотри!

Я не чувствовала ни стыда, ни неловкости, а только презрение к врагам. Палач подошел ко мне с плеткой в руках и стал хлестать меня по груди, по животу. Несколько раз Бог пытался добиться от меня хоть слова, но все было напрасно, и пытка продолжалась. Меня не облили кислотой, как Шандора, и не загоняли иголок под ногти, но на груди выжгли крест. Больше я ничего не помню.

Пришла я в себя в камере и сразу же все вспомнила. Сильные, мутящие рассудок боли терзали меня, но я о них забыла, почувствовав, что в камере я не одна. Я лежала на спине на койке. На мне был серый, пропитанный едким запахом карболки бязевый халат. Едва я пошевелилась, как почувствовала, что материя во многих местах прилипла к ранам, и это причиняло страшную боль.

Я осторожно повернулась на бок и увидела, что на полу камеры, на куске грязной циновки, лежит, скорчившись, Шандор. Нас бросили в одну камеру. Шандор тяжело, шумно дышал. Я окликнула его:

— Шандор...

Он не ответил: был в забытии. У двери стояла кружка. Мне захотелось пить. Я очень медленно, с большим трудом добралась до кружки и обрадовалась: она была почти полна пресной чистой воды. Я немного отпила и с кружкой подошла к Шандору, присела около него.

Я боялась дотронуться до покрытого запекшейся кровью плеча Шандора, чтобы не причинить ему новой боли неосторожным движением, не разбередить раны, и поэтому осторожно погладила по его черным вьющимся волосам:

— Шандор... Шандор...

Он что-то сказал по-венгерски, но все еще не открывал глаза. Я положила ладонь на его лоб. Нет, температуры у него еще не было. Так я просидела рядом несколько минут, потом Шандор открыл глаза и долго молча смотрел на меня.

— Ты не узнаешь меня, Шандор? — спросила я, удивленная его молчанием.

— Узнаю, Ольга, — улыбка далась ему с большим трудом. — Мы с тобой вместе.

— Вместе... — кивнула я и задумалась: почему это палачи, ничего не добившись, вдруг поместили нас в одну камеру?

Ошиблись или им нужна камера Шандора для другой жертвы? Я осмотрела камеру, точно надеялась найти свидетельство того, что нас могут подслушивать. А для чего же иначе нас поместили вместе? Не добившись от нас сведений при помощи пыток, они надеются, что мы, находясь вместе, обязательно проболтаемся.

Надо об этом предупредить Шандора. Я наклонилась и тихо сказала ему на ухо о своем подозрении. Он согласился со мной и, тоже внимательно осмотрев камеру, произнес громко:

— Хорошо, что мы вместе! Поговорить можно!

Мы встретились глазами и поняли друг друга. Шандор это сказал для тех, кто нас подслушивает. Палаи по-прежнему лежал на циновке. Я видела, как пересохли его губы, и спросила:

— Пить хочешь?

— Да...

Он жадно потянулся к кружке, которую я подала ему. Шандору тоже было трудно двигаться. Я придерживала его голову и помогла ему напиться. Когда кружка опустела, он виновато сказал:

— О, я не подумал о тебе... Прости...

— Я уже напилась, — успокоила я Шандора и предложила ему перейти на койку.

— Нет, нет! — Шандор не хотел стеснять меня, но я настояла на своем и, поддерживая его, помогла перейти на койку, уложила его.

Разъединенная кислотой спина Шандора сочилась кровью. Руки распухли. Из-под ногтей продолжала идти кровь. Чем я могла помочь Шандору, как облегчить его страдания?

Зубами я надорвала подол длинного халата и, оторвав широкую полосу бязи, сделала из нее несколько узких лент. Ими я перевязала руки Шандора и раны на ногах, но сделать что-либо с глубокими ранами на спине

я была бессильна. Шандор старался отвлечь меня от грустных мыслей да и себя. Он мечтательно говорил:

— Сейчас у нас весна. Знаешь, Ольга, как красиво, когда у нас весна! Летят журавли высоко-высоко в небе, а их курлыканье слышно далеко. Закинешь голову, согласишься в небо, а там летят журавли...

Шандор замолк. Он думал о родине, и я не отвлекала его, сидела рядом и думала о своей родине. Из задумчивости меня вывел тихий голос Шандора.

Я с удивлением поняла, что он читал стихи:

Степная даль в пшенице золотой,
Где марево колдует в летний зной
Игрой туманных, призрачных картин, —
Вглядись в меня! Узнала? Я — твой сын!

Шандор замолк, и я немного подождала, думая, что он продолжит, но Палаи ушел в себя. Я осторожно спросила его:

— Чьи это стихи?

— Нашего Петефи¹, — с гордостью произнес Палаи.

Мне хотелось еще послушать стихи, но я не настаивала, опасаясь, что воспоминания расстроят Шандора, а нам надо быть собранными и готовыми ко всему. Шандор осторожно спросил меня:

— Больно тебе?

Я непроизвольным жестом запахнула поплотнее халат и ответила как можно спокойнее:

— Так, чуть-чуть жжет...

— Негодяи! — Глаза Шандора сверкнули, и он сжатым кулаком ударил по тюфяку. — Какие негодяи!..

Моя ладонь легла на его губы, и я не дала Шандору больше говорить. Он мог в запальчивости произнести то, что принесло бы нам вред. Палаи понял меня и успокоился. Только сейчас я вспомнила о записке и быстро, касаясь губами уха Шандора, рассказала ему о ней. Шандор недоверчиво покосился на меня, чуть слышно произнес:

— Не может быть... Это правда?

— Клянусь! — вырвалось громко у меня.

Шандор схватил меня за руку и крепко сжал ее.

¹ Шандор Петефи — великий венгерский поэт (1822—1849 гг.).

Я увидела, как посветлели его глаза. То, что товарищи не забыли нас, разыскали и даже нашли возможность переслать слова надежды, окрылило его, но тут же Шандор спросил:

— А ты не ошиблась? Это не провокация?

— Почерк знакомый... Подпись «Грузчик», — объясняла я. — Это только у него такая подпись...

— Ах, да, — вспомнил Шандор о том, что Сергей Георгиевич работал на мельнице. Теперь он больше не сомневался, и мы стали очень тихо разговаривать.

Шандор вспомнил свое детство на родине, рассказывал об озере Балатон, о том, как там красиво, и я заметила, что тоска появилась в его глазах. Мне стало очень жаль Шандора. Нет, не жаль. Я просто понимала его и поэтому заговорила:

— Мы с тобой, Шандор, обязательно поедem к тебе на родину, ты покажешь мне свою школу, свозишь меня на озеро...

— Ты поедешь со мной? — Шандор снова схватил мою руку.

— Поеду.

Я была совершенно искренна. В этой полутемной глухой камере, измученные, покрытые ранами, мы мечтали о воле, о солнце, о том, как будем бродить по зеленой траве и слушать крики журавлей. Мы не думали о смерти, о поражении.

В разговорах быстро, незаметно течет время. Однажды нас прервал приход надзирателя. Он отпер дверь и чуть посторонился, давая дорогу другому японцу, который принес две кружки горячей бурды, что должно было считаться супом, и по куску хлеба. Пока японец ставил нашу еду на пол, я упорно, настойчиво смотрела в лицо надзирателя, но никак не могла поймать его взгляда. Только когда он стал закрывать дверь, наши глаза встретились, и я безошибочно прочитала в них участие и призыв к бодрости.

А не выдумала ли я все это? Может быть, мне все это только кажется? Мы с Шандором занялись едой, и скоро кружки опустели, а от кусков хлеба не осталось ни крошки. Шандор попытался подняться с койки:

— Ложись, Ольга. Отдыхай. А я посижу.

Я придержала его:

— Лежи, лежи! Мы тут поместимся оба.

Шандор потеснился к самой стенке, и я легла рядом с ним. Мы еще немного поговорили и скоро заснули...

Прошло, наверное, больше суток, а о нас словно забыли. На вопрос больше не вызывали, и к нам не приходил ни Бог, ни Хосокава. Раны наши стали гноиться, нарываться. Я попыталась обратиться к надзирателю:

— Нам надо доктора. Дайте бинтов, йоду!

Он выслушал меня, смотря мне прямо в глаза. Этот человек с безобразным, уродующим его лицо шрамом старался что-то молча мне сказать, но я не понимала его и продолжала требовать:

— Доктора! Доктора! Доктора!

Он захлопывал дверь, поворачивал с противным скрипом ключ и уходил. Я в ярости, уже не в силах себя сдерживать, бросалась к двери, била в нее кулаками:

— Доктора! Доктора! Доктора!

Но удары по железной двери были слабые, а моего голоса никто не слышал.

Шандор чувствовал себя все хуже. У него поднялась температура. Воды, которую нам время от времени приносили, не хватало, чтобы утолить его жажду. Подняться с койки Шандор уже сам не мог. Я должна была ему помогать.

Пройдет еще день-два, и у Шандора может начаться горячка. Тогда ему будет угрожать смерть. Может быть, этого и добиваются наши палачи, не решаясь просто убить нас?

Еще прошли, наверное, сутки. Я сидела около Шандора и время от времени смачивала его губы водой. Палаи больше не разговаривал. Он все время лежал с закрытыми глазами и часто впадал в забытие, начинал бредить. Он что-то быстро говорил по-венгерски. Очень редко у него прорывалось французское слово. Тогда я низко пригибалась к его губам, стараясь разобрать, что он говорит. Я напрасно беспокоилась. Ни разу Шандор не назвал Лазо, ничего не сказал о нашем общем деле. Он вспоминал только родных и Венгрию, изредка тех, с кем служил во французской миссии.

На его лбу выступил обильный пот, и я его вытирала рукавом своего халата. Однажды я, как всегда сидевшая рядом с Шандором, очень задумалась и вздрогнула от громких голосов и шагов, которые приближались к нашей камере.

«Опять на допрос», — подумала я почему-то вяло, без волнения, даже равнодушно, словно все, что предстоит впереди, не касалось меня, не имело ко мне отношения.

Дверь открылась, и я увидела надзирателя, Бога, Хосокаву и еще какого-то японского офицера. Это был полковник, судя по погонам. Он вошел в камеру, презрительно скривив губы, осмотрел нас и что-то резко сказал Хосокаве. Тот вытянулся в струнку, а Бог заметно расстроился. Он тоже попытался стать «смирно». На этот раз следователь был одет в штатское.

«Что-то произошло», — подумала я.

Полковник круто повернулся и вышел из камеры. Хосокава выждал, пока шаги полковника стихнут, и сказал мне:

— Тебя надо стрелять!

— Чего же вы медлите? — задала я вопрос. — Не теряйте времени!

Хосокава злобно зашипел и бросил Богу:

— Скорее гнать надо. — Он указал на нас рукой и вышел.

Я не верила своим ушам. Бог зашлепал губами:

— Благодарите господ бога. Силлина!

— Вас, что ли? — с насмешкой спросила я, а сама едва сдерживала ликование. Значит, нас освобождают? Или и это провокация?

Бог закричал:

— Молчи! Я бы тебя давно к стенке поставил, но прежде бы ты стала женой десятка солдат! Выходи!

— Я одна не выйду! — отрезала я, чувствуя, что перевес на моей стороне, но еще не зная, чем все это вызвано. — Я выйду вместе с Шандором!

— Выходите! — закричал, окрысившись, Бог.

Но я не двинулась с места:

— Разве вы не видите, что Палан не может встать?!

— Тащи его на своих плечах! — Бог кричал, но я видела, что могу его не слушаться. Да и смогла ли бы я поднять Шандора, когда сама едва могу стоять на ногах?

— Тогда он останется здесь! — В голосе Бога не было уверенности, и я отвернулась от него, давая понять, что мне надоело с ним говорить.

Цицерон Аркадьевич выругался и выбежал из камеры, но дверь за ним не закрыли. Надзиратель по-преж-

нему стоял у входа со связкой ключей, и мне показалось, что его глаза смотрят на нас ласково, а губы едва сдерживают победную улыбку.

Шандор слабым голосом проговорил:

— Что они еще затевают?

— Кажется, им приказано нас выпустить. — Я терялась в догадках. Кто, какая сила, какое событие заставили японскую контрразведку выпустить свои жертвы, да еще в таком виде?

Неужели произошло то, о чем мы мечтали: партизаны вошли во Владивосток?

Вернулся Бог. В руках его было какое-то старенькое платье с чужого плеча, мои шубка и шапочка с вуалью. Они лежали поверх шинели и остального платья Шандора. Следовательно все швырнул прямо на грязный, затоптанный пол камеры:

— Одевайтесь! Быстро!

Он старался быть по-прежнему грозным, но во всех его движениях сквозила растерянность. Похоже, что мы скоро будем на свободе. Не стали бы враги нас облачать во все одежды перед расстрелом. Или же нас хотят передать белогвардейцам? Мысли бежали стремительно, настигая друг друга, путаясь, то радуя, то наполняя тревогой... Бог все еще стоял в дверях камеры. Я ему сердито-требовательно сказала:

— Закройте двери!

Цицерон Аркадьевич шлепнул губами, хотел что-то сказать, но удержался и отступил... Я видела, что лицо его стало красным от гнева. Надзиратель прикрыл дверь. Я взяла платье. Оно было из простого, много раз стиранного ситца, и мне подумалось, что оно, быть может, принадлежало какой-то неизвестной жертве, попавшей в руки палачей, погибшей от их пыток. А они сохранили платье... Я с трудом оделась, а затем помогла Шандору. Каждое движение причиняло ему невероятные муки, но он молчал, крепко стиснув зубы. От напряжения по его лицу скатывался крупными каплями пот. Наконец мы были готовы. Я подошла к двери, но не успела постучать в нее, как она распахнулась, и я оказалась лицом к лицу с Богом, который, очевидно, следил за нами в глазок. Он прищурив осмотрел нас и с ухмылкой произнес:

— Можете снова в «Голубой шар» ехать. Вы, кажется, там не успели поужинать?

Шандор, хотя это ему было очень трудно, выпрямился и, точно перед ним не было следователя, шагнул прямо на него, вышел в коридор. Бог испуганно отскочил в сторону, чмокнув губами:

— Ну-ну, я вас!..

Я направилась за Шандором.

Бог отдал какой-то приказ надзирателю и затем сказал нам:

— Идите за ним!

Из коридора мы поднялись по лестнице в вестибюль. Шли медленно. От слабости, от боли в теле я с трудом передвигала ноги. Мне казалось, что я не смогу сделать следующего шага и рухну на пол, но я держала себя в руках и брала пример с Шандора. Он шел впереди так же медленно, прихрамывая, с поднятой головой. Я знала, что ему идти еще труднее, чем мне, — враги истязали его сильнее, беспощаднее.

После подвальной полутьмы вестибюль казался ослепительно светлым. Через стеклянную дверь с улицы лился солнечный свет. «Наверное, сейчас полдень», — подумала я и вспомнила о своих часах, которые остались в камере, но тут же меня отвлекли громкие голоса.

В вестибюле стояло несколько японских офицеров и высокий широкоплечий человек в шинели без погон и меховой шапке. Я не видела его лица, но слышала его голос:

— Военный совет надеется, что подобные недоразумения, — на слове «недоразумения» человек в шинели сделал ударение, — больше не повторятся. Они могут только повредить нашим дружеским отношениям.

Я не слышала, что ответили человеку японские офицеры. Я узнала голос!

— Ишлин! — закричала я и бросилась к комиссару нашего отряда.

Это был он. Ишлин повернулся ко мне, и я увидела его открытое, на первый взгляд простоватое лицо с толстыми губами, узкими глазами, которые так радостно, заботливо засветились под широкими черными бровями. Я уткнулась лицом в грубое шершавое сукно его шинели и больше не могла владеть собой — заплакала.

Ишлин обнял меня за плечи и негромко проговорил:

— Все хорошо, Ольга, все хорошо... Ну, не надо... Крепись...

Его голос звучал взволнованно. Я же все не могла успокоиться, слезы радости застылали глаза. Товарищи не оставили нас в беде, выручили, пришли на помощь! Я даже не сразу задумалась над тем, почему комиссар нашего партизанского отряда оказался в здании японской контрразведки, почему он так спокойно-требовательно разговаривает с японцами.

— Пошли, товарищи, — обратился Ишлин ко мне и Шандору и повел нас к выходу.

Я в последний раз окинула взглядом вестибюль и заметила у лестницы, ведущей в подвал, Бога. Он стоял, прислонившись к перилам, и провожал нас взглядом зверя, у которого вырвали из пасти добычу. В стороне от него с непроницаемым видом застыл надзиратель, и мне уже не казался таким отвратительным его шрам.

Мы миновали часового и вышли на широкие гранитные ступени подъезда. В тот же миг я оказалась в окружении товарищей. Цыганок в своей обычной синей бекеше, отороченной серой смушкой, с алой лентой на папаше, Гриша Царужный и Глазурин с дымящейся большой самокруткой в пальцах. Они что-то наперебой мне говорили, но я плохо разбирала их слова. Главное, что я была с ними, снова с ними!

— Товарищи... товарищи... товарищи... — только и повторяла я. Другие слова я словно забыла.

— Ольга! — Цыганок взял меня за руку и тревожно-участливо посмотрел в мои глаза. — Как ты?

— Хорошо, Марко, хорошо! — ответила я, но видела, что ни Цыганок, ни другие не верят моим словам: мы с Шандором очень плохо выглядели. — Теперь все хорошо...

Цыганок и тут остался верен себе. Он обернулся к двери, из-за которой за нами наблюдали японские солдаты, и погрозил им нагайкой:

— Я вам припомню, гады!

— Прекрати! — сердито оборвал его Ишлин. — Мальчишество!

— Как вы тут оказались? — спросила я. — Неужели...

— Партизаны во Владивостоке, — кивнул с улыбкой Ишлин. — Колчаковцы разбежались!

— Где Сергей Георгиевич? — Я вспомнила о полуценной в камере записке. — Где Лазо?

— Здесь, в городе, — сказал Ишлин. — Ты его скоро увидишь...

Нас с Шандором подвели к большому автомобилю, за рулем которого сидел пожилой человек в кожаной куртке с меховым черным воротником и черной кожаной фуражке, низко надвинутой на глаза. Около автомобиля с ноги на ногу переступали кони Цыганка и Гриши. Мои товарищи лихо взлетели в седла. Ишлин сел впереди шофером, а мы с Шандором и Глазуриным — на заднее сиденье.

Автомобиль заурчал мотором, затрясся и двинулся. Рядом с нами скакали Цыганок и Гриша. Неужели все это не сон? Я прикрыла глаза и, покачиваясь на мягком сиденье, со страхом подумала о том, что, быть может, все происходящее мне мерещится. Вот я сейчас открою глаза — и вновь увижу запыленную, тускло горящую под потолком камеры лампочку, темные стены, железную дверь, услышу шаги и скрип ключа в замке...

Я приоткрыла глаза. Автомобиль был крытый, и через слюдяные окошечки проникали солнечные лучи. Они скользили по лицам Шандора и Глазурина. Наш командир был чисто выбрит, а Шандор оброс щетиной, похудел, и под его глазами темнели круги. Глазурин, перед тем как сесть в автомобиль, выбросил свою самокрутку и сейчас, очевидно, испытывая сильное желание курить, держал в руках кисет, готовый при первой возможности свернуть новую козью ножку. Мы все молчали. Автомобиль промчался по Алеутской улице, развернулся у высокого кирпичного здания, над подъездом которого развевался белый флаг с красным крестом.

— Вам надо немного подлечиться, — обернулся Ишлин. — Это наш партизанский госпиталь. Там вам будет хорошо. И не вздумай спорить, Ольга. Вид у вас важный.

Первым моим желанием было возразить Ишлину, но тут же я подумала, что это будет фальшиво. Нервное возбуждение, порыв, которые владели нами при встрече с товарищами, прошли, и мы с Шандором чувствовали себя сейчас обессиленными. Снова напомнили о себе раны. Мы уже не сидели, а полулежали в автомобиле, и, когда он остановился и нам надо было выйти, мы этого не смогли сделать без помощи товарищей. Они под руки ввели нас в госпиталь.

— Поправляйтесь, — пожелал нам Глазурин на прощанье.

— Мы будем навещать вас каждый день, — сказал Цыганок и незаметно погладил рукав моей шубки.

— Завтра я найду и все вам расскажу, — пообещал Ишлин. — А теперь слушайтесь во всем доктора. А вот и он!

К нам вышел худощавый седой человек в пенсне на черном шнурке. Он бросил на нас быстрый взгляд, и его брови недовольно насупились:

— Немедленно в постель!

Очевидно, доктор уже знал о нас, был предупрежден и распорядился тоном, не допускающим возражений. Мне и Шандору очень не хотелось расставаться с друзьями, но ничего не оставалось делать, как подчиниться.

Через десять минут я лежала в маленькой светлой комнате с двумя большими высокими окнами, сквозь которые лился солнечный свет, лежала в чистой постели, а две сестры под наблюдением врача обмывали мои раны и чем-то их смазывали, перебинтовывали. Меня вновь начало трясти, и я тут же получила горько-соленое лекарство. Скоро я забылась сном, глубоким и долгим.

На этом и кончилась моя выдержка. Как мне потом рассказали, к вечеру я стала бредить, у меня резко повысилась температура, и больше недели я не приходила в себя. Многие уже опасались за мою жизнь, но уход врачей и мой здоровый организм победили.

Однажды я открыла глаза и очень долго смотрела перед собой на белую дверь. Она то плыла вверх, то куда-то в сторону, и мне самой казалось, что я тоже парю в воздухе. Через несколько минут головокружение прекратилось, и я, с трудом повернув голову, осмотрела свою маленькую палату. Тумбочка с множеством пузырьков, пакетиков, стакан с водой, стул у постели, на котором лежали мокрые полотенца. Это мне все время ставили компрессы. Желтоватый пол блестел, и по нему ползли солнечные зайчики.

В палате никого не было. Мне очень захотелось увидеть кого-нибудь; услышать чей-нибудь голос. Я попыталась позвать:

— Сестра...

Голос мой был похож на шепот, и к тому же говорить мне стоило больших усилий. Я с трудом подняла руку.

лежавшую поверх одеяла, взглянула на нее с удивлением. Она была тонкая, чуть ли не прозрачная, но такая тяжелая. Я опять уронила ее на одеяло, прислушалась к себе. Нет, раны больше не болели. Время тянулось очень медленно, и мне показалось, что прошло много часов, прежде чем в палату вошла пожилая сестра в белоснежном халате с глухим воротником и белой косынке. Ее мягкое, с множеством морщин лицо светилось улыбкой:

— Вот ты и поправляешься. Верно?

Я попыталась кивнуть и что-то сказать, но она остановила меня жестом:

— Лежи, лежи спокойно! Тебе нельзя двигаться...

Она дала мне попить и ушла, вскоре вернувшись с доктором. Он, поправив на тонком носу пенсне, присел на стул, взял меня за руку, привычно-быстро нащупал пульс, потом, опустив руку и спрятав в жилетный карман часы, снова поправил пенсне и проговорил дружески:

— Поправляемся, милая барышня. А в будущем не советую больше попадать в контрразведку, особенно в азиатскую. А вы молодчина, Ольга... Алексеевна, молодчина. Ну-ка, разрешите, я разок еще взгляну на ваши боевые шрамы...

Я видела, что доктор остался доволен результатами осмотра. Обтирая руки влажным полотенцем, он обратился к сестре:

— За отличное поведение и упорное выздоровление разрешим Ольге Алексеевне встречи с друзьями.

— Не рано? — забеспокоилась сестра. — Она же еще слаба...

— Встреча с друзьями — неплохое лекарство, — доктор поправил пенсне и улыбнулся мне. — Только с завтрашнего дня. Договорились?

— Да, доктор, — тихо сказала я и, не вытерпев, спросила: — Как Шандор?..

При имени Палаи брови доктора озабоченно дрогнули. Он снова поправил пенсне и откровенно-доверительно сказал:

— Он более пострадал... Ему больше придется побыть у нас...

— Но... — начала я.

Доктор успокоил меня:

— Но ничего опасного... уже. Через месяц будет на ногах и даже спляшет этот, как у них там, в Венгрии?... — Доктор прищелкнул пальцами и вспомнил: — Чардаш! С вами, конечно.

Больше разговаривать со мной доктор не захотел и сестре наказал:

— Накормите Ольгу Алексеевну, и пусть снова спит! Я попыталась узнать от сестры, что происходит в городе, какие новости. Она однообразно отвечала:

— Все хорошо. А вы вот ешьте бульон и спите, спите...

Следующий день начался с волнующей встречи. Первым ко мне пришел Сергей Георгиевич. Высокий, стройный, с поблескивающими черными глазами, он вошел в палату стремительным шагом, так что полы накинутаго на плечи халата широко разлетались. На Сергее Георгиевиче была военная форма, новые поскрипывающие сапоги. На левом рукаве, около локтя, алела звездочка. Он еще с порога весело улыбнулся и громко произнес:

— Ну, здравствуй, Ольга! Рад, что ты начала поправляться!

— Здравствуйте... — Я не могла продолжать. Какой-то комок появился в горле, и я так разволновалась, что губы у меня задрожали. Лазо заметил это и, присев на стул, похлопал меня по руке:

— Спокойно, спокойно, Ольга. Я все понимаю. Но ты должна, как всегда, держать себя в руках. — Он опять улыбнулся и вдруг комически всплеснул руками: — Ох, я, кажется, становлюсь рассеянным. Я же тебе принес гостинцы, и они остались там, в приемной. Впрочем, сейчас еще кое-кто придет, и гостинцы будут тебе доставлены. Ешь все! Скорее поправляйся!

— Значит, мы победили? — спросила я. — Советская власть здесь...

— Не совсем, Ольга, — мягко перебил меня Лазо, и я увидела, что он расстроен. — Нам пришлось пойти на некоторые уступки. Власть формально принадлежит земской управе, но, — тут глаза Лазо сверкнули, и рука его сжалась в кулак, которым он взмахнул в воздухе, — все военные дела у нас в руках. Колчаковцы разбежались, как крысы при солнечном свете. Розанов с

приближенными удрал на японском миноносце в Японию, многие попрятались, переоделись, а кое-кто перешел на нашу сторону. Только бы искренне... — Он о чем-то задумался, и я не отвлекала его. Неожиданно Лазо спросил меня: — Ты не удивилась, когда получила мою записку в камере?

— Сначала не поверила, — призналась я. — Только подпись «Грузчик» убедила меня в ее правдивости. Как же вам удалось ее передать?

— О-о! — засмеялся Сергей Георгиевич. — Это секрет, который пока открывать рано. Могу тебе сказать, что, когда вас арестовали в «Голубом шаре», наши товарищи видели это. Видели, как вас в автомобиль затолкали. А потом проследили, что вас в японскую контрразведку доставили.

— Почему в японскую? — спросила я.

— А к этому времени у колчаковцев уже своя контрразведка развалилась, — объяснял Сергей Георгиевич. — Мы очень тревожились за вас, но не сомневались, что вы стойко все перенесете. Нам все было известно, что с вами происходило там...

— Мне кажется, что надзиратель с таким ужасным шрамом на щеке — наш товарищ, — высказала я свое давнишнее предположение и пытливо посмотрела на Лазо. Он улыбнулся:

— Есть такая поговорка: «Если кажется, то надо перекреститься». Но ты же неверующая, так и не надо гадать.

Я поняла, что Лазо не хочет говорить о том, кто является нашим человеком в японской контрразведке, и сказала:

— Я и Шандор очень опасались, как бы японцы не узнали о том, что я жила у Борзова.

— А он в тот же вечер, когда вас арестовали, выехал из Владивостока, — засмеялся Лазо и шутливо добавил: — По своим коммерческим делам!

Тут наша беседа прервалась. В палату вошел Цыганок с множеством пакетов, которые он прижимал к груди, и следом за ним — Ишлин. Лазо еще несколько минут пробыл с нами, а потом поднялся:

— Надо к Шандору зайти. Поправляйся, Ольга. Скоро встретимся. И запрягу же я тебя в работу! Так что набирайся сил.

Сергей Георгиевич вышел, а я осталась с товарищами. Цыганок чуть ли не всю меня обложил пакетами и, открывая один за другим, угощал:

— Вот тут яблоки... А тут печенье... Здесь конфеты, а тут пирожное и булочки.

Ишлин, посмеиваясь, следил за Цыганком, потом сказал:

— Он еще купил ветчину и копченую рыбу, но пришлось их у него отобрать!

Я улыбнулась, представив, какая сцена произошла между нашим комиссаром и Цыганком. Марко бросил на Ишлина сердитый взгляд и продолжал угощать меня. В его словах, тоне голоса, в его взгляде было столько участливости, ласки и... неприкрытой любви, что мне стало как-то неловко, точно я в чем-то обманывала Цыганка. Я не любила его, но он был мой друг, хороший, настоящий друг. Он должен понять это. Или же мне надо ему об этом сказать? Я так задумалась, что не услышала первых слов Ишлина, который мне рассказывал:

— ...Мы на бронепоезде первые вошли во Владивосток, а затем уже партизанские отряды. Рабочие города восстали, к ним присоединилась личная охрана сбежавшего Розанова. В общем, обошлось без жертв.

Сколько произошло событий за те недолгие дни, что мы находились в контрразведке! Я оказалась в стороне от них. Это было обидно. С жадностью я слушала рассказ Ишлина о том, как встречали жители города партизан, какой был митинг на вокзальной площади, на котором выступил Лазо. Видно, мое огорчение отразилось на лице, потому что Ишлин торопливо сообщил:

— Во всем этом и ваша доля есть... Наши товарищи все-таки добыли у Немцкого пропуск на Русский остров и по нему изготовили несколько поддельных. По этим пропускам Сергей Георгиевич и его товарищи прошли в школу Нокса, и там, перед офицерами, Сергей Георгиевич произнес речь, предложив курсантам перейти на сторону восставших.

— Его же могли убить! — встревожилась я. — Какая неосторожность!

— Один из курсантов выхватил револьвер, когда Сергей Георгиевич говорил, но свои же его разоружили,

до конца выслушали Лазо, а на следующий день вся школа присоединилась к нам, — рассказывал Ишлин.

Я была рада это услышать. Значит, и мы с Шандо-ром чуть-чуть помогли нашему общему делу. Ишлин пришел с множеством приятных новостей. От белогвардейцев уже освобождены Сучан, все станции на железнодорожной ветке, ведущей из Владивостока на копи, партизанские отряды двигаются к Хабаровску, в котором хозяйничает банда атамана Калмыкова.

Ишлин говорил:

— Скоро весь край освободим от беляков, а там очередь и за интервентами.

— Где наш отряд стоит? — спросила я.

— На Первой Речке, — ответил за Ишлина Цыганок, который все время молчал. — В казармах, рядом с японцами.

— Плохое соседство, — качнул головой Ишлин, и я увидела, что он очень озабочен. — Не верю я в миролюбие интервентов. Наверное, они готовят нам удар в спину.

— Пусть только попробуют! — проворчал Цыганок.

В палату вошла сестра и категорически потребовала, чтобы меня оставили одну:

— Нельзя же ей в первый раз так много говорить!

Хотя мне и жалко было расставаться с товарищами, но я чувствовала, что очень устала. Ишлин и Цыганок ушли, пообещав навещать меня каждый день. Я вскоре после их ухода задремала и проснулась лишь под вечер. В палате была сестра. Она сказала мне:

— Отдохнула? Хорошо. Так вот, к тебе еще пришли. Барышня какая-то. Сразу пришла, как те ушли, твои знакомые. Пришла и требует встречи. Я сказала, что не будет сегодня встречи. Она в слезы. Говорит: «Буду день и ночь сидеть здесь, а не уйду, пока не увижусь с Ольгой». Весь день сидит. Да она уже много раз приходила, когда ты в беспамятстве-то была.

— Кто такая? — спросила я, стараясь вспомнить своих подруг. Кто из них мог знать, что я в госпитале?

Сестра пожала плечами:

— Имя свое не говорит.

— Позовите ее, — попросила я.

Сестра вернулась с Женечкой Козодоевой. Я не поверила своим глазам. Да, да, в дверях стояла Женечка,

кутаясь в слишком широкий для нее халат, и смотрела на меня красными заплаканными глазами. Я не могла скрыть удивления:

— Ты... пришла?..

— Прости меня, Оленька. — Женечка бросилась ко мне, упала на колени у кровати, уткнулась лицом в одеяло. Ее тонкие плечи вздрагивали от рыданий, а растрепанные кудряшки были помяты и выглядели жалко. Женечка захлебывалась от плача и что-то говорила, но я не могла разобрать ее слов и смотрела на Женечку если не растерянно, то в большом недоумении. Как она могла решиться прийти ко мне после того, что произошло в кабинете у Бога?

— Пусть она уйдет, — попросила я сестру.

Женечка услышала меня и, закинув голову, протянула ко мне руки, почти истерически закричала:

— Нет! Нет! Не гони меня! Оленька! Оленька! — По ее раскисшему лицу ползли слезы. — Спаси нас! Спаси!

— Уходите, уходите! — Сестра старалась поднять на ноги Женечку и вывести ее из палаты, но она вырвалась и, уцепившись за мою постель, еще визгливее закричала:

— Они хотят убить Гошу! О-о!

— Кто? — непроизвольно вырвалось у меня, и я чуть не рассмеялась, услышав в ответ объяснение Женечки:

— Гоша сидит дома и боится выйти на улицу. Он у меня дома. Он боится твоих... твоих друзей, с которыми ты... которые сейчас в городе...

— Что же ты хочешь от меня? — холодно спросила я и, увидев, что Женечка снова готовится закатить истерику, прикрикнула на нее: — Говори тихо, спокойно!

Это подействовало на Козодоеву, и она пролепетала:

— Гоша послал меня к тебе. Нам Бог сообщил, где ты. Мы боимся, что Гошу арестуют и расстреляют...

Она судорожно всхлипнула, но плакать воздержалась. Я очень устала и сказала ей:

— Твой Гоша — трус и никчемность. Его надо выпороть, а расстреливать его никто не будет, если он не будет нам пакостить.

— Не будет, не будет! — затараторила Женечка. — Он и так пострадал. Когда у него отбирали пропуск на

острова, его знаешь как побили... Синяк до сих пор не проходит...

— Уходи, — я отвернулась от Женечки.

— Значит, ты скажешь, чтобы его не трогали? — настаивала Козодоева, и в ее голосе больше не слышалось того панического страха, который звучал в первые минуты. — Ты сделаешь это?.. Мы с тобой всегда были хорошими друзьями. Ты поправишься — и приходи к нам. Мы будем рады тебя видеть!

— Уходи. — Присутствие Женечки уже было нестерпимым.

— Ухожу, ухожу! Спасибо тебе, дорогая! — Женечка даже потянулась меня поцеловать, но, подталкиваемая сестрой, была вынуждена покинуть палату. Я облегченно вздохнула. Как неприятны были последние слова Женечки, фальшивые, приторные.

Я долго лежала с открытыми глазами, смотрела на высокий потолок, под которым собирались уже сумерки, и думала о только что происшедшем. Какая же должна быть совесть у Женечки, если она решилась прийти ко мне! Скорее всего ее заставил это сделать Гошка. При мысли о нем я, кроме омерзения, ничего не испытала. Потом я задумалась о своих товарищах, о Шандоре, который лежал где-то рядом, и почувствовала себя счастливой. Как хорошо, когда у человека есть такие друзья!

Глава девятая

Я НАПАДАЮ НА СЛЕД ЕМЕЛЬЯНОВА

Старенький, с облезлой во многих местах никелировкой самовар уютно-тихо о чем-то шептал на маленьком круглом столе. Я сидела в глубоком потертом кресле и из тонкой фарфоровой чашки пила ароматный чай. Его так умело заваривала жена Сергея Георгиевича, моя тезка — Ольга Большая (а меня здесь звали Ольгой Поменьше).

Ольга Большая, красивая молодая женщина с полным лицом, крупными выразительными темными глазами и пышной копной черных волос, сразу же стала моей

подругой. Вот уже дней десять, как я живу здесь, нянчусь с Адой и набираюсь сил. Я рада, что так быстро встала на ноги и уже не чувствую себя ни слабой, ни больной. Раны зажили и почти не тревожат меня. Я уже несколько раз обращалась к Сергею Георгиевичу с просьбой дать мне какое-нибудь дело или отпустить в отряд Глазурина, но он только отмахивался: «Рано тебе еще. Отдохни».

Я сейчас смотрю на сидящего у самовара Сергея Георгиевича. На нем простая солдатская гимнастерка из грубоватого сукна защитного цвета. Ворот ее расстегнут. Такую вольность в одежде Лазо позволяет себе лишь дома. Половина его лица исчезает в темноте, и я вижу только освещенный, хорошо выбритый подбородок, энергичный изгиб губ. Лазо сидит, откинувшись на спинку стула. Его узкая рука с длинными пальцами лежит на столе, около стакана с недопитым чаем. Мы все молчим, слушаем, как тихо поет самовар, как сквозь решетку изредка проваливается уголек. Мы живем на третьем этаже. Наши окна выходят на главную улицу, и нам хорошо слышно, как проходят, позванивая, трамваи. Иногда в окнах отражается голубая вспышка электрической искры, высекаемой трамвайной дугой о провод, и тогда комната на мгновение становится голубой. Хорошо нам слышен и шум проносящихся автомобилей, шарканье и невнятное многоголосье людского потока. Мне кажется, что Владивосток никогда не засыпает. День и ночь в нем идет трудовая жизнь, и только я бездельничаю.

— Appetit у тебя, Ольга, завидный. Какой бублик доедаешь? Шестой? — спрашивает Лазо.

Он весело смеется, я несколько смущена. У меня, как и у Сергея Георгиевича, слабость к свежим бубликам, которые мы разрезаем вдоль и намазываем маслом. Ольга Большая заступает за меня:

— Как тебе не стыдно, Сергей, такое говорить! Смотрел бы лучше за собой. Ты сколько съел бубликов? Было на вазе семнадцать штук. Ольга Поменьше по твоему подсчету съела шесть, я — три, два осталось. Сколько же на твою долю приходится?

— Тоже шесть! — восклицает Лазо и начинает хохотать, но тут же смолкает и прикрывает рот рукой, оглядывается на завозившуюся в кровать дочку, но она,

острова, его знаешь как побили... Синяк до сих пор не проходит...

— Уходи, — я отвернулась от Женечки.

— Значит, ты скажешь, чтобы его не трогали? — настаивала Козодоева, и в ее голосе больше не слышалось того панического страха, который звучал в первые минуты. — Ты сделаешь это?.. Мы с тобой всегда были хорошими подругами. Ты поправишься — и приходи к нам. Мы будем рады тебя видеть!

— Уходи. — Присутствие Женечки уже было нестерпимым.

— Ухожу, ухожу! Спасибо тебе, дорогая! — Женечка даже потянулась меня поцеловать, но, подталкиваемая сестрой, была вынуждена покинуть палату. Я облегченно вздохнула. Как неприятны были последние слова Женечки, фальшивые, приторные.

Я долго лежала с открытыми глазами, смотрела на высокий потолок, под которым собирались уже сумерки, и думала о только что происшедшем. Какая же должна быть совесть у Женечки, если она решилась прийти ко мне! Скорее всего ее заставил это сделать Гошка. При мысли о нем я, кроме омерзения, ничего не испытала. Потом я задумалась о своих товарищах, о Шандоре, который лежал где-то рядом, и почувствовала себя счастливой. Как хорошо, когда у человека есть такие друзья!

Глава девятая

Я НАПАДАЮ НА СЛЕД ЕМЕЛЬЯНОВА

Старенький, с облезлой во многих местах никелировкой самовар уютно-тихо о чем-то шептал на маленьком круглом столе. Я сидела в глубоком потертом кресле и из тонкой фарфоровой чашки пила ароматный чай. Его так умело заваривала жена Сергея Георгиевича, моя ка — Ольга Большая (а меня здесь звали Ольгой По-
льше).

Ольга Большая, красивая молодая женщина с поллицом, крупными выразительными темными глазами и пышной копной черных волос, сразу же стала моей

позругой. Вот уже дней десять, как я живу здесь, нянчусь с Адой и набираюсь сил. Я рада, что так быстро встала на ноги и уже не чувствую себя ни слабой, ни больной. Раны зажили и почти не тревожат меня. Я уже несколько раз обращалась к Сергею Георгиевичу с просьбой дать мне какое-нибудь дело или отпустить в отряд Глазурина, но он только отмахивался: «Рано тебе еще. Отдохни».

Я сейчас смотрю на сидящего у самовара Сергея Георгиевича. На нем простая солдатская гимнастерка из грубоватого сукна защитного цвета. Ворот ее расстегнут. Такую вольность в одежде Лазо позволяет себе лишь дома. Половина его лица исчезает в темноте, и я вижу только освещенный, хорошо выбритый подбородок, энергичный изгиб губ. Лазо сидит, откинувшись на спинку стула. Его узкая рука с длинными пальцами лежит на столе, около стакана с недопитым чаем. Мы все молчим, слушаем, как тихо поет самовар, как сквозь решетку изредка проваливается уголек. Мы живем на третьем этаже. Наши окна выходят на главную улицу, и нам хорошо слышно, как проходят, позванивая, трамваи. Иногда в окнах отражается голубая вспышка электрической искры, высекаемой трамвайной дугой о провод, и тогда комната на мгновение становится голубой. Хорошо нам слышен и шум проносящихся автомобилей, шарканье и невнятное многоголосье людского потока. Мне кажется, что Владивосток никогда не засыпает. День и ночь в нем идет трудовая жизнь, и только я бездельничаю.

— Appetit у тебя, Ольга, завидный. Какой бублик доедаешь? Шестой? — спрашивает Лазо.

Он весело смеется, я несколько смущена. У меня, как и у Сергея Георгиевича, слабость к свежим бубликам, которые мы разрезаем вдоль и намазываем маслом. Ольга Большая заступает за меня:

— Как тебе не стыдно, Сергей, такое говорить! Смотрел бы лучше за собой. Ты сколько съел бубликов? Было на вазе семнадцать штук. Ольга Поменьше по твоему подсчету съела шесть, я — три, два осталось. Сколько же на твою долю приходится?

— Тоже шесть! — восклицает Лазо и начинает хохотать, но тут же смолкает и прикрывает рот рукой, оглядывается на завожившуюся в кроватке дочку, но она.

причмокнув губами, снова погружается в глубокий сон. Ольга Большая не отступает от мужа:

— Чего ради ты стал следить, кто и сколько ест? Ну, признавайся!

Ольга Большая говорит притворно-сердито, но ее крупные глаза блестят и с любовью смотрят на мужа. Мне еще никогда не приходилось встречать мужа и жену, которые бы вот так нежно и сильно любили друг друга и так заботливо относились друг к другу. Мне становится грустно. Я уверена, что такой любви мне не суждено испытать, и на мгновение я кажусь себе очень одинокой, даже несчастной, и думаю о Мише. Лазо выводит меня из задумчивости:

— Не хмурься, Ольга Поменьше. Мне бубликов не жалко. Хотите, сейчас сбегаю в кондитерскую Кокина и принесу самых свежих пять фунтов?

— Сиди, сиди. — Ольга Большая кладет ладонь на руку мужа. Она знает, что Сергей Георгиевич иногда превращается в весельчака-студента. Ему вот ничего не стоит сейчас взять и сбежать в кондитерскую и притащить огромную связку бубликов. Да еще наденет ее через плечо. Сергей Георгиевич покорно кивает:

— Есть сидеть. — И обращается ко мне: — Знаете, как в деревне богатеи нанимают работника? Прежде чем поставить его на дело, они сажают за стол и кормят. Если человек ест быстро и все подряд, то берут, да еще похвалят: «Такой и работать будет быстро, без ленцы». А на самом деле они проверяют — сильно ли голоден человек. Чем голоднее, тем его и беспардоннее можно эксплуатировать! — Голос Лазо зазвучал сердито и чуть глуховато. Немного помолчав, он с прежней веселостью продолжал: — Так я вроде такого хозяина, которому нужен работник. Вижу, аппетит у Ольги — ого-го! Значит, можно запрягать в работу!

— Правда?! — Я еще не верю Сергею Георгиевичу, а он уже переходит на серьезный тон:

— Правда, Ольга. Завтра в полдень придешь в Военный совет.

— Хорошо! — Я не скрываю своей радости и улыбаюсь, а Сергей Георгиевич предлагает:

— Давай по последнему бублику съедим!

Как тут отказаться? После ужина мы с Ольгой Большой принялись мыть посуду, а Сергей Георгиевич рас-

крыл книгу и сразу же забыл об окружающих. В редкие свободные вечера он обязательно несколько часов проводит за книгами. Скоро я попрощалась и прошла в свой узкий номер, осмотрела скудный гардероб. Как же мне одеться завтра, чтобы не выглядеть в Военном совете такой белой вороной? Ничего подходящего не оказалось, и я решила утром побывать в магазинах, пожалев, что не сделала этого раньше.

Завтракали мы, как всегда, с женой Лазо вместе. Сергея Георгиевича уже не было. Он рано уходил в Военный совет, который находился в соседней гостинице «Версаль».

Узнав о моем затруднении, Ольга Большая хотела пойти со мной, но не с кем было оставить дочку, а брать ее с собой она не решилась. С утра в городе поднялась пурга. На улице крутились снежные вихри. Люди торопливо шли по своим делам, пряча лица в высоко поднятые воротники. Среди прохожих не было колчаковцев, и это очень бросалось в глаза. Мы знали, что немногим удалось бежать в Японию, буквально нескольким десяткам, в основном генералам и старшим офицерам, а остальные в панике переоделись в штатское и притаились по углам, трясаясь за свою жизнь и от ненависти и злобы к нам.

Я быстро дошла до универсального магазина «Кунст и Альберс». Полукруглые гранитные ступени вели к большой дубовой, с зеркальным стеклом двери...

Мне не пришлось долго раздумывать, что купить. Почти сразу же опытный продавец подобрал мне скромный темный костюм английского покроя. К нему я взяла простенькую белую кофточку. Свою шубку и шляпку я решила немедленно заменить шинелью и простой солдатской шапкой — их можно было достать в отряде Глазурина или через Военный совет. Довольная своими покупками, я с пакетами стала спускаться по белой мраморной лестнице к выходу и на первом этаже столкнулась с Женечкой и Гошкой. Я была на последней ступеньке, а они только собирались подниматься. У Женечки приоткрылся рот, а Гошка, одетый в черное длинное пальто с каракулевым воротником, которое было ему заметно широко в плечах (наверное, пальто отца Женечки), вздрогнул, попятился, лицо его стало мертвенно-

бледным. Я хотела пройти мимо них, но Женечка ухватила меня за рукав:

— Олюшка, Оленька! Как хорошо, что мы тебя встретили! Мы так обязаны тебе, так обязаны! Гошеньку никто не тронул, к нам даже не приходили твои... — Она замаялась, не зная, как назвать партизан и рабочих, и продолжала: — Правда, Сергей Анатольевич утверждает, что скоро вы начнете террор и всех перережете, но я не верю, я знаю...

Что дальше сыпала скороговоркой Женечка, я не слышала. Я думала о Емельянове. Значит, он во Владивостоке, спрятался и еще клеветает на нас!

— Емельянов у вас живет?

Женечка, которую напугал мой грозный и резкий тон, кивнула:

— У нас. Он не выходит... — Тут Женечка осеклась, поняв, что проболталась, и беспомощно уставилась на Гошку. В ее глазах появились слезы, а Немцевский, облизав пересохшие губы, выдавил из себя:

— Жил... Сергей Анатольевич... потом уехал...

— Куда? — Я не давала времени, чтобы Гошка придумал ответ.

— Он... уехал... в село... какое — не знаю... не сказал...

Женечка смотрела то на Гошку, то на меня, потом пришла на помощь своему жениху:

— Уехал Сергей Анатольевич, уехал. Вот честное слово, уехал!

Она говорила с той излишней горячностью и торопливостью, которыми обычно пытаются скрыть правду. «Нельзя немедленно сделать обыск в доме Козодоевых, — думала я, — и захватить там Емельянова. Если бы встретить сейчас патруль наших войск на улице». Я предупредила Гошку и Женечку:

— Если соврали, то ответите! Если Емельянов у нас, то не говорите ему, что встречали меня!

— Не скажем, не скажем, — поспешила заверить Женечка, и тут уже не выдержал Гошка, он громко обозвал ее:

— Дура болтливая!

Я кинулась в гостиницу и тут, в вестибюле, увидела патруль — трех партизан и двух рабочих с красными

повязками на руках. Они зашли погреться. Я обратилась к ним:

— Кто начальник патруля?

— Положим, я, — ответил рабочий в стареньком потертом пальто и облезлой шапке из волчьего меха. Я быстро рассказала о Емельянове. Рабочий несколько раз затанулся, кашлянул и неторопливо проговорил:

— Верю, что правду говоришь. А где приказ? Без приказа не велено самочийно аресты делать! Давай приказ — мигом твоего офицера приволокем, куда надо.

Рабочий был прав. Я бросилась к телефону и с большим трудом смогла связаться с Военным советом. Наконец к трубке подошел Сергей Георгиевич. Он выслушал меня и заверил:

— Сейчас посылаю на автомобиле товарищей...

— Вот теперь будет законно, — сказал рабочий, который, как и его товарищи, внимательно прислушивался к моему разговору с Лазо. — Будь здорова!

Они вышли из вестибюля в белесую мглу пурги и сразу же исчезли в ней. Я, не обращая внимания на любопытные взгляды портье и еще каких-то находившихся здесь людей, направилась к лестнице. Мне надо было переодеться и спешить в Военный совет. Времени оставалось уже мало...

*г. Хабаровск
1964—1965 гг.*

О Г Л А В Л Е Н И Е

Книга первая. АДЪЮТАНТ

<i>Глава первая.</i> Встреча в Хабаровске	5
<i>Глава вторая.</i> Яшка Байбородов — сучанский шахтер	17
<i>Глава третья.</i> Миша покупает «яблоки»	33
<i>Глава четвертая.</i> Цыганок находит друзей	49
<i>Глава пятая.</i> «Бороться и верить...»	61
<i>Глава шестая.</i> В тайге и в городе...	79
<i>Глава седьмая.</i> У Шайтана новый хозяин	93
<i>Глава восьмая.</i> Миша защищает Цыганка	102
<i>Глава девятая.</i> «Мы всегда будем вместе...»	116
<i>Глава десятая.</i> Филькины сапоги	129
<i>Глава одиннадцатая.</i> Пецкий готовит западню	150
<i>Глава двенадцатая.</i> Конец карьеры Дортсона	169
<i>Глава тринадцатая.</i> Нас не забудут...	185
<i>Глава четырнадцатая.</i> Ошибка майора Хэлриджа	216
<i>Глава пятнадцатая.</i> Пламя над Сучаном	235
<i>Глава шестнадцатая.</i> «Мы всегда будем жить»	252

Книга вторая. ТУЧИ ЗАКРЫВАЮТ СОЛНЦЕ

<i>Глава первая.</i> Ночной рейд	283
<i>Глава вторая.</i> По пути во Владивосток	300
<i>Глава третья.</i> Портфель полковника Дюрасова	318
<i>Глава четвертая.</i> «Ты человек, если веришь Родине!»	336
<i>Глава пятая.</i> Особое задание	352
<i>Глава шестая.</i> В западне	369
<i>Глава седьмая.</i> Испытание	386
<i>Глава восьмая.</i> Снова с друзьями	403
<i>Глава девятая.</i> Я нападаю на след Емельянова	424

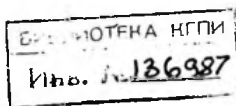
**Анатолий Алексеевич
ВАХОВ**
ВИХРЬ НА РАССВЕТЕ

Хабаровское книжное издательство.
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Редактор А. В. Семенов.
Художник Г. В. Алимов.
Художественный редактор
А. В. Колесов.
Корректор Н. А. Лызова.

Сдано в набор 26/XI 1968 г. Подписано к печати 4/II 1969 г.
Бумага типографская № 2, формат 84 X 108/₃₂ — 6,75 б. л.,
22,68 п. л., 23,786 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ № 8550.
Цена 79 коп.

Типография № 1 Краевого управления по печати,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

А. Вахов

В22 Вихрь на рассвете. Роман. Хабаровск, 1969

432 с. 50 000 экз. 79 коп.

Роман воскрешает события партизанской борьбы в приморской тайге в 1918—1919 гг. В центре романа судьба бесстрашного адъютанта Сергея Лазо комсомольца Миши Попова, завершии казненного белогвардейцами. Книга проникнута лиризмом и пафосом борьбы за счастье людей.

P2

7-3-2

30

